

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

Том 28. № 5

2023

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 28. No. 5

2023

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova, M.V. Gayval, Yu.I. Nedelkina, I.V. Smetanina*
Editor of English texts *D.A. Novak*
Making up and Technical editing: *O.N. Yadykina*
Passed for printing Sept. 28, 2023.
Date of publication: Dec. 5, 2023. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 24.3. Published pages 26.1.
Number of copies 500 (1st printing 1–32 copies). Order 128. «С» 30.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>
English version of the website:
<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *Н.М. Вишнякова, М.В. Гайваль, Ю.И. Неделькина, И.В. Сметанина*
Редактор английских текстов *Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*
Подписано в печать 28.09.2023 г.
Дата выхода в свет: 05.12.2023 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 24,3. Уч.-изд. л. 26,1.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–32 экз.). Заказ 128. «С» 30.

Свободная цена

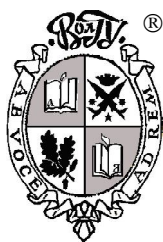
Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>
Англояз. сайт: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета. E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2023

Том 28. № 5

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2023

Volume 28. No. 5

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2023. Vol. 28. No. 5

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor (Volgograd);
Cand. Sc. *T.A. Bazarova* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleitman* (Moscow);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Dr. Sc. *A.V. Tsyuryumov* (Elista)

Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kuznetsov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kurilla* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
I.P. Medvedev (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *N.A. Mininkov* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Cand. Sc., Senior Researcher *B.A. Raev* (Rostov-
on-Don);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Prof. *O.Yu. Redkina* (Volgograd);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA);
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk, Belarus);
PhD (History) *Truong Anh Thuan* (Danang, Vietnam)
Dr. (Legal History), Prof. *S. Šarkić* (Novi Sad, Serbia)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Arakcheev* (Moscow);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu. Ya. Vin* (Moscow);
Cand. Sc., Senior Researcher *E.Yu. Girya* (Saint
Petersburg);
Dr. Sc., Leading Researcher *S.V. Golunov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2023. Т. 28. № 5

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И. О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В. А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О. В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н. В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е. В. Архипова* (г. Волгоград);
ст. преп. *П. И. Лысиков* – технический секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Т. А. Базарова* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *М. А. Балабанова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н. Д. Барабанов* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т. В. Евдокимова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *А. Л. Клейтман* (г. Москва);
канд. ист. наук *М. В. Кривошеев* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С. И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И. Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С. И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С. А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е. В. Перерва* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *О. В. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, доц. *О. В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С. Г. Сидоров* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *А. В. Цюрюмов* (г. Элиста)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А. И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *В. А. Аракчеев* (г. Москва);
д-р полит. наук, доц. *А. И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А. П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н. Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А. А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю. Я. Вин* (г. Москва);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е. Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);

д-р полит. наук, ведущий науч. сотр. *С. В. Голунов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *В. Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С. А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е. Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А. И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. *И. И. Кузнецов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *И. И. Курилла* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *И. П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *Н. А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А. В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Б. А. Раев* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *В. Н. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, проф. *О. Ю. Редькина* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М. А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н. Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А. Д. Таиров* (г. Челябинск);
д-р ист. наук, доц. *С. А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
PhD по истории *Труонг Анх Тхуан* (г. Дананг, Вьетнам);
д-р истории права, проф. *С. Шаркич* (г. Нови-Сад, Сербия)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XVI–XVII ВЕКОВ

Целуйкина Е.С. Распределение земель по приказам Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI – начале XVII в. (на основании хозяйственных книг) 6

Рыбалко Н.В. Организация обеспечения служилых людей Сибири хлебными запасами на пути из Соли Камской до Верхотурья в 1598–1605 годах 25

Семенов О.В. Порядок обеспечения верхотурских ямщиков денежным жалованьем в XVII веке 48

ЮГ РОССИИ XVIII–XX ВЕКОВ

Сусеева Д.А., Горбань О.А. Дороги в жизни Калмыцкого ханства XVIII в. (на материале документов Национального архива Республики Калмыкия) 59

Посадский А.В. Таганрогский округ: проблемы политики и управления на Юге России в годы Гражданской войны 70

Иванова Т.Б., Миронова С.М. Историко-экономический экскурс развития межрегиональных миграционных потоков и видов занятости (на примере Царицына – Сталинграда и прилегающих территорий) 80

ЕВРОПА И АЗИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Ивонина Л.И. Дипломатическая карьера английского поэта Мэттью Прайора 96

Венков А.В. «Заметка о русских», посланная генералом Костюшко Исполнительной директории Франции в 1799 году 108

Клочков В.В., Назарова В.С., Узнародов И.М. Эмансипация католиков в Великобритании и ирландская политика Р. Пиля (1812–1829 гг.) [На англ. яз.] 116

Амбарцумян К.Р., Величко Л.Н. «...Настало время раз и навсегда покончить с армянским вопросом»: проблема армянских вилайетов Османской империи в международной повестке 127

ЖИЗНЬ В ЭМИГРАЦИИ

Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты в Чехословакии в 1921–1939 годах 137

Бабич И.Л. Особенности формирования северокавказской политической элиты в эмиграции (1920–1930-е гг.) 148

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Дресвянин Д.В. Динамика политической сети в аспекте глобальных кризисных явлений (на примере НАТО) [На англ. яз.] 160

Нелин Т.В. План Дж. Байдена по налаживанию отношений США со странами Латинской Америки: ожидания и реальность 2021 года 173

Архипова Е.В. Заложник инфраструктурных противоречий на Кавказе: Нагорный Карабах после 2020 года 186

Азизи Х. Осуществление правосудия и реализация политического процесса в исламско-иранской модели прогресса [На англ. яз.] 201

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Кладченко О.В. «Турецкие» курительные трубки: история изучения [На англ. яз.] 213

Алексеев А.И. Неизвестные документы по истории Астраханского восстания 1705–1706 гг. в сборнике донесений боярину Т.Н. Стрешневу из фондов Российской национальной библиотеки ... 225

Агафонов А.И. Историко-предметный метод атрибуции донского военного портрета эпохи 1812 года 234

ДИСКУССИЯ ПО КНИГЕ

Цветкова Н.А., Сергунин А.А., Перевезенцев А.Л., Токарева С.Б. Дискуссия по книге А.И. Кубышкина «Город и Мангя. Американский университет в структуре гражданского общества» 245

CONTENTS

SOCIO-ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA, 16th – 17th CENTURIES

Tseluykina E.S. Distribution of Lands
by Prikazes of the Joseph-Volokolamsk Monastery
at the End of the 16th – Beginning of the 17th Century
(Based on Economic Books) 6

Rybalko N.V. Organization
of Providing State People of Siberia
with Grain Reserves on the Way
from Sol Kamskaya to Verkhoturye in 1598–1605 25

Semenov O.V. The Procedure for Providing
Verkhotur's Yamschiks with a Money Wage
in the 17th Century 48

SOUTH OF RUSSIA, 18th – 20th CENTURIES

Suseeva D.A., Gorban O.A. Ways in the Life
of the Kalmyk Khanate of the 18th Century
(Based on the Documents of the National Archive
of the Republic of Kalmykia) 59

Posadskiy A.V. Taganrog District: Problems
of Politics and Governance in the South of Russia
During the Civil War 70

Ivanova T.B., Mironova S.M.
Historical and Economic Overview of the Development
of Interregional Migration Flows
and Types of Employment (On the Example
of Tsaritsyn – Stalingrad and Adjacent Territories) 80

EUROPE AND ASIA IN THE NEW TIMES

Ivonina L.I. The Diplomatic Career
of the English Poet Matthew Prior 96

Venkov A.V. “Note on the Russians”,
Sent by General Kosciusko
to the Executive Directory of France in 1799 108

Klochkov V.V., Nazarova V.S., Uznarodov I.M.
Catholic Emancipation in the Great Britain
and Irish Policy of Sir Robert Peel (1812–1829) 116

Ambartsumyan K.R., Velichko L.N. “...The Time
Has Come to Put an End to the Armenian Issue Once
and for All”: The Problem of the Armenian Vilayets
of the Ottoman Empire in the International Agenda
in 1894–1912 127

LIFE IN EMIGRATION

Ratushnyak O.V. Cossack Emigrants
in Czechoslovakia in 1921–1939 137

Babich I.L. Features of the Formation
of the North Caucasian Political Elite in Emigration
(1920–1930s) 148

MODERN INTERNATIONAL RELATIONS AND AREA STUDIES

Dresvianin D.V. Dynamics of the Policy Network
in the Aspect of Global Crisis Phenomena
(On the Example of NATO) 160

Nelin T.V. Biden's Plan to Revive U.S. Relations
with Latin American Countries:
Expectations and Reality of 2021 173

Arkipova E.V. Hostage
to Infrastructural Contradictions in the Caucasus:
Nagorno-Karabakh After 2020 186

Azizi H. Implementing Justice
and Realizing Political Process
in the Islamic-Iranian Model of Progress 201

SOURCE STUDIES, HISTORIOGRAPHY, AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Kladchenko O.V. “Turkish” Tobacco Pipes:
History of Study 213

Alekseev A.I. Unknown Documents
on the History of the Astrakhan Uprising of 1705–1706
in the Collection of Reports to Boyar T.N. Streshnev
from the Foundations of the Russian National Library 225

Agafonov A.I. Historical and Objective Method
of Attribution of the Don Military Portrait
of the 1812 Epoch 234

BOOK DISCUSSION

*Tsvetkova N.A., Sergunin A.A., Perevezentsev A.L.,
Tokareva S.B.* Discussion About the Book
by A. Kubyshkin “Town and Gown.
The American University
in the Structure of Civic Society” 245

www.volsu.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XVI–XVII ВЕКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.1>

UDC 94(47+57)«15/16»:332.2

LBC 63.3(2)44-2

Submitted: 28.06.2023

Accepted: 25.09.2023

DISTRIBUTION OF LANDS BY PRIKAZES OF THE JOSEPH-VOLOKOLAMSK MONASTERY AT THE END OF THE 16th – BEGINNING OF THE 17th CENTURY (BASED ON ECONOMIC BOOKS)

Evgeniya S. Tseluykina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the study of the composition of the lands of the large patrimony of the Joseph-Volokolamsk Monastery at the end of the 16th and beginning of the 17th centuries, the distribution of subordinate territories by monastic prikazes, and the clarification of their names. Despite the fact that the expansion and methods of acquiring monastery lands have been studied in detail for the 16th century, a complete list of monastic villages at the end of the 16th and beginning of the 17th centuries was not compiled, and the issue of their distribution by prikazes – administrative-territorial units of patrimony management – was only touched upon. *Methods and materials.* The method of diachronic analysis of money and grain economic books of the end of the 16th and beginning of the 17th centuries has shown all the villages mentioned in them. The data obtained were compared with the land acts of the Compilation Book and systematized. *Analysis.* The resolutions of the Zemsky Sobors of 1580 and 1584 prohibited land contributions to monasteries; however, the cloister continued to receive new possessions. The prikazes, headed by the village elders, ruled the villages assigned to them. *Results.* A list of the villages of the Joseph-Volokolamsk Monastery at the end of the 16th and beginning of the 17th centuries, distributed by 6 prikazes and 11 counties, was compiled. There were 49 villages identified. One of them was not mentioned in the literature before. The general tendencies towards impoverishment and desolation of lands are noted, which were typical for the central part of the Russian state during the period of Smuta.

Key words: end of the 16th century, beginning of the 17th century, Time of Troubles, Joseph-Volokolamsk Monastery, economic books, patrimony, monastic management system, land ownership.

Citation. Tseluykina E.S. Distribution of Lands by Prikazes of the Joseph-Volokolamsk Monastery at the End of the 16th – Beginning of the 17th Century (Based on Economic Books). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 6-24. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.1>

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ ПО ПРИКАЗАМ ИОСИФО-ВОЛОКОЛАМСКОГО МОНАСТЫРЯ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII в. (НА ОСНОВАНИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ КНИГ)

Евгения Сергеевна Целуйкина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению состава земель крупной вотчины Иосифо-Волоколамского монастыря конца XVI – начала XVII в., распределению подведомственных территорий по монастырским приказам и выяснению их наименований. Несмотря на то что расширение и способы приобретения земель монастыря детально изучены для XVI в., полный перечень сел на конец XVI – начало XVII в. составлен не был, а вопрос распределения их по приказам – административно-территориальным единицам управления вотчиной – только затрагивался. Метод диахронного анализа денежных и хлебных хозяйственных книг конца XVI – начала XVII в. позволил выявить все упоминаемые в них села. Полученные данные были сопоставлены с земельными актами Копийной книги и систематизированы. Постановлениями Земских соборов 1580 и 1584 гг. были запрещены земельные вклады в монастыри, однако обитель продолжала получать новые владения. Приказы, возглавляемые посельскими старцами, управляли селами, закрепленными за ними. В результате проведенной работы был составлен перечень сел Иосифо-Волоколамского монастыря конца XVI – начала XVII в., распределенных по 6 приказам и 11 уездам. Выявлено 49 сел, одно из которых не упоминалось ранее в историографии. Отмечена тенденция к обеднению и запустению земель, что было характерно для центральной части Русского государства периода Смуты.

Ключевые слова: конец XVI в., начало XVII в., Смутное время, Иосифо-Волоколамский монастырь, хозяйственные книги, вотчина, система монастырского управления, землевладение.

Цитирование. Целуйкина Е. С. Распределение земель по приказам Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI – начале XVII в. (на основании хозяйственных книг) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 6–24. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.1>

Введение. Землевладение Иосифо-Волоколамского монастыря за 100 лет с момента его основания в 1479 г. быстро разрослось и в конце XVI в. уже представляло собой крупное вотчинное хозяйство. Голод 1601–1603 гг., вызванный неурожаем, кризис власти правления В. Шуйского 1606–1610 гг. в виде вооруженного противостояния правительственных сил и самозванческих формирований с участием польско-литовских наемников, открытая интервенция Речи Посполитой и Швеции с 1609 г. непосредственным образом отразились на жизни монастыря ввиду его географического положения. Обитель испытала на себе все тяготы военного времени: запустение земель, обеднение крестьян, убыль населения, разорение хозяйства и т. д.

Вместе с тем в третьей четверти XVI в. стала реализовываться политика государства,

направленная на ограничение роста церковного землевладения и лишение монастырей ряда привилегий в уплате налогов.

Актуальным является выяснение вопроса о степени влияния экономического и политического кризисов начала XVII в., а также государственного регулирования церковного землевладения на состояние вотчины Иосифо-Волоколамского монастыря. Это расширит представления о развитии монастырского землевладения в Смуту и об отражении кризисных явлений на экономике России в целом.

Историография. Впервые попытку рассмотреть состав и источники приобретения земельных владений Иосифо-Волоколамского монастыря предпринял М.Н. Тихомиров. Анализируя Копийную книгу владельческих актов конца XVI – начала XVII в. (впоследствии все акты из этой книги были опубликованы

А.А. Зимин [2]), в которой представлены документы на земельные владения монастыря конца XV – начала XVII в., исследователь пришел к выводу, что большая часть земель была приобретена при жизни Иосифа Волоцкого [23]. Полный перечень земельных пожалований М.Н. Тихомировым составлен не был.

Привлекая сведения хозяйственных книг, в том числе приходо-расходной книги 1591 г.¹, К.Н. Щепетов сформировал хронологический перечень земельных приобретений Иосифо-Волоколамского монастыря до 1590 г., в который вошли 35 сел [30], а также 2 перечня волостей и вытей 1591 г. и 9 перечней 1592 г. на основании разных видов хозяйственных книг. В составе этих перечней числится от 23 до 42 сел с распределением их по 5 монастырским приказам (определение см. ниже) в 1591 г. и по 6 – в 1592 году.

Дополнив данные Копийной книги Синодиком Иосифа Волоцкого, а также используя разработанную С.Б. Веселовским методику исследования динамики монастырского землевладения XVI в. [5, с. 100–114], А.А. Зимин, в противовес М.Н. Тихомирову, установил, что большая часть земель поступила в монастырь уже после смерти Иосифа Волоцкого, во второй половине XVI в., из числа пожалований «неименитых вотчинников Рузского и Волоцкого уездов» [11, с. 181–182]. Несмотря на то что А.А. Зимин не привел полный перечень сел, он указал основные уезды, в которых располагались монастырские волости, а также ему удалось посчитать предположительную площадь земельных владений (только для Рузского и Волоцкого уездов) и опровергнуть информацию о размерах вотчины, указанную К.Н. Щепетовым.

Таким образом, землевладение Иосифо-Волоколамского монастыря относительно полно изучено за период конца XV – XVI в., выявлена динамика и способы перехода земель в собственность монастыря, имеется перечень земельных владений. Однако период конца XVI – начала XVII в. исследователями только затрагивался: полный перечень монастырских сел отсутствует, вопрос распределения монастырских сел по приказам остался неизученным.

Методы и материалы. Писцовые книги для описания владений Иосифо-Волоколам-

ского монастыря в конце XVI – начале XVII в. не составлялись. Наиболее информативным источником для выяснения землевладения монастыря за этот период являются хозяйственные книги, которые делятся на денежные и хлебные.

Денежные книги 1590-х гг. опубликованы А.Г. Маньковым: книги сбора «баранных» [6, № 21, с. 117–122, № 25, с. 143–150], «масляных» [6, № 22, с. 123–129, № 26, с. 152–161] и «боровных» денег [6, № 24, с. 137–142, № 28, с. 168–174] 1592 и 1594 гг., книги выдачи оброков монастырским слугам и ремесленникам 1592 и 1593 гг. [6, № 39, с. 277–290]. В фонде № 1192 «Иосифов Волоколамский (Волоцкий) мужской монастырь» Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА) хранятся приходо-расходные денежные книги монастыря, некоторые из которых опубликованы полностью или отрывками: книги выдачи оброков монастырским слугам и ремесленникам 1601/02 г. [17], 1606/07 г. [24], 1607/08 г. [15], Книга сбора ямских денег в московский платеж 1607/08 года [10; 13]. Хозяйственные книги зачастую представляли собой памяти различных старцев или слуг, переписанные в основной текст делопроизводственного документа. Иногда, как, например, в случае с Памятью казначею старцу Левкию Акишеву на сбор вытного оброка с крестьян [9; 18], вся хозяйственная книга содержала в себе только одну переписанную память и общие итоги прихода и расхода. Расположение этой памяти в общем сборнике книг за 1601/02 г. на отдельных страницах, а также наличие структурно схожих документов в предыдущие годы и опубликованных под названием «Память...» (см.: [6, № 20, с. 114–116; 21]) позволяют утверждать, что представленная Память казначею старцу Левкию Акишеву на сбор вытного оброка с крестьян также является хозяйственной книгой, книгой сбора оброка, хоть и не имеет соответствующего названия.

Хлебные книги были опубликованы А.Г. Маньковым: Отпись келаря Германа Чеголокова старцу Мисаилу Безнину о количестве в монастырских селах высеянного и предназначенного на корм скоту хлеба 1590 г. [7, № 1, с. 8–34], книги высева хлеба 1592 г. [7, № 2, с. 35–61], 1594 г. [7, № 7, с. 188–243], книги укоса сена 1592 г. [7, № 3, с. 62–83], 1594 г. [7, № 8,

с. 244–265], книги расхода сена на корм скоту 1592 г. [7, № 4, с. 84–109], 1594 г. [7, № 9, с. 266–298], книги ужина и умолота хлеба 1592 г. [7, № 5, с. 110–150], 1593 г. [7, № 6, с. 151–187], 1594 г. [7, № 10, с. 299–363, № 11, с. 364–428], 1599 г. [7, № 12, с. 429–455, № 13, с. 456–515].

Посредством метода диахронного анализа хозяйственных книг были выявлены наименования сел, что дало возможность распределить их по уездам и приказам и, следовательно, установить состав монастырской вотчины. Сопоставление полученных данных со сведениями жалованных, тарханских и других актов позволяет ответить на вопрос о причинах отсутствия или появления сел в перечнях хозяйственных книг. Данные о количестве сел Иосифо-Волоколамского монастыря, упоминаемых в хозяйственных книгах конца XVI – начала XVII в., были систематизированы, в результате чего был составлен перечень сел Иосифо-Волоколамского монастыря, распределенных по приказам.

Анализ. Иосифо-Волоколамский монастырь, как отметил А. А. Зимин, до введенного Иваном IV Грозным ограничения на покупку монастырями вотчин «без доклада» царю 1551 г. (см.: [3, с. 598; 11, с. 266–280; 12, с. 56; 22, с. 50]) тратил значительные средства на приобретение земель [11, с. 200]. Однако большинство земель переходило в собственность монастыря в качестве вкладов² – 73,4 % от общего числа земельных сделок [11, с. 189]. Постановлениями Земских соборов 1580 и 1584 гг. земельные вклады в монастыри на помин души были запрещены (см.: [22, с. 51–52; 28, с. 120–132]).

Земли были пожалованы удельными и великими князьями, Иваном IV в 1556 г. [2, № 261]. После постановлений 1580 и 1584 гг. и до 1592 г., по сведениям К. Н. Щепетова, в монастырь поступили только земельный вклад старца Иосифо-Волоколамского монастыря Никифора Марина в 1590 г. и село Вейна, пожалованное царем Федором Ивановичем [30, с. 118–121]. Однако анализ Копийной книги показал наличие пожалований от Бориса Годунова в 1583/84 г. [2, № 374, 375] и Василия Шуйского в 1609 г. [2, № 425]. Также по инициативе Ивана IV совершались обмены земель в 1562, 1564, 1570, 1581 гг. [2, № 295, 309, 353, 372], не запрещенные Земскими соборами. При этом в Копийной книге встречаются данные и духовные грамоты на небольшие земли, переданные во владение Иосифо-Волоколам-

ского монастыря. В период между 1605 и 1628 гг. в монастырь по вкладу были переданы пустоши Локнышского стана Рузского уезда вдовой и братом П. А. Ступишина [2, № 420, 424], в 1609 г. сын боярский Д. Н. Пузырев передал в качестве вклада деревни Клинского и Тверского уездов [2, № 426], в 1611/12 г. Ф. Т. Бибииков завещал монастырю деревни Волоцкого уезда [2, № 429].

Таким образом, несмотря на наличие прямого запрета на земельные вклады, они продолжали поступать в Иосифо-Волоколамский монастырь и после постановлений Земских соборов 1580 и 1584 годов. Также необходимо отметить непоследовательность в правительственной политике, из-за которой различные угодья переходили в монастырское владение с санкции царя и в конце XVI в., и в начале XVII века.

Начиная с 1591 г. для управления вотчиной организованы приказы, по которым были распределены монастырские села. Приказная система – административно-территориальный аппарат управления земельными владениями при помощи посельских старцев и светских монастырских слуг на местах. Территориальное распределение владений монастыря по приказам применялось исключительно самим монастырем, на государственном уровне продолжали использовать традиционное деление на уезды, волости и станы. В приказах жили посельские старцы, которые отчитывались о хозяйственной деятельности и кормились с собранных пошлин (подробнее см.: [26]).

Устройство приказной системы Иосифо-Волоколамского монастыря было похоже на систему местного управления, а также на систему территориальных общегосударственных приказов (см.: [19, с. 56–57]). Исследуя крупную боярскую вотчину, Б. Н. Морозов пришел к выводу, что государственная приказная система управления была перенята крупными вотчинниками для управления своими землями [16, с. 125, 127, 144].

Перечень, составленный К. Н. Щепетовым, содержит сведения о 35 селах, которые были расставлены по хронологии приобретения с 1488 по 1590 год. Указанный перечень был сопоставлен с данными хозяйственных книг конца XVI – начала XVII в. (см. табл. 1).

Привлекая данные Хозяйственной книги 1591 г. («Казначейские записи 1591 г. № 8»), К. Н. Щепетов указал 31 село (в тексте ста-

ты, вероятно следуя за подсчетами, представленными в источнике, он написал о 40 селах и приселках в монастырской вотчине [30, с. 93]), они были расположены в 5 приказах, названных по именам посельских старцев:

I приказ Варсонофия Старицкого: Турово, Раменка (Раменки), Трызново, Неверово, Фаустова Гора (Фаустовы Горы), Козьмодемьянское (Кузьмодемьянское), Луковниково, Балашково (Болошково).

II приказ Макария Ржевского: Курьяново и сельцо (далее – с-цо) Гаврино, Судниково, Зубово, Ивановское, Спасское, Ракитино.

III приказ Нифонта Голодного: Буйгород (Буягород) и с-цо Быково, Новое, Ильицыно, Очищево (Отчищево), с-цо Лялявино.

IV приказ Анисима Резанца: Успенское, с-цо Балабаново (Болобоново) и с-цо Рагутино (Рагушино, Лагутино), Шестаково, Белково, Кондратово, Лествицыно и с-цо Ворсино, Иевлево.

V приказ Иева Болотова: Савельево, Бужарово, Мамошино, Ангелово (Ангилово).

Села Обабурово (Обобурово) и Вейна (Вейны), крупнейшие в вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря, указаны отдельно и не входили ни в один приказ.

По сравнению с перечнем 1488–1590 гг., среди сел, распределенных по приказам в 1591 г., были отмечены 8 новых наименований населенных пунктов – с. Ивановское, с. Ракитино, с. Ильицыно, с-цо Лялявино, с-цо Балабаново, с-цо Рагутино, с-цо Молечкино и с-цо Вельяминово. При этом 4 села в перечне 1591 г. не упоминаются – Осташковская слобода (Осташковские слободы, Осташково), с. Литвиново, с-цо Горбово, с. Сафатово.

Экономическая реформа, проводимая старцем Мисаилом Безным с 1591 г., в рамках которой некоторым крестьянам Иосифо-Волоколамского монастыря принудительно были розданы деньги в долг «на животинный приплод» (см.: [1, с. 58; 30, с. 102–104]), обусловила появление новых видов денежных книг 1592 и 1594 годов. До нас дошли книги сбора «баранных», «масляных» и «боровных» денег 1592 и 1594 годов. Необходимо учитывать, что раз деньги «на животинный приплод» выдавались не всем крестьянам, а только обеспеченным, то сведения о количестве вытей и составе монастырских сел, включенные в эти книги, не отражают полной картины земельных владений монастыря.

Хлебные книги (высева, ужина, умолота хлеба, укоса сена, выдачи зерна на корм скоту) 1592–1594 гг. содержат сведения о тех же селах, распределенных по приказам, которые были представлены в книгах сбора «баранных», «масляных» и «боровных» денег 1592 и 1594 гг. (за 1593 г. денежных книг не сохранилось), при этом среди них упомянуты и более мелкие населенные пункты.

Из денежных и хлебных хозяйственных книг 1592 г. удается извлечь сведения о 44 селах, распределенных по 6 приказам:

I приказ Антония Акулова: Турово, Раменки, Трызново, Балашкова, Елинархово.

II приказ Макария Ржевского: Курьяново, Судниково, Зубово, Ивановское, Спасское, Ракитино, Гаврино, Сафатово.

III приказ Нифонта Голодного: Буйгород, Новое, Ильицыно, Очищево, Быково, с-цо Крюково.

IV приказ Васьяна Темкина: Успенское, Шестаково, Белково, Кондратово, Лествицыно, Иевлево, Балабаново, Рагушино, Фомочево, Ворсино.

V приказ Феодосия: Савельево, Бужарово, Мамошино, Ангелово, Молечкино, Реткино (Ретькино), Горбово, Бели (Белей), Вельяминово.

VI приказ Якова Соколова: Луковниково, Неверово, Козьмодемьянское, Фаустова Гора.

Таким образом, 4 села из первого приказа 1591 г. в 1592 г. были включены в новый приказ Якова Соколова. Так же, как и в 1591 г., в книгах сбора «баранных», «масляных» и «боровных» денег 1592 г. не упомянуты Осташковская слобода, с. Литвиново, с-цо Горбово и с. Сафатово. Не были зафиксированы такие крупные села, как Обабурово и Вейна. В хлебных книгах обнаружены села Молечкино, Реткино, Горбово, Бели, Гаврино, Сафатово, Быково, Балабаново, Рагушино и Ворсино, Елинархово, с-цо Крюково, а Вельяминово и Фомочево упоминались только в Книге укоса сена 1592 года.

Данные за 1593 г. можно извлечь лишь из Книги ужина и умолота ярового хлеба. Количество приказов, их названия и распределение сел внутри них совпадают с данными 1592 г., не считая отсутствующих сел Фомочево и Вельяминово.

Из денежных и хлебных хозяйственных книг 1594 г. удается извлечь сведения о 45 селах, распределенных по 6 приказам. Посельский старец Антоний Акулов возглавлял I приказ (по данным

Книги ужина и умолога ярового хлеба 1594 г. – Иосиф Савинский). На место старца Нифонта Голодного во главе III приказа встал Мисаил Хрипунов (в Книге сбора «боровных» денег 1594 г. и Книге ужина и умолога ярового хлеба 1594 г. – Варсонофий Луковниковский). Старец Нифонт Голодный в 1594 г. перешел на место Васьяна Темкина, старца IV приказа. Главой V приказа стал Серапион Хвостов. Яков Соколов оставался главой VI приказа, но в Книгах укоса сена 1594 г. и ужина и умолога ярового хлеба 1594 г. на его месте указан Васьян Темкин.

В I приказе впервые были упомянуты с-цо Карлово и с-цо Деденево в нескольких хлебных книгах, но позже они не встречались в составе приказов. После сметы, помимо сел Обабурово и Вейна, оказалось еще с. Ангелово, не упомянутое в V приказе.

В книгах укоса сена 1592 и 1594 гг. зафиксирован приказ конюшого старца Арсения Тучина, который ведал укосом сена с лугов сел Рузского и Волоцкого уездов и непосредственно возле монастыря. Учитывая выделение этого приказа лишь в книгах укоса сена, а также пересечение лугов, находившихся на территории сел, включенных в состав других приказов, не следует ставить приказ Арсения Тучина в один ряд с другими монастырскими приказами.

Книга ужина и умолога ярового хлеба на монастырской пашне 1599 г. начинается перечнем из 41 села Иосифо-Волоколамского монастыря, среди которых не зафиксированы Осташковская слобода и несколько мелких населенных пунктов, таких как с-цо Крюково и с-цо Вельяминово, упоминавшихся в книгах 1592–1594 годов.

Названия приказов в 1599 г. включали в себя не только имя посельского старца, но и наименование крупного села, вокруг которого, вероятно, формировался приказ: I приказ Павла Мачехина Туровских сел; II приказ Якова Соколова Заволоцких Спасских сел; III приказ Федорита Судока Очишевских Подмонастырских сел (с-цо Крюково не упоминается); IV приказ Серапиона Спирова (Хвостова) Успенских сел; V приказ Феодосья Соколова Бужаровских сел (не упоминается Вельяминово, впервые появилось Трусово); VI приказ Тихона Ржевского Завольских сел. После сметы вновь упомянуты Обабурово, Вейна и Ангелово.

В Памяти казначею старцу Левкию Акишеву на сбор вытного оброка с крестьян 1601/02 г. значилось 38 сел с деревнями без распределения по приказам. Не был зафиксирован крупный населенный пункт – с. Бели, а также названия небольших сел и деревень: с-цо Рагушино, с-цо Ретькино и с-цо Горбово.

Данные за 1606/07 г. сохранились только в Книге выдачи оброков монастырским слугам и ремесленникам, в ней значатся 28 сел, распределенных по 6 приказам (села III приказа не упомянуты), наименования которых стали определяться только по географическому признаку (без имени посельского старца):

I приказ Туровских сел: Турово, Раменки, Трызново, Болашково, Илинархово.

II приказ Заволоцких сел: Курьяново, Судниково, Зубово, Ивановское, Спасское, Ракитино, Гаврино, Сафатово.

IV приказ Успенских сел: Успенское, Шестаково, Кондратово, Лествицыно, Иевлево, Ворсино.

V приказ Бужаровских сел: Савельево, Бужарово, Мамошино, Молечкино, Белеи, Трусово.

VI приказ Луковниковских сел: Неверово, Кузьмодемьянское.

VII Ангилловский приказ.

Объяснить такое небольшое количество сел по сравнению с предыдущими годами можно особенностью источника: дворники, «истобники» и детеныши, которые служили на местах и получали за это оброки, были не в каждом селе.

В книгах 1607/08 г. зафиксированы 37 сел, которые были распределены по 6 приказам в Книге выдачи денежных оброков 1607/08 года. Названия приказов сохранили географическую принадлежность: I приказ Туровских сел; II приказ Заволоцких сел (не упоминается с. Сафатово); III приказ Подмонастырских сел; IV приказ Успенских сел (не упоминается с. Рагушино); V приказ Бужаровских сел и Ангиллово; VI приказ Завольских сел и Осташково. Село Вейна указано отдельно, а Обабурово не упоминается. Село Ангиллово было возвращено в ведомство V приказа, но как крупный населенный пункт осталось в названии.

Результаты описанных выше изысканий наглядно продемонстрированы в таблице 1, где пронумерованы села, входившие в состав 6 приказов.

Таблица 1. Распределение сел Иосифо-Волоколамского монастыря по приказам на основании денежных и хлебных хозяйственных книг в конце XVI – начале XVII в.

Table 1. Distribution of the villages of the Joseph-Volokolamsk Monastery by prikazes based on money and grain economic books at the end of the 16th and beginning of the 17th centuries

№ п/п	1591 г.	1592 г.	1593 г.	1594 г.	1599 г.	1601/02 г.	1606/07 г.	1607/08 г.
1	Старца Варсонофия Старицкого	Старца Ангония Акулова	Старца Ангония Акулова	Старца Ангония Акулова *1, Иосифа Савинского	Старца Павла Мачехина Туровских сел	–	Туровских сел	Туровских сел
1	Турово	Турово	Турово	Турово	Турово	Турово	Турово	Турово
2	Раменка	Раменки	Раменки	Раменки	Раменки	Раменки	Раменки	Раменки
3	Трызново	Трызново	Трызново	Трызново	Трызново	Трызново	Трызново	Трызново
	Неверово	См. п. VI.44	См. п. VI.44	См. п. VI.44	См. п. VI.44	См. п. VI.44	См. п. VI.44	См. п. VI.44
	Фаустова Гора	См. п. VI.46	См. п. VI.46	См. п. VI.46	См. п. VI.46	См. п. VI.46	–	См. п. VI.46
	Козьмодемьянское	См. п. VI.45	См. п. VI.45	См. п. VI.45	См. п. VI.45	См. п. VI.45	См. п. VI.45	См. п. VI.45
	Луковниково	См. п. VI.43	См. п. VI.43	См. п. VI.43	См. п. VI.43	См. п. VI.43	–	См. п. VI.43
4	Балашково	Балашкова	Балашкова	Балашкова	Балашково	Балашково	Балашково	Балашково
5	–	<i>Елинархово</i> *2	Елинархово	<i>Елинархово</i> *3	Елинархово	Елинархово	Илинархово	Илинархово
6	–	–	–	<i>С-чо Карлово</i>	–	–	–	–
7	–	–	–	<i>С-чо Деденево</i>	–	–	–	–

Примечания. Составлено автором по: [6, № 21, 22, 24–26, 28, 39; 7, № 1–13; 15; 17; 18; 24; 30]. *1 – в Книге расхода сена на корм монастырскому скоту 1594 г. и в Книге умолога ярового хлеба 1594 г. после смет Антоний Акулов назван конношим старцем. *2 – здесь и далее курсивом выделены села, которые не упомянуты в денежных книгах. *3 – в Книге ужина ржи 1599 г. упоминается как приселок.

Notes. Compiled by the author according to: [6, № 21, 22, 24–26, 28, 39; 7, № 1–13; 15; 17; 18; 24; 30]. *1 – in the Book of Hay Consumption for Feeding Monastery Cattle in 1594 and in the Book of Threshing Spring Bread in 1594, after the estimates, Anthony Akulov is called an equestrian elder. *2 – here and below, villages that are not mentioned in the money books are in italics. *3 – in the Book of Reaping Rye of 1599, it is mentioned as a priselok.

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

№ п/п	1591 г.	1592 г.	1593 г.	1594 г.	1599 г.	1601/02 г.	1606/07 г.	1607/08 г.
II	Старца Макария Ржевского	Старца Макария Ржевского	Старца Макария Ржевского	Старца Макария Ржевского	Старца Якова Соколова Заволоцких Спасских сел	—	Заволоцких сел	Заволоцких сел
8	Курьяново и с-цо Гаврино	Курьяново	Курьяново	Курьяново	Курьяново	Курьяново	Курьяново	Курьяново
9	Судниково	Судниково	Судниково	Судниково	Судниково	Судниково	Судниково	Судниково
10	Зубово	Зубово	Зубово	Зубово	Зубово	Зубово	Зубово	Зубово
11	Ивановское	Ивановское	Ивановское	Ивановское	Ивановское	Ивановское	Ивановское	Ивановское
12	Спаское	Спаское	Спаское	Спаское	Спаское	Спаское	Спаское	Спаское
13	Ракидино	Ракидино	Ракидино	Ракидино	Ракидино	Ракидино	Ракидино	Ракидино
14	См. п. II.8	Гаврино	Гаврино	Гаврино *4	Гаврино *4	Гаврино	Гаврино *5	Гаврино
15	—	Сафатово	Сафатово	Сафатово	Сафатово *6	Сафатово	Сафатово *7	—
III	Старца Нифонта Голдного	Старца Нифонта Голдного	Старца Нифонта Голдного	Старца Нифонта Хрипунова; Варсонофия Луковниковского	Старца Федорита Сулока Очищевских Подмонастырских сел	—	—	Подмонастырских сел
16	Буйгород и с-цо Быково	Буйгород	Буйгород	Буйгород	Буйгород	Буйгород	—	Буйгород
17	Новое	Новое	Новое	Новое	Новое	Новое	—	Новое
18	Ильичино	Ильичино	Ильичино	Ильичино	Ильичино	Ильичино	—	Ильичино
19	Очищево	Очищево	Очищево	Очищево	Очищево	Очищево	—	Очищево
20	с-цо Лялявино	—	—	—	—	—	—	—
21	См. п. III.16	Быково	Быково	Быково	Быково	Быково	—	Быково
22	—	с-цо Крюково	с-цо Крюково	с-цо Крюково	—	—	—	—

Примечания. *4 – в Книге ужина 1599 г. упоминается как приселок. *5 – в Оброчной книге 1606/07 г. упоминается как сельцо. *6 – в Книге ужина 1599 г. упоминается как приселок. *7 – в Оброчной книге 1606/07 г. упоминается как сельцо.

Notes. *4 – in the Book of Reaping of 1599, it is mentioned as a priselok. *5 – in the Labour-rent book of 1606/07, it is mentioned as a seltslo. *6 – in the Book of Reaping of 1599, it is mentioned as a priselok. *7 – in the Labour-rent book of 1606/07, it is mentioned as a seltslo.

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

№ п/п	1591 г.	1592 г.	1593 г.	1594 г.	1599 г.	1601/02 г.	1606/07 г.	1607/08 г.
IV	Старца Анисима Резанца	Старца Васьяна Темкина	Старца Васьяна Темкина	Старца Нифонта Голодного	Старца Серापiona Спирова * ⁸ Успенских сел	–	Успенских сел	Успенских сел
23	Успенское, с-цо Балабаново и с-цо Рагутино	Успенское	Успенское	Успенское	Успенское	Успенское	Успенское	Успенское
24	Шестаково	Шестаково	Шестаково	Шестаково	Шестаково	Шестаково	Шестаково	Шестаково
25	Белково	Белково	Белково	Белково	Белково	Белково	–	Белково
26	Кондратово	Кондратово	Кондратово	Кондратово	Кондратово	Кондратово	Кондратово	Кондратово
27	Лествицыно и с-цо Ворсино	Лествицыно	Лествицыно	Лествицыно	Лествицыно	Лествицыно	Лествицыно	Лествицыно
28	Иевлево	Иевлево	Иевлево	Иевлево	Иевлево	Иевлево	Иевлево	Иевлево
29	См. п. IV.23	Балабаново	Балабаново	Балабаново	Балабаново	Балабаново	–	Болобоново
30	См. п. IV.23	Рагушино	Рагушино	Рагушино	Рагушино	–	–	–
31	–	Фомочеве	–	–	–	–	–	–
32	См. п. IV.27	Ворсино	Ворсино	Ворсино	Ворсино * ⁹	Ворсино	Ворсино	Ворсино

Примечания. *⁸ – в Книге ужина ярового хлеба 1599 г. зафиксирован старец Серापion Хвостов. *⁹ – в Книге ужина 1599 г. упоминается как приселок, а в Книге ужина ярового хлеба 1599 г. как сельцо.

Notes. *⁸ – in the Book of Reaping Spring Bread of 1599, the elder Serapion Khvostov is recorded. *⁹ – in the Book of Reaping of 1599, it is mentioned as a priselok and in the Book of Reaping of Spring Bread of 1599 as a seltslo.

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

№ п/п	1591 г.	1592 г.	1593 г.	1594 г.	1599 г.	1601/02 г.	1606/07 г.	1607/08 г.
V	Старца Иева Болотова	Старца Феодосия	Старца Феодосия	Старца Серасиона Хвостова	Старца Феодосья Соколова Бужаровских сел	—	Бужаровских сел	Бужаровских сели Ангиллово
33	Савельево и с-цо Молечкино	Савельево	Савельево	Савельево	Савельево	Савельево	Савельево	Савельево
34	Бужарово	Бужарово	Бужарово	Бужарово	Бужарово	Бужарово	Бужарово	Бужарово
35	Мамошино	Мамошино	Мамошино	Мамошино	Мамошино	Мамошино	Мамошино	Мамошино
36	Ангелово	Ангелово	Ангелово	См. п. после сметы	См. п. после сметы	Ангелово	См. п. VII	Ангиллово
37	См. п. V.33	Молечкино	Молечкино	Молечкино	Молечкино *10	Молечкино	Молечкино	Молечкино *11
38	—	Реткино	Реткино	Реткино	Реткино	—	—	—
39	—	Горбово	Горбово	Горбово	Горбово *12	—	—	—
40	—	Бели	Бели	Бели	Бели *13	—	Бели	Бели
41	—	Вельяминово	—	Вельяминово	—	—	—	—
42	—	—	—	—	Трусово *14	Трусово	Трусово	Трусово *15
VI	—	Старца Якова Соколова	Старца Якова Соколова	Старца Якова Соколова; Васьяна Темкина	Старца Тихона Ржевского Завольских сел	—	Луковниковских сел	Завольских сели Осташково
43	См. п. I	Луковниково	Луковниково	Луковниково	Луковниково	Луковниково	—	Луковниково
44	См. п. I	Неверово	Неверово	Неверово	Неверово	Неверово	Неверово	Неверово
45	См. п. I	Козьмодемьянское	Козьмодемьянское	Козьмодемьянское	Козьмодемьянское	Козьмодемьянское	Козьмодемьянское	Козьмодемьянское
46	См. п. I	Фаустова Гора	Фаустова Гора	Фаустова Гора	Фаустова Гора	Фаустова Гора	—	Фаустова Гора
47	—	—	—	—	—	—	—	Осташковские слободы

Примечания. *10 – в Книге ужина и Книге ужина ярового хлеба 1599 г. упоминается как приселок. *11 – в Оброчной книге 1607/08 г. упоминается как сельцо. *12 – в Книге ужина 1599 г. упоминается как сельцо, а в Книге ужина ярового хлеба 1599 г. как приселок. *13 – в Книге ужина и Книге ужина ярового хлеба 1599 г. упоминается как приселок. *14 – упоминается только в Книге ужина ярового хлеба 1599 г. как приселок. *15 – в Оброчной книге 1607/08 г. упоминается как сельцо. Notes. *10 – in the Book of Reaping and the Book of Reaping Spring Bread of 1599 it is mentioned as a seltsok. *11 – in the Labour-rent book of 1607/08 it is mentioned as a seltsok. *12 – in the Book of Reaping of 1599, it is mentioned as a seltsok, and in the Book of Reaping Spring Bread of 1599 as a priselok. *13 – in the Book of Reaping and the Book of Reaping Spring Bread of 1599, it is mentioned as a priselok. *14 – it is mentioned only in the Book of Reaping Spring Bread in 1599 as a priselok. *15 – in the Labour-rent book of 1607/08, it is mentioned as a seltsok.

Окончание таблицы 1

End of Table 1

№ п/п	1591 г.	1592 г.	1593 г.	1594 г.	1599 г.	1601/02 г.	1606/07 г.	1607/08 г.
	См. п. V.36	См. п. V.36	См. п. V.36	См. п. после сметы	См. п. после сметы	См. п. V.36	Ангиловский	См. п. V.36
				После сметы				
48	Обабурово	Обабурово	Обабурово	Обабурово	Обабурово	Обабурово	—	—
49	Вейна	Вейна	Вейна	Вейна	Вейна	Вейны	—	Вейна
	См. п. V.36	См. п. V.36	См. п. V.36	Ангелово	Ангелово	См. п. V.36	См. п. VII	См. п. V.36
	—	<i>Конюшего старца Арсения Тучина</i>	—	<i>Конюшего старца Арсения Тучина</i>	—	—	—	—
	—	<i>Очищево</i>	—	<i>Очищево</i>	—	—	—	—
	—	<i>Успенское</i>	—	<i>Успенское</i>	—	—	—	—
	—	<i>Новое</i>	—	<i>Новое</i>	—	—	—	—
	—	<i>Шельгино</i>	—	<i>Шельгино</i>	—	—	—	—
	—	<i>Сивзрово</i>	—	—	—	—	—	—
	—	<i>Буйгород</i>	—	<i>Буйгород</i>	—	—	—	—
	—	<i>Ильирино</i>	—	<i>Ильирино</i>	—	—	—	—
	—	<i>Крюково</i>	—	—	—	—	—	—
	—	<i>Быково</i>	—	—	—	—	—	—
	—	<i>Луг под сараем</i>	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	<i>Белково</i>	—	—	—	—
	—	—	—	<i>Савиново</i>	—	—	—	—

Если сравнивать полученные данные с перечнем сел 1488–1590 гг., то можно заметить, что с. Литвиново ни разу не упоминается в хозяйственных книгах конца XVI – начала XVII века. По замечанию С.Б. Веселовского, с. Литвиново было большим владением [4, с. 299]. По подсчетам С.З. Чернова, общая площадь земель Литвиновской волости в 1569 г. составляла 1650 десятин. Часть села, расположенная в Рузском уезде, включала 670 десятин, из которых 414 десятин распахивалось. В рузской части с. Литвиново располагалось 43 двора, из которых 11 было пустых [29, с. 180]. В волоцкой части, по данным Сотной грамоты 1543/44 г., – 27 дворов (в том числе 4 пустых), на них проживало 25 чел. мужского пола [2, № 179]. В 1626 г., по сведениям В.И. Холмогорова, на месте с. Литвиново была пустошь [25, с. 84]. Несмотря на то что А.А. Зимин расположил с. Литвиново на карте вотчины Иосифо-Волоколамского монастыря к концу XVI в. [14, карта], в хозяйственной документации конца XVI – начала XVII в. это крупное село по неясным причинам не упоминается.

Вопрос о том, по какому принципу села были распределены по приказам, частично решается при нахождении места расположения сел в уездах. При изучении урожайности зерновых культур в центральной части Русского государства в конце XVI – начале XVII в. Н.А. Горская, опираясь на сведения хозяйственных книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1592 г., обратила внимание на то, что села были сформированы в приказы по уездам: села приказа Очищевских сел (Подмонастырских) находились в Волоцком уезде, Балашковских сел (Туровских) – в Тверском, Луковниковских сел – в Старицком, Спасских Заволоцких сел – в Рузском, Успенских сел – в Рузском, Бужаровских сел – в Дмитровском [8, с. 161–164, табл. VI.1, VII.1, VII.3, VIII].

По Отписи келаря Германа Чеглокова (Чоглокова) старцу Мисаилу Безнину о количестве в монастырских селах высеянного и предназначенного на корм скоту хлеба 1590 г. и Книге сбора ямских денег 1592 г. можно проследить расположение сел Иосифо-Волоколамского монастыря по уездам и сравнить его с данными, приведенными А.А. Зиминим в географическом указателе в монографии «Крупная

феодалная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.)» [11, с. 346–354]. Отпись келаря Германа Чеглокова 1590 г. содержит сведения о 39 селах, расположенных в 9 уездах: Волоцком, Рузском, Тверском, Клинском, Дмитровском, Московском, Старицком, Зубцовском, Ржевском. В Книге сбора ямских денег 1592 г. зафиксировано 46 сел, расположенных в 7 уездах: Волоцком, Рузском, Тверском, Клинском, Дмитровском, Старицком, Ржевском. Необходимо отметить, что в Книге сбора ямских денег больше половины сел упоминаются дважды и не всегда в одном и том же уезде.

Результаты сопоставления сел, распределенных по приказам, и сел, распределенных по уездам, представлены в таблице 2, основу которой составил реконструированный перечень монастырских сел конца XVI – начала XVII века. В первом столбце даны все известные нам названия приказов, включая наименования по уездам, встреченные в работах Н.А. Горской.

В I приказе 4 села находились в Волоцком уезде, 2 – в Тверском. По Книге сбора ямских денег 1592 г., все села находились в Тверском уезде и 2 села (Трызново и Елинархово) указаны второй раз в Волоцком уезде. Вероятно, I приказ ведал не только Тверскими селами, как указала Н.А. Горская, но и селами, расположенными в северо-западной части Волоцкого уезда.

Во II приказе насчитывалось 8 сел, 4 из которых относились к Рузскому уезду, 4 – к Волоцкому. По Книге сбора ямских денег 1592 г., 3 села относились к Рузскому и Дмитровскому уездам, 2 – к Тверскому и Волоцкому, 1 – только к Рузскому. Вероятно, можно согласиться с тем, что Н.А. Горская определила II приказ к Рузскому уезду, так как волоцкие села располагались близ Рузского уезда [14, карта].

Все села III приказа, по Отписи келаря Германа Чеглокова 1590 г., располагались в Волоцком уезде, так же этот приказ именовала и Н.А. Горская. По Книге сбора ямских денег 1592 г., 4 села относились к Волоцкому и Тверскому уездам, а 1 – к Волоцкому, Рузскому и Тверскому уездам. По географическому указателю А.А. Зимина, села Буйгород и Новое находились в Рузском уезде, но по составленной им карте они четко локализованы в пределах Волоцкого уезда. Следовательно, III приказ ведал селами Волоцкого уезда.

Таблица 2. Распределение сел Иосифо-Волоколамского монастыря по приказам и уездам в конце XVI в.

Table 2. Distribution of the villages of the Joseph-Volokolamsk Monastery by prikazes and counties at the end of the 16th century

Приказ	Село	Уезд		
		по Отписи 1590 г.	по Книге 1592 г.	по А.А. Зимину
I приказ старца Варсонофия Старицкого / Антония Акулова / Иосифа Савинского / Павла Мачехина / Туровских сел – Тверской уезд * ³	Турово	–	Тверской	Тверской
	Раменки	Волоцкий	Тверской	Волоцкий, Коломенский * ¹
	Трызново	Волоцкий	Тверской, Волоцкий * ²	Волоцкий
	Балашково	Тверской	Тверской	Тверской
	Елинархово	Волоцкий	Тверской, Волоцкий	Волоцкий
	с-цо Карлово	–	–	Волоцкий
	с-цо Деденево	–	–	–
II приказ старца Макария Ржевского / Якова Соколова / Заволоцких Спасских сел / Заволоцких сел – Рузский уезд	Курьяново	Волоцкий	Тверской, Волоцкий	Волоцкий
	Судниково	Рузский	Рузский, Дмитровский	Рузский
	Зубово	Волоцкий	Тверской, Волоцкий	Волоцкий
	Ивановское	Рузский	Рузский, Дмитровский	Рузский
	Спасское	Рузский	Рузский, Дмитровский	Рузский
	Ракитино	Рузский	Рузский	–
	Гаврино	Волоцкий	–	Волоцкий
	Сафатово	Волоцкий	–	Волоцкий
III приказ старца Нифонта Голодного / Мисаила Хрипунова / Варсонофия Луковниковского / Федорита Судока / Очищевских сел / Подмонастырских сел – Волоцкий уезд	Буйгород	Волоцкий	Тверской, Волоцкий	Рузский
	Новое	Волоцкий * ⁴	Рузский * ⁵ , Тверской, Волоцкий	Рузский
	Ильицыно	Волоцкий	Тверской, Волоцкий	–
	Очищево	Волоцкий	Тверской, Волоцкий	Волоцкий
	с-цо Лялявино	–	–	–
	Быково	Волоцкий	Тверской, Волоцкий	Волоцкий
	с-цо Крюково	Волоцкий	–	Рузский

Примечания. Составлено автором по: [6, № 23, с. 130–136; 7, с. 8–34; 8, с. 161–164, табл. VI.1, VII.1, VII.3, VIII; 11, с. 346–354]. *¹ – А.А. Зимин называл Коломенский уезд среди тех, в которых располагались земельные владения Иосифо-Волоколамского монастыря (см.: [11, с. 188]). *² – упоминается 2 раза в этом уезде. *³ – названия уездов, выделенные в таблице полужирным, даны по Н.А. Горской [8, с. 161–164, табл. VI.1, VII.1, VII.3, VIII]. *⁴ – в тексте упоминается как Новошино. *⁵ – в тексте упоминается как Навлянское.

Notes. Compiled by the author according to: [6, № 23, p. 130–136; 7, p. 8–34; 8, p. 161–164, Tab. VI.1, VII.1, VII.3, VIII; 11, p. 346–354]. *¹ – A.A. Zimin named Kolomna county among those in which the land holdings of the Joseph-Volokolamsk monastery were located (see: [11, p. 188]). *² – it is mentioned twice in this county. *³ – names of counties, highlighted in the table in bold, are given according to N.A. Gorskaya [8, p. 161–164, Tab. VI.1, VII.1, VII.3, VIII]. *⁴ – in the text, it is mentioned as Novoshino. *⁵ – in the text, it is mentioned as Navlyanskoe.

Окончание таблицы 2

End of Table 2

Приказ	Село	Уезд		
		по Отписи 1590 г.	по Книге 1592 г.	по А.А. Зимину
IV приказ старца Анисима Резанца / Васьяна Темкина / Нифонта Голодно- го / Серапиона Спирова / Успен- ских сел – Рузский уезд	Успенское	Рузский	Рузский, Дмитровский	Рузский
	Шестаково	Рузский	Рузский	Рузский
	Белково	Рузский	Рузский, Дмитровский	Рузский
	Кондратово	Рузский	Рузский	Рузский
	Лествицыно	Волоцкий	Тверской, Волоцкий	Волоцкий
	Иевлево	Клинский	Клинский, Дмитровский	Дмитровский
	Балабаново	Рузский	Рузский	Рузский
	Рагушино	Рузский	–	–
	Фомочево	–	–	Рузский
Ворсино	Рузский	Рузский, Тверской	Рузский	
V приказ старца Иева Болотова / Феодосия / Сера- пиона Хвостова / Феодосья Соколо- ва / Бужаровских сел – Дмитров- ский уезд	Савельево	Дмитровский	Дмитровский	Дмитровский
	Бужарово	Дмитровский	Дмитровский	Дмитровский
	Мамошино	Рузский	Рузский, Дмитровский	Рузский
	Ангилово	Московский	–	Московский
	Молечкино	Дмитровский	Дмитровский	Дмитровский
	Ретькино	–	–	Волоцкий
	Горбово	–	–	Московский
	Бели	Рузский	–	Рузский
	Вельяминово	–	Дмитровский	Рузский, Московский * ⁶
Трусово	–	–	–	
VI приказ старца Якова Соколова / Васьяна Темкина / Тихона Ржевского / Завольских сел / Луковниковский сел – Старицкий уезд	Луковниково	Старицкий	Старицкий	Старицкий
	Неверово	Старицкий	Старицкий	Старицкий
	Козьмодемьянское	Старицкий	Старицкий	Старицкий
	Фаустова Гора	Зубцовский	Старицкий	Зубцовский
	Осташковская слобода	Ржевский	Ржевский, Дмитровский	–
Владими́ро-Суз- да́льское ополье	Обабурово	–	Дмитровский	Владимирский
Козельский уезд	Вейна	–	–	Козельский

Примечание. *⁶ – дер. Вельяминово Сестринского стана Рузского уезда и с-цо Вельяминово Сурожско-го стана Московского уезда.

Note. *⁶ – hamlet of Velyaminovo, Sestrinsky camp, Ruza county; and seltso of Velyaminovo, Surozhsky camp, Moscow county.

IV приказ Н.А. Горская отнесла к Рузскому уезду. По Отписи Германа Чеглокова 1590 г., 7 из 10 сел относились к Рузскому уезду, Лествицыно – к Волоцкому, Иевлево – к Клинскому. По Книге сбора ямских денег 1592 г. 3 села относились к Рузскому уезду, 2 – к Рузскому и Дмитровскому, 1 – Рузскому и Тверскому, Лествицыно – к Тверскому и Волоцкому, Иевлево – к Клинскому и Дмитровскому. По указателю А.А. Зимина, 7 сел находились в Рузском уезде, Лествицыно – в Волоцком, Иевлево – в Дмитровском. На карте эти села располагались восточнее от Иосифо-Волоколамского монастыря в северной части Рузского уезда, а с. Иевлево находилось на самом юге Клинского уезда в части, примыкающей к Дмитровскому и Московскому уездам. Лествицыно в 1626 г. зафиксировано как пустое [25, с. 85], С.З. Чернов локализовал его близ деревни Амельфино [29, с. 184], что в южной части Сестринского стана Волоцкого уезда, недалеко от границы Рузского уезда. Можно предположить, что IV приказ ведал селами северной части Рузского уезда.

Села V приказа располагались в различных уездах: Савельево, Бужарово и Молечкино – в Дмитровском уезде; Мамошино и Бели – в Рузском уезде (в 1592 г. Мамошино – в Рузском и Дмитровском); Ретькино – в Волоцком, Ангилово и Горбово – в Московском, а Трусово не зафиксировано. В 1574 г. в выписи из писцовых книг Московского уезда дер. Трусово локализована на р. Истре возле с. Вельяминово в Сурожском стане Московского уезда [2, № 435]. В географическом указателе А.А. Зимина встречаются дер. Вельяминово Сестринского стана Рузского уезда и с-цо Вельяминово Сурожского стана Московского уезда [11, с. 347]. Общее восточное расположение сел Рузского уезда близ Дмитровского позволяет согласиться с Н.А. Горской в локализации сел V приказа в Дмитровском уезде с оговоркой, что на 2 села относились к Московскому уезду.

В VI приказе 3 села относились к Старицкому уезду, Фаустова Гора – к Зубцовскому уезду (в 1592 г. – к Старицкому), Осташково в 1590 г. – к Ржевскому, в 1592 г. – к Ржевскому и Дмитриевскому. Старицкий уезд находился северо-западнее от Волоцкого, близ него был Зубцовский уезд. Осташково распо-

лагалось еще севернее и не могло относиться к Дмитровскому уезду. Таким образом, можно считать наименование приказа Н.А. Горской Старицким верным.

Перспективы изучения. Для дальнейшего выявления количества сел Иосифо-Волоколамского монастыря на рубеже XVI–XVII вв., исследования их размеров и расположения, определения состава монастырской вотчины в период Смуты и после нее необходимо привлекать писцовые книги второй четверти XVII в., как это делал А.А. Зимин, где отражена информация за предыдущие годы [11, с. 185–186]. Исследуя размеры монастырской вотчины к концу XVI в., А.А. Зимин привлек только описания Волоцкого и Рузского уездов начала 1620-х гг., в которых были замечены значительные пропуски в связи с запустением земель после «разрухи».

Процесс выявления среди значительного количества описаний сел, принадлежащих Иосифо-Волоколамскому монастырю, трудов емко. В фонде № 1209 (Поместный приказ) из РГАДА хранятся писцовые книги второй четверти XVII в. Волоколамского (2 ед. хр.), Рузского (4 ед. хр.), Дмитровского (5 ед. хр.), Старицкого (2 ед. хр.), Зубцовского (2 ед. хр.), Тверского (5 ед. хр.), Московского (5 ед. хр.) и Козельского (4 ед. хр.) уездов.

Результаты. Таким образом, в конце XVI – начале XVII в. в вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря насчитывалось 49 наименований населенных пунктов. По сравнению с перечнями сел К.Н. Щепетова 1488–1590, 1591 и 1592 гг., в хозяйственных книгах 1599 г. появилось новое – с. Трусово. Управлением занимались 6 монастырских приказов, в юрисдикцию которых были включены 47 сел. К I приказу относились 7 сел, расположенных в Тверском уезде и северо-западной части Волоцкого уезда; ко II приказу – 4 села Рузского уезда и 4 села юго-восточной части Волоцкого уезда близ притоков р. Рузы; к III приказу – 6 сел Волоцкого уезда в непосредственной близости от самого монастыря; к IV приказу – 8 сел северной части Рузского уезда, 1 село южной части Волоцкого уезда и 1 село южной части Клинского уезда; к V приказу – 3 села южной части Дмитровского уезда, 2 села северо-восточной части Рузского уезда, 3 села Московского уезда; к VI приказу –

3 села Старицкого уезда, 1 село Зубцовского уезда и 1 село Ржевского уезда. Управление крупными «хлебными» селами Обабурово (Владимирский уезд) и Вейна (Козельский уезд) осуществлялось отдельно, что было вызвано не только их важностью для хозяйства монастыря, но и территориальной отдаленностью от центра вотчины.

Монастырские приказы с 1591 г. назывались по именам посельских старцев, возглавлявших их, с 1599 г. – по именам посельских старцев и территориальной принадлежности, а с 1606/07 г. – только по территориальной принадлежности. Эту же тенденцию по отношению к государственным четвертным приказам заметила Н.В. Рыбалко: чети изначально назывались по именам возглавлявших их дьяков, но с определением более устойчивого круга подведомственных территорий с 1599 г. они начали приобретать территориальные наименования [20, с. 123].

Наиболее полным оказался перечень сел из Книги ужина и умолота ярового хлеба 1599 г., почти совпадающий с тем, который был реконструирован в данной статье на основе хозяйственных книг Иосифо-Волоколамского монастыря конца XVI – начала XVII века. В целом хлебные книги фиксируют большое количество владений, многие из которых слишком мелкие, чтобы называться селами. Книги сбора денег с крестьян наиболее информативны: кроме «живых» сел, в них можно найти данные о количестве «пустошных» вытей или «худых» крестьян.

Менее полный перечень земель содержат книги выдачи оброков монастырским слугам и ремесленникам, так как отражают сведения лишь о тех селах, в которых служили дворники, «истобники» и сельские детеньши. Отмеченная тенденция указывает на нехватку «кадров» в селах. Также неполные перечни в книгах сбора «баранных», «масляных» и «боровных» денег ввиду цели их составления.

Несмотря на ограничительную государственную политику в области монастырского землевладения второй половины XVI в., вотчина Иосифо-Волоколамского монастыря продолжала экстенсивно расти за счет увеличения количества земель, а не распашки уже имеющихся вплоть до 1590 г. (встречаются мелкие земельные пожалования и в начале

XVII в.), то есть после введения запрета на земельные вклады в монастыри. Необходимо также отметить следующую тенденцию: нарастающий с 1570-х гг. экономический кризис, неурожай и голод рубежа XVI–XVII вв., тяжелое военно-политическое положение начала XVII в. привели к обеднению населения и запустению земель, что было характерно для всей центральной части Русского государства конца XVI – начала XVII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ После Великой Отечественной войны исследователям не удается ее обнаружить.

² О вкладах см.: [11, с. 122–153; 23, с. 121–124; 27, с. 147; 30, с. 94–95].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамович Г. В. К вопросу о значении кредитования крестьян феодалами в развитии сельского хозяйства Руси XV–XVI вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы: [материалы симпозиума]. Таллин: [б. и.], 1970. С. 49–61.
2. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. [В 3 ч.] Ч. 2 / отв. ред. Л. В. Черепнин, подгот. к печати А. А. Зимин. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 663 с.
3. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М.: Типолитогр. С.А. Петровского и Н.П. Панина, 1879. VIII, 728 с.
4. Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 582 с.
5. Веселовский С. Б. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI века // Исторические записки. 1941. Т. 10. С. 95–116.
6. Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Книги денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря, 1573–1595 гг.: [в 2 вып.] / под ред. А. Г. Манькова. М.; Л.: Ин-т истории СССР, 1978. 307 с.
7. Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Ужинно-умолотные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1590–1600 гг.: [в 3 вып.] / под ред. А. Г. Манькова. М.; Л.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1976. 526 с.
8. Горская Н. А. Урожайность зерновых культур в центральной части Русского государства в конце XVI – начале XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 г. Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1963. С. 147–164.

9. Записи в приходо-расходной книге Иосифо-Волоколамского м-ря, указывающие на недобор оброчных денег из-за голода крестьян в монастырских селах и деревнях (1601 г. ноября 22 – 1602 г. октября 10) // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: сб. док. / отв. ред. Н. М. Рогожин. М.: Наука, 2003. С. 26–34.

10. Зимин А. А. К истории восстания Болотникова // Исторические записки. 1947. Т. 24. С. 353–385.

11. Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.). М.: Наука, 1977. 356 с.

12. Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М.: Наука, 1982. 184 с.

13. Книга казначей Гаврилы Ржевитина сбора ямских и столовых денег с вотчин монастыря (1607 г. декабря 13 – 1608 г. января 1) // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1192. Оп. 2, ч. 1. Кн. 19. Л. 252–261.

14. Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. / под ред. М. Н. Тихомирова, А. А. Зимина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 172 с., 1 л. карта.

15. Книги казначей Гаврилы [Ржевитина] раздачи денежных оброков служкам, служителям, монастырским приказным людям, ремесленникам и детьням монастыря (1607 г. ноября 21) // РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2, ч. 1. Кн. 19. Л. 192–231 об.

16. Морозов Б. Н. Делопроизводство и архив в крупной боярской вотчине XVII века // Источниковедческие исследования по истории феодальной России: сб. ст. М.: Ин-т истории СССР, 1981. С. 116–149.

17. [Память казначею старцу Левкию Акишеву на выдачу оброков монастырским слугам и ремесленникам] // РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2, ч. 1. Кн. 12. Л. 118–132.

18. [Память казначею старцу Левкию Акишеву на сбор вытного оброка с крестьян] // РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2, ч. 1. Кн. 12. Л. 58–67 об.

19. Петров К. В. Приказная система в России в конце XV–XVII вв. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2005. 137 с.

20. Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII столетия: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2001. 512 с.

21. Сметная соляная память казначей Никифора Марина (1592 г. ноября 23) // Вотчинные хозяйственные книги XVI в. : Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80–90-х гг. [В 2 вып. Вып. 2] / под ред. А. Г. Манькова. М.; Л.: Ин-т истории СССР, 1987. С. 260–261.

22. Смирнов А. С. Законодательное регулирование института землевладения в России во второй половине XVI – начале XVII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9, Исследования молодых ученых. 2016. № 14. С. 48–55.

23. Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник XVI века // Российское государство XV–XVII веков. М.: Наука, 1973. С. 120–154.

24. Тихомиров М. Н., Флоря Б. Н. Приходо-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1606/07 г. // Археографический ежегодник за 1966 год. М.: Наука, 1968. С. 331–383. Содерж.: Оброчные книги 7115 г. [1606/07 г.]. С. 365–375.

25. Холмогоров В., Холмогоров Г. Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии. [В 10 вып.] Вып. 9. Волоколамская и Серпуховская десятины (Московской губернии). М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1896. VIII, 188 с.

26. Целуйкина Е. С. Младшие слуги в системе монастырского управления начала XVII в. (на примере Иосифо-Волоколамского монастыря) // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 2. С. 159–166. DOI: 10.17816/snvt2021102205

27. Целуйкина Е. С. Состояние бюджета Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI – начале XVII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 3. С. 143–163. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.3.10>

28. Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. 417 с.

29. Чернов С. З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М.: ИА РАН, 1998. 543 с.

30. Щепетов К. Н. Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI в. // Исторические записки. 1946. Т. 18. С. 92–147.

REFERENCES

1. Abramovich G.V. K voprosu o znachenii kreditovaniya krestyjan feodalami v razvitii selskogo hozjajstva Rusi XV–XVI vv. [On the Question of the Importance of Crediting Peasants by Feudal Lords in the Development of Agriculture in Russia of 15th – 16th c.]. *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy: materialy simpos.* [Yearbook. The Agrarian History of Eastern Europe. Proceedings of Symposium]. Tallin, s.n., 1970, pp. 49–61.

2. Cherepnin L.V., Zimin A.A., eds. *Akty feodalnogo zemlevladieniya i hozjajstva XIV–XVI vekov. V 3 ch. Ch. 2* [Acts of Feudal Land Ownership and Economy of the 14th – 16th Centuries. In 3 Pts. Pt. 2]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1956. 663 p.

3. Beljaev I.D. *Lekcii po istorii russkogo zakonodatelstva* [Lectures on the History of Russian Legislation]. Moscow, Tipolitogr. S.A. Petrovskogo i N.P. Panina, 1879. VIII, 728 p.

4. Veselovskii S.B. *Issledovaniia po istorii klassa sluzhilykh zemlevladeltsev* [Studies on the History of the Class of Serving Landowners]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 582 p.
5. Veselovskij S.B. *Monastyrskoe zemlevladienie v Moskovskoj Rusi vo vtoroj polovine XVI veka* [Monastic Land Ownership in Moscow Russia in the Second Half of the 16th Century]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Transactions], 1941, vol. 10, pp. 95-116.
6. Mankov A.G., ed. *Votchinnye hozjajstvennye knigi XVI v.: Knigi denezhnyh sborov i vyplat Iosifo-Volokolamskogo monastyrya, 1573–1595 gg.: v 2 vyp.* [Books of Monetary Fees and Payments of the Joseph-Volokolamsk Monastery, 1573–1595. In 2 Iss.]. Moscow, Leningrad, In-t istorii SSSR, 1978. 307 p.
7. Mankov A.G., ed. *Votchinnye khozyaystvennye knigi XVI v.: Uzhinno-umolotnye knigi Iosifo-Volokolamskogo monastyrya, 1590–1600 gg.: v 3 vyp.* [Patrimonial Economic Books of the 16th Century. Reaping and High-Yielding Books of the Joseph-Volokolamsk Monastery, 1590–1600. In 3 Iss.]. Moscow, Leningrad, In-t istorii SSSRAN SSSR, 1976. 526 p.
8. Gorskaya N.A. *Urozhaynost zernovykh kultur v tsentralnoy chasti Russkogo gosudarstva v kontse XVI – nachale XVII v.* [Grain Crop Yields in the Central Part of the Russian State in the Late 16th – Early 17th Century]. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy za 1961 g.* [Yearbook. The Agrarian History of Eastern Europe of 1961]. Riga, Izd-vo AN Latvyskoy SSR, 1963, pp. 147-164.
9. *Zapisi v prikhodo-raskhodnoy knige Iosifo-Volokolamskogo m-rya, ukazyvayushchie na nedobor obrochnykh deneg iz-za goloda krestyan v monastyrskikh selakh i derevnyakh (1601 g. noyabrya 22 – 1602 g. oktyabrya 10)* [Entries in the Coming-Expensive Book of the Joseph-Volokolamsk Monastery, Indicating a Shortage of Rent Money Due to the Famine of Peasants in Monastic Villages (November 22, 1601 – October 10, 1602)]. Rogozhin N.M., ed. *Narodnoe dvizhenie v Rossii v epokhu Smuty nachala XVII veka, 1601–1608: sb. dok.* [The People Movement in Russia in the Era of Smuta of the Early 17th Century, 1601–1608. Collection of Documents]. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 26-34.
10. Zimin A.A. *K istorii vosstaniya Bolotnikova* [On the History of the Bolotnikov Uprising]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Transactions], 1947, vol. 24, pp. 353-385.
11. Zimin A.A. *Krupnaya feodalnaya votchina i sotsialno-politicheskaya borba v Rossii (konets XV – XVI v.)* [Large Feudal Fiefdom and Socio-Political Struggle in Russia (The Late 15th – 16th cc.)]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 356 p.
12. Zimin A.A., Horoshkevich A.L. *Rossija vremeni Ivana Groznogo* [Russia of the Time of Ivan the Terrible]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 184 p.
13. *Kniga kaznacheja Gavrily Rzhevitina sbora jamskih i stolovykh deneg s votchin monastyrya (1607 g. dekabrja 13 – 1608 g. janvarja 1)* [Book of the Treasurer Gavriila Rzhevitin Collecting Yam and Table Money from the Patrimonies of the Monastery (1607 December 13 – 1608 January 1)]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1192, inv. 2, pt. 1, book 19, l. 252-261.
14. Tikhomirov M.N., Zimin A.A., eds. *Kniga klyuchey i dolgovaya kniga Iosifo-Volokolamskogo monastyrya XVI v.* [The Book of Keys and the Debt Book of the Joseph-Volokolamsk Monastery of the 16th Century]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1948. 172 p., 1 l. of map.
15. *Knigi kaznacheja Gavrily Rzhevitina razdachi denezhnyh obrokov sluzhkam, sluzhiteljam, monastyrskim prikaznym ljudjam, remeslennikam i detenysham monastyrya (1607 g. nojabrya 21)* [Books of Treasurer Gavriila Rzhevitin Distributing Monetary Dues to Ostiaries, Servants, Monastic Clerks, Artisans, and Cubs of the Monastery (November 21, 1607)]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1192, inv. 2, pt. 1, book 19, l. 192-231 r.
16. Morozov B.N. *Deloproizvodstvo i arhiv v krupnoj bojarskoj votchine XVII veka* [Record Keeping and Archive in a Large Boyar Patrimony of the 17th Century]. *Istochnikovedcheskie issledovaniya po istorii feodalnoj Rossii: sb. st.* [Source Studies on the History of Feudal Russia. Collection of Articles]. Moscow, In-t istorii SSSR, 1981, pp. 116-149.
17. *Pamjat kaznacheju starcu Levkiju Akishevu na vydachu obrokov monastyrskim slugam i remeslennikam* [Memory of the Treasurer Elder Levki Akishev for the Issuance of Dues to Monastic Servants and Artisans]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1192, inv. 2, pt. 1, book 12, l. 118-132.
18. *Pamjat kaznacheju starcu Levkiju Akishevu na sbor vytnogo obroka s krestjan* [Memory of the Treasurer Elder Levki Akishev for Collecting the Monthly Rent from the Peasants]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1192, inv. 2, pt. 1, book 12, l. 58-67 r.
19. Petrov K.V. *Prikaznaja sistema v Rossii v konce XV–XVII vv.* [The Prikaz System in Russia at the End of the 15th – 17th Centuries]. Moscow, Saint Petersburg, Alians-Arheo Publ., 2005. 137 p.
20. Rybalko N.V. *Rossijskaja prikaznaja bjurokratija v Smutnoe vremja nachala XVII stoletija: dis. ... kand. ist. nauk* [Russian Prikaz Bureaucracy in the Time of Troubles at the Beginning of the 17th Century. Cand. hist. sci. diss.]. Volgograd, 2001. 512 p.
21. *Smetnaya solyanaya pamyat kaznacheja Nikifora Marina (1592 g. noyabrya 23)* [Estimated Salt Memory of Treasurer Nikifor Marin (November 23,

1592)]. Mankov A.G., ed. *Votchinnye khozyaystvennye knigi XVI v.: Prihodnye i raskhodny knigi Iosifo-Volokolamskogo monastyrya 80–90-kh gg. V 2 vyp. Vyp. 2* [Patrimonial Economic Books of the 16th Century. Income and Expense Books of the Joseph-Volokolamsk Monastery of the 80s–90s. In 2 Iss. Iss. 2]. Moscow, Leningrad, In-t istorii SSSR, 1987, pp. 260-261.

22. Smirnov A.S. Zakonodatelnoe regulirovanie instituta zemlevladieniya v Rossii vo vtoroj polovine XVI – nachale XVII veka [Legislative Regulation of the Institution of Land Ownership in Russia in the Second Half of the 16th – Early 17th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9, Issledovaniya molodyh uchennyh* [Science Journal of Volgograd State University. Young Scientists Research], 2016, no. 14, pp. 48-55.

23. Tikhomirov M.N. Monastyr-votchinnik XVI veka [Monastic Estate of the 16th c.]. *Rossiyskoe gosudarstvo XV–XVII vekov* [Russian State of the 15th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 120-154.

24. Tikhomirov M.N., Florja B.N. Prihod-rashodnye knigi Iosifo-Volokolamskogo monastyrya 1606/07 g. [Account Cash Books of the Joseph-Volokolamsk Monastery of 1606/07]. *Arheograficheskij ezhegodnik za 1966 god* [Archaeographic Yearbook for 1966]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 331-383. Cont.: Obrochnye knigi 7115 g. (1606/07 g.) [Tax Books 7115 (1606/07)], pp. 365-375.

25. Holmogorov V., Holmogorov G. *Istoricheskie materialy dlja sostavleniya cerkovnyh letopisej Moskovskoj eparhii. V 10 vyp. Vyp. 9. Volokolamskaja i Serpuhovskaja desjatiny (Moskovskoj gubernii)* [Historical Materials for Compiling Church Chronicles of the Moscow Diocese. In 10 Iss. Iss. 9. Volokolamsk and Serpukhov Tithes (of the Moscow Province)]. Moscow, Tip. L.F. Snegireva, 1896. VIII, 188 p.

26. Tseluykina E.S. Mladshie slugi v sisteme monastyrskogo upravleniya nachala XVII v. (na primere Iosifo-Volokolamskogo monastyrya) [Junior Servants in the System of Monastic Administration at the Beginning of the 17th Century (On the Example of the Joseph-Volokolamsk Monastery)]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Journal of Science], 2021, vol. 10, no. 2, pp. 159-166. DOI: 10.17816/snv2021102205

27. Tseluykina E.S. Sostoyanie byudzheta Iosifo-Volokolamskogo monastyrya v kontse XVI – nachale XVII veka [The State of the Budget of the Joseph-Volokolamsk Monastery at the End of the 16th – Beginning of the 17th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 3, pp. 143-163. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.3.10>

28. Cherepnin L.V. *Zemskie sobory Russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv.* [Zemstvo Cathedrals of the Russian State in the 16th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 417 p.

29. Chernov S.Z. *Volok Lamskij v XIV – pervoj polovine XVI v. Struktury zemlevladieniya i formirovanie voenno-sluzhiloy korporacii* [The Volok on the Lama in the 14th – First Half of the 16th Century. Land Ownership Structures and the Formation of a Military Service Corporation]. Moscow, IA RAN, 1998. 543 p.

30. Shchepetov K.N. Selskoe khozyaystvo v votchinakh Iosifo-Volokolamskogo monastyrya v kontse XVI v. [Agriculture in the Patrimonies of the Joseph-Volokolamsk Monastery in the Late 16th c.]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Transactions], 1946, vol. 18, pp. 92-147.

Information About the Author

Evgeniya S. Tseluykina, Assistant, Candidate for a Degree, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tseuikina.eugenia@gmail.com, es_tseuikina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4381-287X>

Информация об авторе

Евгения Сергеевна Целуйкина, ассистент, соискатель кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tseuikina.eugenia@gmail.com, es_tseuikina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4381-287X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.2>

UDC 94(470)«1598/1605»:355.65
LBC 63.3(2)44-2

Submitted: 01.06.2023
Accepted: 25.09.2023

**ORGANIZATION OF PROVIDING STATE PEOPLE OF SIBERIA
WITH GRAIN RESERVES
ON THE WAY FROM SOL KAMSKAYA TO VERKHOTURYE IN 1598–1605**

Natalia V. Rybalko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the problem of organizing the provision of service people in Siberia with grain reserves, which were collected as a special tax from the lands of the south-eastern part of the Pomorye during the reign of B.F. Godunov along the road from Sol Kamskaya to Verkhotur'ye. *Methods and materials.* The source base is the official material of the Verkhotur'ye and Solikamsk administrative huts, individual documents of the Siberian order. The method of diachronic analysis obtained a year-by-year picture of how transportation functioned from 1596/97 to 1605. The method of comparative analysis clarified the dynamics of changes in the amounts of salary fees for each individual region of the Pomorye. *Analysis.* The article clarifies the idea of the administrative management of Verkhotur'ye at the end of the 16th and beginning of the 17th centuries, gives a general description of the system for collecting and sending grain reserves, as well as the accompanying duty in the form of a ship case, clarifies the features of the organization of supplies, and systematizes and calculates their norms by year. *Results.* It was possible to establish that the Moscow government, first from the court of clerk I. Vakhromeev and, after 1599, from the Order of the Kazan and Meshchersky Palace, directly controlled Verkhotur'ye. Until 1597, supplies were carried out through Cherdyn and Lozva, and from 1598 through Sol Kamskaya in Verkhotur'ye. In 1596/97 and 1597/98. The largest volumes of grain reserves were supplied from the territories of Perm the Great and Vyatka. In 1600/01 and 1601/02, instead of the territory of the Pomorye, grain harvests were delivered to Sol Kamskaya from Kazan; the Pomors were engaged in transportation to Siberia. The share of transportation was higher near Vyatka and Ustyug the Great, as in 1604/05, when the collection of grain reserves resumed from the territory of the Pomorye. The scheme for public procurement of grain reserves developed by the government can be assessed as effective; however, management difficulties also arose due to the remote location of the region, abuse of the official powers of the governor, the forced need to quickly find funds to resolve issues locally, and attempts by carriers to find their own benefits and avoid losses.

Key words: Siberian grain reserves, taxation, Pomorye, Verkhotur'ye, beginning of the 17th century, Boris Fedorovich Godunov, Babinovskaya road, management.

Citation. Rybalko N. V. Organization of Providing State People of Siberia with Grain Reserves on the Way from Sol Kamskaya to Verkhotur'ye in 1598–1605. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 25-47. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.2>

УДК 94(470)«1598/1605»:355.65
ББК 63.3(2)44-2

Дата поступления статьи: 01.06.2023
Дата принятия статьи: 25.09.2023

**ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ СИБИРИ
ХЛЕБНЫМИ ЗАПАСАМИ НА ПУТИ ИЗ СОЛИ КАМСКОЙ ДО ВЕРХОТУРЬЯ
В 1598–1605 ГОДАХ**

Наталья Владимировна Рыбалко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается проблема организации обеспечения служилых людей Сибири хлебными запасами, собиравшимися в качестве специального налога с земель Юго-Восточной час-

ти Поморья в правление Б.Ф. Годунова по дороге от Соли Камской до Верхотурья. *Методы и материалы.* Источниковая база – это актовый материал Верхотурской и Соликамской приказных изб, отдельные документы Сибирского приказа. Использован метод диахронного анализа – получено погодное представление о том, как функционировали перевозки с 1596/97 г. до 1605 г., и метод сравнительного анализа – выяснена динамика изменения сумм окладных сборов каждого отдельного региона Поморья. *Анализ.* В статье уточнено представление о приказном управлении Верхотурьем в конце XVI – начале XVII в., дана общая характеристика системы сбора и отправки хлебных запасов, а также сопутствующей повинности в виде судебного дела, выяснены особенности организации поставок, систематизированы и рассчитаны их нормы по годам. *Результаты.* Удалось установить, что московское правительство сначала из чети дьяка И. Вахромеева, а после 1599 г. из Приказа Казанского и Мещерского двorca управляло Верхотурьем напрямую. До 1597 г. поставки осуществлялись через Чердынь и Лозьву, а с 1598 г. – через Соль Камскую на Верхотурье. В 1596/97 и 1597/98 гг. наибольшие объемы хлебных запасов поставлялись с территории Перми Великой и Вятки. В 1600/01 и 1601/02 гг. вместо территории Поморья хлебные сборы были доставлены в Соль Камскую из Казани, поморцы занимались из перевозкой в Сибирь. Доля перевозок была выше у Вятки и Устюга Великого, как и в 1604/05 г., когда сбор хлебных запасов возобновился с территории Поморья. Разработанную правительством схему государственной закупки хлебных запасов можно оценить как эффективную, однако возникали и сложности управления из-за удаленного расположения региона, превышения служебных полномочий воевод, вынужденной необходимости оперативно изыскивать средства для решения вопросов на местах, попыток перевозчиков найти свою выгоду и избежать убытков.

Ключевые слова: сибирские хлебные запасы, налогообложение, Поморье, Верхотурье, начало XVII века, Борис Федорович Годунов, Бабиновская дорога, управление.

Цитирование. Рыбалко Н. В. Организация обеспечения служилых людей Сибири хлебными запасами на пути из Соли Камской до Верхотурья в 1598–1605 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 25–47. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.2>

Введение. Проблема обеспечения служилых людей Сибири хлебными запасами стояла на повестке дня московского правительства с конца XVI в. – времени постройки первых сибирских городов-крепостей. С 1590 г. транзитные пути проходили по территории Перми Великой через главный пермский город Чердынь и далее через сибирский городок на р. Лозьве [23, с. 88–90, 102]. А после начала функционирования более короткой Бабиновской дороги правительственные перевозки стали осуществляться через расположенный южнее пермский городок Соль Камскую и далее на новый сибирский город Верхотурье, основанный в 1598 г. и изначально планировавшийся как опорный транзитно-транспортный пункт [18, с. 30].

«Хлебные запасы на жалованье сибирским служилым людям» представляли собой специальный налог в натуральном выражении, примыкавший к прямым окладным сборам. Он был введен в 1580-е гг. для жителей Центрального и Восточного Поморья и, согласно исследованию О.Н. Вилкова, просуществовал до 1685 г. параллельно с включением в сельскохозяйственный оборот земли самой Сибири [8, с. 224].

Историография. С XIX в. в России сложились серьезные научные школы ученых, занимающихся изучением истории Сибири, Урала, Поморья, налогообложения, торговли, крестьянства, ямской службы, системы сообщения, центрального и местного управления. Сузив тему до выяснения роли Перми Великой в обеспечении хлебными запасами сибирских служилых людей, отметим следующие работы.

Одним из первых общую характеристику отправке хлебных запасов в XVII в. с территории Поморья в Сибирь дал С.Б. Веселовский, расценивая ее как местную повинность, возникшую в качестве «расширения ямской гоньбы по дороге в Сибирь, которая лежала на городах Поморья ранее» [7, с. 126–135].

Вопрос о государственных закупках хлебных запасов для Сибири с 30-х гг. XVII в., что входило в деятельность Сибирского приказа, изучал В.И. Шунков [34, с. 156–165]. В 1974 г. исследователь констатировал, говоря о XVII в., что нет ни в целом подсчетов величин хлебооборота в Сибири, ни отдельных его частей [33, с. 218].

Условия, в каких протекали государственные закупки хлеба у крестьян Поморья

в период с 1620-х гг. и до 1660-х гг., с позиций классовой борьбы и генезиса феодализма охарактеризованы А.А. Преображенским. Историк отметил как прогрессивные моменты, когда рыночная цена и та, по которой хлеб покупали у крестьян из казны, совпадала, что способствовало товаризации земледелия, так и негативные, связанные с «насиленным изъятием хлеба у крестьян по заниженным ценам», что вызывало недовольство крестьян и являлось фактором «внеэкономического принуждения» со стороны «феодального государства». При этом воеводы, получая указы от имени государя «не забирать хлеб у крестьян даром», часто «пропускали это мимо ушей» [24, с. 342–343].

История прямого налогообложения и повинностей черносошных крестьян Яренского уезда территории Поморья конца XVI–XVII в. исследованы М.А. Мацуком, особое внимание уделено сибирским хлебным запасам, собираемым с Яренской Выми [20; 21; 22].

Вопросы, связанные с частной и государственной торговлей хлебом, выращенным непосредственно на территории Сибири, начиная с 1639 г., освещены в отдельной главе монографии О.Н. Вилковым [8, с. 223–273]. Исследователем также отмечено наличие большого количества работ, посвященных русскому земледелию и развитию хлебного рынка в конкретных городах Сибири XVII века [8, с. 223–224, 351]. К примеру, вопрос хлебного товарного производства и товарного обращения на Верхотурье со второй четверти и до конца XVII в. рассмотрен в кандидатской диссертации Т.Е. Квещинской [16].

После издания Е.Н. Ошаниной в 1982 г. верхотурских грамот, хранящихся в фонде № 256 Фонде рукописей РГБ [5], отдельные документы стали привлекаться историками применительно к сопутствующим темам. Так, вопрос обеспечения сибирских служилых людей хлебным жалованьем на первом этапе освоения Сибири в конце XVI – начале XVII в. и проблемы транзита по Бабиновской дороге затронуты Н.Н. Симачковой в рамках изучения административно-хозяйственных функций сибирских воевод [31, с. 161–163]; О.В. Семеновым в связи с исследованием системы формирования ямской службы в Перми Великой, Сибири и, в частности, на Верхотурье

[30, с. 16]; Е.А. Багриным при изучении деятельности таможи и Гостиного двора на Верхотурье в 1598 г. [3, с. 210–211]; А.А. Космовской при описании проблем эффективности отправки хлебных запасов и его качества с отдельными примерами за разные годы XVII в. [19, с. 124–126]. Ретроспективный обзор снабжения хлебными запасами северных районов Сибири в XVII–XIX вв. попыталась сделать Е.В. Комлева [17, с. 14], однако этот анализ оказался весьма поверхностным. Так, от начала XVII в. только перечислены города Поморья, причем не все и с ошибкой: указаны через запятую Пермь, Чердынь, Соль Камская, Кайгородок, в то время как последние три города с уездами как раз и составляли территорию Перми Великой.

В итоге можно заключить, что сама тема снабжения хлебными запасами сибирских служилых людей жителями Поморья известна в исторической науке. Однако из-за того, что исследования, как правило, охватывают весь XVII в. и ограничены рамками конкретных регионов (а здесь присутствует межрегиональный аспект), четкого представления о том, как проходила организация перевозок хлебных запасов в Сибирь и процедура уплаты данного налога, его размеров на начальном этапе освоения Сибири до сих пор нет.

Хронологический период исследования охватывает, преимущественно, правление Бориса Годунова (1598–1605 гг.), 1597 г. взят для сравнения ситуации с отправкой хлебных запасов по двум разным дорогам накануне и после основания Верхотурья.

Методы и материалы. Источниковой базой является актовый материал, отложившийся в архиве Верхотурской приказной избы (ФР РГБ. Ф. 256. Румянцев Н.П. Собрание, г. Москва), опубликованный Е.Н. Ошаниной в 1982 г. [5]. При необходимости проводилась сверка с оцифрованными копиями документов из электронного каталога РГБ. За период с конца 1597 г. до мая 1605 г. в архивном комплексе насчитывается 108 документов, составленных в Москве и отправленных на Верхотурье. Из них вопросу организации перевозки хлебных запасов на жалованье служилым людям из Соли Камской на Верхотурье посвящены 15 указных грамот: 1 – царя Федора Ивановича (№ 1), 14 – царя Б.Ф. Годунова

(№ 3, 6, 8, 11, 31, 33, 35, 64, 90, 93, 95–98). Привлечены документы Верхотурского архива, отложившиеся в АСПБ ИИ РАН (Кол. 174. Акты до 1613 года, г. Санкт-Петербург), Сибирского приказа РГАДА [13; 14], а также Вычегодско-Вымская летопись [15, с. 257–271].

Дополняют изучение вопроса 7 документов 1604–1605 гг., отложившихся в архиве Соликамской приказной избы (АСПб ИИ РАН. Ф. 122. Акты соликамские, г. Санкт-Петербург), это самые ранние документы фонда. Соликамские акты опубликованы нами в 2017 г. после предварительной реконструкции архивного комплекса [28]. Это поручные записи, именной список, отписи. Они характеризуют процесс отправки хлебных запасов Пермью Великой. Один из этих документов был опубликован ранее [2, № 190, стб. 590–602], но публикация выполнена с ошибкой в дате.

В статье использован метод диахронного анализа, позволивший получить представление об организации хлебных перевозок накануне и в первые 8 лет существования транзитного пути из Соли Камской на Верхотурье, и метод сравнительного анализа, в ходе которого стало возможным представить суммы окладных сборов «сибирских хлебных запасов» каждого отдельного региона Поморья в процентном соотношении.

Анализ. Система управления. Город Верхотурье со времени основания в 1598 г. находился в ведении четвертного приказа, возглавлявшегося дьяком Иваном Вахромеевым. В нашем распоряжении имеется 3 грамоты за его скрепой, посвященные отправке хлебных запасов в Сибирь: от 15 декабря 1597 г., 8 мая и 24 августа 1598 г. [5, № 1, с. 11–17, № 3, с. 18–20, № 6, с. 29–30]. В 1599 г. четь стала называться Новгородской и сам И. Вахромеев был ее дьяком до 19 сентября 1601 г. [26, с. 88].

С февраля 1599 г. сибирские города, включая Верхотурье, были переданы в управление Приказу Казанского и Мещерского двора [5, № 8, с. 30–32]. Несмотря на то что с 1599 г. главным городом для управления Сибирью стал Тобольск, правительство, как отметила Н.Н. Симачкова, осуществляло взаимодействие посредством грамот и отписок с уездными воеводами напрямую [31, с. 36].

Действительно, все указные грамоты из Приказа Казанского и Мещерского двора с 1599 г. до 1605 г. адресованы на Верхотурье.

В приказе Казанского и Мещерского двора грамоты на Верхотурье с февраля 1599 г. по сентябрь 1601 г. составлялись дьяками Нечаем Федоровым и Афанасием Васильевым, но в грамотах о хлебных запасах фигурирует только имя Н. Федорова вплоть до конца правления Б.Ф. Годунова.

На Верхотурье с момента основания функционировало воеводское управление. Грамоты с декабря 1597 г. до марта 1599 г. были адресованы воеводе Василию Петровичу Головину и голове Ивану Воейкову, в мае 1598 г. фигурирует второй голова Иван Ильич Неелов. С сентября 1599 г. адресатами в документах указываются воевода кн. Иван Михайлович Вяземский и голова Гаврила Самойлович Салманов, с 3 августа 1600 г. – только голова Г.С. Салманов, с марта 1601 г. – воевода кн. Матвей Данилович Львов и голова Угрім Васильевич Новосильцев, с марта 1604 г. – воевода Неудача Плещеев и голова Матвей Степанович Хлопов [5, № 1–108, с. 11–171].

В Поморских городах, как показывают документы Соликамского архива, воеводской власти в царствование Б.Ф. Годунова не было, управление осуществляли приказные люди [27].

Система сбора, отправки «хлебных запасов» и повинностей. Сбор и отправка хлебных запасов на жалование сибирским служилым людям осуществлялись с пяти земель Центральной и Юго-Восточной части Поморья: Перми Великой, Вятской, Вымской, Соли Вычегодской, с Устюжского уезда. Посадские и деревенские крестьяне, проживавшие на государственных землях, собирали «хлебные запасы» с помощью выбранных из своей среды старост и целовальников в качестве одной из тягловых повинностей. Контроль осуществляли приказные люди.

Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихивская) летопись зафиксировала, что сбор сибирских хлебных запасов с Поморья начался в 1587/88 г.: «Лета 7096 князь великий Федор Иванович повеле возити на Лозву городок хлебные запасы от поморских городов на жалование сибирским ратным лю-

дам. А с Вымского уезду муки и крупы и толокна чetyреста четверти да 6 судоделавцов» [15].

Хлебные запасы представляли собой ежегодный сбор стандартного состава, а именно ржаная мука, крупы, толокно. Объем, который необходимо было собрать, указывался в государевых грамотах, он представлен в таблице с распределением по годам и регионам (см. прил. 1).

Отpravку хлебных запасов нужно было организовать каждому уезду за свой счет на подводах с посошными людьми сначала до Соли Камской, затем до Верхотурья. Количество подвод, сроки отправки также прописывались в грамотах. Сведения о них по уездам и годам систематизированы в таблице (см. прил. 1).

Вместе со сбором и отправкой хлебных запасов существовала судовая повинность: отправка посошных людей в качестве судовых плотников «со всякою плотничью снастью для судового дела», им предстояло за 1–2 месяца изготовить на Верхотурье суда, чтобы с наступлением половодья хлебные запасы можно было отправить дальше сибирскими реками по городам. Плотники в обязательном порядке требовались с каждого из пяти регионов, их число также определялось в указных государевых грамотах (см. прил. 1). На судах обратно вывозили «соболиную казну» [5, № 33, с. 75]. По замечанию О.В. Семенова, Верхотурский уезд в начале XVII в. стал одним из крупнейших центров речного и морского «судового дела» в крае. Объем работы по строительству новых судов был обусловлен как возрастающим потоком грузоперевозок, так и повышенным износом самих судов, которые приходили в негодность после второй-третьей навигации [29, с. 139].

Бабиновской дорогой удобней всего было пользоваться зимой и в летнюю сухую погоду, а вот по Сибири предполагалось передвигаться по рекам, поэтому во всех указных грамотах строго прописывалось соблюдение сроков: привезти хлебные запасы нужно было зимой, а к началу половодья построить суда для отправки хлеба дальше в Сибирь «по большой воде». Согласно расчетам С.В. Бахрушина доехать от Соли Камской до Верхотурья можно было за 8–10 дней [4, с. 103–104].

Использованные в данной работе документы не содержат информацию по данному вопросу, однако в расчете не учтена сезонность и другие возможные факторы, поэтому вопрос еще требует уточнения.

Время, затрачиваемое в пути от Москвы до Верхотурья, подсчитал И.Р. Соколовский, получив довольно большой разброс: от 21 до 679 дней в целом, а в зимний период в среднем чуть больше 6 недель [32, с. 28–29]. Исследователь не смог объяснить резкое увеличение сроков доставки корреспонденции в некоторых случаях, обозначив 1602–1605 гг. как кризисные, или «очень неудачные», однако не принял во внимание содержание доставляемых документов. Так, к примеру, грамота царя Б.Ф. Годунова от 29 апреля 1601 г., доставленная 12 января 1603 г., касалась необходимости проведения сыска и суда по поводу убийства и грабежа ясачными зырянками ясачных вогулов [5, № 47, с. 92–93]. То есть на сроки доставки влияли как время года, так и содержание грамот. Так, указные грамоты об организации перевозки хлебных запасов, отправленные из Москвы в сентябре, доставлялись на Верхотурье в декабре – начале января, а декабрьские – в январе-феврале, в среднем за 40 дней (от 24 до 52) [5, № 1–108, с. 11–171].

В грамотах устанавливалась система контроля: об отправки хлебных запасов верхотурским воеводам следовало присылать отписки в Москву [5, № 6, с. 29–30]; «а не делаете этого вовремя и упустите большую воду, то будете в великой опале и казни» [5, № 1, с. 15–16]; «а лишних бы запасов не имал, насильства и убытков не чинил некоторые дела, и сам бы смотрел накрепко» [5, № 3, с. 18–20].

Особенности организации и нормы обеспечения Сибири «хлебными запасами». 1596/97 год. В работе, посвященной истории Перми Великой в конце XVI – начале XVII в., А.А. Дмитриев привел данные о количестве хлебных запасов, которые перевозились в Сибирь через Лозьвинский городок осенью 1596 г., ссылаясь на царский указ от 30 ноября 1596 г. лозьвинскому воеводе И.В. Траханиотову за скрепой дьяка И. Вахромеева [12, с. 20–21]. Обращаясь к тексту этого указа, видим, в каком объеме было предписано детям боярским Михаилу Бородину и Богдану Еси-

пову доставить в Сибирь запасы, посланные с Перми Великой, Вятки, Устюга Великого, Соли Вычегодской, Выми [25, № 60, с. 126–137] (см. прил. 1). В документе также расписано, сколько запасов в какой из семи сибирских городов отправить, включая денежное жалование, соль, свинец и другую провизию.

В целом расчет показывает, что в 1596/97 г. всего с Поморских земель должно было быть собрано 10 557 четей без четверика, в том числе с Перми Великой – 3 432 чети без полуосьмины и полчетверика (32,5 % от общего сбора), с Вятской земли – 3 260 четей с четвериком (30,8 %), с Вымской земли – 652 чети без полутора четвериков (6,2 %), с Соли Вычегодской – 1 069 четей с полуосьминой (10,1 %), с Устюжского уезда – 2 144 чети (20,3 %). То есть большая часть запасов собиралась с Перми Великой и с Вятки (см. прил. 1).

1597/98 год. В первый год строительства Верхотурья посошным людям каждого уезда надлежало позаботиться об устройстве житниц и амбаров под свои запасы ближе к р. Туре для судовой отгрузки до весны, укрыв, «чтобы сверху и снизу не подмочило» (см. прил. 1) [5, № 1, с. 13]. Верхотурским воеводам велено было не мерить хлебные запасы до их погрузки на суда [5, № 1, с. 14].

После «устройства» хлебных запасов всем посошным людям городов нужно было съездить «по лес» для судового дела дважды «или сколько раз придется», в зависимости от объема привезенных хлебных запасов и количества людей. Потом съездить за лесом для острожного дела по смете, «сколько нужно». Далее посошных людей с подводами не задерживая, следовало отпустить, чтобы успели вернуться по зимнему пути и не умерли с голоду [5, № 1, с. 16–17].

Плотникам следовало сделать до весны 20, 25 «или сколько нужно судов» в Сургут и на Тару грузоподъемностью по 300 четей; на Березов – по 400 и 500 четей, и 6 судов грузоподъемностью по 120 четей, чтобы потом могли пригодиться ратным людям для войн; для Мангазеи сделать 4–5 судов, узнав, в каких судах можно пройти по Енисею, 3 кочи для морского хода [5, № 1, с. 14, 16–17]. После изготовления судов можно было привлечь плотников для городских построек, а потом отпустить по домам, чтобы «даром не жили

и земским людям убытка не было» [5, № 1, с. 11, 15–16].

С наступлением весны присланные из Москвы дети боярские должны были отмерить хлебные запасы у целовальников и везти их по сибирским городам вместе со служилыми людьми – «с литвою», стрельцами и казаками, как приедут на Верхотурье. Лучшие суда нужно было дать под сибирские хлебные запасы и государеву казну, средние – детям боярским под их запасы, а если судов не хватит, то под воеводские запасы построить плоты. Эти же служилые люди должны были грузить хлебные запасы, а воеводе следовало расписать, кто сколько грузит и на какие суда [5, № 1, с. 15–16].

В 1598 г. для Перми Великой была определена дополнительная повинность: Сарычу Шестакову для всех сибирских городов велено было послать на Верхотурье 1 000 пудов соли да «конопати лык, смолы, поскони» из расчета на 30 судов [5, № 1, с. 11].

В грамоте от 21 марта 1598 г. сообщается, что дополнительно из Москвы было послано денежное жалование, а кроме того «вино церковное, ладан, темьян, воск, сукна, бумага писчая, книги» и роспись «что из этого в какой город послать». Отвешивать у целовальников хлебные запасы следовало верхотурскому голове Ивану Воейкову и послать по городам «в готовых мехех всякую четь», а потом ехать с Верхотурья в Тюмень, в Тобольск и по другим сибирским городам [5, № 3, с. 18–20].

В 1598 г. с Устюга Великого был отослан хлеб не в полном объеме и 23 ноября 1598 г. на Верхотурье В.П. Головину была дана грамота Б.Ф. Годунова с извещением о том, что недоимки будут присланы с хлебными запасами текущего года [11].

В целом расчет показывает, что в 1597/98 г. с Поморских земель должно было быть собрано 6 302 чети без четверика, в том числе с Перми Великой – 2 055 четей с осьминой (32,6 % от общего сбора), с Вятской земли – 1 951 четь с четвериком (30,9 %), с Вымской земли – 339 четей (5,4 %), с Соли Вычегодской – 680 четей без полуосьмины (10,8 %), с Устюжского уезда – 1 276 четей с осьминой (20,2 %). То есть большая часть запасов собиралась с Перми Великой и с Вятки (см. прил. 1).

1598/99 год. Указной грамоты на отправку хлебных запасов весной 1599 г. в изучаемом комплексе не сохранилось, но об этом упоминается в грамоте от февраля 1599 г.: на Верхотурье следовало содержать до весны 40 опальных людей, «а как лед вскрыется» отправить их на Березов «вместе с сибирскими хлебными запасами» [5, № 8, с. 30–32].

В грамоте от 7 декабря 1600 г. упоминается челобитная от старост и целовальников пяти вятских городов и сказано, что в 1598/99 г. отпустили с Вятки с государевым хлебным запасом на Верхотурье 1 030 подвод, найму дали от подводы по 2 руб. с гривною, им это обошлось в 2 163 рубля. А потом верхотурский воевода отправил 120 подвод с тем же хлебным запасом дальше, на Кошайское устье, подводы были наняты также вятчанами по 2 руб. и по 2 гривны за подводу, деньги заняли «по кабалам вдвое» у пермских торговых людей, но об этой дополнительной повинности, что за их счет нужно везти дальше в сибирские города, «на Вятке указ не получали». В челобитной сообщалось, что «на Верхотурье возят хлебные запасы устюжане, вычегодцы, вымичи и пермичи в 107 г.» [5, № 31, с. 66–67].

Дополнить информацию помогает список с наказа царя Б.Ф. Годунова из Сибирского приказа (РГАДА), который был дан тобольским воеводам окольниковому С.Ф. Сабурову, А.Ф. Третьякову, дьяку Т. Витовтову ранее 11 февраля 1599 г. ехать из Москвы в Новый город на Верхотурье к В. Головину и к И. Войкову, переписать суда, сколько сделано под государевы хлебные запасы, денежную казну и служилых людей, сколько имеется старых судов, которые пришли из Сибири с ясачной казной. Если выявится, что суда недоделаны, то «велеть на Лозье вятским, пермским, вымским, соливычегодским и устюжским плотникам» делать суда «неотступно день и ночь», чтобы к весне все успеть. Делать крепкими и хорошо укрыть, чтобы «государевых запасов в судах сверху и с ысподи не подмочило. А как доделают, то раздать...» [14, № 1, с. 168–173] и далее приводится та же очередность категорий служилых людей, которая описана в грамоте 1597 г. [5, № 1, с. 15–16]. «И велеть детям боярским из государевых житниц у вятских, пермских, устюжских,

соливычегодских, вымских целовальников хлебные запасы в сибирские города отвешивать всякую четь в пять пуд, оприч рогожных мехов» [14, № 1, с. 168–173].

В 1599 г. московское правительство пыталось решить еще одну проблему – унифицировать систему мер. Так, 4 мая 1599 г. на Верхотурье воеводе была отправлена грамота от царя Б.Ф. Годунова, в которой предписывалось во всех городах Сибири выдавать жалованье служилым людям «не в ту меру, в которую привозили хлебные запасы целовальники с Перми Великой и из иных городов... а в казенную московскую медяную меру, в которую дают хлебное жалованье на Москве». «Казенная медяная осмина» была послана на Верхотурье [1, № 27, с. 25–26].

1599/1600 год. В сентябре 1599 г. отправили из Москвы на Верхотурье через Соль Камскую для сибирских городов «церковное строение, образы, книги, сосуды церковные, колокола, ризы поповские, семь осмин медяных» и велено хлебное жалованье давать служилым людям «в тое медяную осмину» [5, № 11, с. 37–38].

Факт выполнения обязанностей по сбору и отправке хлебного жалования с Поморья в 1599/1600 г. фиксируется в государевой грамоте от 7 декабря 1600 г.: упоминается челобитная от старост и целовальников пяти вятских городов, в которой сообщалось, что в 1599/1600 г. вятчане отпустили с хлебным запасом от Соли Камской до Верхотурья 1032 подводы, подводы по найму по 2 руб., с Вятки на Верхотурье с семенным хлебом – 100 подвод, подводы по 2 руб. с полтиной, и в 1599/1600 г. верхотурские воеводы 130 подвод послали на Кошайское устье, под этот запас наняли вятчане подвод, так как их вятские «переустила», найм – по 1 руб., 20 алтын с гривною, заняли опять у пермичей торговых людей в рост, сумма с ростом составила 331 руб. с полтиною. «А на Верхотурье, – как сообщается в грамоте, – возят хлебные запасы устюжане, вычегодцы, вымичи и пермичи, а их в 107 и 108 году не посылали на Кошайское устье». В челобитной была просьба, чтобы с Верхотурья посылали с подводами в Кошайское устье не только вятчан, но и устюжан, вычегодцев, пермичей, вымичей [5, № 31, с. 66–68] (см. прил. 1).

1600/01 год. В государственной грамоте от 15 декабря 1600 г. сообщается, что в Соль Камскую привезены хлебные запасы на жалованье сибирским служилым людям из Казани, сложенные в амбары. Крестьянам всех пяти земель Поморья (вятчанам, пермичам, усольцам, вымичам, устюжанам) предписывалось перевезти эти запасы из Соли Камской на Верхотурье на своих подводах [5, № 33, с. 72] (см. прил. 1).

Отмерять велено было приехавшим из Казани сыну боярскому и целовальникам, которые хлебные запасы и привезли в Соль Камскую. Общее количество привезенных хлебных запасов составило 11000 четвертей в пермскую меру. Далее после их перевозки на Верхотурье голове Г.С. Салманову следовало сделать перевод из пермской меры в казенную (московскую) меру (см. прил. 2) и отмерить «муку ржаную в два верха, а крупу и толокно вровень». И далее жалованье сибирским служилым людям следовало раздавать по казенной мере. Общее количество хлебных запасов в пересчете на казенную московскую меру составило 13656 четей с полуосьминой [5, № 33, с. 73] (см. прил. 1).

В грамоте от 7 декабря 1600 г. верхотурскому воеводе дано распоряжение в 1600/01 г. вятчан на Кошайское устье не посылать, так как они ездили одни два года подряд. Грамота получена 15 января 1601 г. [5, № 31, с. 66–68].

О перевозках хлебных запасов информация сохранилась в наказе от 11 февраля 1601 г. царя Б.Ф. Годунова, где тобольскими воеводами назначены быть Ф.И. Шереметьев и А.М. Пушкин, а дьяком Тимофей Кудрин. Им следовало ехать из Москвы в Тобольск и с Верхотурья проводить хлебные запасы тобольским служилым людям. Здесь же велено описать, сколько судов есть в наличии, если не хватает, то «конопатить наспех всякими людьми неотступно день и ночь». А если судов будет мало, то велеть доделать вятским, пермским, вымским, соливычегодским, устюжским плотникам [13, № 1, с. 150–155]. В данном документе указания даны аналогично тем, о чем ранее говорилось в грамоте и наказе на 1598 г. и 1599 г. [5, № 1, с. 15–16; 14, № 1, с. 168–173]. Также предписано «хлебные запасы с поморских городов» тщательно отмерить, чтобы довести все сполна [13, № 1, с. 151]. В наказе упоминается роспись и госу-

дарев указ, высланные на Верхотурье голове Гавриле Салманову о порядке отпуска хлебных запасов [13, № 1, с. 150].

Приложением к наказу 1601 г. Ф.И. Шереметьеву дана память, составленная после 11 февраля 1601 г., по которой следовало отправленные с ним с Москвы деньги на жалованье служилым людям и утварь раздать на Верхотурье новым воеводам сибирских городов [13, № 2, с. 155].

Исследователь М.А. Мацук вслед за А.А. Преображенским связал факт поставки хлебных запасов из поволжского региона с неурожаем в Поморье [21, с. 55]. По всей видимости, действительно, в 1600/01 г. с территории Поморских городов хлебное жалованье не собиралось.

Расчет перевезенных хлебных запасов показывает, что в 1600/01 г. жителями Поморских земель было перевезено казанских сборов 11 000 четей с полчетвериком и полполполчетвериком п.м., в том числе жителями Перми Великой – 651 четей (5,9 % от общего сбора), Вятской земли – 4 547 четей с полуосьминою без полполполчетверика (41,3 %), Вымской земли – 657 четей с осьминою, полчетвериком, полполчетвериком (5,9 %), Соли Вычегодской – 1 916 четей с осьминою, полтора четвериком полполполчетвериком (17,4 %), Устюжского уезда – 3 227 четей с осьминою, полчетвериком и полполполчетвериком (29,3 %). То есть, больший объем перевозимых запасов пришелся на Вятскую землю и Устюжский уезд. В сумме объем, как показали подсчеты, превышает указанный в 11 000, привезенный из Казани, вероятно, из-за погрешности в замере.

1601/02 год. В Вымско-Вычегодской летописи есть запись о том, что «Лета 7110 (1601/02 г.) много людей государевых померло потому в Русии голод великий был два лета. Пермьки многие в голод тот разбрелись вятским и сибирским городом, а иныи померли с неядения» [15, с. 241–271]. Возможно, это стало причиной, почему сибирские хлебные запасы собрали в Казани.

Осенью 1601 г. снова через Соль Камскую на Верхотурье московским правительством был организован транзит хлебных запасов (муки, круп и толокна) из Казани. В грамоте Б.Ф. Годунова от 27 октября 1601 г. ука-

заны объемы поступивших хлебных запасов и проведено распределение повинностей между теми же пятью регионами Поморья по перевозке их на Верхотурье (см. прил. 1). С запасами были посланы дети боярские Родислав Обухов, Постник Неелов и казанские целовальники. По приезде на Верхотурье им надлежало отмерить хлебные запасы, устроить в амбары, держать за своими печатями до весны. Отправить часть хлебных запасов для пельимских служилых людей на Лялинское устье, устроив их там в амбарах до весны. Также послать судовых плотников на Лялинское устье для постройки судов, а «для береженья» послать с ними 10 чел. верхотурских стрельцов. На Лялинском устье и на Верхотурье посошным людям следовало съездить «по лес» для судебного дела. После этого можно было всех посошных людей отпустить [5, № 64, с. 110–114].

Расчет перевезенных хлебных запасов показывает, что в 1601/02 г. жителями Поморских земель было перевезено казанских сборов 12 596 четей с третником и полполполчетвертиком в казенную старую казанскую меру, в том числе жителями Перми Великой – 744 чети с осьминою, полполчетвертиком (5,9 % от общего сбора), Вятской земли – 5 209 четей с третником и полполполчетвертиком (41,3 %), Вымской земли – 755 четей с полполчетвертиком (5,9 %), Соли Вычегодской – 2 207 четей с осьминою, четвертиком, полполчетвертиком, полполполчетвертиком (17,5 %), Устюжского уезда – 3 680 четей без полутора четверика (29,2 %) [5, № 64, с. 110–114] (см. прил. 1). Суммируя перевезенные запасы, получаем цифру 12 596 с третником и полчетвертиком, что свидетельствует о том, что расчет для перевозки отдельными землями сделан тоже по казенной старой казанской мере. Казанцы в прибавку положили муку и толокно на случай, если будет недомер, так как в Свияжске использовалась новая казенная свияжская мера [5, № 64, с. 110–114]. Система мер не была унифицирована, как отмечалось, «в сибирских городах казенная новая мера чатья против свияжские и казанские больши» [5, № 64, с. 111].

Большой объем перевозимых запасов в 1601/02 г. пришелся на Вятскую землю и Устюжский уезд.

1602/03 год. Факт того, что в 1602/03 г. также хлебные запасы для Сибири поступили в Соль Камскую из Казани, подтверждается в обнаруженной М.А. Мацуком в Архиве Коми (Ф. 1346) поручной записи о вымском запасном целовальнике Дементье Григорьеве сыне, ему предписывалось ехать в Соль Камскую, взять за их Сысольскую землю за Ужгинскую волость сибирские хлебные запасы у казанских детей боярских Ивана Зыкова и Осипа Хохлова муки, круп, толокна «на 15 лошадей по 4 четверти без девяти гривенок на подводу, а кладь против прежнего по 15 пуд на лошадь», отправить на Верхотурье [22, с. 103–104].

То есть, данный документ показывает, что в 1602/03 г. повинность платить сибирские хлебные запасы лежала и на Сысольской земле. Поморские земли не освобождались от выплаты сибирских хлебных запасов, а в случае, если они не могли сделать это сами, то хлебные запасы за них по государеву указу собирали в других землях. Повинность же по транспортировке этих запасов от Соли Камской до Верхотурья оставалась за поморцами, причем каждая волость осуществляла это самостоятельно по своей доле. Сысольская земля была составной частью более обширной территории – Яренского уезда, но этот уезд как самостоятельная административная единица в изучаемых документах не фигурирует.

В 1603 г., как отметил Е.В. Вершинин, важным событием была попытка организовать в 80 верстах от Верхотурья, на реке Туре, постоянное поселение из 50 плотников взамен присылки их из Поморья, которые бы еще занимались земледелием, но эта попытка не удалась [6, с. 168–169].

1603/04 год. К лету 1604 г. в вопросе перевозки хлебных запасов выявился ряд проблем, о которых в Приказ Казанского и Мещерского дворца были поданы 4 челобитные.

1. Результатом первой стала грамота от царя Б.Ф. Годунова на Верхотурье от 21 августа 1604 года. Начало грамоты не сохранилось, но, по всей видимости, это был ответ на коллективную челобитную с Вятки, Устюга, Выми, Соли Вычегодской на пермичей [5, № 90, с. 142–145]. Обозначены две проблемы:

а) запасы на Верхотурье доходят с подмесом. Перевозкой занимаются пермичи –

усольцы и кайгородцы, – которые ездят наниматься на Вятку, на Устюг, Соль Вычегодскую и Вымь уже с лета. Кладут на воз по 3 чети, берут найма по 3, 4 и больше рублей, а недоезжая до Верхотурья «верст за 30, 40 и больше», на Волоке, оставляют груз, возвращаются в Соль Камскую за другими запасами, чтобы «отвезти на одной лошади на Верхотурье возов 6, 7 и больше». Проводники, которые живут на Волоке у того запаса, и проезжие люди достают хлеб из мехов и подсыпают «камень, глину, пепел». На Верхотурье пермичи привозят запасы рано, «по зимнему пути», складывают в амбары на Гостином дворе, говорят, что это их собственный хлеб. А когда приезжают старосты и целовальники с других городов, то отдают эти запасы целовальникам как оброчные. А себе забирают запасы, которые привезены из городов, «емлют в отвоз чети в пятьдесят и до 100, а иногда и 200 и больше». «Это потери и воровство великое» – заключается в государственной грамоте [5, № 90, с. 142–145];

б) запасы «сполна» на Верхотурье не доходят. 30 марта 1604 г. в недозове оказалось 1700 четей. Проблема заключалась в том, что использовалась разная весовая мера. Запасы с Вятки, Устюга, Соли Вычегодской и Выми брали у целовальников «в 5 пуд» потому, что «тех городов мера мала». На Верхотурье приказные люди писали, что посланы запасы «четы в один верх». А из Перми Великой приказный Андрей Безобразов сообщал на Верхотурье, что прислал хлебные запасы «в меру четь в два верха». И привесу пермского хлеба стало «за пять пуды 52 чети с полуосьминою муки, 5 чети круп, 5 чети толокна». В Приказе Казанского и Мещерского двorca задают вопросы верхотурскому воеводе и голове, не понимая, сколько именно из какого города недозовено и почему на Верхотурье брали хлебные запасы «в пять пуд, а не в нашу в казенную меру»? «А из нашей казны деньги за те хлебные запасы даны сполна» [5, № 90, с. 142–145]. Целовальники же в качестве компенсации вынуждены были дорого покупать хлеб на Верхотурье. Грамота также фиксирует процесс осуществления сбора хлебного жалования через государственную закупку.

Решением проблем стал указ не нанимать больше приказным людям на Вятке,

Устюге, в Соли Вычегодской и на Выми пермичей для перевозки хлебных запасов, а чтобы возили сами, а если пермичи, усольцы и вычегодцы начнут наниматься и привозить хлебные запасы «худы и не сполна», то эти запасы у них не брать [5, № 90, с. 142–145].

2. Пермичи, в свою очередь, тоже написали челобитную на имя государя, в которой жаловались на «задержанье», «проесть» и убыток, после чего 9 ноября 1604 г. на Верхотурье воеводе и голове предписывалось следующее: 1) у пермских и усольских людей брать хлебные запасы тотчас, не мешкая по 5–6 дней, их с подводами на Верхотурье не задерживать; 2) не заставлять делать лишних судов, возить лишних дров, сечь лишний лес, а составить смету, чтобы привезти недостающий лес «в прибавку» к прошлогоднему; 3) не заставлять покупать сено по «летней мере втрусок», а разрешить дожидаться повышения цены. Воеводам был дан наказ: «Учнете посулы и поминки имати, и мы те убытки и проести велим взяти на вас вдвое, да вам же быти от нас в великой опале» [5, № 95, с. 152–154].

3. 19 ноября 1604 г. дана грамота Б.Ф. Годунова по челобитью вятчан, в которой приводятся объемы предстоящего года запасов и плотников (см. приложение). Жаловались на принуждение покупать сено для лошадей по завышенной цене; их плотникам делать суда за пермичей, устюжан, усольцев, вычегжан и вымичей; применение другой меры объема: свыше «гурново весу и больше пяти пуд в четь»; превышение объемов вывоза судового леса. В результате в 1603/04 г., чтобы вовремя вернуться на Вятку, вятчанам пришлось нанимать на судовой лес верхотурских жильцов, казаков, стрельцов и охотников, но они работу до конца не выполнили. В указанной грамоте содержалось предписание по каждому пункту жалобы: не заставлять вятчан покупать сено, пусть купят по своей воле сколько нужно; «плотникам лишних изделий за другие города делать не велите»; «лишних дров возить не велите» и т. д. «И если от вас учинится насильство какое и продажа, то их убытки на вас взыщутся вдвое» – говорилось в грамоте [5, № 97, с. 156–159].

4. Еще одна челобитная была составлена сольвычегодцами, и на нее дана ответная

грамота 30 ноября 1604 г., в которой предписывалось: «...не наметывайте на усольцев изделия немеренные», «не заставляйте возить лишний лес и рубить деревья»; «запасы отмеривать тотчас, не мешкая, чтоб задержанья, проести и убытков усольцам не было»; «сено чтобы покупали у тех, кто им продаст повольно». «А если будет задержанье и убытки, или у них учнете имать посулы и поминки, и мы велим доправить вас вдвое, да вам же от нас быть в опале» [5, № 98, с. 159–160].

1604/05 год. В указной грамоте от 15 ноября 1604 г. на Верхотурье имеется смета, сколько сибирских хлебных запасов и плотников нужно отправить с поморских городов [5, № 96, с. 154–156] (см. прил. 1). Обязанности по дальнейшей постройке судов вменялись те же самые, что и раньше, только теперь надлежало все делать по смете. В отписке пермичей в Нижегородскую четь от 10 февраля 1605 г. упоминается указная грамота Б.Ф. Годунова, составленная не позднее 4 января 1605 г., в которой предписывалось приказному Перми Великой П.В. Пивову собрать на 1604/05 г. с пермичей с чердынцев, усольцев Камские Соли, кайгородцев государевым служилым людям на жалованье хлебных запасов 450 чети муки ржаные, 50 чети круп, 50 чети толокна [28, № 7, с. 177–178]. В грамотах на Верхотурье и в Пермь Великую суммы совпадают (см. прил. 1).

Оба документа содержали информацию о том, что в 1604/05 г. хлебные запасы за Вымь нужно было собрать в Перми Великой по челобитью вымичей [28, № 3, с. 162]. Челобитная не сохранилась, текст грамоты в Пермь Великую тоже, а в грамоте на Верхотурье не указана причина, почему вымичи не смогли собрать в текущем году хлебные запасы. М.А. Мацук предположил, что «яречане в голодные годы подали челобитные царю Б.Ф. Годунову с просьбой помочь им в выполнении этой повинности» [21, с. 56].

В указной грамоте от 15 ноября 1604 г. была прописана процедура: вымские старосты и целовальники с посошными людьми должны были взять в Перми Великой хлебные запасы, отвезти их на Верхотурье, затем получить из пермской казны деньги за эти запасы и отвезти их в Москву [5, № 96, с. 154–156] (в публикации неправильно выделен абзац:

информация про то, что везти вымским целовальникам, относится только к вымским запасам).

Усть-вымская доля в итоге была собрана вся и запасные целовальники Иван Немов и Богдан Попов 14 февраля 1605 г., получив 250 четей ржаной муки, 50 четей круп и 50 четей толокна, дали приказному Перми Великой А.В. Пивову и подьячему И. Федорову отписку, что государев запас до них дошел сполна, чист и «без подмеса». Далее они должны были самостоятельно отправить его на Верхотурье [28, № 6, с. 175–176].

При сопоставлении документов важен следующий факт: во всех верхотурских грамотах речь идет о «Вымской земле», в то время как в соликамских документах говорится о сборе хлебных запасов за «Усть-Вымь». Усть-вымская доля объемом в 250 четей ржаной муки, 50 четей круп и 50 четей толокна была распределена между тремя уездами Перми Великой – Кайгородским, Соликамским и Чердынским и собрана полностью [28, № 3, с. 159–165; № 5, с. 170–173]. Кроме того, сохранилась отпись усть-вымских запасных целовальников в получении у приказных людей Перми Великой хлебных запасов для отвоза на Верхотурье [28, № 6, с. 175–176].

Усть-Вымь была отдельным поселением, бывшие епископские земли, часть Яренского уезда. Но, судя по тому, что сумма выплаты за «Вымь» в грамоте на Верхотурье и та, какую пермичи по своей указной грамоте собрали за Усть-Вымь, была одинаковой, можно заключить, что в 1604/05 г. повинность уплаты хлебных запасов лежала на Усть-Выми.

Соликамские документы содержат подробную информацию о том, как проходил процесс сбора, отправки сибирского хлебного жалованья на территории Перми Великой. После того, как хлебные запасы переправляли на Верхотурье, целовальники получали из таможенной казны деньги и отвозили в Москву в уплату своей части налога.

В целом расчет показывает, что в 1604/05 г. с Поморских земель должно было быть собрано 5 000 четей, в том числе с Перми Великой – 550 четей (11 % от общего сбора) своей доли и 350 четей (7 %) за Усть-Вымь, с Вятской земли – 1 600 четей (32 %), с Соли Вычегодской – 1 060 четей (21,2 %), с Устюж-

ского уезда – 1 440 четей (28,8 %). То есть большая часть запасов собиралась с Вятской земли и Устюжского уезда.

Оценивая правительственную политику 1605/06 г., М.А. Мацук со ссылкой на В.И. Корецкого связал возвращение к сбору сибирских запасов в Поморских уездах с неурожаем в 1604 г. в Казани [21, с. 56].

Изучение организации сбора хлебных запасов показывает работу разных приказных учреждений. Так, в 1604/05 г. приходилось взаимодействовать приказу Казанского и Мещерского двorca, откуда посылались грамоты на Верхотурье, Нижегородской чети – из нее управлялась в 1604/05 г. Пермь Великая, Новгородской чети – заведовала рядом земель Поморья. М.А. Мацук отметил, что волости-земли Яренского уезда до введения в 1607 г. должности яренского воеводы управлялись из четвертного приказа дьяка И. Вахромеева через выборных старост [20, с. 28], но нужно сделать поправку, что эта четь приобрела свое название с 1599 г. как Новгородская четверть, в то время как И. Вахромеев после 29 сентября 1601 г. в источниках не упоминается [26, с. 88].

Результаты. Таким образом, в период царствования Б.Ф. Годунова московское правительство сначала через четь дьяка И. Вахромеева, затем приказ Казанского и Мещерского двorca при непосредственном участии приказных людей и земских старост городов Поморья, воевод и голов Верхотурья проводило активную политику продвижения за Урал, стараясь регулировать и контролировать весь процесс организации, обеспечения государственной службы и освоения новых территорий в Сибири. Земли Юго-Восточной части Поморья Пермь Великая, Устюг Великий, Вятка, Соль Вычегодская, Вымь, где преобладало черносошное крестьянство и было развито пашенное земледелие, с 1588 г. ежегодно поставляли, за исключением неурожайных лет начала XVII в., определяемый правительством каждый раз заново объем хлебных запасов на жалование сибирским служилым людям. В 1603/04 г. фигурирует территория Сысоля, в 1604/05 г. – Усть-Выми, за которые собирают хлебные запасы Казань и Пермь Великая соответственно.

До 1597 г. включительно поставки осуществлялись через Чердынь и Лозьвинский городок, а с 1598 г. – через Соль Камскую и Верхотурье, при этом с 1598 г. добавилась новая повинность по отправке плотников для строительства судов и сооружения необходимых хозяйственных построек на Верхотурье.

Сравнение объемов перевозимых запасов показывает, что в 1596/97 и 1597/98 гг. больший объем поставок хлебных запасов в Сибирь осуществлялся с территории Перми Великой и Вятки. Точных количественных данных, перевозимых городами Поморья за 1598/99, 1599/1600 и 1603/04 гг., не сохранилось, но факт перевозки фиксируется документами. В течение трех лет – 1600/01, 1601/02 и 1602/03 гг. – хлебные запасы за Поморские города собирали в Казани, доставляли в Соль Камскую, а далее на Верхотурье перевозили поморцы – каждый уезд по своей «розводной доле». За собранные хлебные запасы поморцы получали деньги в приказной избе из таможенных сборов и сами отвозили их в Москву. Наибольшая доля перевозок казанских хлебных сборов в Сибирь через Соль Камскую в 1600/01 и 1601/02 гг. пришлась на Вятку и Устюг Великий, на эти же две земли приходится больший объем хлебных сборов в 1604/05 году.

Оценивая динамику общих поставок и взяв за отправной момент объем хлебных сборов 1596/97 г., можно констатировать их уменьшение до 59,7 % в 1597/98 г., их рост до 104 % в 1600/01 г. и до 119 % в 1601/02 г. в тот период, когда запасы привозили из Казани, и снова уменьшение в 1604/05 г. до 47,3 %. При этом следует сделать оговорку, что для 1601/02 г. в расчете использовалась казенная старая казанская мера, а для остальных лет – пермская мера. Поэтому в реальности доля отличалась, но не значительно.

Разработанную правительством схему государственного обеспечения хлебными запасами Сибири в конце XVI – начале XVII в. можно оценить как эффективную. Однако эта схема имела свои особенности для трех сторон процесса: 1) государство стремилось минимизировать финансовые риски, возложив на тяглое население не только сбор, но и доставку до Верхотурья, и обеспечение отправки

дальше по сибирским рекам хлебного запаса, а затем доставку до Москвы денежных средств, полученных за хлебные запасы из казенных денег на местах; 2) крестьяне и посадские люди пытались найти свою выгоду в выполнении непростой повинности и компенсировать неизбежные убытки от падежа лошадей, разбоя на дорогах, вынужденных кабальных сделок, излишних трат на свое пребывание вне дома; 3) административные служащие в лице воевод, голов, целовальников,

чьей зоной ответственности было обеспечить выполнение всех работ в срок и в полном объеме, часто не пренебрегали возможностью извлечь различного рода выгоды, пользуясь своим служебным положением. Московское правительство в лице приказных служащих старалось своевременно, насколько это было возможно из-за дальности расстояния, реагировать на обращения с мест и обеспечивать реализацию главной цели – освоению сибирского региона.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Нормы податей и повинностей для обеспечения службы в Сибири ¹

Appendix 1. Norms of taxes and duties to ensure service in Siberia

Год	Территория	Ржаная мука (чети)	Крупа (чети)	Толокно (чети)	Всего хлебных запасов (чети) ²	Доля собиравшихся и перевозимых запасов (%) ³	Подводы (шт.)	Плотники (чел.)	Соль (пуды)	Перевозка казанских запасов и плотников из Соли Камской на Верхотурье	Перевозка хлебных запасов из Верхотурья на Лялинское устье
1596/97	Пермь Вепльская	2 569 с полуосьминой без полчетверика П.м. ⁴	431 с полуосьмино П.м.	431 с полуосьмино П.м.	3 432 без полуосьмины и полчетверика П.м.*	32,5					
	Вятская земля	2 397 с осьминою и с четвериком П.м.	431 с полуосьмино П.м.	431 с полуосьмино П.м.	3 260 с четвериком* П.м.	30,8					
	Вымская земля	508 с полчетвериком П.м.	72 без четверика П.м.	72 без четверика П.м.	652 без полтора четвериков П.м.*	6,2					
	Соль Вытегодская	854 без полуосьмины П.м.	108 без полуосьмины П.м.	108 без полуосьмины П.м.	1069 с полуосьминой П.м.*	10,1					
	Устюжский уезд	1 713 без полуосьмины П.м.	215 с осьминой и четвериком П.м.	215 с осьминой и четвериком П.м.	2 144 П.м.*	20,3					
	Всего (5 регионов Поморья)	8 041 с полуосьминой и четвериком П.м.	1 258 без полуосьмины П.м.	1 258 без полуосьмины П.м.	10 557 без четверика П.м.*	100					

¹ Сведения составлены на основании документов, указанных в тексте статьи под соответствующим годом.

² Значения, отмеченные *, подсчитаны автором статьи, не отмеченные – приводятся по документам.

³ Доля запасов подсчитана автором статьи.

⁴ Сокращения: п.м. – пермская мера, к.м.м. – казенная московская мера, каз.м. – казенная старая казанская мера.

Продолжение приложения 1
Continuation of Appendix 1

Год	Территория	Ржаная мука (чети)	Крупа (чети)	Толокно (чети)	Всего хлебных запасов (чети)	Доля собиравшихся и перевозимых запасов (%)	Подводы (шт.)	Плотники (чел.)	Соль (пуды)	Перевозка казанских запасов и плотников из Соли Камской на Верхотурье	Перевозка хлебных запасов из Верхотурья на Ялышское устье
1597/98	Пермь Вятская	1 540 п.м.	258 без полуосьмины п.м.	258 без полуосьмины п.м. ⁵	2 055 с осьминою п.м.	32,6	685	30	1 000 на 30 судах		
	Вятская земля	1 434 с осьминою и с четвериком п.м.	258 с полуосьминою п.м.	258 с полуосьминою п.м.	1 951 с четвериком п.м.	30,9	650	30			
	Вьямская земля	270 п.м.	34 с осьминою п.м.	34 с осьминою п.м.	339 п.м.	5,4	113	10			
	Соль Вьчегодская	541 без полуосьмины п.м.	69 с осьминою п.м.	69 с осьминою п.м.	680 без полуосьмины п.м.	10,8	226	20			
	Устюжский уезд	1 025 п.м.	126 без полуосьмины п.м.	126 без полуосьмины п.м.	1 276 с осьминою п.м.*	20,2	425	20			
1598/99	Вятская земля	4 810 с полуосьминою и с четвериком п.м.	746 без полуосьмины п.м.	746 без полуосьмины п.м.	6 302 без четверика п.м.	100	2 099	110			
1599/1600	Вятская земля						1 032 + 100 с семенным хлебом + 130 на Кошайское устье				

⁵ В публикации документа ошибочно указано: «полуосьмины толокна», исправлено по подлиннику [10, л. 1].

Продолжение приложения 1
Continuation of Appendix 1

Год	Территория	Ржаная мука (чети)	Крупа (чети)	Толокно (чети)	Всего хлебных запасов (чети)	Доля собиравшихся и перевезенных запасов (%)	Подводлы (шт.)	Плотники (чел.)	Соль (пуды)	Перевозка казанских запасов и плотников из Соли Камской на Верхотурье	Перевозка хлебных запасов из Верхотурья на Лялинское устье
1600/01	Пермь Вятская земля					5,9				651 четей п.м., 6 плотников	
	Вятская земля					41,3				4 547 четей с полуосьминою без полполлотчетверика п.м., 34 плотника	
	Вятская земля					5,9				657 четей с осьминою, полчетвериком, полполлотчетвериком п.м. и 5 плотников	
	Соль Вятско-гольская					17,4				1 916 четей с осьминою, полтора четверика, полполлотчетвериком п.м., 16 плотников	
	Устюжский уезд					29,3				3 227 четей с осьминою, полчетвериком и полполлотчетвериком п.м., 24 плотника	
	Всего (перевезено ретпью ретпюнами Поморья)	9 500 к.м.м.	2 031 с полуосьминою к.м.м.	2 125 к.м.м.	13 656 чети с полуосьминою к.м.м.					11 000 четей с полчетвериком и полполлотчетвериком п.м. *	300 чети муки, 30 чети круп, 30 чети толокна к.м.м.
	Казань				11 000 п.м.	100					

Продолжение приложения 1
Continuation of Appendix 1

Год	Территория	Ржаная мука (чети)	Крупа (чети)	Толокно (чети)	Всего хлебных запасов (чети)	Доля собиравшихся и перевезенных запасов (%)	Подводы (шт.)	Плотники (чел.)	Соль (пуды)	Перевозка казанских запасов и плотников из Соли Камской на Верхотурье	Перевозка хлебных запасов из Верхотурья на Лялинское устье
1601/02	Пермь Великая					5,9				744 чети с осьминою, полчетвериком каз.м. и 6 плотников	
	Вятская земля					41,3				5 209 четей с третником и полполчетвериком каз.м. и 34 плотника	
	Вымская земля					5,9				755 четей с полполчетвериком каз.м. и 5 плотников	
	Соль Вычегодская					17,5				2 207 четей с осьминою, четвериком, полчетвериком, полполчетвериком каз.м. и 16 плотников	
	Устюжский уезд					29,2				3 680 четей без полтора четверика каз.м. и 24 плотника	
	Всего (5 регионов Поморья)									12 596 с третником и полчетвериком каз.м. *	448 четей муки, 62 чети с осьминою круп, 62 чети с осьминою толокна к.м.м.

Окончание приложения 1

End of Appendix 1

Год	Территория	Ржаная мука (чети)	Крупа (чети)	Толокно (чети)	Всего хлебных запасов (чети)	Доля собиравшихся и перевозимых запасов (%)	Подводы (шт.)	Плотники (чел.)	Соль (пуды)	Перевозка казанских запасов и плотников из Соли Камской на Верхотурье	Перевозка хлебных запасов из Верхотурья на Лялинское устье
1601/02	Казань ⁶	8 825 в один верх каз.м.	1 401 с осьминою каз.м.	1 401 с осьминою каз.м.	12 596 с третником и полнополотретником каз.м.	100					
		735 и полнополотретника каз.м.	117 без третника каз.м. ⁷								
1604/05	Пермь-Ведлякая ⁸	450 п.м.	50 п.м.	50 п.м.	550 п.м.*	11					
		250 п.м.	50 п.м.	50 п.м.	350 п.м.*	7					
		1 300 п.м.	150 п.м.	150 п.м.	1 600 п.м.*	32	533	12			
	Вятская земля	0	0	0	0*						
	Вымская земля										
	Соль Вычегодская	800 п.м.	130 п.м.	130 п.м.	1 060 п.м.*	21,2					
	Устюжский уезд	1 200 п.м.	120 п.м.	120 п.м.	1 440 п.м.*	28,8					
	Всего (5 регионов Поморья)	4 000 п.м.	500 п.м.	500 п.м.	5 000 п.м.*	100		30			

⁶ Послан дополнительный объем в случае, если будет недомер, так как в Казани и Свияжске были разные меры сыпучих продуктов.

⁷ В публикации пропущена строчка: «сто семнадцать чети без третника круп» [5, № 64, с. 111], исправлено по подлиннику [9, л. 1].

⁸ В Перми Великой собрали хлебные запасы за себя и за Усть-Вымь.

Приложение 2. Соответствие между пермской мерой объема сыпучих продуктов и московской казенной мерой в начале XVII века¹

Appendix 2. Correspondence between the Perm measure of the volume of bulk products and the Moscow government measure at the beginning of the 17th century

Наименование продуктов	Пермская мера	Московская казенная мера ²
Мука ржаная	1 четверть	1 четверть и полтора четверика
Крупа овсяная	1 четверть	1 четверть с полуосьминой, с полчетвериком и полполчетвериком
Толокно	1 четверть	3 осьмины без полчетверика

¹ Данные приводятся по указной грамоте Б.Ф. Годунова на Верхотурье от 15 декабря 1600 г. [5, № 33, с. 73].

² Также называется «казенная медяная осмина» [1, № 27, с. 25–26].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. В 5 т. Т. 2. (1598–1613 гг.). СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. 482 с.
2. Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданы археографическою комиссиею. В 3 т. Т. 2. СПб.: Тип. Императ. акад. наук, 1864. 446 с.
3. Багрин Е. А. Верхотурская таможня в период формирования и первых лет своей деятельности в 1598–1613 гг. Гостиный двор // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2014. № 1. С. 208–223.
4. Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М.: Изд. М и С. Сабашниковых, 1927. 199 с.
5. Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII / сост. Е. Н. Ошанина; отв. ред. А. А. Преображенский. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1982. 298 с.
6. Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII в. Екатеринбург: Демид. ин-т, 2018. 504 с.
7. Веселовский С. Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. В 2 т. Т. 1. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1915. 442 с.
8. Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 368 с.
9. Грамота верхотурскому воеводе кн. М.Д. Львову и голове У.В. Новосильцову о посылке из Казани с детьми боярскими Родиславом Обуховым и Постником Нееловым «хлебных запасов» служилым людям сибирских городов с приказанием построить судна для доставки запасов в Пелым и Мангазею, 27 окт. 1601 г. // Фонд рукописей Российской государственной библиотеки (ФР РГБ). Ф. 256. Румянцев Н.П. Собрание. Ед. хр. 46. 6 л.
10. Грамота верхотурскому воеводе о сборе в Перми, Вятке, Сольвычегодске, Выми [и Устюга Великом] запасов и отправке их на Верхотурье с приказанием построить амбары и «суды» для езды в Мангазею и Енисейск, 15 дек. 1597 г. // ФР РГБ. Ф. 256. Румянцев Н.П. Собрание. Ед. хр. 1. 10 л.
11. Грамота царя Бориса Федоровича на Верхотурье В.П. Головину с извещением, что хлеб, недосланный за прошлый год из Устюга Великого, будет доставлен на Верхотурье из Устюга же Великого с хлебными запасами текущего года, 23 нояб. 1599 г. // Архив СПб ИИ РАН. Кол. 174. Акты до 1613 года. Оп. 1. Ед. хр. 595. 2 л.
12. Дмитриев А. А. Первые годы после Ермака и Смутное время // Пермская старина: сб. ист. ст. и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. VI. Пермь: Тип. П.Ф. Каменского, 1895. С. 1–128.
13. Добжанский В. Н. Наказ и наказные памяти царя Бориса Федоровича Годунова тобольским воеводам Ф.И. Шереметьеву и О.М. Пушкину 1601 года как источники по истории Сибири начала XVII века // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2021. Вып. 14. С. 146–159.
14. Добжанский В. Н. Наказ и наказные памяти царя Бориса Федоровича Годунова Тобольским воеводам С.Ф. Сабурову и А.Ф. Третьякову 1599 году как источник по истории Сибири конца XVI века // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2020. Вып. 12. С. 154–198.
15. Доронин П. Г. Документы по истории коми // Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. С. 241–271. URL: <http://krotov.info/acts/17/1/vyuchegod.htm>
16. Квещинская Т. Е. Торговля г. Верхотурья в XVII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 16 с.
17. Комлева Е. В. Снабжение хлебом северных районов Сибири (XVII–XIX вв.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 3. С. 13–18.
18. Корчагин П. А. История Верхотурья (1598–1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Изд. 2-е, доп. Екатеринбург: ИИЦ «РГ-Урал», 2012. 288 с.
19. Космовская А. С. Воеводское управление в Пермском Прикамье в конце XVI–XVII вв. Пермь: Перм. гос. ин-т культуры, 2019. 244 с.
20. Мацук М. А. Демократические традиции самоуправления народа коми. XIV–XVII вв. // Вопросы истории и культуры северных стран и территории. 2008. № 1. С. 23–31.
21. Мацук М. А. Крестьяне Коми края в конце XVI–XVII в.: Феодальная эксплуатация. М.: Наука, 1990. 152 с.
22. Мацук М. А. Налоги и повинности черносошного крестьянства Яренского уезда в конце XVI–XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1984. 245 с.
23. Миллер Г. Ф. История Сибири. В 3 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 607 с.
24. Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М.: Наука, 1972. 392 с.
25. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 2. СПб.: Печатня В.И. Головина, 1875. 656 с.
26. Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII века. М.: МБА; Квадрига, 2011. 656 с.

27. Рыбалко Н. В. Управление в Перми Великой конца XVI – начала XVII века: от приказных людей к воеводской власти // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 5. С. 100–112. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.9>

28. Рыбалко Н. В., Дмитриева Е. Г. Соликамский архив: реконструкция и источниковедческий анализ (1605–1608 годы). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. 319 с.

29. Семенов О. В. Система ямской гоньбы в Сибири в конце XVI–XVII вв.: качество функционирования // Россия и мир: панорама исторического развития: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию ист. фак. Урал. гос. ун-та им. А. М. Горького. Екатеринбург: Волот, 2008. С. 534–538.

30. Семенов О. В. Верхотурский ям в конце XVI–XVII в.: история возникновения и функционирования // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург: Изд-во Урал. госун-та, 2009. Вып. 7. В 2 ч. Ч. 1: Социально-политическая история. С. 15–28.

31. Симачкова Н. Н. Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI – начале XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2002. 185 с.

32. Соколовский И. Р. Почтовые службы XVII века на окраинах: сравнительный аспект // История Сибири, 1583–2006 гг. Проблемы и перспективы: сб. материалов рег. молодеж. науч. конф. Новосибирск: Сова, 2006. С. 28–37.

33. Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России. М.: Наука, 1974. 376 с.

34. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – нач. XVIII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 228 с.

During the Period of Formation and the First Years of Its Activity in 1598–1613. Gostiny Dvor]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo im. V.B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii* [Scientific Notes of the St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy Named After V. B. Bobkov], 2014, no. 1, pp. 208–223.

4. Bakhrushin S.V. *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVI i XVII vv.* [Essays on the History of the Colonization of Siberia in the 16th and 17th Centuries]. Moscow, Izd. M i S. Sabashnikovykh, 1927. 199 p.

5. Oshanina E.N., Preobrazhensky A.A., eds. *Verkhoturские грамоты конца XVI – начала XVII* [Verkhoturye Documents of the Late 16th – Early 17th Centuries]. Moscow, In-t istoriy SSSR AN SSSR, 1982. 298 p.

6. Vershinin E.V. *Russkaia kolonizatsiia Severo-Zapadnoi Sibiri v kontse XVI–XVII v.* [Russian Colonization of North-Western Siberia at the End of the 16th–17th Centuries]. Yekaterinburg, Demid. in-t, 2018. 504 p.

7. Veselovskii S.B. *Soshnoe pismo: issledovanie po istorii kadastra i pososhnogo oblozheniia Moskovskogo gosudarstva. V 2 t. T. 1* [Soshnoye Letter: A Study on the History of the Cadastre and Taxation of the Moscow State. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Typ. G. Lissnera i D. Sobko, 1915. 442 p.

8. Vilkov O.N. *Ocherki sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia Sibiri kontsa XVI – nachala XVIII v.* [Essays on the Socio-Economic Development of Siberia at the End of the 16th – Beginning of the 18th Centuries]. Novosibirsk, Nauka. Sib. otd-nie Publ., 1990. 368 p.

9. Gramota verkhoturскому voevode kn. M.D. Lvovu i golove U.V. Novosiltsovu o posylke iz Kazani s detmi boiarskimi Rodislavom Obukhovym i Postnikom Neelovym «khlebnykh zapasov» sluzhilym liudiam sibirskikh gorodov s prikazaniem postroit sudna dlia dostavki zapasov v Pelym i Mangazeiu, 27 okt. 1601 g. [Letter to the Verkhoturye Governor, Prince M.D. Lvov and Head U.V. Novosiltsov About Sending “Grain Reserves” from Kazan with the Boyar Children Rodislav Obukhov and Postnik Neelov to Servicemen of Siberian Cities with the Order to Build Ships to Deliver Supplies to Pelym and Mangazeya, October 27, 1601]. *Fond rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki (FR RGB)* [Fund of Manuscripts of the Russian State Library], f. 256. Rumyantsev N.P. Sobranie, dep. item 46. 6 l.

10. Gramota verkhoturскому voevode o sbore v Permi, Viatke, Solvychegodske, Vymi i Ustiuge Velikom zapasov i otpravke ikh na Verkhoture s prikazanie postroit ambary i «sudy» dlia ezdy v Mangazeiu i Eniseisk, 15 dek. 1597 g. [Letter to the Verkhoturye Governor About Collecting Supplies in Perm, Vyatka,

REFERENCES

1. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdанные Arkheograficheskoiu komissiei. V 5 t. T. 2. (1598–1613 gg.)* [Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission. In 5 Vols. Vol. 2 (1598–1613)]. Saint Petersburg, Tip. Ekspeditsii zagotovleniya gos. bumag, 1841. 482 p.

2. *Akty, otnosiashchiesia do iuridicheskogo byta drevnei Rossii, izdany arkheograficheskoiu komissiei. V 3 t. T. 2* [Acts Relating to the Legal Life of Ancient Russia Were Issued by the Archaeographic Commission. In 3 Vols. Vol. 2]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. akad. nauk, 1864. 446 p.

3. Bagrin E.A. *Verkhoturaskaia tamozhnia v period formirovaniia i pervykh let svoei deiatelnosti v 1598–1613 gg.* Gostinyi dvor [Verkhoturye Customs

Solvychegodsk, Vym and Ustyug Veliky and Sending Them to Verkhoturye with Orders to Build Barns and “Vessels” for Travel to Mangazeya and Yeniseisk, December 15, 1597]. *FR RGB* [Fund of Manuscripts of the Russian State Library], f. 256. Rumyantsev N.P. Sobranie, dep. item 1. 101.

11. Gramota tsaria Borisa Fedorovicha na Verkhoture V.P. Golovinu s izveshcheniem, chto khleb, nedoslanniy za proshlyi god iz Ustiuga Velikogo, budet dostavljen na Verkhoture iz Ustiuga zhe Velikogo s khlenymi zapasami tekushchego goda, 23 noyab. 1599 g. [Letter from Tsar Boris Fedorovich in Verkhoturye to V.P. Golovin with the Notification That the Bread Not Sent Last Year from Ustyug Veliky Will Be Delivered to Verkhoturye from Ustyug Veliky with the Current Years Grain Reserves, November 23, 1599]. *Arkhiv SPb II RAN* [Archive of St. Petersburg Institute of the Russian Academy of Sciences], coll. 174. Acty do 1613 goda, inv.1, dep. item 595. 21.

12. Dmitriev A.A. Pervye gody posle Ermaka i Smutnoe vremia [The First Years After Ermak and the Time of Troubles]. *Permskaia starina: sb. ist. st. i materialov preimushchestvenno o Permskom krae. Vyp. VI* [Perm Antiquity. A Collection of Historical Articles and Materials Mainly About the Perm Region. Iss. 6]. Perm, Tip. P.F. Kamenskogo, 1895, pp. 1-128.

13. Dobzhanskii V.N. Nakaz i nakaznye pamiaty tsaria Borisa Fedorovicha Godunova tobolskim voevodam F.I. Sheremetevu i O.M. Pushkinu 1601 goda kak istochniki po istorii Sibiri nachala XVII v. [Order and Memory of Tsar Boris Fedorovich Godunov to the Tobolsk Governors F.I. Sheremetyev and O.M. Pushkin in 1601 as Sources on the History of Siberia in the Early 17th Century]. *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika «Tomaskaia Pisanitsa»* [Scientific Notes of the Tomsk Pisanitsa Museum-Reserve], 2021, iss. 14, pp. 146-159.

14. Dobzhanskii V.N. Nakaz i nakaznye pamiaty tsaria Borisa Fedorovicha Godunova Tobolskim voevodam S.F. Saburovu i A.F. Tretiakovu 1599 godu kak istochnik po istorii Sibiri kontsa XVI veka [Order and Memory of Tsar Boris Fedorovich Godunov to the Tobolsk Governors S.F. Saburov and A.F. Tretiakov 1599 as a Source on the History of Siberia at the End of the 16th Century]. *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika «Tomaskaia Pisanitsa»* [Scientific Notes of the Tomsk Pisanitsa Museum-Reserve], 2020, vol. 12, pp. 154-198.

15. Doronin P.G. Dokumenty po istorii komi [Documents on the History of Komi]. *Istoriograficheskii sbornik. Vyp. 4* [Historical and Philological Collection. Iss. 4]. Syktyvkar, Komi kn. izd-vo, 1958, pp. 241-271. URL: <http://krotov.info/acts/17/1/vychedgod.htm>

16. Kvetsinskaia T.E. *Torgovlia g. Verkhoturii v XVII v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Trade in

Verkhoturye in the 17th Century. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Novosibirsk, 1990. 16 p.

17. Komleva E.V. *Snabzhenie khlebom severnykh raionov Sibiri (XVII–XIX vv.)* [Supply of Grain to the Northern Regions of Siberia (17th – 19th Centuries)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2016, vol. 23, no. 3, pp. 13-18.

18. Korchagin P.A. *Istoriia Verkhoturii (1598–1926). Zakonomernosti sotsialno-ekonomicheskogo rakhvitiia i skladyvaniia arkhitekturno-istoricheskoi srudy goroda* [History of Verkhoturye (1598–1926). Patterns of Socio-Economic Development and Formation of the Architectural and Historical Structure of the City]. Yekaterinburg, IITs “RG-Ural”, 2012. 288 p.

19. Kosmovskaia A.S. *Voevodskoe upravlenie v Permskom Prikame v kontse XVI – XVII vv.* [Voevodsky Management in the Perm Prikamye at the End of the 16th – 17th Centuries.]. Perm, Perm. gos. in-t culture, 2019. 244 p.

20. Matsuk M.A. *Demokraticheskie traditsii samoupravleniia naroda Komi. XIV–XVII vv.* [Democratic Traditions of Self-Government of the Komi People. 16th – 17th Centuries]. *Voprosy istorii i kultury severnykh stran i territorii* [Questions of History and Culture of Northern Countries and Territories], 2008, no. 1, pp. 23-31.

21. Matsuk M.A. *Krestiane Komi kraia v kontse XVI–XVII v.: Feodalnaia ekspluatatsiia* [Peasants of the Komi Region at the End of the 16th–17th Centuries: Feudal Exploitation]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 152 p.

22. Matsuk M.A. *Nalogi i povinnosti chernososhnogo krestianstva Iarenskogo uezda v kontse XVI – XVII vv.): dis. ... kand. ist. nauk* [Taxes and Duties of the Black-Sown Peasantry of Yarensky District at the End of the 16th – 17th Centuries. Cand. hist. sci. diss.]. Syktyvkar, 1984. 245 p.

23. Miller G.F. *Istoriia Sibiri: v 3 t. T. 1* [History of Siberia. In 3 Vol. Vol. 1]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1937. 607 p.

24. Preobrazhenskii A.A. *Ural i Zapadnaia Sibir v kontse XVI – nachale XVIII veka* [The Urals and Western Siberia at the End of the 16th – Beginning of the 18th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 392 p.

25. *Russkaia istoricheskaiia biblioteka, izdavaemaia Arkheograficheskoi komissiei. T. 2* [Russian Historical Library, Published by the Archaeographic Commission. Vol. 2]. Saint Petersburg, Pechatnya V.I. Golovina, 1875. 656 p.

26. Rybalko N.V. *Rossiiskaia prikaznaia biurokратиia v Smutnoe vremia nachala XVII veka* [Russian Order Bureaucracy in the Time of Troubles in the Early 17th Century]. Moscow, MBA Publ., Kvadriga Publ., 2011. 656 p.

27. Rybalko N.V. *Upravlenie v Permi Velikoi kontsa XVI – nachala XVII veka: ot prikaznykh liudei k*

voevodskoi vlasti [Great Perm Governance in the Late 16th – Early 17th Century: From Administrators to Voivodes]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 100–112. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.9>

28. Rybalko N.V., Dmitrieva E.G. *Solikamskii arkhiv: rekonstruktsiia i istochnikovedcheskii analiz (1605–1608 gody)* [Solikamsk Archive: Reconstruction and Source Analysis (1605–1608)]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2017. 319 p.

29. Semenov O.V. *Sistema iamskoi gonby v Sibiri v kontse XVI–XVII vv.: kachestvo funktsionirovaniia* [The System of Pit Chasing in Siberia at the End of the 16th–17th Centuries: Quality of Functioning]. *Rossiiia i mir: panorama istoricheskogo razvitiia: sb. nauch. st., posviashch. 70-letiiu ist. fak. Ural. gos. un-ta im. A. M. Gorkogo* [Russia and the World: A Panorama of Historical Development. Collection of Scientific Articles Dedicated to the 70th Anniversary of the Faculty of History of the A.M. Gorky Ural State University]. Yekaterinburg, Volot Publ., 2008, pp. 534–538.

30. Semenov O.V. *Verkhoturuskii iam v kontse XVI – XVII v.: istoriia vozniknoveniia i funktsionirovaniia* [Verkhoturuskii Pit at the End of the 16th – 17th Centuries:

History of Origin and Functioning]. *Uralskii sbornik. Istoriiia. Kultura. Religiiia* [Ural Collection. Story. Culture. Religion]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. gosun-ta, 2009, iss. 7. In 2 Pts. Pt. 1: Sotsialno-politicheskaya istoriia, pp. 15–28.

31. Simachkova N.N. *Stanovlenie voevodskoi sistemy upravleniia v Sibiri v kontse XVI – nachale XVII vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [The Formation of the Voivodeship Management System in Siberia at the End of the 16th – Beginning of the 17th Centuries. Cand. hist. sci. diss.]. Tyumen, 2002. 185 p.

32. Sokolovskii I.R. *Pochtovye sluzhby XVII veka na okrainakh: sravnitelnyi aspekt* [Postal Services of the 17th Century on the Outskirts: A Comparative Aspect]. *Istoriiia Sibiri, 1583–2006 gg. Problemy i perspektivy: sb. materialov reg. molodezh. nauch. konf.* [History of Siberia, 1583–2006. Problems and Prospects: Collection of Proceedings from the Regional Youth Scientific Conference]. Novosibirsk, Sova Publ., 2006, pp. 28–37.

33. Shunkov V.I. *Voprosy agrarnoi istorii Rossii* [Questions of the Agrarian History of Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 376 p.

34. Shunkov V.I. *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVII – nach. XVIII v.* [Essays on the History of Colonization of Siberia in the 17th Century – Beginning of the 18th Century]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1946. 228 p.

Information About the Author

Natalia V. Rybalko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, natalia.rybalko@volsu.ru, rybalko_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5141-0902>

Информация об авторе

Наталья Владимировна Рыбалко, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, natalia.rybalko@volsu.ru, rybalko_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5141-0902>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.3>

UDC 94:355.641.1(571.1+470.5)«16»
LBC 63.3(253.3)45-2

Submitted: 04.01.2022
Accepted: 21.03.2022

THE PROCEDURE FOR PROVIDING VERKHOTUR'S YAMSCHIKS WITH A MONEY WAGE IN THE 17th CENTURY

Oleg V. Semenov

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article examines the procedure for obtaining a money wage by the yamschiks of Verkhotur, which was one of the most important sources of their existence. Historians have hardly studied this issue. The changes in the procedure for issuing salaries in the 17th century are analyzed, and their influence on the yamschiks is shown. **Methods and materials.** The basis of the work was unpublished archival materials, many of which were introduced into scientific circulation for the first time. Comparative, genetic, and anthropological methods of historical research were used. **Analysis.** Since the emergence of the Verkhotur Yam, a complicated procedure for obtaining a money wage has been in effect for yamschiks. It assumed the annual appeal of the yamschiks to Moscow. This was burdensome for the yamschiks and did not guarantee timely payment of wages. This prompted the yamschiks to seek permission from the authorities to change the procedure for providing salaries. The simplification of the procedure for issuing salaries was also favored by the growth of income in Verkhotur. From 1659/60, yamschiks received salaries from the local budget without trips to Moscow until the first half of 1670. During the following decades of the 17th century, Verkhotur Yam was supplied with funds from Moscow. **Results.** By the end of the 17th century, the procedure for providing Verkhotur yamschiks with a money wage was not simplified. They went to Moscow for payment annually. This worsened the already difficult financial situation of the yamschiks, negatively affected their duties, and therefore hindered the Russian development of Siberia.

Key words: Siberia, Verkhotur, yamskaya gon'ba, yamschik, money wage, voivode.

Citation. Semenov O.V. The Procedure for Providing Verkhotur's Yamschiks with a Money Wage in the 17th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 48-58. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.3>

УДК 94:355.641.1(571.1+470.5)«16»
ББК 63.3(253.3)45-2

Дата поступления статьи: 04.01.2022
Дата принятия статьи: 21.03.2022

ПОРЯДОК ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЕРХОТУРСКИХ ЯМЩИКОВ ДЕНЕЖНЫМ ЖАЛОВАНЫЕМ В XVII ВЕКЕ

Олег Владимирович Семенов

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. В статье изучен порядок получения жителями Верхотурского яма денежного жалования, которое являлось одним из важнейших источников их существования. В историографии этот вопрос почти не затрагивался. Проанализированы изменения в процедуре выдачи окладов в XVII в., показано их влияние на ямщиков. Основную источниковую базу работы составили неопубликованные архивные материалы, многие из которых впервые введены в научный оборот. Применялись сравнительный, генетический и антропологический методы исторического исследования. С момента возникновения Верхотурского яма для его населения действовала запутанная процедура получения денежных окладов. Она предполагала ежегодное обращение ямщиков в территориальный приказ. Отправка челобитчиков в далекую Москву была обременительна для «мира» и не гарантировала своевременной выплаты жалования. Это побуждало ямщиков добиваться от властей изменения порядка предоставления окладов. Периодически государство шло навстречу им, поскольку было заинтересовано в качественной связи и сокращении своих расходов на перевозки. Упрощению

процедуры выдачи жалования благоприятствовал также рост доходов Верхотурья. С 1659/60 г. ямщики получали полные оклады из местного бюджета без поездок в Москву. Однако в первой половине 1670-х гг. такая практика была ликвидирована. На протяжении последующих десятилетий XVII в. Верхотурский ям снабжался средствами на жалование (частично или целиком) из Москвы. Основными причинами отказа Сибирского приказа от выгодного для ямщиков порядка наделения окладами стали увеличение общегосударственных расходов и все более небрежное отношение властей к организованному сообщению. К исходу XVII в. процедура обеспечения верхотурских ямщиков жалованием не была упрощена. Ежегодно они ездили в Москву за всем его объемом или частью. Это ухудшало и без того тяжелое материальное положение ямщиков, негативно отражалось на их обязанностях, а значит, сдерживало русскую колонизацию Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, Верхотурье, ямская гоньба, ямщик, денежное жалование, воевода.

Цитирование. Семенов О. В. Порядок обеспечения верхотурских ямщиков денежным жалованием в XVII веке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 48–58. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.3>

Введение. С началом освоения Сибири перед Москвой возникла потребность в налаживании в крае эффективной системы связи. В 1600 г. в Верхотурье, выполнявшем функции «главных ворот» из Европы в Азию, была введена ямская гоньба. На протяжении XVII в. Верхотурский ям оставался важнейшей ямской станцией за пределами Уральско-го хребта. Его население осуществляло казенные перевозки до Соликамска, Туринска, Пелыма, вглубь Верхотурского и соседних уездов [17, с. 149–154, 163]¹. Оно внесло ощутимый вклад в закрепление новоприсоединенного региона за Россией. Тем не менее положение верхотурских ямщиков было непростым и со временем ухудшалось. Не последнюю роль в этом играла запутанная процедура получения ими денежных окладов. В историографии данный вопрос почти не изучался². Настоящая статья отчасти восполняет этот пробел.

Методы и материалы. Работа опирается главным образом на неопубликованные источники, сосредоточенные в Российском государственном архиве древних актов. В первую очередь это делопроизводственные материалы органов центрального и местного управления (памяти по сношениям Казанского дворца (затем – Сибирского приказа) с другими центральными ведомствами, грамоты воеводам, воеводские отписки, подорожные и др.), учетная документация (окладные денежные книги, расходные книги, загонные книги и др.), документы частного происхождения (челобитные). Часть из них впервые вводится в научный оборот. Применены такие методы исторического исследования, как сравнительный, генетический, антропологический.

Анализ. С момента учреждения Верхотурского яма его жители содержались государством. Они получали денежное и хлебное жалование. Впрочем, натуральное обеспечение почти сразу было ликвидировано: ямщиков перевели на менее выгодную службу «с пашни». Это повысило значение денежных окладов как одного из основных источников их существования. На протяжении XVII в. размеры жалования менялись. Первоначально оно достигало 20 рублей на пай, однако к 1619 г. было сокращено до 7 рублей. В дальнейшем происходило увеличение окладов до: 10 (с 1619/20 г.), 15 (с 1621/22 г.), 20 (с 1630/31 г.), 22 (с 1644/45 г.), 25 рублей (с 1653/54 г.). С 1660/61 г. до 1698/99 г. включительно ямщикам полагалось 28 рублей на пай. Подобно другим категориям населения, состоявшим на казенном обеспечении, они ежегодно подавали челобитные о его выплате. Промедление или несоблюдение данной бюрократической формальности было чревато задержкой или даже неполучением окладов. По-видимому, строгих сроков для подачи челобитной не существовало. Однако чаще всего это происходило в первые месяцы года (осенью – зимой). Большую часть XVII в. решение о выдаче окладов принималось в Москве. Поэтому челобитная «о денежном жалованье», поданная ямщиками в воеводской канцелярии, подклеивалась администрацией под своей отпиской и отправлялась в территориальный приказ (до 1637 г. – в Казанский дворец, затем – в Сибирский приказ). Как правило, ее везли челобитчики (один или два), выбранные «миром» «из своей же братьи». Перед отъездом они получали от воевод подорожную грамоту, сум-

му для уплаты прогонов (если те предусматривались) и, возможно, кормовые деньги. Маршрут во многом зависел от сезона. В «зимнее» время обычно следовали северным трактом («Ярославской дорогой») ³, «летом» старались двигаться по южному пути ⁴.

С одной стороны, служебные поездки в Москву были выгодны ямщикам ⁵. В столице каждый из них жаловался «за сибирской приезд» «выходом» (1,5 рубля), поденным кормом (4 денги в день) и сукном (2 аршина шибтуга) ⁶. «Выходные» и кормовые деньги выплачивались из территориального приказа. Сукна зачастую присылались из Казенного двора. Известны примеры, когда они шли из Сибирского приказа. Кроме того, при поездках в Москву сибиряки получали возможность для непосредственного обращения в центральное ведомство по самым разным вопросам, касавшимся их лично или всего «мира», удовлетворяли духовные потребности (приобщались к христианским святыням), приобретали редкие и дорогие для своего региона товары и др. [1, с. 86; 2, с. 1–2; 18, л. 2, 67, 67 об., 95].

Тем не менее, наряду с преимуществами, преодоление столь значительных расстояний сопрягалось с лишениями и опасностями ⁷. Отправка челобитчиков была чревата дополнительными расходами для «мира», снабжавшего своих представителей «подмогой». Эти средства шли на их повседневные нужды, а также на подношения в Москве. В пути челобитчики подвергались «обидам и утеснениям» со стороны администрации и населения. Одним из распространенных злоключений, с которым сталкивались сибиряки, был отказ ямщиков в европейской части страны от предоставления им подвод по воеводским подорожным или требование за них прогонов, когда те не предусматривались. В первом случае ездки вынуждены были прибегать к дорогой свободной аренде транспорта с обслуживающим персоналом, во втором – «прогонные денги платили свои». В Москве пострадавшие неизменно жаловались на расходы в территориальный приказ. Тем не менее компенсации потраченных средств они добивались не всегда – только при наличии неопровержимых доказательств («отписей в наемных или прогонных денгах» (расписок), устных показаний «наемщиков» (гонявших лиц) и сторон-

них свидетелей). Из-за бюрократической волокиты и иных обстоятельств пребывание ямщиков в столице могло растянуться на месяцы. В таких условиях «выхода», корма и общинной «подмоги» не хватало: челобитчики влачили убогое существование ⁸. Терпел нужду в это время и ожидавший их с окладами «мир». Непростую ситуацию усугубляло то, что кормовые деньги обычно выдавались не на все время проживания в Москве, а на 2 (реже – на 1, 3, 4) недели. После этого следовало бить челом о возобновлении их выплаты, на что государство реагировало неохотно ⁹. Из поездки вообще можно было не вернуться. Во всяком случае, подобные примеры известны по другим сибирским ямам [19, л. 305].

Денежное жалованье «на весь ям» челобитчики «за их счетом» получали в территориальном приказе. Частично оно могло выдаваться «товарами» (сукнами и др.). «В тех денгах» по ямщикам бралась порука. В XVII в. правительство периодически пыталось переложить содержание организованного сообщения на региональный бюджет. Поэтому часть средств для Верхотурского яма «в дополнку» к «московской даче» могла быть предоставлена в одном из городов Европейской России ¹⁰ или в Верхотурье, доходы которого росли ¹¹. После получения окладов ямщики били челом об отпуске в территориальном приказе. В ответ им вручались подорожная ¹², прогоны ¹³ и корм ¹⁴. Размер последнего составлял 4 денги в день человеку ¹⁵. Перевозка значительных денежных сумм была делом опасным. «Для береженья» «казны» властями выделялись служилые люди [26, л. 44]. К сожалению, неясно сопровождали ли они челобитчиков на протяжении всего маршрута. Дорожные тяготы усиливало то, что корм ямщикам жаловался всего на 4 недели. За этот срок можно было достичь Верхотурья на санном транспорте ¹⁶. Однако «летом», а тем паче в весеннюю или осеннюю распутицу, для преодоления пути требовалось больше времени.

Порядок выплаты населенникам Верхотурского яма доставленного челобитчиками жалованья варьировался. Каждый раз он оговаривался в грамотах воеводам. В одних случаях последним следовало принять «казну»,

«записать в приход» (приходную книгу) и раздать ямщикам «в их оклады» «всем налицо» в присутствии челобитчиков и (или) должностных лиц общины. Делать это «заочи и подставою» запрещалось. Операции фиксировались в расходной книге и сметном списке. В других случаях, после того как сумму записывали «в приход» (порой без этой процедуры), ее передавали старостам, десятникам и (или) челобитчикам. Под контролем воеводской администрации они осуществляли выдачу жалованья в ямской избе («на яму») «всякому человеку налицо». Одновременно составлялись окладные денежные книги, к которым староста «з десятники» прикладывали руки: один экземпляр книг хранился в воеводской канцелярии, второй отправлялся в Москву. Обо всех действиях воеводы сообщали в территориальный приказ [2, с. 1–2; 4, л. 338–339; 9, л. 86–87].

Описанная выше процедура обеспечения Верхотурского яма жалованьем, предполагавшая посещение его членами территориального приказа, в целом не устраивала «мир». Отправка челобитчиков в Москву больше изматывала ямщиков, чем приносила выгод. Она не гарантировала им своевременного получения окладов. Это отрицательно сказывалось на материальном положении ямщиков, а значит, и на качестве функционирования правительственной связи «за Камнем». В свою очередь, государство было заинтересовано в сокращении расходов на «выход», корм, сукно и прогоны. В силу сказанного становится понятным, почему в XVII в. власти предпринимали шаги, направленные на упрощение порядка выплаты ямского жалованья. В известных нам документах первые такие примеры относятся к царствованию Алексея Михайловича¹⁷. В 1658/59 г. вышел указ, согласно которому населенникам Верхотурского яма следовало выдавать «сполна» оклады «из верхотурских ис таможенных и изо всяких доходов», начиная с 1659/60 г. «и вперед». Судя по всему, теперь для этого не требовалось подачи челобитной в приказе [23, л. 168]¹⁸. Нелишне отметить, что перед нами одна из целой серии уступок, на которые пошли власти сибирским ямщикам в условиях охватившего страну экономического кризиса, вызванного денежной реформой.

Практика наделения верхотурских ямщиков окладами целиком из местного бюджета без отправки челобитчиков в Москву сохранялась до начала 1670-х годов. Трудно судить, насколько она была бесперебойной. Дело в том, что Верхотурье одновременно являлось денежным донором для соседних уездов (в том числе по распоряжению Сибирского приказа предоставляло средства на жалованье жителям других «закаменных» ямов). Тем не менее позднее верхотурские ямщики вспоминали это время с благодарностью. По их словам, тогда они «никакой нужи и бедности не видали и от долгов были свободны» [23, л. 168, 177]. Ситуация изменилась в конце правления «Гишайшего» царя. В феврале 1674 г. воеводским властям поступила челобитная верхотурских ямщиков, служилых людей, оброчников и ружников. Из документа следовало, что «преж сего» данные категории населения получали средства «по окладом... сполна» из регионального бюджета. Однако «в нынешнем» 1673/74 г. в Верхотурье пришла грамота «о верхотурских денежных доходах, чтоб ни на какие расходы без... великого государя указу, опричь самых нужных расходов, не держать». Челобитчики сетовали на отсутствие обеспечения и просили возобновить его выплату в полном объеме из местных средств [20, л. 274, 275–276].

Реакция Сибирского приказа на эти жалобы неизвестна. Приходится гадать и о причинах столь решительного ограничения полномочий воеводской администрации в расходовании средств. Вероятно, свою лепту внесли внешнеполитические реалии. В первой половине 1670-х гг. Россия готовилась к войне с Османской империей и Крымским ханством. Это требовало мобилизации финансов страны. Неслучайно в 1673/74 г. в Сибири собиралась «десятая деньга». Тем не менее дальнейшие события показали, что центральная власть пока еще сохраняла способность трезво оценивать ситуацию. Заинтересованность в надежной связи и рост социальной напряженности подталкивали ее к поиску компромиссного решения. В апреле 1675 г. в Верхотурье пришла грамота. Она предписывала выдавать ямщикам половину окладов (700 рублей) из местного бюджета, начиная с текущего 1674/75 г. и «впредь... по вся годы».

Обращения для этого в Сибирский приказ не требовалось. Относительно второй части жалования должен был последовать «великого государя указ... смотря по верхотурским денежным доходом» [6, с. 272; 10, л. 201; 11, л. 103; 21, л. 202]. Из других источников видно, что за остатком обеспечения («к верхотурской даче в дополнку») ямщиков с 1674/75 г. стали отправлять в Москву. Так, в сентябре 1677 г. верхотурский ямской «мир» подал в приказной избе челобитную о предоставлении половины окладов на начавшийся год. По приказу воеводы И.Ф. Пушкина 5 октября эти средства были выданы¹⁹. За второй частью жалования в Сибирский приказ выехали ямские челобитчики [22, л. 323]. Не все в этой практике являлось новым. С выплатой окладов в несколько приемов (сроков) верхотурские ямщики встречались и раньше²⁰.

Необходимость отправки челобитчиков в Москву даже за частью жалования обременяла «мир». Через несколько лет положение верхотурских ямщиков стало еще более тяжелым из-за очередного сокращения финансовых функций местной администрации. 28 сентября 1679 г. воевода Р.М. Павлов успел выдать им на текущий 1679/80 г. 700 рублей «вполю... окладов». Однако 25 ноября того же года в Верхотурье была доставлена грамота. Она запрещала расходовать средства из местной казны без «великого государя указу», в том числе на жалованье «верхотурским всяких чинов служилым людям и ямским охотником»²¹ [10, л. 201–202 об.; 11, л. 105; 21, л. 264; 22, л. 152]. По неизвестным причинам остаток обеспечения за 1679/80 г. насельники Верхотурского яма получили только в следующем году²². В силу этого к началу 1680/81 г. они не могли полноценно выполнять обязанности: из отписки Р.М. Павлова «с товарищи» в Сибирский приказ следовало, что ямщики «нужны и бедны, и в подводном отпуску по кабалам всяких чинов людей» стоят «на правеже», угрожая «розбрестись врознь». Осенью 1680 г. администрация на свой страх и риск (без санкции Москвы) предоставила ямщикам «на Верхотурье» по их просьбам половину жалования за текущий 1680/81 г. (700 рублей) [11, л. 105]. За другой частью окладов в конце 1680 – начале 1681 г. в столицу выехали Г. Родионов и П. Юнышев. Там они подали мирс-

кую челобитную о возобновлении выплаты всего обеспечения из местных доходов без необходимости отправлять представителей в Сибирский приказ. Ответной грамотой (от 19 февраля 1681 г.) новому верхотурскому воеводе Ф.А. Лопухину и подьячему с приписью А. Иванову предписывалось выдавать половину ямских окладов «по-прежнему без задержанья» из регионального бюджета. Остаток обеспечения планировалось «посылать... с Москвы по вся годы по первому зимнему пути товарами» «с ненарочными гонцы»²³. Поездки с этой целью ямских челобитчиков запрещались. В феврале 1681 г. Родионов и Юнышев покинули Москву. Они везли грамоту с изложением нового порядка предоставления жалования и большую часть его второй половины на 1680/81 г. (кумачами на 499 рублей)²⁴. Недостающие средства (200 рублей) ямщикам следовало выделить из верхотурской казны [22, л. 152, 156, 157–157 об.; 23, л. 175, 176; 25, л. 466].

Утвердившийся с начала 1680-х гг. порядок содержания Верхотурского яма гарантировал государству экономию средств. Сокращение служебных посылок в Москву уменьшало расходы на «выход», корм, сукно и прогоны. Однако это не могло удовлетворить ямщиков. Выдача половины окладов «товарами» их разоряла, а доставка жалования из территориального приказа «ненарочными гонцами» (вероятно, сибирскими служилыми людьми, оказавшимися в столице по другим поручениям) приводила к еще более ощутимым задержкам в его выплатах. Если ямской «мир» все-таки отправлял своих представителей за обеспечением в Москву, они рассматривались уже как частные лица и лишались тех преимуществ, которые давали казенные поездки. 14 июня 1685 г. верхотурские ямщики подали в приказной избе челобитную. Они жаловались на «многую... гонбу на все стороны» (в результате которой ежегодно отпускалось по 1,5 тысячи подвод и более) и привлечение к «поделке» государевых мельниц. Особую обеспокоенность у «мира» вызывала нехватка окладов (которых «на год... не достает») и неудобства от получения их половины из Москвы. Дело в том, что «товарная казна» выдавалась по указной (явно заниженной) цене. Из-за невысокого спроса ямщики сбы-

вали ее еще дешевле – «перед... государевою указною ценою вполы и менши». Вдобавок, в текущем 1684/85 г. им не пришло обеспечение из Сибирского приказа (тогда как первая часть окладов (700 рублей) была выплачена из местного бюджета). Ввиду запрета поездок «для жалованья», по пути в столицу ямщикам «везде» чинились «убытки великие». От подобных тягот они «обдолжали великими некупными долги». Челобитная подытоживалась просьбами о выплате остатка окладов на настоящий год и предоставлении жалованья впредь целиком из верхотурских доходов [23, л. 166, 168–171]. Документ был отправлен в Москву с ямщиком Г. Дружининым «с товарищи»²⁵ и 26 июля 1685 г. подан в Сибирском приказе. По каким-то причинам эта поездка затянулась. В январе 1686 г. Дружинин еще находился в Москве. В Верхотурье он вернулся в следующем месяце (25 февраля) с половиной ямских окладов на 1685/86 г. (кумачами и шибтугами). Первая часть жалованья за тот год (700 рублей) была выдана ямщикам из местной казны «по приказу... воеводы» Г.Ф. Нарышкина еще 9 сентября 1685 года. Что касается остатка обеспечения за предыдущий 1684/85 г., то из столицы в Верхотурье он был привезен лишь 13 января 1686 г. (сукнами на 700 рублей) ямским челобитчиком П. Турлаковым [4, л. 337–339; 24, л. 101].

Нам неизвестно решение Сибирского приказа по данной челобитной. Судя по всему, «миру» разрешили присылать своих представителей за половиной окладов в столицу. Такие поездки снова приравнивались к служебным. Неслучайно упомянутый выше Дружинин перед отъездом из Москвы в январе 1686 г. был пожалован дорожным кормом и подорожной, дававшей право на дешевые подводы [24, л. 101, 101 об.]. Тем не менее еще до этих событий, 21 сентября 1685 г., в Верхотурье получили грамоту. По ней воеводам запрещались любые денежные траты «без указа великих государей и без грамот», «опричь дощаничного дела» [25, л. 461, 466, 616–617]. Очередное ограничение финансовых полномочий администрации встревожило ямщиков. 1 марта 1686 г. они подали в приказной избе челобитную, которая была переправлена в Сибирский приказ. «Мир» сетовал на дороговизну хлеба в Верхотурском уезде, случив-

шуюся из-за неурожая, и просил о выплате «по вся годы» из регионального бюджета хотя бы половины окладов [25, л. 464, 465, 466, 467]. Тяжесть его положения усугублялась тем, что весной 1686 г. из Европейской России через Урал двигался значительный поток людей и грузов – посольство во главе с окольным Ф.А. Головиным («в Дауры»), служилые люди, а также воеводы «розных сибирских городов». Ямщики (чьи силы, к тому же, были подорваны разразившимся накануне конским падежом) выставили под ездовых «многое число» подвод, деньги на которые «займовали... в кабалы... на Верхотурье у всяких чинов у градских и уездных людей». 7 мая 1686 г. воеводе Г.Ф. Нарышкину и дьяку П. Бурцеву поступила новая ямская челобитная. Власти отправили ее в столицу. В документе ямщики отмечали свое удручающее состояние и снова настаивали на целесообразности получения половины жалованья в уездном центре [25, л. 468–469]. Возможно, эта просьба была удовлетворена. Во всяком случае, в «заручной челобитной», составленной ямским «миром» в конце июня 1686 г., уже не содержалось жалоб на ограничение финансовых функций местных властей. Зато, подчеркивая свое стесненное положение (из-за выдачи окладов «товарами», отсутствия норм судебных подвод, нарушения проезжающими лицами сроков гоньбы и др.), ямщики вернулись к просьбам о наделении их всем обеспечением «из верхотурских доходов» [25, л. 449–453, 454].

Во второй половине 1680-х – начале 1690-х гг. сохранялся порядок наделения верхотурских ямщиков жалованьем, согласно которому половина окладов им выдавалась из местных сборов, за другой посылались челобитчики в Сибирский приказ. Вероятно, в некоторых случаях «московская дача» включала не только «товары», но и деньги, что можно расценивать как уступку со стороны властей. В то же время общее увеличение государственных расходов, связанное с решением задач по освоению края и активизацией внешней политики²⁶, побуждало центр вмешиваться в финансовые полномочия воеводской администрации. Это делалось в ущерб ямской гоньбе. Около 1688/89 г. (возможно, в 1687/88 г.) вышел указ, запрещавший верхотурским властям самостоятельно распоряжаться тамо-

женными и кабацкими сборами – основной статьей местных доходов. Сокращение источников финансирования ставило ямщиков в сложное положение. В конце 1688 г. «мир» пожаловался на данное обстоятельство в приказной избе. Ямщики отмечали интенсивность перевозок и обременительность аренды транспорта на стороне. В частности, они так и не смогли погасить долги за подводы, выставленные весной 1686 г., отчего «стоят ныне по вся дни безпрестанно на правеже». «Многие» ямщики от этого «розбежались». Челобитная подытоживалась просьбой о выдаче половины окладов на текущий год «с поворотных денег». Воевода Г.Ф. Нарышкин и дьяк О. Иванов пошли навстречу ямщикам. Не осмелившись расходовать таможенные и кабацкие сборы, они выплатили им 700 рублей «ис поворотных денег», собранных в 1687/88 г. «с верхотурских всяких чинов людей»²⁷. Предоставить ямские оклады из других средств не представлялось возможным, поскольку в приказной избе денег «в зборе» было «малое число». В отписке в Москву администрация объясняла свой поступок заботой о том, «чтоб... ямщики от великие нужы и от долгов, и от правежного стояния не розбежались» и государевым делам «во отпуску в подводах мотчанья не было». За «другой половиной» жалованья на 1688/89 г. в Сибирский приказ был отправлен ямской челобитчик П. Юнышев [27, л. 46–47, 48–49, 88].

Думается, что в Москве без возражений приняли известие о выплате ямского обеспечения из «поворотных денег». Во всяком случае, в следующем году верхотурские власти поступили аналогичным образом. В конце 1689 г. они наделили ямщиков 700 рублями из «поворотных денег» (собранных с населения в 1688/89 г.), а «о другой половине окладов» отпустили в столицу ямских челобитчиков Д. Порываева и И. Коновалова [3, л. 14 об.; 28, л. 6, 10, 14; 29, л. 16]. По-видимому, финансовые полномочия местной администрации оставались ограниченными и в 1690/91 г. Осенью 1690 г. воевода Г.Ф. Нарышкин и дьяк О. Иванов предоставили ямщикам половину окладов деньгами (670 рублей) и сукнами (на 30 рублей), причем часть средств (367 рублей) они «взяли из таможни». В отписке в Сибирский приказ управленцы, словно оправды-

ваясь, объясняли использование таможенных доходов тем, что ямщики скудны, а «в приказной избе в вашей великих государей казне денег болши того нет». За остальным жалованьем в декабре 1690 г. в Москву выехали ямские челобитчики [3, л. 93; 30, л. 305, 305 об., 314–315, 316–317].

К сожалению, у нас пока нет четкого представления о порядке денежного обеспечения Верхотурского яма в последнее десятилетие XVII века. В 1691/92, 1693/94, 1694/95, 1695/96 и 1697/98 гг. «мир» отправлял челобитчиков в Сибирский приказ «по свои заслуженные оклады». Неизвестно, в каком объеме они там предоставлялись. Ситуация проясняется к исходу столетия. 12 ноября 1698 г. из Верхотурья в столицу выехали ямщики И. Коновалов и А. Логинов. 5 февраля 1699 г. они вернулись в уездный центр со всем жалованьем на текущий год – 700 рублями и тканями на 700 рублей «московской дачи» [9, л. 66, 86]. Наконец, в конце 1699 г. государство в очередной раз попыталось сократить свои расходы на организованную связь и частично переложить их на региональный бюджет, посредством введения в ряде западносибирских уездов (Верхотурском, Туринском, Тюменском, Тобольском, Томском, Кузнецком и Тарском) особого сбора «на дачю жалованья сибирским ямщиком»²⁸. Его размеры с двора составляли «на год»: для посадских людей и черносошных крестьян – 5 копеек, митрополичьих и монастырских крестьян – 6 копеек, посадских людей, бухарцев и татар, «которые полковые службы не служат и гонбы не гоняют» – 10 копеек. Полученные средства «по вся годы» должны были идти на выплату половины окладов жителей «закаменных» ямов. Остальную часть жалованья (деньгами и «товарами») предполагалось присылать с челобитчиками из Москвы [12, л. 108–109; 16, стб. 885–886; 31, л. 5]. Впрочем, на фоне сопротивления населения новому налогу и сокращения с 1700 г. окладов обеспечения верхотурских ямщиков с 28 до 20 рублей на пай, эта мера не могла облегчить положение последних [13, л. 142–143; 15, л. 300–300 об., 315 об.].

Результаты. Таким образом, к исходу рассмотренного нами периода порядок предоставления верхотурским ямщикам денежного жалованья не был упрощен. В XVII в. Мос-

ква была заинтересована в том, чтобы возложить содержание организованной связи на региональный бюджет. Этому способствовало увеличение доходов Верхотурья. Однако претворить в жизнь подобное намерение удавалось не всегда. Рост государственных расходов (вызванный, в первую очередь, активизацией внешней политики и решением вопросов по освоению Сибири) и все меньшее желание правительства считаться с интересами ямщиков побуждали власти распределять средства из местной казны на другие цели. В таких условиях ямской «мир» вынужден был обращаться за окладами (в полном или частичном объеме) в территориальный приказ. Запутанная процедура получения жалования, наряду с другими факторами (усилением гонимой нагрузки, привлечением к повинностям и т. д.), ухудшала материальное положение насельников Верхотурского яма, отрицательно сказывалась на их служебных обязанностях и, следовательно, сдерживала колонизацию края.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Верхотурский ям был одной из крупнейших ямских станций в Сибири в XVII в. Его население росло. В 1702 г. насчитывалось 340 верхотурских ямщиков (без членов семей) [15, л. 315–330].

² Вопросы обеспечения верхотурских (шире – сибирских) ямщиков денежным жалованием исследователи касались в самых общих чертах. В качестве примера отметим работы И.Я. Гурлянда [5, с. 184–186, 189] и Н.Н. Оглоблина [8, с. 166–167].

³ Маршрут от Верхотурья до Москвы по северному тракту шел через Соликамск, Кайгородок, Сольвычегодск, Великий Устюг, Тотьму, Вологду, Ярославль, Переяславль-Залесский.

⁴ Южный тракт, связывавший Сибирь с Москвой, имел несколько вариантов и частично проходил по Волге.

⁵ Поездки «в челобитчиках о государеве денежном жалованье» считались служебными, а не частными.

⁶ С 1646/47 г. по июнь 1648 г. «выход» и корм ямщикам (как и всем категориям сибирского населения) платились «с убавкою». Это соответствовало духу политики правительства боярина Б.И. Морозова по сокращению государственных расходов. «Выходное жалование» ямщика тогда составляло 50 копеек (единовременно), корм – 2 денги «на день». В ходе Соляного бунта (по просьбам на-

дившихся в Москве сибиряков) власти восстановили их первоначальный размер [18, л. 4–5, 18, 18 об., 197, 213, 219].

⁷ Согласно официальным данным XVII в. (явно завышенным), расстояние между Верхотурьем и Москвой по северному тракту составляло 2 110 верст [14, с. 112].

⁸ Размер «выхода» и корма для ямщиков и без того являлся одним из самых скромных среди жителей «закаменных» территорий.

⁹ В действиях властей чувствовалось неприкрытое желание сэкономить. Судя по документам, челобитчики могли неделями жить в Москве исключительно за свой счет (между окончанием срока выплаты корма и возобновлением этого пожалования). В последующем траты зачастую им не компенсировались. При длительном пребывании в столице ямщику вместо корма начинали выдавать деньги из Сибирского приказа в счет его окладного жалования.

¹⁰ Например, в начале XVII в. средства на выплату части жалования верхотурским ямщикам могли выделяться Казанью.

¹¹ В XVII в. Верхотурье оставалось одним из немногих городов «за Камнем» с положительным годовым балансом средств. Уже в Смуту встречались примеры частичной выдачи ямских окладов из местных доходов. С этого же времени складывается практика предоставления Верхотурьем денежных сумм другим сибирским уездам.

¹² Подорожные грамоты выдавались Ямским приказом по памятям «о подводах» из Казанского дворца (с 1637 г. – из Сибирского приказа). В конце XVII в. (возможно, раньше) право выдачи этой разновидности проездных документов получил Сибирский приказ.

¹³ С начала XVII в. прогоны шли из Ямского приказа, с 1639 г. – из Сибирского приказа. От Москвы до Сибири по северному тракту они обычно платились до Тотьмы («по рублю з денгою на подводу»), по южному – до Козьмодемьянска (27 алтын или 27 алтын 3 денги за подводу).

¹⁴ Средства на покупку в пути съестных и питьевых припасов предоставлялись территориальным приказом.

¹⁵ За исключением периода с 1646/47 г. по июнь 1648 г., когда дорожный корм платился «с убавкою» – 2 денги в день на ямщика.

¹⁶ На «зимний» путь между Верхотурьем и Москвой в одну сторону обычно уходило около месяца.

¹⁷ Не исключено, что попытки упростить процедуру обеспечения верхотурских ямщиков окладным жалованием осуществлялись еще при Михаиле Романове. Ввиду слабой источниковой базы, решить этот вопрос пока не представляется возможным.

¹⁸ Как показал И.Я. Гурлянд, в Европейской России ямщики также были заинтересованы в получении своих денежных окладов на местах (без поездки в Ямской приказ) [5, с. 218–220].

¹⁹ Правда, вместо 700 рублей верхотурские ямщики получили 224,5 рубля, поскольку 475,5 рублей воевода вычел из их жалованья «в казну великих государей... по кабалам» [6, с. 273].

²⁰ Выплата окладов в несколько приемов объяснялась нехваткой средств в казне и, вероятно, опасением властей, что лица, получившие деньги, могут их пропить, проиграть или сбегут [7, с. 124–125].

²¹ В это время Россия воевала с Османской империей и Крымским ханством, что требовало серьезных финансовых средств. Неслучайно в 1678/79 г. население Верхотурья и Верхотурского уезда (в том числе ямщики) платило «десятью деньгу».

²² Вторая половина жалованья для верхотурских ямщиков «на прошлой» 1679/80 г. была отправлена из Москвы в ноябре 1680 г. с детьми боярскими А. Ушаковским и Н. Стадухиным [21, л. 65, 277].

²³ Раньше обычно только часть средств «московской присылки» была «товарной».

²⁴ По другим сведениям, в Москве Родионову и Юньшеву было предоставлено тканей на 490 рублей (490 кумачей ценой по 1 рублю каждый) [21, л. 204 об.].

²⁵ Возможно, попутчиком Г. Дружинина был П. Турлаков.

²⁶ В 1685–1689 гг. Россия воевала с Китаем, а в 1686–1700 гг. – с Османской империей и Крымским ханством.

²⁷ Речь идет о налоге, собранном в 1687/88 г. с крестьян Верхотурского уезда «для подъему ратных людей». Остальное население (в том числе ямщики) платило тогда «десятью деньгу». В 1688/89 г. эти налоги собирались снова.

²⁸ Грамоты о введении «ямских денег» были отправлены из Сибирского приказа «в сибирские городь» 23 ноября 1699 г. [31, л. 5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею. В 5 т. Т. 3. СПб.: Тип. II-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1841. 526 с.

2. Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею. В 5 т. Т. 5. СПб.: Тип. II-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1842. 567 с.

3. Верхотурские загоны, 1689/90–1690/91 гг. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Кн. 953. 138 л.

4. Верхотурская расходная книга, 1685/86 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 845.

5. Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль: Тип. губ. правления, 1900. 339 с.

6. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологическою комиссиею. В 12 т. Т. 7. СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. 374 с.

7. Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск: Наука, 1988. 255 с.

8. Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М.: Университет. тип., 1895. Ч. 1. 430 с.

9. Отписки воеводы К. Козлова в Сибирский приказ ... , 1698–1699 гг. // РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 542. 113 л.

10. Отписки приказчиков и других служилых людей воеводе С. Гагарину ... , 1627–1703 гг. // РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 187. 233 л.

11. Отписки тобольского, туринского и тюменского воевод верхотурскому воеводе ... , 1651–1699 гг. // РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 215/1. 215 л.

12. Памяти верхотурского воеводы ... , 1697–1700 гг. // РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 87/2. 64 л.

13. Памяти воеводы И. Колтовского ... , 1658–1700 гг. // РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 6. 181 л.

14. Петров В. А. Географические справочники XVII в. // Исторический архив. 1950. Т. 5. С. 74–165.

15. Раздаточная книга жалованья по Верхотурскому яму, 1702 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 853.

16. Русская историческая библиотека. В 40 т. Т. 8. СПб.: Тип. Елеонского, 1884. 1292 стб.

17. Семенов О. В. Ямская гоньба в Сибири до конца XVII в.: проблема появления и функционирования // Cahiers du Monde russe. 2019. № 60 (1). С. 147–171.

18. Челобитные сибирского населения ... , 1647/48 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1686. 297 л.

19. Челобитные сибирского населения ... , 1655/56 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 499. 352 л.

20. Челобитные сибирского населения ... , 1674 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 611.

21. Челобитные сибирского населения ... , 1680/81 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 735. 366 л.

22. Челобитные сибирского населения ... , 1680/81 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 897. 380 л.

23. Челобитные сибирского населения ... , 1685 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 959. 202 л.

24. Челобитные сибирского населения ... , 1685/86 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 354. 323 л.

25. Челобитные сибирского населения ... , 1685/86 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 749.

26. Челобитные сибирского населения ... , 1688/89 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1021. 294 л.

27. Челобитные сибирского населения ... , 1688/89 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1071/1. 245 л.

28. Челобитные сибирского населения ... , 1689/90 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1603. 336 л.

29. Челобитные сибирского населения ... , 1689/90 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1693. 275 л.
30. Челобитные сибирского населения ... , 1690/91 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1052. 366 л.
31. Челобитные сибирского населения ... , 1699 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1409. 129 л.

REFERENCES

1. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoyu komissieyu. V 5 t. T. 3* [Historical Acts Collected and Published by the Archeographic Commission. In 5 Vols. Vol. 3]. Saint Petersburg, Tip. II-go otd-niya sobstv. E. I. V. kancelyarii, 1841. 526 p.
2. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoyu komissieyu. V 5 t. T. 5* [Historical Acts Collected and Published by the Archeographic Commission. In 5 Vols. Vol. 5]. Saint Petersburg, Tip. II-go otd-niya sobstv. E. I. V. kancelyarii, 1842. 567 p.
3. Verhoturskie zagonnye knigi, 1689/90–1690/91 gg. [Verhoturye Driven Books, 1689/90–1690/91]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 1, book 953. 138 l.
4. Verhoturskaya raskhodnaya kniga 1685/86 g. [Expenditure Book of Verhoturye of 1685/86]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 1, book 845.
5. Gurlyand I. Ya. *Yamskaya gonba v Moskovskom gosudarstve do konca XVII v.* [Postal Relay in the Moscow State Until the End of the 17th Century]. Yaroslavl, Tip. gub. pravleniya, 1900. 339 p.
6. *Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arheograficheskoyu komissieyu. V 12 t. T. 7* [Additions to Historical Acts Collected and Published by the Archeographic Commission. In 12 Vols. Vol. 7]. Saint Petersburg, Tip. E. Praca, 1859. 374 p.
7. Nikitin N. I. *Sluzhilye lyudi v Zapadnoj Sibiri XVII v.* [Serving People in Western Siberia of the 17th Century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1988. 255 p.
8. Ogloblin N. N. *Obozrenie stolbcov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.)* [Review of Columns and Books of the Siberian Prikaz (1592–1768)]. Moscow, Universitet. tip., 1895, pt. 1. 430 p.
9. Otpiski voevody K. Kozlova v Sibirskij prikaz..., 1698–1699 gg. [Replies of the Voivode K. Kozlov to the Siberian Prikaz..., 1698–1699]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1111, inv. 2, col. 542. 113 l.
10. Otpiski prikazchikov i drugih sluzhilyh lyudej voevode S. Gagarinu..., 1627–1703 gg. [Replies from Clerks and Other Servants to Voivode S. Gagarin..., 1627–1703]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1111, inv. 1, col. 187. 233 l.
11. Otpiski tobolskogo, turinskogo i tyumenskogo voevod verhoturskomu voevode..., 1651–1699 gg. [Replies of the Tobolsk, Turin and Tyumen Voivodes to the Verkhoturys Voivode..., 1651–1699]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1111, inv. 1, col. 215/1. 215 l.
12. Pamyati verhoturskogo voevody..., 1697–1700 gg. [In Memory of the Verkhoturys Voivode..., 1697–1700]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1111, inv. 1, col. 87/2. 64 l.
13. Pamyati voevody I. Koltovskogo..., 1658–1700 gg. [In Memory of the Voivode I. Koltovsky..., 1658–1700]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1111, inv. 1, col. 6. 181 l.
14. Petrov V. A. *Geograficheskie spravochniki XVII v.* [Geographical Reference Books of the 17th Century]. *Istoricheskij arhiv*, 1950, vol. 5, pp. 74–165.
15. Razdatochnaya kniga zhalovanya po Verhoturskomu yamu, 1702 g. [Distribution Book of Wages on Verkhoturys Yam, 1702]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 1, book 853.
16. *Russkaya istoricheskaya biblioteka. V 40 t. T. 8* [Russian Historical Library. In 40 Vols. Vol. 8]. Saint Petersburg, Tip. Eleonskogo, 1884. 1292 col.
17. Semenov O. V. *Yamskaya gonba v Sibiri do konca XVII v.: problema poyavleniya i funkcionirovaniya* [Postal Relay in Siberia Until the End of the 17th Century: The Problem of Emergence and Operation]. *Cahiers du Monde russe*, 2019, no. 60 (1), pp. 147–171.
18. Chelobitnye sibirskogo naseleniya..., 1647/48 g. [Petitions by Siberian Population, 1647/48]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 3, col. 1686. 297 l.
19. Chelobitnye sibirskogo naseleniya..., 1655/56 g. [Petitions by Siberian Population, 1655/56]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 3, col. 499. 352 l.
20. Chelobitnye sibirskogo naseleniya..., 1674 g. [Petitions by Siberian Population, 1674]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 3, col. 61 l.
21. Chelobitnye sibirskogo naseleniya..., 1680/81 g. [Petitions by Siberian Population, 1680/81]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 3, col. 735. 366 l.
22. Chelobitnye sibirskogo naseleniya..., 1680/81 g. [Petitions by Siberian Population, 1680/81]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 3, col. 897. 380 l.
23. Chelobitnye sibirskogo naseleniya..., 1685 g. [Petitions by Siberian Population, 1685]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 3, col. 959. 202 l.
24. Chelobitnye sibirskogo naseleniya..., 1685/86 g. [Petitions by Siberian Population, 1685/86]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 3, col. 354. 323 l.

25. Chelobitnye sibirskogo naseleniya..., 1685/86 g. [Petitions by Siberian Population, 1685/86]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 3, col. 749.

26. Chelobitnye sibirskogo naseleniya..., 1688/89 g. [Petitions by Siberian Population, 1688/89]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 3, col. 1021. 2941.

27. Chelobitnye sibirskogo naseleniya..., 1688/89 g. [Petitions by Siberian Population, 1688/89]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 3, col. 1071/1. 2451.

28. Chelobitnye sibirskogo naseleniya..., 1689/90 g. [Petitions by Siberian Population, 1689/90]. *RGADA*

[Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 3, col. 1603. 3361.

29. Chelobitnye sibirskogo naseleniya..., 1689/90 g. [Petitions by Siberian Population, 1689/90]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 3, col. 1693. 2751.

30. Chelobitnye sibirskogo naseleniya..., 1690/91 g. [Petitions by Siberian Population, 1690/91]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 3, col. 1052. 3661.

31. Chelobitnye sibirskogo naseleniya..., 1699 g. [Petitions by Siberian Population, 1699]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, inv. 3, col. 1409. 1291.

Information About the Author

Oleg V. Semenov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian History, Ural Federal University, Prosp. Lenina, 51, 620000 Yekaterinburg, Russian Federation, helg2008@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3590-0135>

Информация об авторе

Олег Владимирович Семенов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Уральский федеральный университет, просп. Ленина, 51, 620000 г. Екатеринбург, Российская Федерация, helg2008@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3590-0135>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.4>

UDC 94(47)
LBC 63.3(2)

Submitted: 28.07.2023
Accepted: 27.09.2023

WAYS IN THE LIFE OF THE KALMYK KHANATE OF THE 18th CENTURY (BASED ON THE DOCUMENTS OF THE NATIONAL ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA)

Danara A. Suseeva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

Oksana A. Gorban

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The object of the analysis is the ways in which the Kalmyk Khanate of the 18th century used communication routes and movements along these paths for a specific purpose. *Methods and materials.* The official correspondence of Kalmyk khans and owners with representatives of different government levels of the Russian state of the 18th century from the funds of the National Archives of the Republic of Kalmykia is considered, data on the movements of representatives of the Kalmyk Khanate is revealed, and a typology of these movements is proposed. *Analysis.* It is shown that ways differ in place, time, and purpose of movement. In the life of the Kalmyks, internal and external ways stood out. The internal ones are seasonal migrations within the khanate in order to change pastures for livestock. The documents report on the places of nomads, folk traditions, holidays, and various difficulties. External ways connected the Kalmyks with the world outside the khanate and were divided into postal (communication between different subjects), official (delivery of salaries, trips on judicial and other matters), diplomatic (visits to the court, trips to other states to conclude and maintain peace), military (military campaigns, border protection), trade (trips to Russian and other cities for the purchase and sale of livestock and various goods), and religious (pilgrimage to Tibet, trips for baptism to Stavropol-on-the-Volga). *Results.* The conclusion is made about the great importance of both internal ways, which determined the mode of life of the nomadic people, and external ones, thanks to which interaction with the Russian state and other countries was carried out. Sources of Kalmyk and Russian origin reveal facts from different points of view and show the actions of both sides as the realization of their complex, multifaceted interaction. *Authors' contribution.* D.A. Suseeva proposed the classification principles, identified the main way types, and analyzed the letters of the Kalmyk khans and owners. O.A. Gorban supplemented the classification with individual species and analyzed V.N. Tatishechev's letters and other documents of the Kalmyk Commission.

Key words: Kalmyk Khanate, 18th century, internal ways, external ways, official correspondence.

Citation. Suseeva D.A., Gorban O.A. Ways in the Life of the Kalmyk Khanate of the 18th Century (Based on the Documents of the National Archive of the Republic of Kalmykia). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 59-69. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.4>

**ДОРОГИ В ЖИЗНИ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА XVIII в.
(НА МАТЕРИАЛЕ ДОКУМЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)**

Данара Аксеновна Сусеева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

Оксана Анатольевна Горбань

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Объектом анализа являются дороги в Калмыцком ханстве XVIII в. как пути сообщения и как передвижения по этим путям с определенной целью. *Методы и материалы.* Рассматривается деловая переписка калмыцких ханов и владельцев с представителями разных уровней власти Российского государства XVIII в. из фондов Национального архива Республики Калмыкия, выявляются данные о передвижениях представителей Калмыцкого ханства, предлагается типология этих передвижений. *Анализ.* Показано, что дороги различаются по месту, времени и цели передвижения. В жизни калмыков выделялись дороги внутренние и внешние. Внутренние – это сезонные перекочевки в пределах ханства с целью смены пастбищ для скота. Документы сообщают о местах кочевий, народных традициях и праздниках, различных трудностях. Внешние дороги связывали калмыков с миром за пределами ханства и по целям делились на почтовые (сообщение между разными субъектами), служебные (доставка жалованья, поездки по судебным и иным делам), дипломатические (визиты ко двору, поездки в другие государства для заключения и поддержания мира), военные (военные походы, охрана границ), торговые (поездки в российские и другие города для купли-продажи скота, различных товаров), религиозные (паломничество в Тибет, поездки для крещения в Ставрополь-на-Волге). *Результаты.* Сделан вывод о большой значимости как внутренних дорог, определявших образ жизни кочевого народа, так и внешних, благодаря которым осуществлялось взаимодействие с Российским государством и другими странами. Источники калмыцкого и русского происхождения раскрывают факты с разных точек зрения, показывают действия обеих сторон как реализацию их сложного, многогранного взаимодействия. *Вклад авторов.* Д.А. Сусеевой предложены принципы классификации и выделены основные виды дорог, проанализированы письма калмыцких ханов и владельцев. О.А. Горбань дополнена классификация, проанализированы письма В.Н. Татищева и другие документы Калмыцкой комиссии.

Ключевые слова: Калмыцкое ханство, XVIII век, внутренние дороги, внешние дороги, деловая переписка.

Цитирование. Сусеева Д. А., Горбань О. А. Дороги в жизни Калмыцкого ханства XVIII в. (на материале документов Национального архива Республики Калмыкия) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 59–69. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.4>

Введение. Истории калмыцкого народа посвящена значительная литература, касающаяся широкого круга вопросов. Тем не менее остается много нерешенных проблем, историография пополняется работами, в которых не только ставятся новые задачи, рассматриваются новые факты, но и переосмысливаются уже известные. Немаловажную роль в этом играет и расширение источниковедческой базы исследований, привлечение все большего количества материалов, в первую очередь архивных.

Предки калмыков, как большинство монгольских племен, примерно в первом тысяче-

летию до н. э. перешли к кочевому скотоводству, которое сохраняли на протяжении веков и калмыки. Данный способ хозяйствования составлял основу экономического и социального уклада жизни, определял культуру и ментальность народа. Круглогодичное или в течение большей части года кочевание по степи в поисках пастбищ для скота неразрывно связано с дорогами. Дороги в жизни калмыков – это не только устоявшиеся маршруты передвижения со скотом, но и дипломатические, военные, торговые пути в другие государства и т. д., наконец, исторические пере-

селения [1; 5; и др.]. Постоянное пребывание в движении определило формирование близких друг другу концептов «дорога», «перемещение», «кочевье» как одних из важнейших в калмыцкой культуре, на что указывают многие исследователи. Эти образы нашли отражение в словесном творчестве, национальных обрядах, верованиях, имея свою специфику по сравнению со сходными концептами в других культурах [7; 26; 28; 29]. Сложившиеся представления о мире не утрачивали свою значимость на протяжении веков, несмотря на переломные события в судьбе народа, связанные с его переселением на берега Волги и Каспия.

В начале XVII в., как известно, несколько владений ойратского происхождения (торгуты, дербеты, хошуты), войдя в состав Российского государства, положили начало формированию калмыцкой народности. Будучи кочевниками, калмыки стали осваивать новые для себя местности, пригодные для разведения многочисленного скота. Сохранение кочевого образа жизни было одним из направлений политики России в отношении к ним [6, с. 8]. Вместе с тем калмыки постепенно погружались во внутреннюю и внешнеполитическую жизнь Российского государства. В этом новом контексте складывались внешние (с Российским государством, иными соседними народами и государствами) и внутренние (между социальными, родовыми объединениями, отдельными личностями) контакты, развивались различные стороны жизни калмыков [30], что, безусловно, было связано с разнообразными передвижениями. Направления и цели этих передвижений являются объектом рассмотрения в данной статье.

Методы и материалы. О том, что в XVIII в. калмыки уже были заметной составной частью Российского государства, свидетельствуют многочисленные послания калмыцких ханов и владельцев того времени, созданные с использованием старокалмыцкого письма (*тодо бичиг* «ясное письмо»), которые хранятся в Национальном архиве Республики Калмыкия (далее – НА РК). Несколько сотен названных документов и их русских переводов, осуществленных в Коллегии иностранных дел, опубликованы [22–24]; параллельное представление данных текстов в издани-

ях позволяет видеть адекватность переводов оригиналам; далее мы будем ссылаться на эти публикации.

Немаловажную роль играют также документы российских учреждений рассматриваемого периода – Калмыцкой комиссии Коллегии иностранных дел, Астраханской губернской канцелярии и др., отложившиеся в фондах НА РК.

Опубликованные письма XVIII в. калмыцких ханов и их современников, а также неопубликованные русскоязычные документы НА РК, в особенности письма В.Н. Татищева по тем или иным вопросам российско-калмыцких отношений в бытность его астраханским губернатором и состоящим при калмыцких делах (1741–1745 гг.), являются источниковой базой исследования. Документы разного происхождения, калмыцкие и русские, позволяют увидеть описываемые факты в различных ракурсах.

Исследование проводится с использованием приемов историко-описательного, типологического методов, основывается на содержательном анализе источников, выявлении данных о различных передвижениях представителей Калмыцкого ханства, на типологизации этих передвижений в соответствии с их направлениями, целями, характеризующими образ жизни калмыков в XVIII веке. Лингвистический анализ слова *хаалъа* «дорога» в калмыцком языке призван определить понятие, отражающее исследуемый объект.

Анализ. Прежде всего, необходимо уточнить этимологию слова *хаалъа*, которое в современном калмыцком языке имеет значение «дорога, путь, трасса» [4, с. 560]. Оно исторически образовано от глагола *хаах* «закрывать» и первоначально обозначало «то, что закрывало вход в жилище», то есть «дверь юрты». В современном монгольском языке соответствующее слово *хаалга(н)* сохранило свое первоначальное значение «дверь; ворота» [2, с. 1]. Значения слова в родственных языках разошлись в силу того, что калмыцкое *хаалъа* некогда подверглось метонимическому переосмыслению, в результате которого *дверь (хаалъа)* отдала свое название дороге, берущей начало от двери жилища (*гер*). В калмыцком языке XVIII в., как свидетельствуют материалы НА РК, *хаалъа* обозначает

именно дорогу. Например, в письме от 4 февраля 1715 г. на имя астраханского воеводы М.И. Чирикова нойон Чақдоржаб, старший сын хана Аюки, сообщает: «Хобонду хурбан хаалһаар хурбан үйэ күүталбиба бида...» [24, с. 82], то есть «По Кубанской дороге поставили заставы в трех местах...». В свою очередь, дорога в источниках того времени называется только словом *хаалһа*, хотя у калмыков было и другое слово – *зам / ям*, заимствованное русскими в форме *ям*, однако оно является устаревшим.

Слово *хаалһа*, как и русское *дорога*, означает не столько полосу земли для перемещения, сколько направление, путь следования, в большей степени сам процесс передвижения, путешествие и символически – жизненный путь, способ существования [4, с. 560; 8]. Образ дороги – это образ постоянного движения¹. Объектом анализа в данной статье являются дороги не в техническом или геоэкологическом, а в социальном аспекте как пути сообщения и как передвижения по этим путям с определенной целью.

Содержание документов показывает, что все дороги можно классифицировать по нескольким основаниям: пространство, время, цель (функция).

Во-первых, были дороги, важные для внутренней жизни Калмыцкого ханства, определявшие кочевым образом жизни народа. В этом плане калмыки различали дороги сезонные (зимние, весенние, летние, осенние). Их целью была смена пастбищ для скота.

Во-вторых, выделялись дороги, которые связывали калмыков с внешним миром за пределами Калмыцкого ханства. По функциональному признаку они делились на почтовые, служебные, дипломатические, военные, торговые, религиозные и др. Передвижения, вероятно, могли иметь одновременно и несколько целей.

Внутренние дороги. Они связаны с сезонными перекочевками калмыков. В документах говорится, что территории для кочевания калмыкам определялись царским правительством. В качестве примера можно привести письмо на калмыцком языке астраханского губернатора генерал-майора И.П. Измайлова в адрес нойона Дондук-Омбо от 15 ноября 1735 г. [22, с. 448]. Губернатор со-

общает, что получен «Указ ея императорского величества самодержицы всероссийской», по которому владельцу Дондук-Омбо и владельцам его партии, пришедшим с Кубани на Волгу и ставшим подданными ее величества, принявшими присягу «при росошах Сарпы реки», объявляется, что калмыки могут кочевать «при Волге и при других реках, где бы во области ее императорского величества не было будут кочевать или в города кого от себя посылать или ездить для торгу, и прочие им потребности оным никакого в озлобление им обид и приметок и грабительства не чинить; равно и им, калмыкам, русским и прочим всякого звания людям, подданным ее императорского величества, так же оно не чинить же по опасениям суда» [22, с. 450].

Во многих источниках указаны территории кочевий крупных калмыцких владельцев, время и направление их сезонных перекочевок, названы трудности, возникавшие при этом. Например, ханша Дарма-Бала, вдова хана Аюки, в письме астраханскому губернатору от 6 мая 1731 г. сообщает, что обрадовалась, получив указ императрицы, касающийся кочевий ее сына Черен-Дондука, «чтоб он между Яику и Волги по прежнему обыкновению со всеми калмыками кочевал» [22, с. 377]. В другом письме она обращается с просьбой к коменданту г. Царицына В.П. Беклемишеву, чтобы ей помогли перебраться с ее нутуком (людьми и скотом) на луговую сторону Волги для зимовки. В связи с этим она просит поставить мост в местечке Чабчигсан, ниже г. Царицына [23, с. 23].

Наместник Калмыцкого ханства Убаши в докладной записке от 22 марта 1767 г. подробно пишет о местах кочевки калмыцкого народа в летнее и зимнее время. Он сообщает о своем летнем кочевании от Сасыколя вверх по Волге до Тарлыка, других калмыков – от Тарлыка до Самары; о зимних кочевках по Куме до Кизляра, по Тереку до Моздока, от устья Сарпы по донским притокам и т. д.; при этом выбор места может варьироваться в зависимости от погодных условий и состояния кормов [22, с. 852–853].

У калмыков была налажена определенная система сезонной кочевки, которая позволяла точно знать, кто и где кочует, на каком расстоянии, какое время и с кем. Сезонные

кочевки, если опираться на материалы НА РК, проходили не по надуманному «кругу», а реально «с юга на север и с севера на юг» по течению трех рек: Волги, Дона и Яика.

Сведения о сезонных передвижениях калмыков содержатся и в многочисленных документах российских учреждений, поскольку обеспечение безопасности кочевников и при необходимости – помощи им входило в обязанности соответствующих должностных лиц. Так, 16 февраля 1742 г. В.Н. Татищев пишет атаману Войска Донского Д.Е. Ефремову о необходимости обеспечить защиту калмыцких людей от возможных кайсацких нападений во время весеннего переезда с нагорной (правого берега Волги) на луговую (левый берег Волги) сторону, для чего предполагается помощь донского и яицкого войск [9]. Позже, 9 марта, Татищев сообщает ему же: «въ обсьемъ совете положено чтоб онымъ казакамъ конечно вступить с первых чисель апреля и к половине онаго притит к Черному Яру»² [9], – и отправляет промеморию в Оренбургскую комиссию о выступлении яицких казаков [20]. По просьбе наместника губернатор принимает и иные меры безопасности, в том числе отправку пушек «с артиллерийскими служителями» [11].

По просьбе наместника Дондук-Даши и ханши Дарма-Балы и в соответствии с высочайшими указами для переправы через Волгу В.Н. Татищев обеспечивает их судами, выделяя собственные шлюпки, продуктами, лекарствами. С этой целью только за один день, 6 апреля 1742 г., он отправляет указ императрицы в астраханскую австерию [25], отдает надлежащие распоряжения разным лицам, уведомляет о состоянии дел наместника Дондук-Даши и ханшу Дарма-Балу [12].

В связи с сезонными кочевками стоял вопрос о «скудных» калмыках, не имеющих скота. Им разрешалось ловить рыбу с русскими ватагами, иным образом добывать себе пропитание в российских городах. Промеморией в Оренбургскую комиссию астраханский губернатор просит, чтобы в Яицком городке принимали «скудных» калмыков, которые придут «для прокормления» [20, л. 238]. В письмах наместнику Дондук-Даши содержится роспись «скудных» калмыков по ватагам с указанием мест их промыслов, говорится об отдаче им лодок [10].

Во время кочевок калмыки навещали друг друга, ездили в гости, отмечали знаменательные события и праздники. Так, 10 мая 1742 г. В.Н. Татищев по приглашению наместника Дондук-Даши и ханши Дарма-Балы побывал на празднике Урюс-Сар, связанном с приплодом скота и пробуждением природы после зимы. В протоколе Калмыцкой комиссии об этом есть подробная запись, из которой узнаем, что почетными гостями наместника были астраханский губернатор со своей свитой, знатные калмыки с женами и детьми. Проведение праздника было схоже с тем, как это описывается в эпосе «Джангар»: были разбиты шатры, где угощали гостей (в протоколе написано *трактованы*, то есть *угощены*) вином, сделанным из молока, кислым молоком (по-калмыцки *чигян*); звучала национальная калмыцкая музыка; были устроены состязания борцов, для чего был создан суд из двух партий по 12 человек; состязания осуществлялись «на интерес» – денежные средства, скот и др. [21, с. 20–22].

Внешние дороги. Особого внимания заслуживают внешние дороги в жизни Калмыцкого ханства. Среди наиболее важных можно выделить почтовые, служебные, дипломатические, военные, торговые, религиозные.

В XVIII в. в Российском государстве существовала определенная система **почтовых дорог** между разными уголками его обширной территории. Свидетельством тому может служить переписка калмыцких ханов и владельцев с центральными и губернскими органами власти на протяжении всего XVIII века. Необходимо отметить скорость и интенсивность этой переписки. Есть примеры, когда ответы из Санкт-Петербурга на письма калмыцких владельцев приходили в течение месяца. Это обеспечивалось хорошо по тем временам налаженной почтовой связью. На магистральных дорогах стояли ямы (станции), где люди, несшие государственную службу, могли сменить лошадей. Заслуживает внимания тот факт, что на дорожных ямах всегда стояли не только государственные сменные повозки с лошадьми, но и обывательские, которые использовались в случае отсутствия первых. Следовательно, была развита перевозка на дальние расстояния уездными и частными возчиками (*обывателями*, как пишется в доку-

ментах НА РК). Для этого людям, выполнявшим служебные обязанности, в дорогу выдавали кормовые и прогонные деньги, а также подорожную за подписью и печатью представителей властных структур.

Калмыцкий хан Дондук-Омбо почтовую повозку называл *шовун терген* «птица-повозка». Калмыцкие ханы и владельцы получали в день по несколько писем из разных мест (Москвы, Санкт-Петербурга, Царицына, Астрахани, Саратова, Оренбурга и др.) и сами отправляли «посыльщиков» с письмами и «словесными приказами» в различные города Российского государства и за его пределы. Об этом свидетельствуют и их многочисленные письма, и документы российских чиновников. Так, В.Н. Татищев писал генерал-поручику Тараканову:

Сего февраля 26г(о) числа словесно и писмянно наместник ханства Дундукъ Даши объявил, что получил онъ известие чрезъ приехавшаго изъ улусовъ ево служителя Цагалая которои с темъ известиемъ присланъ былъ Дамбы Даржи... [15].

Различного рода *служебные* поездки связаны были не только с перепиской. Посыльные от калмыцких ханов имели поручения привозить денежное жалование, продукты, подарки, «и порохъ и свинецъ и железа и сталь» [24, с. 218, 330, 513, 333, 183] и мн. др. Поездки могли быть по судебным делам, решению тех или иных вопросов жизни калмыков и т. д. Так, хан Аюка в письме астраханскому обер-коменданту М.И. Чирикову от 25 июля 1717 г. сообщает об отправке в Астрахань своих людей «судить меж рускими людьми калмыки татары» [24, с. 308]. От наместника направлялись к губернатору в Астрахань зайсанги для распределения улусов Дондук-Омбо [17] и т. д.

К служебным поездкам особого рода можно отнести *дипломатические*: в Китай, Крым, Персию и др. Разнообразие таких внешних связей видно, например, из письма Чакдоржаба М.И. Чирикову от 25 января 1713 г.:

Посылщик н(а)шъ был в Китаех и кита'ско' ц(а)рь того посылщика велми отдарил и провожатых рускихъ люде' также отдарилъ <...> Да люди мои по лету были в Крыму и ис Крыму пришли к намъ с крымскимъ посылщикомъ [24, с. 18].

Калмыцкие зайсанги при посредничестве российских властей неоднократно съезжались в Оренбург, Астрахань, на Ахтубу для заключения и подтверждения мира с кайсаками, что явствует из промеморий и писем астраханского губернатора. Среди значимых дорог были, безусловно, визиты знатных представителей ханства ко двору, например «къ ея имп: вел(и)ч(ест)ву со всеподданнейшимъ поздравлением ея имп: вел(ичест)во с возшествиемъ на всероссийский императорский престоль и для всеподданейшего бл(а)годарения за пожалование... наместником ханства» Дондук-Даши [16]; в дорогу посланцам были выданы кормовые и прогонные деньги, кибитки для них, для конвойных и под подарки [18]; на время отсутствия наместника губернатор решал вопрос о защите его улусов [13].

Особую значимость для ханства имели *военные* дороги, так как калмыки принимали участие в охране юго-восточных границ Российского государства, в военных походах и сражениях. Об этом свидетельствуют письма, царские грамоты, указы из фондов НА РК [23, с. 66, 67]. Хан Аюка пишет астраханскому бригадиру 23 февраля 1719 г.:

к намъ какие неприятели или к вам будутъ и вам бы за нас стоят акож и нам за вас стоять... мы вместе с вами живемъ и другъ за друга надо быть и стоять [24, с. 422].

О результатах участия калмыцкого войска в походе на Азов владелец Доржи Назаров с сыновьями в письме астраханскому губернатору от 13 июля 1736 г. сообщают, что калмыки взяли Азов и немало других городов; тех, кого надлежало разорить, «тех разорили»; тех, которых надо унять, «тех мы уняли», а сейчас вернулись из Азова в свой нутук по договоренности с фельдмаршалом И.П. Измайловым, чтобы сменить войско и лошадей для предстоящего через месяц нового военного сражения при Азове [22, с. 499–500].

В переписке упоминаются совместные с русскими походы, указываются меры, которые предпринимались калмыками для охраны границ и дорог, по которым могут неожиданно прийти противники [24, с. 82–85, с. 620], и т. д.

Большое место в жизни калмыков занимали *торговые* дороги. Калмыки торговали скотом в Астрахани, Дербенте, Царицыне,

Саратове, Москве и других городах, там же покупали необходимые товары. Хан Аюка торговал с Бухарой, посылал своих людей с товаром через Астрахань «во все четыре стороны» торговать [24, с. 183], а Доржи Назаров, родственник хана Аюки, даже контролировал торговые пути, ведущие в Среднюю Азию, и брал с купцов по два бурмена [24, с. 496]. О торговле калмыков лошадьми в Москве говорит письмо Джалы, жены Чакдоржаба [24, с. 176], а о том, что торговцы хана Аюки ходили в Хиву, – его письмо астраханскому воеводе [24, с. 135]. Торговые дороги часто бывали опасными для калмыков, которые, например, могли быть захвачены кубанцами [24, с. 312].

Особую роль в духовной жизни народа играли дороги *религиозные*. В первую очередь это были паломничества в Тибет. Как пишет Джала 13 января 1713 г. астраханскому воеводе, «я по своей вере хочю к дале лом(е) ехать молитца» [24, с. 10–12]. По переписке калмыцких ханов и владельцев можно установить, какими путями их посланники в XVIII в. добирались с Волги до Тибета и обратно. В письме астраханскому воеводе 28 января 1719 г. Чакдоржаб просит направить подводу в г. Тобол для встречи находящегося там его посланца, вернувшегося из Тибета [24, с. 389–391]. В письме И.И. Бахметеву и В.П. Беклемишеву 8 декабря 1729 г. Намка-гелюн сообщает о своей предстоящей поездке со свитой в 30 человек к Далай-Ламе сибирским путем для поминовения души хана Аюки и построения там храма [22, с. 348–357].

Калмыки могли принимать также крещение. Для этого они переправлялись в г. Ставрополь-на-Волге как сухим, так и водным путем, что обеспечивалось, включая их защиту, российскими должностными лицами (см., например: [14; 19]; о существовании проблемы защиты государством крещеных калмыков говорится в: [27, с. 115]).

Результаты. Как показали письма калмыцких ханов и владельцев XVIII в., документы Калмыцкой комиссии при Коллегии иностранных дел (в частности, переписка астраханского губернатора В.Н. Татищева), хранящиеся в НА РК, дороги как пути сообщения и как передвижения по ним в разных направлениях и с разными целями, играли в жизни Кал-

мыцкого ханства важную роль. В первую очередь для народа, основой хозяйствования которого было кочевое скотоводство, сезонные перемещения для выпаса скота во внутренних пределах ханства составляли сам образ его жизни – временную и территориальную организацию поселений, взаимоотношений между родами, социальными слоями и т. д. Не менее важную роль играли дороги внешние, благодаря которым осуществлялось разнообразное взаимодействие с Российским государством, соседними странами и народами: активная почтовая связь с государственными учреждениями и лицами, обмен материальными ценностями, решение текущих управленческих, правовых и иных вопросов, дипломатические сношения, участие в военных кампаниях, торговля, религиозные отправления и т. д. Все это помогает раскрыть особенности жизни калмыков, их представления об окружающем мире и взаимоотношения с ним.

И внутренние, и внешние связи Калмыцкого ханства, реализуемые через многочисленные передвижения, так или иначе были включены в контекст политики Российской империи. Письма калмыцких ханов и владельцев, с одной стороны, и документы представителей российского государства, с другой стороны, позволяют увидеть исторические факты в разных ракурсах, показывают практические действия субъектов как реализацию их сложного, многогранного взаимодействия: перекочевка калмыков на новые пастбища, визит калмыцких владельцев к царскому двору вызывали необходимость со стороны российских властей обеспечить их безопасность от враждебных нападений, организовать транспорт, пропитание и др.; в свою очередь, решение военных задач России требовало активных действий калмыков в военных походах, охране границ и т. д.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Интересно, что в русской литературе XVIII в. образ калмыка выступает как символ кочевника, путешественника вообще [3, с. 71].

² При передаче неопубликованных архивных источников используется современный алфавит, предлоги отделяются от последующих слов, выносные буквы даются в строке, имена собственные

пишутся с прописной буквы, слова под титлом – полностью с восстановленными буквами в скобках; в остальном сохраняется орфография и пунктуация оригиналов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: Джангар, 2002. 400 с.
2. Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. В 4 т. Т. 4. М.: АCADEMIA, 2002. 506 с.
3. Бурыкин А. А., Коробейникова О. Ю. Слова «калмык», «калмыцкий» в русском языке XVIII века (по материалам картотеки Словаря русского языка XVIII в.) // Mongolica. 2003. № 6. С. 69–72.
4. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
5. Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 286 с.
6. Максимов К. Н. Калмыки в геостратегических планах России XVII века // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 7–12.
7. Манджиева Б. Б. Кочевое скотоводство в калмыцком фольклоре // Новый филологический вестник. 2020. № 2 (53). С. 92–108. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00033
8. Монраев М. У., Лиджиев А. Б. Лексема со значением «дорога» в калмыцком языке: предварительный анализ // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2020. № 2 (41). С. 52–56. DOI: 10.24412/2071-7830-2020-41-52-56
9. Письма В.Н. Татищева войсковому атаману Д.Е. Ефремову, 16 февраля и 9 марта 1742 г. // Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 144 об.–146, 235 об.
10. Письма В.Н. Татищева наместнику ханства Дондук-Даши, 4 марта и 29 марта 1742 г. // НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 212 об.–215, 298–298 об.
11. Письма В.Н. Татищева наместнику ханства Дондук-Даши, 21 апреля 1742 г.; полковнику Боборькину, 28 апреля и 19 июня 1742 г.; полковнику и астраханскому коменданту Кнутову, поручику Полякову, 29 апреля 1742 г.; в Астраханскую губернскую канцелярию, 28 июня 1742 г. // НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 356–356 об., 365, 490–490 об., 368–368 об., 511–511 об.
12. Письма В.Н. Татищева полковнику Боборькину, ханше Дарма-Бале, поручику Полякову, полковнику и астраханскому коменданту Кнутову, наместнику ханства Дондук-Даши, 6 апреля 1742 г. // НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 318, 318 об., 319, 319 об., 320–320 об.
13. Письма В.Н. Татищева походному атаману Жмуруину, майору и черноморскому коменданту Белову, 4 мая 1742 г. // НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 387–387 об., 388.
14. Письмо В.Н. Татищева бригадиру и ставропольскому коменданту Змееву, 19 января 1742 г. // НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 32–32 об.
15. Письмо В.Н. Татищева генерал-поручику А.И. Тараканову, 27 февраля 1742 г. // НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 184.
16. Письмо В.Н. Татищева наместнику ханства Дондук-Даши, 8 февраля 1742 г. // НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 114.
17. Письмо В.Н. Татищева наместнику ханства Дондук-Даши, 10 марта 1742 г. // НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 263 об.
18. Письмо В.Н. Татищева полковнику и царьцинскому коменданту П.Ф. Кольцову, 27 февраля 1742 г. // НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 188–189 об.
19. Промемория от тайного советника В.Н. Татищева в Астраханскую губернскую канцелярию, 19 января 1742 г. // НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 34 об.–35 об.
20. Промемория от тайного советника В.Н. Татищева в канцелярию Оренбургской комиссии, 9 марта 1742 г. // НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 238–238 об.
21. Сусеева Д. А. Документы В. Н. Татищева как источник для изучения культуры калмыцкого народа // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки: материалы XIV Всерос. науч. конф. Астрахань: Астрах. гос. ун-т, 2018. С. 20–21.
22. Сусеева Д. А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Избранное. Элиста: Джангар, 2009. 991 с.
23. Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосociологического исследования. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2003. 456 с.
24. Сусеева Д. А., Котяева Е. С., Олядыкова Л. Б., Ярмаркина Г. М. Русские переводы XVIII века деловых писем калмыцких ханов и их современников: тексты и исследования. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2013. 744 с.
25. Указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из Астраханской губернской канцелярии в Астраханскую австрию бурмистру Ивану Дьяконову с товарищи // НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 317 об.
26. Церенова Ж. Н. Концепт «кочевье» в калмыцкой, русской и американской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 23 с.

27. Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2007. 464 с.

28. Шараева Т. И. «И откуда Ваши сваты?» (реалии и ментальные образы пространства в свадебном обряде калмыков) // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. DOI: 10.25178/nit.2019.3.11

29. Шкурская Е. А. Дорожные ритуалы и запреты в русской и калмыцкой культуре в аспекте благополучия // Монголоведение. 2021. Т. 13, № 1. С. 85–95. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-85-95

30. Salaev B. K., Suseeva D. A., Esenova T. A., Dzhambinova N. S. Integration of Kalmyks into the Russian Society of the XVIII Century and Relations of Kalmyks, Russians and Other Ethnos During the Existence of the Kalmyk Khanate Within Russian Empire (Based on Unpublished Materials Stored in the National Archives of the Kalmyk Republic) // Bylye Gody. 2018. Vol. 50, iss. 4. P. 1436–1455. (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2018.4.1436

REFERENCES

1. Batmaev M.M. *Sotsialno-politicheskii stroi i khoziaistvo kalmykov v XVII–XVIII vv.* [Socio-Political System and Economy of the Kalmyks in the 17th – 18th Cen.]. Elista, Dzhangar Publ., 2002. 400 p.

2. Piurbееv G.Ts., ed. *Bolshoi akademicheskii mongolsko-russkii slovar* [Large Academic Mongolian-Russian Dictionary], vol. 4. Moscow, ACADEMIA Publ., 2002. 506 p.

3. Burykin A.A., Korobeinikova O.Iu. Slova «kalmyk», «kalmytskii» v russkom iazyke XVIII veka (po materialam kartoteki Slovaria russkogo iazyka XVIII v.) [Russian Words “Kalmyk” and “Kalmytskii” in the 18th Century (Based on the Materials of the Card Index of the Dictionary of the 18th Century Russian Language)]. *Mongolica*, 2003, no. 6, pp. 69-72.

4. Muniev B.D., ed. *Kalmytsko-russkii slovar* [Kalmyk-Russian Dictionary]. Moscow, Rus. iaz. Publ., 1977. 768 p.

5. Kolesnik V.I. *Poslednee velikoe kochevye: Perehod kalmykov iz Tsentralnoi Azii v Vostochnuiu Evropu i obratno v XVII i XVIII vekakh* [The Last Great Nomadism: The Kalmyks’ Transition from Central Asia to Eastern Europe and Back in the 17th and 18th Centuries]. Moscow, Vost. lit. Publ., 2003. 286 p.

6. Maksimov K.N. Kalmyki v geostrategicheskikh planakh Rossii XVII veka [Kalmyks in the Geostrategic Plans of Russia in the 17th Century]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2013, no. 1, pp. 7-12.

7. Mandzhiyeva B.B. Kochevoe skotovodstvo v kalmytskom folklоре [Nomadic Livestock Breeding in

Kalmyk Folklore]. *Novyi filologicheskii vestnik* [The New Philological Bulletin], 2020, no. 2 (53), pp. 92-108. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00033

8. Monraev M.U., Lidzhiyev A.B. Leksema so znacheniem «doroga» v kalmytskom iazyke: predvaritelnyi analiz [Lexeme with Definition “Road” in Kalmykian Language: Preliminary Analysis]. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territorii* [Bulletin of the Institute of Complex Studies of Arid Territories], 2020, no. 2 (41), pp. 52-56. DOI: 10.24412/2071-7830-2020-41-52-56

9. Pisma V.N. Tatishcheva voiskovomu atamanu D.E. Efremovu, 16 fevralia i 9 marta 1742 g. [Letters from V.N. Tatishchev to the Don Army Ataman D.E. Efremov, February 16 and March 9, 1742]. *Natsionalnyy arkhiv Respubliki Kalmykiya (NA RK)* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 144 r.-146, 235 r.

10. Pisma V.N. Tatishcheva namestniku khanstva Donduk-Dashi, 4 marta i 29 marta 1742 g. [Letters from V.N. Tatishchev to the Khanate Viceroy Donduk-Dashi, March 4 and March 29, 1742]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 214 r.-215, 298-298 r.

11. Pisma V.N. Tatishcheva namestniku khanstva Donduk-Dashi, 21 apreliya 1742 g.; polkovniku Boborykinu, 28 apreliya i 19 iyunia 1742 g.; polkovniku i astrakhanskomu komendantu Knutovu, poruchiku Poliakovu, 29 apreliya 1742 g.; v Astrakhanskuiu gubernskuiu kantseliariiu, 28 iyunia 1742 g. [Letters from V.N. Tatishchev to the Khanate Viceroy Donduk-Dashi, April 21, 1742; To Colonel Boborykin, April 28 and June 19, 1742; To Colonel and Astrakhan Commandant Knutov, Lieutenant Polyakov, April 29, 1742; To the Astrakhan Gubernia Chancellery, June 28, 1742]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 356-356 r., 365, 490-490 r., 368-368 r., 511-511 r.

12. Pisma V.N. Tatishcheva polkovniku Boborykinu, khanshe Darma-Bale, poruchiku Poliakovu, polkovniku i astrakhanskomu komendantu Knutovu, namestniku khanstva Donduk-Dashi, 6 apreliya 1742 g. [Letters from V.N. Tatishchev to Colonel Boborykin, Khansha Darma-Bala, Lieutenant Polyakov, Colonel and Astrakhan Commandant Knutov, the Khanate Viceroy Donduk-Dashi, April 6, 1742]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 318, 318 r., 319, 319 r., 320-320 r.

13. Pisma V.N. Tatishcheva pokhodnomu atamanu Zhmurinu, maioru i chernoiarskomu komendantu Belovu, 4 maia 1742 g. [Letters from V.N. Tatishchev to the Marching Ataman Zhmurin, Major and Chernoyar Commandant Belov, May 4, 1742]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 387-387 r., 388.

14. Pismo V.N. Tatishcheva brigadiru i stavropolskomu komendantu Zmeevu, 19 ianvaria

1742 g. [Letter of V.N. Tatishchev to the Brigadier and Stavropol Commandant Zmeev, January 19, 1742]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 32-32 r.

15. Pismo V.N. Tatishcheva general-poruchiku A.I. Tarakanovu, 27 fevralia 1742 g. [Letter from V.N. Tatishchev to Lieutenant General A.I. Tarakanov, February 27, 1742]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 184.

16. Pismo V.N. Tatishcheva namestniku khanstva Donduk-Dashi, 8 fevralia 1742 g. [Letter from V.N. Tatishchev to the Khanate Viceroy Donduk-Dashi, February 8, 1742]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 114.

17. Pismo V.N. Tatishcheva namestniku khanstva Donduk-Dashi, 10 marta 1742 g. [Letter from V.N. Tatishchev to the Khanate Viceroy Donduk-Dashi, March 10, 1742]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 263 r.

18. Pismo V.N. Tatishcheva polkovniku i tsaritsynskomu komendantu P.F. Koltsovu, 27 fevralia 1742 g. [Letter from V.N. Tatishchev to Colonel and Tsaritsyn Commandant P.F. Koltsov, February 27, 1742]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 188-189 r.

19. Promemoriia ot tainogo sovetnika V.N. Tatishcheva v Astrakhanskuiu gubernskuiu kantseliariiu, 19 ianvaria 1742 g. [Promemoria from Privy Councillor V.N. Tatishchev to the Astrakhan Gubernia Chancellery, January 19, 1742]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 34 r.-35 r.

20. Promemoriia ot tainogo sovetnika V.N. Tatishcheva v kantseliariiu Orenburgskoi komissii, 9 marta 1742 g. [Promemoria from Privy Councillor V.N. Tatishchev to the Orenburg Commission Chancellery, March 9, 1742]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 238-238 r.

21. Suseeva D.A. Dokumenty V.N. Tatishcheva kak istochnik dlia izucheniia kultury kalmytskogo naroda [V.N. Tatishchev's Documents as a Source for Studying the Culture of the Kalmyk People]. *Perekrestki istorii. Aktualnye problemy istoricheskoi nauki: materialy XIV Vseros. nauch. konf.* [Crossroads of History. Actual Problems of Historical Science: Materials of the 14th All-Russian Scientific Conference]. Astrakhan, Astrakh. gos. un-t, 2018, pp. 20-21.

22. Suseeva D.A. *Pisma kalmytskikh khanov XVIII veka i ikh sovremennikov (1713–1771 gg.)*. *Izbrannoe* [Letters of the Kalmyk Khans of the 18th Century and Their Contemporaries (1713–1771). Selected Documents]. Elista, Dzhangar Publ., 2009. 991 p.

23. Suseeva D.A. *Pisma khana Aiuki i ego sovremennikov (1714–1724 gg.): opyt*

lingvosotsiologicheskogo issledovaniia [Letters of the Khan Ayuka and His Contemporaries (1714–1724): Experience of Linguistic Sociological Research]. Elista, Izd-vo KalmGU, 2003. 456 p.

24. Suseeva D.A., Kotiaeva E.S., Oliadykova L.B., Iarmarkina G.M. *Russkie perevody XVIII veka delovykh pisem kalmytskikh khanov i ikh sovremennikov: teksty i issledovaniia* [Russian Translations of the 18th Century Official Letters of the Kalmyk Khans and Their Contemporaries: Texts and Studies]. Elista, Izd-vo KalmGU, 2013. 744 p.

25. Ukaz Eia Imperatorskogo Velichestva Samoderzhitsy Vserossiiskoi iz Astrakhanskoi gubernskoi kantseliarii v Astrakhanskuiu avsteriiu burmistru Ivanu Diakonovu s tovarishchi [The Decree of Her Imperial Majesty the All Russia Autocrat from the Astrakhan Gubernia Chancellery to the Astrakhan Public-House to Burgermeister Ivan Diakonov and His Comrades]. *NA RK* [National Archive of the Republic of Kalmykia], f. 36, inv. 1, d. 141, l. 317 r.

26. Tserenova Zh.N. *Kontsept «kochevye» v kalmytskoi, russkoi i amerikanskoi lingvokulturakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Concept of “Nomadism” in Kalmyk, Russian, and American Linguistic Cultures. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Volgograd, 2005. 23 p.

27. Tsiuriumov A.V. *Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii* [The Kalmyk Khanate as a Part of Russia: Problems of Political Relations]. Elista, Dzhangar Publ., 2007. 464 p.

28. Sharaeva T.I. «I otkuda Vashi svaty?» (realii i mentalnye obrazy prostranstva v svadebnom obryade kalmykov) [“So Where Are Your In-Laws From?” Realities and Mental Images Within the Space of Kalmyk Wedding Rites]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva], 2019, no. 3. DOI: 10.25178/nit.2019.3.11

29. Shkurskaya E.A. Dorozhnye ritualy i zaprety v russkoy i kalmytskoy kulture v aspekte blagopoluchiya [Road Rituals and Taboos in Russian and Kalmyk Cultures: The Aspect of Well-Being]. *Mongolovedenie* [Mongolian Studies], 2021, vol. 13, no. 1, pp. 85-95. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-85-95

30. Salaev B.K., Suseeva D.A., Esenova T.A., Dzhambinova N.S. Integratsiya kalmykov v rossiyskoe obshchestvo XVIII v. i vzaimootnosheniya kalmytskogo, russkogo i drugikh narodov v period sushchestvovaniya Kalmytskogo khanstva v sostave Rossiyskogo gosudarstva (na osnove neopublikovannykh materialov, khranyashchikhsya v Natsionalnom arkhive Respubliki Kalmykiya) [Integration of Kalmyks into the Russian Society of the XVIII Century and Relations of Kalmyks, Russians and Other Ethnos During the Existence of the Kalmyk Khanate Within Russian Empire (Based on Unpublished Materials Stored in the National Archives of the Kalmyk Republic)]. *Bylye Gody*, 2018, vol. 50, iss. 4, pp. 1436-1455. (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2018.4.1436

Information About the Authors

Danara A. Suseeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Russian and Foreign Literature, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Pushkina St, 11, 358000 Elista, Russian Federation, suseeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8814-8007>

Oksana A. Gorban, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, oa_gorban@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2345-3673>

Информация об авторах

Данара Аксеновна Сусеева, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, ул. Пушкина, 11, 358000 г. Элиста, Российская Федерация, suseeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8814-8007>

Оксана Анатольевна Горбань, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, oa_gorban@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2345-3673>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.5>

UDC 94(470+571+477)«1918/1919»
LBC 63.3(2)

Submitted: 07.06.2022
Accepted: 08.12.2022

TAGANROG DISTRICT: PROBLEMS OF POLITICS AND GOVERNANCE IN THE SOUTH OF RUSSIA DURING THE CIVIL WAR

Anton V. Posadskiy

Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation,
Saratov, Russian Federation

Abstract. Introduction. The Civil War in Russia had many dimensions. The general pattern of confrontation arose as a result of the implementation of many local contradictions. The study of the historic situation of the civil strife within the framework of local history opens up new opportunities for assessing the motives of participation in the civil war and the role of class, group, and party contradictions and situational circumstances in this. *Methods and materials.* The article uses classical research methods. The source base of the research is represented by unpublished and published documents, memoirs, and the press. The sources that came out of the white camp predominate, since the studied territory was under the White Guard jurisdiction. *Analysis.* The article examines the situation in the Taganrog District of the Don Army Region during 1918–1919. In this district, the peasant population prevailed, unlike the rest of the districts in the Region. The population of the district experienced the administration of various authorities, including the occupying German authorities. Makhno's movement was unfolding in close proximity. As a result of class hostility and the lack of reliable information, the peasantry of the district rose twice: in October 1918 and in March – April 1919. The uprisings were suppressed, and the district became a problem area for the white military command and political leadership. The article shows in detail how these events matured and unfolded. It is shown that the peasantry, not trusting the Cossacks, pinned their hopes on the main political subjects of the Civil War, which were the Reds or the Volunteer Army. *Results.* The example of the Taganrog District demonstrates many pain points of the Civil War. The most peasant district in the Cossack army, with a large industrial center, was never successfully integrated into the white statehood. Problems of trust, communication, phobias, and unrealized hopes did not allow this to take place. At the same time, the potential for a strong national government in the district was quite clearly manifested.

Key words: Russia, Civil War, Don Army Region, Taganrog district, peasantry, Cossacks, governance.

Citation. Posadskiy A. V. Taganrog District: Problems of Politics and Governance in the South of Russia During the Civil War. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhduнародные отнosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 70-79. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.5>

УДК 94(470+571+477)«1918/1919»
ББК 63.3(2)

Дата поступления статьи: 07.06.2022
Дата принятия статьи: 08.12.2022

ТАГАНРОГСКИЙ ОКРУГ: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКИ И УПРАВЛЕНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Антон Викторович Посадский

Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Гражданская война в России имела много измерений. Общий рисунок противостояния возникал в результате реализации большого количества локальных противоречий. Изучение конкретно-исторических обстоятельств междоусобицы в рамках местной истории открывает новые возможности для оценки мотивов участия людей в гражданской войне и роли в этом сословных, групповых, партийных противо-

речий и ситуативных обстоятельств. *Методы и материалы.* В статье использованы классические методы исследования. Источниковая база представлена неопубликованными и опубликованными документами, воспоминаниями и прессой. Преобладают материалы, вышедшие из белого лагеря, так как изучаемая территория находилась под белогвардейской юрисдикцией. *Анализ.* В статье рассматривается положение в Таганрогском округе области Войска Донского (далее – Область) на протяжении 1918–1919 годов. В Таганрогском округе преобладало крестьянское население, в отличие от остальных округов Области. Население округа испытало на себе администрирование разных властей, включая оккупационную немецкую власть. В близком соседстве разворачивалось движение Махно. В результате сословной вражды и отсутствия достоверной информации, крестьянство округа дважды поднималось на восстания, в октябре 1918 г. и в марте – апреле 1919 года. Восстания были подавлены, а округ стал проблемной зоной для белого военного командования и политического руководства. В статье подробно показано, как созревали и разворачивались данные события. Продемонстрировано, что крестьянство, не доверяя казакам, возлагало свои надежды на главных политических субъектов Гражданской войны, то есть красных, или Добровольческую армию. *Результаты.* Пример Таганрогского округа демонстрирует многие болевые точки Гражданской войны. Самый крестьянский округ в казачьем войске с крупным промышленным центром так и не был успешно интегрирован в белую государственность. Проблемы доверия, коммуникации, фобии и нереализуемые надежды не позволили этому состояться. Вместе с тем потенциал востребования сильной национальной власти в округе проявлялся вполне отчетливо.

Ключевые слова: Россия, Гражданская война, область Войска Донского, Таганрогский округ, крестьянство, казачество, управление.

Цитирование. Посадский А. В. Таганрогский округ: проблемы политики и управления на Юге России в годы Гражданской войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 70–79. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.5>

Введение. Область Войска Донского административно разделялась на 9 округов. В 1918 г. к ним добавился десятый – Верхне-Донской, широко известный по восстанию 1919 года. В Области проживали казаки – лица войскового сословия, коренные крестьяне и иногороднее население. Казаки и иногородние находились в неравных условиях, что вызывало зависть и стало фактором глубокой вражды и вооруженного размежевания в обстоятельствах Гражданской войны. Наименее казачьим по составу населения являлся Таганрогский округ.

На 1913 г. округ имел единственный казачий юрт – станицы Новониколаевской – и 54 крестьянские волости, центрами которых были почти исключительно крупные слободы. В Таганрогском округе преобладал украинский говор, в отличие от остальных округов Области.

Станица Новониколаевская в 1918–1920 гг. комплектовала один из известных донских полков – 42-й, в просторечии – назаровский, по фамилии яркого командира – Ф.Д. Назарова. Полк сражался далеко от родных мест, будучи в 1919 г. единственной донской частью на Правобережной Украине. Он являл собою фактически отряд трех родов оружия, так как имел два конных дивизиона, 9 пеших

сотен и собственную нештатную батарею. Один из чинов полка оставил о своей части подробные воспоминания [17].

Материалы и методы. Для характеристики событий в округе и, что не менее важно, динамики настроений его населения в период Гражданской войны, привлечены источники различного происхождения. Округ находился в описываемое время под властью белых, поэтому большинство источников представляет данный лагерь Гражданской войны: это приказы, пресса, воспоминания. Весьма информативны и аналитичны доклады начальника Донского разведпункта начальнику разведывательного отделения штаба Главкома ВСЮР за апрель – июнь 1919 г., широко использованные в исследовании. Они рисуют весьма подробную картину жизни округа. Добровольческая разведка описывала жизнь под донской юрисдикцией со стороны, не стесняясь критикой. Данное обстоятельство сделало названный источник более объективным, нежели аналогичные сводки по «своей» территории. Выстроенная картина бытия Таганрогского округа при белой власти позволяет увидеть, почему эта территория оказалась столь сложной для донского командования и какие ошибки совершала здесь донская администрация.

Анализ. Крестьяне округа активно участвовали в аграрной революции. Уже 3 (16) января 1918 г. отмечены погромы: разграблено имение Кутейниковой, горело имение Платовой. Вместе с большевиками работали обыкновенные шайки грабителей [10, с. 5]. Деникинская «Особая комиссия» расследовала дело по большевистским злодеяниям в Таганроге с 20 января по 17 апреля 1918 г. Чудовищные массовые убийства происходили в городе и на заводах [9, с. 129–134]. Последующие власти не имели повода испытывать особую симпатию к неказачьему, а тем более рабочему населению города и всего округа. Ю. Д. Гражданов обратил внимание на то, что в 1918 г. отношения казаков и иногородних обострили «карательные экспедиции для “дочистки” сел и слобод от сторонников большевиков в Таганрогский, Черкасский, Донецкий округа ВВД, в Воронежскую и Астраханскую губернии и насильственное здесь “урегулирование” отношения крестьянства к собственникам земли» [3, с. 143].

До сентября 1918 г. населению округа приходилось лавировать между украинской, донской и германской оккупационной администрациями. При этом Большой войсковой Круг выяснил, что Таганрогское отделение Государственного банка, пользуясь временной независимостью от финансовой политики Дона, не представило никакой отчетности, а предпочло заниматься денежными махинациями с помещичьими имениями [3, с. 162]. Слобода Коньково образовала свою, никем не признанную, волость. Начальник разведки Таганрогского центра Добровольческой армии 23 декабря 1918 (5 января 1919 г.) сообщал о «рабском» положении крестьянина по отношению к казаку. Помимо реквизиций, каждый казак считал себя вправе забрать у крестьянина, что посчитает нужным. Соответственно, крестьянский большевизм появлялся как производное от ненависти к казачеству [14, с. 69]. Отход от дел германцев отдал округ под казачью власть, для которой местные «хохлы» были недружественным и третируемым населением.

Инвентаризация хозяйственных возможностей открыла для донских властей безотрадную картину. Все три донских металлургических завода в середине августа 1918 г. практически простаивали из-за отсутствия

руды и кокса. Добыча угля по сравнению с дореволюционным временем упала с 31 млн пудов в месяц до 1 млн 425 тыс. пудов, при ежемесячной потребности Области в 85 млн пудов. Едва теплилась жизнь промышленного Таганрога, куда Донская администрация была допущена немцами лишь в конце сентября 1918 г. [3, с. 157].

Разведывательное отделение штаба Главнокомандующего Добровольческой армии в сводке к 6 (19) ноября 1918 г. увидело такую картину. Германские офицеры были подавлены отречением кайзера. Некоторые даже не желали возвращаться на «разбитую физически и морально родину» и начали приобретать в городах дома и заводы. Так, врач Шмидт 133-го пехотного полка и слушатель Академии Генерального Штаба обер-лейтенант Митланд за 200 тыс. руб. купили маслобойный завод у деревни Федоровки на реке Миус. Дисциплина у немцев падала на глазах. Таганрогский градоначальник генерал-майор Ажинов, опасаясь, что разложение перекинется на казачьи части, даже ходатайствовал о выводе из города всех немецких частей и отправке их в Германию. Разведка отметила ведение «немецкими агентами» агитации с целью вооружить население против союзников.

В конце октября ст. ст. в Таганрогском округе произошел ряд крестьянских восстаний, даже с использованием пулеметов. Казачьи войска быстро их ликвидировали. В ходе подавления была отобрана масса большевистской литературы, которая поставлялась главным образом из Украины. В самом Таганроге в знаковую дату 25 октября (7 ноября) планировалось выступление большевиков, но накануне на окраинах произвели обыск, отобрали много оружия и арестовали двоих адвокатов-большевиков. В результате выступление не состоялось [6, л. 14].

Этим событиям посвятили заметку «Известия ВЦИК» 31 октября 1918 года. Восстания вспыхнули в ответ на мобилизацию молодежи. Крестьяне съехались со своими старостами и старшинами. На вопрос о целях мобилизации было велено замолчать. «Мобилизованные возмутились и с угрозами по адресу Краснова начали расходиться по домам. Вдогонку им были пущены казаки с нагайка-

ми, а через два дня в Таганрог прибыл двухтысячный казацко-офицерский карательный отряд, который, разъехавшись по волостям, начал проводить мобилизацию нагайками» [2, с. 371–372]. Оставляя на совести авторов сведения об офицерских карателях, отметим массовую явку и конфликт после невнимания и грубости властей.

По итогам неудачного призыва атаман П.Н. Краснов отдал приказ, выдержанный в весьма патетических тонах (№ 1274 24 октября (6 ноября) 1918 г.). Приказом отменялся призыв иногородних 1918, 1919 и 1920 гг. в округе и заменялся военным налогом в 250 руб., а также принудительными государственными работами. Атаман сообщал, что «были случаи массового дезертирства и даже уноса оружия, были случаи злостной агитации. Виновные понесли тяжелую, но справедливую кару: они преданы смертной казни, но все это показывает, что иногороднее население Таганрогского округа не достойно высокой чести служить под Донскими знаменами» [7, с. 104–105]. Приказ содержал совет жителям «выздороветь от большевизма» к следующему призыву и дать «здоровый и честный контингент новобранцев»; в противном случае им угрожала конфискация земли и имущества и высылка из пределов Дона [7, с. 104–105].

Добровольческое командование создавало за пределами своей административной власти сеть военно-политических центров [8]. Один из них – центр 2-го разряда под руководством полковника Штемпеля – был создан и в Таганроге. Из штаба армии 21 декабря 1918 г. (3 января 1919 г.) последовало разъяснение донскому атаману А.П. Богаевскому. Штаб Добровольческой армии сообщал, что генерал Е.Ф. Эльснер представляет Главнокомандующего при Донском атамане, а на полковника барона Штемпеля в Таганроге возложена задача заботы об офицерах, пробирающихся в Добровольческую армию с Украины, и вербовка офицеров в Бердянске, Мариуполе, Мелитополе и других пунктах Екатеринославской и Херсонской губерний. Добровольческое командование находило желательным оставить его на месте и признать как местного представителя Добровольческой армии [6, л. 34]. Очевидно, атаман заинтересо-

вался, что за офицер и с какими прерогативами появился в городе.

4 марта 1919 г. Круг принял закон о засеиве полей, предполагавший немалые инструменты принуждения. Закон обязывал владельцев и арендаторов засеять не менее двух третей земли либо же сдать землю в аренду, при неспособности обеспечить посев. Закон вызвал значительный интерес среди зажиточного крестьянства и других землевладельцев неказачьего происхождения. По окончании посевной кампании иногородние Черкасского, Ростовского и Таганрогского округов ходатайствовали перед Кругом об освобождении от мобилизации тех, кто засеял не менее шести десятин [3, с. 202–203].

Обратимся к упомянутым докладам деникинской разведки. В докладе 19 марта (1 апреля) сообщалось, что крестьянские волнения в юго-западной части Таганрогского округа не вполне ликвидированы. Карательные отряды, действовавшие в районе, не прошли его целиком, ограничившись действиями по его краям, в основном вблизи Таганрога и слободы Амвросиевка. Между тем станица Новониколаевская была окружена крестьянскими отрядами и была бы взята, если бы не самоотверженная работа отряда есаула Власова – уроженца станицы. До станицы ни один правительственный отряд не доходил, район восстания не был охвачен кольцом, дабы не выпустить повстанцев в Мариупольский уезд. Маршруты же движения отрядов разрабатывал сам атаман округа. Граница округа с Мариупольским уездом охранялась слабо. Именно туда стекались крестьяне с оружием из района восстания и присоединялись к мариупольским повстанцам. Первая такая партия более 2 тыс. чел. на 400 подводах беспрепятственно прошла в Сартану (поселок крымских греков в Мариупольском уезде Екатеринославской губернии, в 1946–1992 гг. – Приморское). Ближайшие к Мариупольскому уезду части округа оказались наводнены большевистскими агитаторами, старавшимися вновь разжечь восстание в успокоившихся частях округа. Местные донские власти не придавали этому большого значения, особенно во время февральского восстания. Окружная стража с мест задолго сообщала о тревожном положении и настроении в деревнях,

но атаман не только не принял никаких мер, но и неизменно посылал приказания «держаться к крестьянам как можно мягче и избегать всяких крепких мер». Даже тогда, когда уже началось восстание, состоялись нападения на стражу и власти, атаман запретил прибегать к решительным мерам воздействия. Только когда разросшееся восстание стало угрожать Таганрогу, последовало распоряжение выслать войска. Причем они отправлялись небольшими партиями, разбивались повстанцами, и город был спасен только подошедшими частями Добровольческой армии. Донская контрразведка ничего о грядущем восстании не знала. Заявление мобилизуемых крестьян, что они обратят оружие не против большевиков, а против мобилизующих, было ею пропущено. Донская контрразведка ловила состоятельных «красновцев», а «серым людом» не интересовалась. Большевики же тонко учитывали слабости донской администрации и всеми силами старались поднять в округе восстание. Владение Таганрогом позволило бы им проникнуть на Кубань и выйти в тыл добровольческим частям в Донецком бассейне. Для предупреждения крестьянских восстаний нужны энергичные меры и беспощадное их проведение в жизнь. «Меры, диктуемые чувством жалости, пощады истолковываются крестьянством и агитаторами как небоеспособность или боязнь. Они говорят: “Не предпринимает против нас (нас) ничего потому, что боится, ибо знают, что в конце концов наша возьмет”». Там, где карательные отряды действовали энергично, крестьяне были прекрасно настроены и к разным выступлениям примыкали очень неохотно. Так, в Малой Федоровке (она же Фурсово), где в свое время действовал немецкий карательный отряд, – крестьяне во время весеннего восстания отказались выступить, заявляя: «Довольно уже нам одного раза, потерпели уже, другой раз не хотим».

Рабочие в Таганроге в большинстве были настроены большевистски. Состав рабочих Русско-Балтийского завода получил большевистскую окраску после принятия трех тысяч человек из числа подлежащих последней мобилизации. Они за взятки устроились на завод, и это самый «отъявленный» элемент – парикмахеры, слесари, жестянщики. На заводе состояло около 7 тыс. чел., он при-

надлежал военной администрации, но дисциплина на нем отсутствовала, предоставленные самим себе рабочие бездельничали, агитировали, митинговали. На Metallургическом заводе, где работы частично производились, – около тысячи рабочих, на Машиностроительном заводе Кебера – около 700. Они были настроены большевистски. Рабочие не выступили во время последнего крестьянского восстания из-за боязни конечной неудачи. Последние события подняли дух у местных большевиков, и они старались показать свою деятельность, взорвав два моста. Это не причинило материального ущерба. Охраны на многих мостах не существовало [5, л. 237, 237 об., 238, 238 об., 239].

Через десять дней последовал следующий доклад, подытоживший результаты восстания в округе. Красные, пытавшиеся наступать на Таганрог, оказались отброшены к Мариупольской границе. В состав их входили местные большевики, затем повстанцы Мариупольского уезда из селян и рабочих и части 4-го, 6-го и 8-го советских пехотных полков. Особое сопротивление они оказали в Ханжонково, вокруг которого были вырыты окопы. Слободу взяли после артиллерийского обстрела, и повстанцы обратились в бегство. Сдавшиеся сообщили, что шли на Таганрог, где должны были соединиться с местными рабочими. Последние обязались выступить, когда повстанцы будут у самого города. К этому времени большевики рассчитывали прорваться в район Иловайск – Харцызск и перерезать железную дорогу. Восстание, по плану красных, должно было охватить весь округ и прежде всего – район железной дороги и Макеевский горный район. На заводах, на железной дороге, в волостных и сельских правлениях имелась агентура из сочувствующих. У крестьян отбирались удостоверения на бланках окружного военно-революционного комитета, которые выдавались в волостных правлениях. В районе Федоровки у красных найдены патроны, сделанные на Руссо-Балте. Рабочие снабжали патронами красных еще до февральского восстания. Оружие также поступало из Таганрога. Распоряжения окружного атамана были красным хорошо известны. Крестьяне на вопросы о побуждениях к восстанию объясняли так: «...крайняя ус-

талость от непрекращающейся войны и желание решительным шагом разом покончить с ней; бесчинства Окружной стражи и ее взятничество; реквизиции и поборы казаков без всякой оплаты, – в то время как немцы, хоть мало, но платили, распределяя реквизиции равномерно, соразмерно достатку, – между тем у казаков – везде произвол и ни в чем нет выдержанности и единства: милуют там, где можно наказать, и наказывают тех, кто ни в чем не виноват». Самое же главное – стремление, «чтобы у нас, як у Совдепии, была дешевизна и во всем свобода и полное довольство». Крестьяне, как и масса населения округа, совершенно не были знакомы с истинным положением дел в Совдепии. Это «незнакомство – играет огромную роль в политических симпатиях и настроениях масс. Симпатии к большевикам у многих из-за дороговизны предметов первой необходимости и убеждения, что у большевиков все есть и все дешево». Деревне никто не разъяснил идеи и цели Добровольческой армии. В Таганроге более чем за месяц своего существования отделение Освага не сделало ничего, кроме извещения о своем появлении. ««Дай Бог, чтобы большевики пришли, – хлеб будет стоить 40 коп.»», – говорит баба в хлебной очереди в городе; «придут большевики и мануфактуры и сапогов с собой понавезут, – всего будет», – говорит крестьянин в деревне». Эти представления всецело использовали большевики, и ничего в противовес им предложено не было. В округе умножились случаи железнодорожных катастроф и покушений на них, что являлось делом рук железнодорожников-большевиков.

В северо-восточной части округа, районе Ровеньково, Ново-Павловка, Кутейниково, происходили волнения, которым не позволяли разрастаться. Непокойно было и в рудничном Макеевско-Харцызском районе. Красные рассчитывали на помощь населения в овладении Макеевско-Харцызским и Иловайским железнодорожными узлами. Большевики прилагали все усилия, чтобы перебросить волнения в соседний Ростовский округ и далее вглубь Донской области. Любопытно следующее наблюдение разведки: «В последние два дня между красными и местными повстанцами-греками начались трения. Греки думали, что захватив Мариуполь, они будут в нем, как и во всем уез-

де, полными хозяевами (восстание мариупольских греков имело под собой, несомненно, кроме других некоторых причин, своеобразную идею национально-территориальной независимости, – они говорили, – “Никому чужому не дадим ни солдата, ни патрона – выгоним Добровольцев и будем мы, греки, здесь сами по себе, полными хозяевами”»; однако приехавшие большевистские главари положили на все руки, что не входило в расчеты греков. Часть греков ушла из города в деревни» [5, л. 240, 240 об., 241, 241 об., 242 об.].

Согласно донской сводке, к 1 (14) апреля (видимо, 30 марта (12 апреля)), к северо-западу от станицы Новониколаевской отряд красных до 2 000 при 3 орудиях был разбит и рассеян. В Мариуполе возникла большая паника под влиянием наступления донцов [12, с. 2].

Генерал Л.М. Болховитинов, известный своим разжалованием в рядовые в Добровольческой армии, весной 1919 г. лечился в Таганроге. 2 (15) апреля 1919 г. он писал супруге, что до последнего времени вокруг города гремели орудийные выстрелы, – это карательные отряды умирляли восстание крестьян. Генерал выражал удивление: «Казалось бы здесь, именно в Таганрогском округе, где всего-то лишь одна казачья станица (Ново-Николаевская, в сторону Мариуполя) и весьма сильно развито отрубное хозяйство, менее всего можно было ожидать большевистских выступлений, а вот поди же! Такова сила агитации “большевиков”, даже природных контр-революционеров-хуторян [залучили] в свои сети» [13, л. 263, 263 об., 264].

Акт Особой комиссии, составленный в мае 1919 г., повествует о жестокостях махновских отрядов на территории округа. Они охарактеризованы следующим образом: «Махновские банды отличаются особенной беспощадной жестокостью по отношению не только к офицерам, но и к сельским священникам, жителям и вообще к местной интеллигенции. Большевистское военное командование обычно посылает эти банды передовыми отрядами и, занимая известный район, они не щадят никого и силой заставляют крестьян выступать вместе с ними. В феврале и марте месяцах [1919 г.] махновские банды, – действуя в составе красных войск, заняли юго-западную часть Таганрогского округа, причем особенную свирепость

проявили при захвате станицы Новониколаевской, где расстреляли до 18 человек мирного населения» [9, с. 113–114].

Наконец, 13 (26) июня 1919 г., когда округ успокоился и белые войска уверенно развивали большое наступление, разведпункт Донской области предоставил командованию развернутый доклад о политической обстановке в округе.

Немецкая ориентация в Таганрогском округе была представлена двумя течениями. Первое разделялось официальными представителями казачьего мира и крупными помещиками-казаками и была связана с агитацией в пользу возвращения П.Н. Краснова к атаманству. Второе поддерживалось представителями средней буржуазии и части интеллигенции. Они не мыслили воссоздания России без участия Добровольческой армии, но считали союз с Германией полезным «для укрепления и развития государственного организма». Первое течение было немногочисленно, хотя имело связи с границей и «красновской партией» в Новочеркаске. Оно подчеркивало слабость Добровольческой армии и пыталось сыграть на нервах обывателя. Популярность второго на три четверти объяснялась раздражением против союзников, особенно французов, после оставления ими Одессы и Крыма. Обыватель видел в германцах силу, способную поддержать дух, без чего власть «снова пойдет по пути шатания и на уступки социалистам».

Деревня мыслила по-другому. «Среди крестьян Германофильское течение успеха не имеет; мужики после хозяйничанья немцев в Округе относятся к немцам в высшей степени враждебно. В последнее время среди крестьян увеличиваются симпатии к Добровольческой Армии; в ней крестьяне видят единственную на Юге Русскую организацию, преследующую общенациональные задачи, в противовес местным сепаратистским стремлениям. Акции большевиков в глазах крестьян совершенно упали. После того, как Красное войско, занявшее весь запад Таганрогского округа, непобедимым считавшееся крестьянами, замелькало мимо хат голыми пятками, убегая от Добровольцев, – крестьяне все свое преклонение перенесли на противоположную сторону. Победы Добровольческой Армии

произвели на них громадное впечатление. После декларации по крестьянскому вопросу и приказа от 30 Мая с/г имя Генерала Деникина пользуется огромной популярностью, как раньше мужик говорил: “Бог даст, придут большевики, и все будет”, так теперь говорят: “Вот уж генерал Деникин настоящий порядок наведет”». К казакам крестьяне относились враждебно и не верили Кругу, несмотря на принятый им закон о землепользовании, согласно которому земля предоставлялась не только казакам, но и крестьянам. Они считали, что эта мера продиктована не столько «бескорыстной благожелательностью» к крестьянам, сколько большим удельным весом иногородних в населении Области.

В округе усиливалось монархическое течение, хотя сильных монархических организаций не существовало. Деревня после всеобщей разрухи и политического шатания искала твердой власти. Отвлеченные принципы народоправства для мужика «практика не осязаемая», всяческие ревкомы и советы – приелись, и люди «ждут определенного лица, которое бы потребовало к себе послушания и установило бы порядок, определив раз навсегда право каждого».

К Добровольческой армии местные монархисты держались не враждебно, считая ее истинно-патриотической организацией, за исключением монархистов из гвардейских полков, для которых добровольческая власть выглядела «слишком красной».

Социалисты оставались непримиримы к Добровольческой армии, а городская дума являлась их авангардом. Весеннее крестьянское восстание в округе оценивалось разведкой как дело их рук. Социалистическая управа всегда находилась в курсе событий и правительственных мероприятий, и это легко становилось известно большевикам. «Нет таких инсинуаций, которые бы не распространяли эти круги на ДоброАрмию. Казачьи сферы и социалисты в данном случае заключили между собой молчаливый союз». Однако большая часть общества доверяла только командованию Юга России.

Рабочие в Таганроге стали скромнее после неудач Красной армии, но сохранили большевистское настроение. В северной, промышленной, части округа, где рабочие под

влиянием знакомства с истинными большевистскими порядками, с одной стороны, с другой же – декларации по рабочему вопросу генерала Деникина и стараний Добровольческой армии улучшить их положение, – «поняли свое заблуждение».

Евреи поддерживали социалистическое течение. «Их спекуляции проходят при благосклонном содействии Управско-Думских Социалистических групп, в которых почетные места занимают евреи. Хороши и еврей-Ка-Деты, под флагом патриотизма, обдывающие различные грязные делишки». Среди населения росло возмущение против евреев, особенно среди крестьян. С этим приходилось серьезно считаться, ибо всякое мероприятие властей, направленное так или иначе на защиту интересов евреев, истолковывалось не в пользу правительства и вызывало против него озлобление. Этим пользовались большевики, распространяя слухи, что «кадеты» работают на еврейские деньги. При этом особенно антисемитски были настроены сдававшиеся в плен красноармейцы [4, л. 198, 198 об., 199, 199 об.].

Донской офицюз в июне писал про бригаду «батько Махно с присоединившимися к ней красными крестьянами Таганрогского округа, вовлеченными в эту авантюру дезертирами студентами из евреев, бежавшими из Новочеркасска и Ростова, уклоняясь от объявленной приказом Донского Атамана мобилизации студентов» [1, с. 1]. Весной 1919 г. в Донской армии был сформирован Студенческий батальон, в котором было изрядное количество лиц иудейского вероисповедания. Очевидно, бежали студенты-евреи действительно более или менее определенного большевистского направления. Возможно, они выступили удачливыми агитаторами для взбаламученных таганрогских крестьян.

С укреплением южной белой государственности таганрогских крестьян станут брать в войска, и они будут считаться ненадежным контингентом. В лесистой северо-западной части округа в 1919 г. образуется очаг зеленого движения. «Зеленчуки» из местных дезертиров станут проблемой для местной администрации. Что интересно, донской офицюз в сентябре 1919 г. отзовется о них даже с сочувствием, отметив немилосердность с ними стражи [15, с. 139]. В то же вре-

мя таганрогские контингенты могли давать совсем другие примеры. Согласно мемуарному свидетельству, видное участие в борьбе с повстанцами воронежской слободы Красенькой летом 1919 г. принял Штурмовой батальон 3-й добровольческой бригады, «состоявший преимущественно из Таганрогских рабочих». Батальон был прекрасно настроен и хорошо снаряжен. Он понес огромные потери в решающем бою, однако его остатки не пожелали идти на переформирование, стремясь отомстить за павших сослуживцев. Действительно, штурмовики действовали беспощадно [11, с. 254, 257, 259–260, 261, 262]. Историк С.Г. Пушкарев вспоминал, как ему летом 1919 г. пришлось быть инструктором пулеметного дела у только что мобилизованных таганрогских металлургов: веселые и ловкие парни показали на стрельбах лучший результат [16].

Результаты. Пример Таганрогского округа рельефно демонстрирует многие болезненные точки Гражданской войны, процесс превращения различий и обид мирной жизни в военные потенциалы противоборства. Наиболее крестьянский по составу населения округ в казачьем войске, с крупным промышленным центром, пережил в самых ужасных формах первую волну большевизма и сам дал немалые кадры большевикам. Соответственно, установившаяся с конца весны 1918 г. казачья власть воспринималась населением округа как враждебная и сама рассматривала его как внутреннего врага. Сложность ситуации дополнялась многовластием в округе, с одной стороны, и соблазном вольной жизни по соседству, в красном или махновском Мариупольском уезде. Показательно, что немцы в округе вели себя рационально, а казаки – произвольно, с неоправданной жестокостью в одних случаях и неуместным легкомыслием – в других. Донская и добровольческая информация и агитация совершенно отсутствовали. В этих условиях всякого рода политические течения и групповые интриги, целенаправленная работа большевиков формировали у крестьян совершенно фантастические представления о прекрасной жизни в Советской России. В свою очередь, это было искаженным отражением стремления к твердой и справедливой власти. Настроения изменились в пользу

Добровольческой армии, как только она продемонстрировала силу. Как можно заметить, «дальние», будь то советы или добровольцы, вызывали у крестьян упования, в то время как «ближние», кого знали непосредственно, будь то немцы или казаки, напротив, – стойкое отторжение. Обращает на себя внимание также этнорелигиозный сюжет. Образованное еврейство в округе демонстрировало социалистические и во всяком случае оппозиционные добровольцам настроения, что вызывало повышенное внимание населения и агитационные упражнения тех же большевиков. Интересны местнические настроения мариупольских греков, тем более если учесть, что целый ряд приазовских греческих сел составлял опору Н. Махно, которому всякий сепаратизм был чужд.

В результате сложившихся обстоятельств зажиточный край стал проблемной зоной для донской администрации и белой власти в целом, хотя успехи белых летом – осенью 1919 г., видимо, способны были увлечь и многих таганрогских мобилизованных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бородин С. К. Военный обзор // Донские ведомости. 1919. № 128. С. 1.
2. Борьба за власть Советов на Дону 1917–1920 гг.: сб. док. Ростов н/Д: Рост. кн. изд-во, 1957. 528 с.
3. Гражданов Ю. Д. Всевеликое Войско Донское в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.). Ростов н/Д: Антей, 2015. 240 с.
4. Доклад начальника Донского разведпункта начальнику разведывательного отделения штаба Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10003. Оп. 11. Д. 48. Коробка 38. Папка 22. Л. 198–199 об.
5. Доклады начальника Донского разведпункта начальнику разведывательного отделения штаба Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России // ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 11. Д. 48. Коробка 38. Папка 24. Л. 237–240 об.
6. Доклады Разведывательного отделения штаба Главнокомандующего Добровольческой армией // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40238. Оп. 1. Д. 17. Л. 14, 34.
7. Дон в годы революции и Гражданской войны. 1917–1920: сб. док. В 2 т. Т. 2: май 1918 – март 1920 / отв. ред. О. М. Морозова. Ростов н/Д: Ком. по упр. архив. делом Рост. обл.: ГКУ РО «ГАРО»: ГКУ

РО «ЦДНИРО»: ГКУ РО «ЦХАД в г. Шахты РО», 2017. 622 с.

8. Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого Юга: опыт организационного строительства // Военно-исторический журнал. 2014. 15 июля. URL: <http://history.milportal.ru/specsluzhby-belogo-yuga-opyt-organizacionnogo-stroitelstva/>

9. Красный террор в годы Гражданской войны по материалам особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. Л.: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. 432 с.

10. Летопись 1918 года // Донские ведомости (Новочеркасск). 1919. № 2. С. 5.

11. Мельников Ф. Восстание в селе Красеньком и Троицком Воронежской губернии в 1919 году // На ветрах Гражданской войны. Воронежская деревня в 1917–1921 гг. / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2019. С. 254–264.

12. На фронтах // Донские ведомости. 1919. № 80. С. 2.

13. Письмо генерала Л. М. Болховитинова // РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 263, 263 об., 264.

14. Посадский А. В. От Царицына до Сызрани. М.: АИРО-XXI, 2010. 400 с.

15. Посадский А. В. Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922 гг. М.: Центрполиграф, 2018. 318 с.

16. Пушкарев С. Г. Воспоминания историка 1905–1945. М.: Посев, 1999. 112 с.

17. Сагацкий И. С Назаровым под Вознесенском (1919 г.) // Военная быль. 1958. № 28–30.

REFERENCES

1. Borodin S.K. Voennyj obzor [Military Review]. *Donskie vedomosti* [Don Gazette], 1919, no. 128, p. 1.
2. *Borba za vlast Sovetov na Donu 1917–1920 gg.: sb. dok.* [The Struggle for the Power of the Soviets on the Don 1917–1920. Collection of Documents]. Rostov-on-Don, Rost. kn. izd-vo, 1957. 528 p.
3. Grazhdanov Yu.D. *Vsevelikoe Vojsko Donskoe v gody Grazhdanskoj vojny (1918–1919 gg.)* [The Almighty Don Host During the Civil War (1918–1919)]. Rostov-on-Don, Antej Publ., 2015. 240 p.
4. Doklad nachalnika Donskogo razvedpunkta nachalniku razvedyvatelnogo otdeleniya shtaba Glavnokomanduyushhego Vooruzhennymi silami Yuga Rossii [Report of the Head of the Don Intelligence Post to the Head of the Intelligence Department of the Headquarters of the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia]. *Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj Federacii (GARF)* [State Archive

of the Russian Federation], f. 10003, inv. 11, d. 48, box 38, folder 24, l.198-199 r.

5. Doklady nachalnika Donskogo razvedpunkta nachalniku razvedyvatelnogo otdeleniya shtaba Glavnokomanduyushhego Vooruzhennymi silami Yuga Rossii [Report of the Head of the Don Intelligence Post to the Head of the Intelligence Department of the Headquarters of the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia]. *GARF*, f. 10003, inv. 11, d. 48, box 38, folder 24, l. 237-242 r.

6. Doklady Razvedyvatelnogo otdeleniya shtaba Glavnokomanduyushhego Dobrovolcheskoj armiej [Reports of the Intelligence Department of the Headquarters of the Commander-in-Chief of the Volunteer Army]. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arkhiv (RGVA)* [Russian State Military Archive], f. 40238, inv. 1, d. 17, l. 14, 34.

7. Morozova O.M., ed. *Don v gody revolyucii i Grazhdanskoj vojny. 1917–1920: sb. dok. V 2 t. T. 2: maj 1918 – mart 1920* [Don During the Revolution and the Civil War. 1917–1920. Collection of Documents. In 2 Vols. Vol. 2: May 1918 – March 1920]. Rostov-on-Don, Kom. po upr. arkhiv. delom Rost. obl., GKU RO «GARO», GKU RO «CzDNIRO», GKU RO «CzKhAD v g. Shakhty RO», 2017. 622 p.

8. Kirmel N.S. Speczsluzhby Belogo Yuga: opyt organizacionnogo stroitelstva [Intelligence Services of the White South: Experience of Organizational Building]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military History Magazine], 2014, 15 July. URL: <http://history.milportal.ru/specsluzhby-belogo-yuga-opyt-organizacionnogo-stroitelstva/>

9. Felshtinskij Yu.G., ed. *Krasnyj terror v gody Grazhdanskoj vojny po materialam osoboj sledstvennoj komissii po rassledovaniyu zlodeyanij bolshevikov* [The Red Terror During the Civil War

Based on the Materials of the Special Investigative Commission to Investigate the Atrocities of the Bolsheviks]. London, Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. 432 p.

10. Letopis 1918 goda [Chronicle of 1918]. *Donskie vedomosti (Novocherkassk)* [Don Gazette (Novocherkassk)], 1919, no. 2, p. 5.

11. Melnikov F. Vosstanie v sele Krasenkom i Troiczkom Voronezhskoj gubernii v 1919 godu [Uprising in the Village of Krasenkoye and Troitskoye in Voronezh Province in 1919]. Posadskiy A.V., ed. *Na vetrakh Grazhdanskoj vojny. Voronezhskaya derevnya v 1917–1921 gg.* [On the Winds of the Civil War. Voronezh Village in 1917–1921]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2019, pp. 254-264.

12. Na frontakh [On the Fronts]. *Donskie vedomosti* [Don Gazette], 1919, no. 80, p. 2.

13. Pismo generala L.M. Bolkhovitinova [Letter by General L.M. Bolkhovitinov]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 40307, inv. 1, d. 150a, l. 263, 263 r., 264.

14. Posadskij A.V. *Ot Tsaritsyna do Syzrani* [From Tsaritsyn to Syzran]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2010. 400 p.

15. Posadskij A.V. *Zelenoe dvizhenie v Grazhdanskoj vojne v Rossii. Krestyanskiy front mezhdru krasnymi i belymi. 1918–1922 gg.* [The Green Movement in the Civil War in Russia. The Peasant Front Between the Reds and the Whites. 1918–1922]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2018. 318 p.

16. Pushkarev S.G. *Vospominaniya istorika 1905–1945* [Memoirs of a Historian 1905–1945]. Moscow, Posev Publ., 1999. 112 p.

17. Sagaczkiy I. S Nazarovym pod Voznesenskom (1919 g.). [With Nazarov near Voznesensk (1919)]. *Voennaya byl* [Military History], 1958, no. 28-30.

Information About the Author

Anton V. Posadskiy, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of History of State, Law and International Relations, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moskovskaya St, 164, 410012 Saratov, Russian Federation, Posadav68@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8738-7487>

Информация об авторе

Антон Викторович Посадский, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории государства, права и международных отношений, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Московская, 164, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, Posadav68@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8738-7487>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.6>

UDC 94(470.44/.47)

LBC 63.3(2)5

Submitted: 15.11.2022

Accepted: 02.06.2023

**HISTORICAL AND ECONOMIC OVERVIEW OF THE DEVELOPMENT
OF INTERREGIONAL MIGRATION FLOWS AND TYPES OF EMPLOYMENT
(ON THE EXAMPLE OF TSARITSYN – STALINGRAD
AND ADJACENT TERRITORIES) ¹**

Tat'jana B. Ivanova

Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of Russian Federation, Volgograd, Russian Federation;
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Svetlana M. Mironova

Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The purpose of the study is determined by the significance of the formation of labor resources for territorial development. The choice of the object is determined by the presence of historical experience of the growth of interregional migration flows in the territories under consideration. *Methods and materials.* Statistical collections, materials from general and agricultural censuses, and one-time surveys of the late 19th and early 20th centuries were used. Historical-evolutionary approaches and statistical methods of analysis are applied. *Analysis.* The migration flows are determined, and their statistical features are identified: 1) seasonal migration before the construction of the railway in 1862; 2) changes in seasonal migration after 1862; 3) formation of qualified and unskilled immigration flows with high settlement when developing factory activity (1897); 4) migration of the period of the First World War and the Civil War in connection with military operations; 5) a gradual reduction in spontaneity and an increase in the regularity of migration processes in the 20–30s of the 20th century. *Results.* The formation of interregional migration flows and types of employment is determined by the prevailing technological order, existing social institutions, opportunities to have a source of income, similarity of lifestyle, and the insignificance of the shoulder of territorial displacement. Recommendations are formulated based on the use of historical experience to predict migration flows and ensure their specific orientation, for example, for the currently developing digital economy, including the gig economy. *Authors' contribution.* T.B. Ivanova identified historical sources, analyzed the patterns of development, and framed the text of the article. S.M. Mironova participated in identifying patterns of historical processes and preparing the article.

Key words: late 19th century, early 20th century, Tsaritsyn, Stalingrad, interregional migration flows, types of employment.

Citation. Ivanova T.B., Mironova S.M. Historical and Economic Overview of the Development of Interregional Migration Flows and Types of Employment (On the Example of Tsaritsyn – Stalingrad and Adjacent Territories). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 80-95. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.6>

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС РАЗВИТИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ И ВИДОВ ЗАНЯТОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЦАРИЦЫНА – СТАЛИНГРАДА И ПРИЛЕГАЮЩИХ ТЕРРИТОРИЙ) ¹

Татьяна Борисовна Иванова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Светлана Михайловна Миронова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Актуальность и цель данного исследования определяются значимостью формирования трудовых ресурсов для территориального развития. Выбор объекта связан с наличием исторического опыта роста межрегиональных миграционных потоков Царицына – Сталинграда и прилегающих территорий. *Методы и материалы.* Используются статистические сборники, материалы всеобщих, сельскохозяйственных переписей, единовременных обследований конца XIX – начала XX века. Применены историко-эволюционный подход, статистические методы анализа. *Анализ.* Выявлены и статистически охарактеризованы следующие миграционные потоки: 1) сезонная миграция до строительства железной дороги 1862 г.; 2) изменения сезонной миграции после 1862 г.; 3) при развитии фабрично-заводской деятельности (1897 г.) формирование двух видов потоков переселенцев с высокой степенью оседлости – квалифицированных и неквалифицированных; 4) миграция периода Первой мировой и гражданской войн в связи с военными действиями; 5) 20–30-е гг. XX в. – постепенное сокращение стихийности и повышение планомерности миграционных процессов. Проанализировано изменение соотношений мужчин и женщин в разных миграционных потоках. Рассчитаны коэффициенты экономической, территориальной, внутригубернской концентрации отдельных видов занятости. Проведена реконструкция численности населения по данным переписи 1897 г. с учетом различий территориального состава Царицынского уезда и Царицынской губернии. *Результаты.* Формирование межрегиональных миграционных потоков и видов занятости определяется преобладающим технологическим укладом, действующими социальными институтами, возможностями иметь источник дохода, схожестью образа жизни, незначительностью плеча территориального перемещения. Сформулированы *рекомендации* по использованию исторического опыта для прогнозирования миграционных потоков и обеспечения их определенной направленности, например для развивающейся в настоящее время цифровой, в том числе гиг-экономики. *Вклад авторов.* Т.Б. Иванова выявила исторические источники, проанализировала закономерности развития процессов, оформила текст статьи. С.М. Миронова участвовала в определении закономерностей исторических процессов и подготовке статьи.

Ключевые слова: конец XIX века, начало XX века, Царицын, Сталинград, межрегиональные миграционные потоки, виды занятости.

Цитирование. Иванова Т. Б., Миронова С. М. Историко-экономический экскурс развития межрегиональных миграционных потоков и видов занятости (на примере Царицына – Сталинграда и прилегающих территорий) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 80–95. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.6>

Введение. Наличие трудовых ресурсов – одна из важнейших составляющих экономического роста. Для определения возможных закономерностей их привлечения целесообразно учитывать исторический опыт развития российских территорий, что и явилось це-

лью данного исследования: проанализировать межрегиональные миграционные потоки и виды занятости. Выбор объекта исследования – Царицына – Сталинграда и прилегающих территорий обусловлен его быстрым ростом в конце XIX – начале XX века.

Материалы и методы исследования.

Использованы материалы всеобщих переписей населения 1897, 1920, 1937, 1939 гг., сельскохозяйственных 1916 и 1917 гг., промышленной 1923 г., единовременного обследования 1936 г., текущие статистические отчеты Саратовской губернии и ряда официальных ведомств. Применены историко-эволюционный и экономико-географический подходы, методы статистического анализа.

Анализ. К началу XIX в. в Царицынском уезде и прилегающих территориях закончился этап оборонительно-земледельческой колонизации и начался переход к промышленно – предпринимательской. Это изменило структуру населения (табл. 1).

В 1873 и 1894 гг. основная часть населения Царицынского уезда состояла из таких сословий, как купцы, мещане, крестьяне, колонисты, казаки, регулярные и иррегулярные войска, отставные нижние чины, бессрочно и временно отпускные, солдатские жены и дети (98,32 и 98,2 % в целом по уезду соответственно). Первые три группы связаны с формированием новых производительных сил, остальные

преимущественно с ранее существовавшей инфраструктурой по обороне края. За 20-летний период в наибольшей степени выросло число мещан (на 15 169 чел.) и крестьян (на 43 054 чел.), в том числе в Царицыне на 10 352 и 14 892, в Дубовке – 3 427 и 169, уезде – 1 390 и 27 993 чел. соответственно. То есть увеличение 68 % численности мещан пришлось на Царицын, а 65 % крестьян – на уезд, что отражает специфику занятости в городе и на селе.

Для мещан (городских жителей) среди видов занятости преобладало ремесленничество, в небольшом объеме торговля, у части – земледелие. Ремесленники первоначально были пришлыми, жили в уезде постоянно или временно, их специализация определялась выходом из конкретных уездов и сел губерний России: портные и бондари – Рязанской, сапожники и чеботари – Воронежской, овчинники – Тамбовской, полостовалы и плотники – Симбирской [5, с. 1156]. К 1861–1862 г. в Царицыне и Дубовке доля ремесленников среди местных жителей стала составлять 50 и 88 % соответственно (рассчитано по: [22, с. 43, 47]), а к 1893 г. эти виды деятельности

Таблица 1. Структура населения Царицына, Дубовки, уезда и всего по Царицынскому уезду в 1873 и 1894 гг., %

Table 1. The structure of the population of Tsaritsyn, Dubovka, the county, and the entire Tsaritsyn County in 1873 and 1894, %

Показатели	1873 г.				1894 г.			
	Царицын	Дубовка	В уезде	Уезд в целом	Царицын	Дубовка	В уезде	Уезд в целом
Дворяне потомственные	0,63	0,13	0,11	0,21	0,16	0,01	0,22	0,18
Дворяне личные	0,87	0,35	0,05	0,24	0,70	0,15	0,11	0,28
Духовенство	0,52	1,18	0,41	0,56	0,39	0,23	0,38	0,36
Граждане потомственные и личные	0,05	0,01	0,01	0,01	0,52	0,13	0,09	0,22
Купцы	3,05	5,24	0,04	1,41	0,67	0,76	0,02	0,29
Мещане	66,91	84,25	0,66	25,69	45,45	87,07	1,90	23,65
Цеховые	0,00	0,00	0,00	0,00	1,2	0,08	0,00	0,35
Крестьяне всех наименований	12,75	4,67	85,07	59,48	38,5	4,70	80,01	59,93
Колонисты	1,46	1,05	1,42	1,37	0,85	2,67	1,64	1,53
Казаки	0,00	0,00	0,00	0,00	3,56	0,21	6,45	4,94
Регулярные и иррегулярные войска	8,16	0,2	9,37	7,68	0,1	0,00	0,00	0,03
Отставные нижние чины, бессрочно и временно отпускные, солдатские жены и дети	4,51	2,87	2,16	2,69	7,18	3,94	8,87	7,85
Иногородцы	0,67	0,00	0,63	0,53	0,21	0,00	0,30	0,24
Разночинцы	0,00	0,00	0,00	0,00	0,04	0,00	0,00	0,01
Иностранные подданные	0,42	0,05	0,07	0,13	0,47	0,05	0,01	0,14
<i>Итого</i>	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечание. Рассчитано авторами по: [5, с. 1152, 1154].

освоили местные жители, выполняя их во всех селах уезда.

Крестьянство занималось, исходя из природно-климатических особенностей уезда, скотоводством, бахчеводством, садоводством (последнее – в районе Дубовки). Популярным видом деятельности было чумачество. Численность занятых на перевозке грузов оценивалась в Царицыне в 7 000 фурщиков [22, с. 42], про лиц, нанимаемых в Дубовке указывалось, что их число при проведении сезонных работ огромно [22, с. 45–46]. Исходя из того, что в последней разгружалось 90 % грузов, а дальше шло не более 10 %, по аналогии можно утверждать, что количество чумаков здесь доходило до 63 000 человек. Они выполняли работы по перевозке временно или постоянно, пересылая семьям деньги по почте.

Первоначально поставки грузов шли в южные города Воронежской губернии, в Старобельск Харьковской губернии, в Харьков, в Екатеринославскую и Полтавскую губернии, в Крым, на Кавказ. Постепенно плечо перемещения стало сокращаться до перевозок в станицы области Войска Донского, причем в основном это были самостоятельно произведенные товары из леса, купленного в Дубовке [5, с. 1156].

Работы по извозу выполнялись не только пришлыми лицами, но и местными. Последние, кроме того, по данным 1861 г. выезжали для ведения промышленных, торговых дел в калмыцкие улусы, для ловли рыбы в астраханские населенные пункты. Всего выдача паспортов мещанам и купцам на различные сроки (от краткосрочных до 3 годовых) охватила 10,9 % общей численности населения Царицына и Дубовки (рассчитано по: [22, с. 44, 47]).

Миграционные потоки для выполнения сезонных работ – отличительная черта Царицынского уезда XIX века. Помимо потоков фурщиков в эти периоды привлекались работники для строительства железных дорог, которые тоже обеспечивали формирование маятниковой миграции. При возведении Волго-Донской дороги в 1859 г. в Царицын привезли около 2 000 чел. из Вологодской, Тверской и Смоленской губерний [15, л. 165]. Из них на зиму осталось только 200 [4, с. 886], остальные покинули стройку, в том числе из-за плохих условий труда (питание, быт, медицинская помощь, жара) в тот же год покинуло стройку. В 1861 г. для строительства вновь осуществлялась вербовка рабочих, было привлечено 5 000 чел. [14].

Общее изменение числа жителей обеспечивалось как естественным приростом населения (табл. 2, где эта закономерность не выполняется только для Царицына 1873 г.), так и миграционным, в том числе сезонным.

Сделанные расчеты, исходя из усредненного значения естественного прироста населения в 1873–1894 гг. в размере 18,68 чел. на 1 000 жителей, позволяют ориентировочно говорить о том, что превышение рождаемости над смертностью дало приращение населения не менее 16 000 чел., тогда как рост населения за счет миграции составил около 55 000.

Наличие сезонной миграции подтверждает анализ показателей первой всеобщей переписи населения 1897 года. В таблице 3 приведена величина наличного населения Царицына.

Приведенные значения превышают постоянную численность города на 432 жителя по сравнению с окончательными оценками и на 12 213 с предварительными (рассчитано

Таблица 2. Коэффициенты рождаемости и смертности на 1 000 чел. населения в 1873 и 1894 гг. для Царицынского уезда в целом и его отдельных территорий

Table 2. Birth and death rates per 1,000 population in 1873 and 1894 for Tsaritsyn County as a whole and its individual territories

Показатели, на 1 000 чел. населения	1873 г.				1894 г.			
	Царицын	Дубовка	В уезде	Уезд в целом	Царицын	Дубовка	В уезде	Уезд в целом
Коэффициент рождаемости	69,77	55,23	48,70	53,42	65,98	49,21	54,57	57,26
Коэффициент смертности	70,77	36,67	27,21	36,31	44,95	31,58	34,23	37,00
Коэффициент естественного прироста	-1,00	21,50	18,56	17,11	21,02	20,34	17,63	20,24

Примечание. Составлено и рассчитано авторами по: [5, с. 1153, 1154].

Таблица 3. Наличное население Царицына по переписи 1897 г.

Table 3. The available population of Tsaritsyn according to the census of 1897

Место	Предвари- тельно	Оконча- тельно	3/2	3-2
Царицын	66 967	55 186	0,82	–11 781
В том числе в пригородах	55 967	4 591	0,08	–51 376

Примечание. Составлено и рассчитано авторами по: [10, с. 10, 18, 19; 13, с. 19].

по: [9, с. 14]). Объяснениями такой разницы может быть либо наличие статистической ошибки, что маловероятно, так как опрос проводился разными статистиками, либо характеристика сезонного миграционного прироста. Его величину с учетом времени проведения переписи (конец января – начало февраля), не способствующему по климатическим условиям изменению места жительства, следует оценить как существенную. Аналогичны соотношения рассматриваемых показателей и по Царицынскому уезду в целом. В 1897 г. постоянное население составило 161 025 чел., наличное – 161 472, то есть на 447 чел. больше. Сопоставление числа жителей по уезду в целом и по Царицыну позволяет сделать вывод, что в основном сезонные мигранты оседали в городе. Он, благодаря своему географическому положению – Волга, железнодорожная связь с Доном и внутренними губерниями, – являлся открытым рынком труда, обеспечивая возможность найма работников на суда, пристани, заводы, обслуживание железных дорог, что стало фактором сезонного притока работников.

Существенное преобладание православных и крестьян в общей численности населения позволяют говорить, что характер мигра-

ционных процессов остался прежним – из российских губерний средней полосы за счет крестьянского населения (табл. 4), так как преобладающими родными языками были названы 154 048 жителями русский (в том числе 12 719 – малорусский), 3 588 – немецкий, 1 807 – татарский, иные – 2 029, всего 161 472 [6, с. 23].

Величина миграционного потока из конкретной губернии определялась степенью обеспеченности в ней крестьян землей и близостью новых для переселения территорий. Например, из Казанской губернии, где на одного работника приходилось наименьшая площадь земли, на заработки уходило до 180 тыс. чел. (9 % всего сельского населения), Самарской – в 4 раза меньше (до 30 тыс. чел.). Саратовской – до 60 000 чел. (часть из них оседала в самом Саратове и его окрестностях) [23, с. 266]. В таблице 5 приведены данные о местах, из которых переселились рабочие и прислуга, находящиеся в момент переписи 1897 г. в Саратовской губернии (для местностей, из которых число мужчин-переселенцев более 400).

Как видим, переселение идет преимущественно из близлежащих губерний, хотя есть переселенцы и из отдаленных регионов, но их число меньше. Например, из Архангельской губернии 12 чел. (7 мужчин и

Таблица 4. Распределение наличного населения Царицынского уезда по вероисповеданиям и сословиям на основании окончательных данных переписи 1897 г.

Table 4. Distribution of the available population of Tsaritsyn County by religion and class based on the final data of the census of 1897

Показатель	Человек		%		% в целом по уезду		% по Царицыну	
	Уезд в целом	В том числе Царицын	Уезд в целом	В том числе Царицын	1873 г.	1894 г.	1873 г.	1894 г.
Всего населения	161 472	55 186	100	100	100	100	100	100
В том числе по вероисповеданию								
Православные	147 911	48 815	91,6	88,5	92,2	92,5	90,9	88,8
Старообрядцы	5 970	2 026	3,7	3,7	4,0	4,1	2,4	4,5
Лютеране	3 272	1 238	2,0	2,2	1,5	1,8	1,3	1,9
Магометане	1 833	1 729	1,1	3,1	0,6	0,7	3,6	2,5

Примечание. Составлено и рассчитано авторами по: [7, с. 29].

Таблица 5. Места рождения рабочих и прислуги, находящихся в момент переписи населения 1897 г. в Саратовской губернии (выборка губерний с числом мужчин-переселенцев более 400)

Table 5. Places of birth of workers and servants located at the time of the population census of 1897 in the Saratov province (a sample of provinces with more than 400 male migrants)

Губерния	Мужчин	Женщин	3/2	Губерния	Мужчин	Женщин	7/6
Астраханская	1 039	374	0,36	Пензенская	8 751	2 207	0,25
Владимирская	416	93	0,22	Рязанская	1 184	210	0,18
Донского Войска область	664	221	0,33	Самарская	1 682	906	0,54
Екатеринославская	580	172	0,30	Симбирская	1 496	735	0,49
Нижегородская	1 389	281	0,20	Тамбовская	4 681	888	0,19

Примечание. Составлено и рассчитано авторами по: [20, с. 20–33].

4 женщины), Оренбургской – 90, в том числе 56 мужчин, 34 женщины, Олонецкой – 8, 5 и 3 соответственно. Причем, такое соотношение по полу сохраняется среди переселенцев в Саратовскую губернию среди подданных других государств и местных уроженцев. Хотя в последней группе доля женщин, как являющимися хранительницами очага и потому менее склонными к перемене мест, больше. Миграционные потоки формируются преимущественно за счет мужчин, которые оставляют семьи на малой родине или вообще их не создают (табл. 6).

Развитие фабрично-заводской деятельности изменило характер формирования миграционного потока Царицынского уезда. Он разделился на два направления: неквалифицированные (малоквалифицированные) и высококвалифицированные работники. Первые вербовались из крестьянства, среди вторых рабочие переманивались из других заводов, инженерно-технические работники пригла-

шались на работу из Москвы, Санкт-Петербурга, за границы. Наиболее значимой части рабочей силы создавались более хорошие условия проживания, что приводило к необходимости вести не только промышленное, но и жилищное строительство. В Царицыне работы «по устройству, ремонту и содержанию жилищ и строительные вообще» (каменщики, плотники, штукатурки и другие) выполняло 1 005 самостоятельных работников, в том числе 998 мужчин и 7 женщин. Численность их семей составляла 2 100 чел., в том числе 592 мужчин и 1 508 женщин [19, с. 62–63].

Интенсивные миграционные потоки населения в Царицынский уезд отражались на характеристиках поведения его жителей. Труд оставался тяжелым и малооплачиваемым, но стали меняться формы протеста против притеснений. Уход с работ, который практиковался при строительстве Волго-Донской железной дороги, несмотря на существующие за это наказания, сменился забастовками. В целом

Таблица 6. Распределение рабочих и прислуги по месту рождения для Саратовской губернии по переписи 1897 года

Table 6. Distribution of workers and servants by place of birth for the Saratov province according to the census of 1897

Показатель	Всего	Мужчин	Женщин	Доля мужчин, 100 = общее число мужчин	Доля женщин, 100 = общее число женщин	Доля в целом по месту рождения	Женщин на 1 мужчину, 4/3
Всего	142 151	102 407	39 744	100	100	100	0,39
Местные	108 250	75 716	32 534	76,18	73,90	81,90	0,43
Из других губерний	33 848	26 652	7 196	23,78	26,06	18,06	0,27
Из других государств	53	39	14	0,04	0,04	0,04	0,36

Примечание. Составлено и рассчитано авторами: [20, с. 18].

по России их большее количество приходилось на механические производства [24, отчет 1909, с. 25–26], для Царицына – на лесопильные, охватывающие 26,1 % царицынских рабочих [11, форма № 4].

Сопоставление показателей по всем видам фабрично-заводской деятельности в Царицынском уезде за 1897 и 1914 гг. приведено в таблице 7.

В целом по уезду в 1914 г. 60,2 % рабочих было занято в лесопильном и чугунно-литейном производствах, доля которых в общем объеме выпуска составляла 67,9 %. Расчет территориального внутригубернского коэффициента концентрации (по Саратовской губернии) позволяет говорить о монопольном положении Царицынского уезда по указанным выше производствам (для лесопильного по числу заводов, рабочих и объему производства коэффициент равен 62, 69 и 87 %, для чугунно-литейного производства 29, 82 и 94 % соответственно). Это существенно отличалось от структуры производства по переписи 1897 года. В целом по всем видам деятельности территориальный внутригубернский коэффициент концентрации фабрично-заводской деятельности Царицынского уезда по отношению к Саратовской губернии составлял 7,2 % (по численности заводов), 8,3 % (по количеству рабочих) и 8,4 % (по объему производства), а наибольшие их значения были по смешанным видам – кондитерские, типографии, фотографии (соответствующие значения – 19,5 %, 20,9 %, 39,9 %). К 1914 г. стали сокра-

щаться такие виды производств, как воскобойные и воскосвечные, водочные, кирпичные, алебастровые, а остальные снижались по доле в производственных показателях. Несмотря на монопольное положение ряда производств внутри губернии, уезд оставался сельскохозяйственным: в целом удельный вес рабочих составлял 6,3 % населения, крестьян – 60,4 %. В сельской местности доля крестьян была еще выше – 87,3 %.

1914 г. – начало Первой мировой войны – привел к мобилизации населения и формированию на этой основе новых видов миграционных потоков. В 1914–1918 гг. доля взятого в армию крестьянского населения из Саратовского уезда составила 11,2 % по отношению ко всем жителям, 22,4 % – ко всем мужчинам, 47,3 % – к числу трудоспособных мужчин [23, с. 21]. На одно хозяйство их стало приходиться 1,3 чел., в том числе в армию было взято 0,6. Близки по значениям с показателями Саратовской губернии были и изменения по Царицынскому уезду: было взято в армию 10,4 % крестьян, что на одно хозяйство крестьянского типа составило 0,63 человека.

Сопоставление оттока трудоспособных мужчин в 1917 г. и в мирное довоенное время (см. табл. 8) показывает, что в Саратовской губернии и Царицынском уезде она соответствует среднему показателю по 16 российским губерниям и областям.

В то же время в большей степени сокращение сельского населения, согласно материалам сельскохозяйственных переписей

Таблица 7. Показатели фабрично-заводской деятельности Царицынского уезда в 1897 и 1914 гг.

Table 7. Indicators of factory activity in Tsaritsyn County in 1897 and 1914

Группы производств	1897 г.			1914 г.			1914 г. / 1897 г.		
	Заводов	Рабочих	Объем производства	Заводов	Рабочих	Объем производства	Заводов	Рабочих	Объем производства
Обработка животных продуктов	65	198	103 055	53	133	67 105	5,89	4,93	2,1
Обработка растительных продуктов	494	1 011	797 765	401	4 735	16 724 545	6,17	14,66	49,96
Обработка ископаемых продуктов	50	459	174 085	56	4 401	13 939 690	1,56	12,87	86,16
Смешанные производства	41	728	1 037 486	45	310	218 600	1,45	0,67	0,25
<i>Итого</i>	650	2 396	2 112 391	555	9 579	30 949 930	3,94	8,31	21,96

Примечание. Составлено и рассчитано авторами по: [11, форма № 4; 12, форма № 4].

1916 и 1917 гг., в условиях войны охватило хозяйства крестьянского типа, а не частновладельческие (табл. 9).

Помимо оттока населения в связи с призывом в армию, формировались и иные миграционные потоки: по переписи 1917 г. [18, с. 106–107] отсутствовало 12 424 членов хозяйств крестьянского типа, из которых на фронт были призваны 94,7 %, а причины отсутствия остальных 660 чел. неизвестны. 976 хозяйств (крестьянского типа, частновладельческие, прочие не крестьянского типа) наняли 1 677 срочных работников обоего пола, то есть в среднем по 1,72 работника на хозяй-

ство. За три предшествующих переписи 1917 г. сельскохозяйственной переписи населения численность крестьян выросла до 112 279 чел. (на 9,9 %). Из них 99,2 % хозяйств относились к крестьянскому типу, из которых 97,5 % были наличными. Большинство из них – приписные (98,2 %) и только 2,8 % – посторонние. Сами же виды занятости по сравнению с предыдущими периодами не изменились. В хозяйствах занимались земледелием, скотоводством. 14,4 % хозяйств крестьянского типа занимались промыслами. Так, миграционные процессы среди крестьянства были обусловлены не только военными действиями, но и

Таблица 8. Сравнительная численность взятого в армию сельского населения в относительных величинах, определенная по 16 российским губерниям и областям на одно хозяйство в довоенное и военное время

Table 8. The comparative number of rural populations taken into the army in relative terms, determined by 16 Russian provinces and regions per household in pre-war and wartime

Показатель	Довоенное время	1917 г.	Отклонение
Всего населения	5,9	5,8	+0,1
Мужчин	2,9	2,0	0
Трудоспособных мужчин	1,4	1,3	-0,1
Призванных в армию	0,1	0,6	-0,5

Примечание. Составлено и рассчитано авторами по: [21, с. 22], где приведены данные по 16 губерниям и областям: Владимирская, Волынская, Вятская, Костромская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Пензенская, Полтавская, Рязанская, Тверская, Тульская, Ульяновская, Уфимская, Харьковская.

Таблица 9. Изменение показателей состояния сельского населения Царицынского уезда по сельскохозяйственным переписям 1916 и 1917 гг.

Table 9. Changes in indicators of the state of the rural population of Tsaritsyn County according to the agricultural censuses of 1916 and 1917

Показатель	Перепись 1916 г.	Перепись 1917 г.	Отклонение
Число хозяйств всех типов	21 305	18 934	-2 371
В том числе:			
крестьянского типа	21 231	18 784	-2 474
частновладельческого типа	74	144	70
скотопромышленников	0	0	0
некрестьянского типа	0	6	6
В хозяйствах крестьянского типа:			
мужчин	50 941	55 469	4 528
женщин	61 587	54 724	-6 823
женщин на 100 мужчин	122,2	98,7	-23,5
В хозяйствах частновладельческого типа:			
мужчин	502	901	399
женщин	539	639	100
женщин на 100 мужчин	107,7	70,9	-36,8

Примечание. Составлено и рассчитано авторами по: [25, с. 7; 18, с. 106–107].

продолжением ведения сельскохозяйственного производства.

С 1918 г. структура территорий, административно связанных с Царицыным, была несколько раз изменена, но в статистических сборниках сложившиеся в результате этого различия в численности населения не отображаются. Расчеты проводились в тех границах, которые существовали на момент переписи, что видно и из приводимых названий. Например, в [28] данные по Царицынскому уезду, который был выведен из состава Саратовской губернии, не приводятся, а сопоставления показателей в прежних и новых границах отсутствуют.

Определим, какова была бы численность населения Царицына и подконтрольных ему территорий в новых административных границах, исходя из данных переписи 1897 года. За счет присоединения Черноярского, Камышинского, Царевского уездов, которые в 1918 г. вошли в состав Царицынской губернии, население в целом было бы больше в 4,8 раза, в том числе в городах в 1,5 раза. В этом случае перепись 1897 г. показала бы, что Царицынский уезд с учетом новых территорий имеет число жителей 767 303 чел. всего и 82 653 в городах.

При учете изменений 1920 г. численность жителей Царицынского уезда на основе данных переписи 1897 г. была бы еще больше. Хотя в апреле 1921 г. из состава Царицынской губернии был выведен Камышинский уезд, но включены Хоперский, Усть-Медведицкий и 2-й Донской округ. В связи с этим численность населения была бы в целом 1 197 193, в том числе в городах 90 260 чел. (увеличение соответственно в 7,4 и 1,6 раза по сравнению с численностью в границах 1897 г.).

Таблица 10. Население Царицынской губернии в границах 1920 г. по данным переписей 1897 и 1920 гг.

Table 10. The population of Tsaritsyn province within the borders of 1920, according to the censuses of 1897 and 1920

Наличное население, чел.	По переписи 1897 г.	По переписи 1920 г.	Отклонение
Всего	1 197 193	532 027	-665 166
В том числе: в сельской местности	1 106 933	391 590	-715 343
в городских поселениях	90 260	140 437	50 177

Примечание. Составлено и рассчитано по: [8, с. 6, 12, ведомость № 8].

Сопоставление данных проведенной реконструкции (табл. 10) показывает изменение структуры населения теперь уже Царицынской губернии: в целом сокращение числа жителей из-за Первой мировой и Гражданской войн за счет уменьшения населения в сельской местности, но компенсация этого процесса за счет притока в городские поселения.

Так как фабрики и заводы концентрируются в городах, то сопоставление основных видов занятости в Царицыне можно проводить без дополнительной реконструкции. Результаты переписи 1920 г. отражают разруху промышленности в период Гражданской войны. Доля переписанных профессиональных групп и отдельных профессий по главнейшим из них составила 10,1 % трудоспособного населения. 43,5 % от этой величины по-прежнему занимались видами деятельности, монополизированными в Царицыне в рамках Саратовской губернии в границах 1914 г., то есть являлись металлантами (механики, слесари, токари и т. п.). Разруха изменила и подходы к решению бытовых проблем. Возрос спрос на услуги портных, сапожников, кожевников. Удельный вес лиц этих профессий составил 46,5 %. В целом эти два вида занятости охватывали 90 % лиц, отнесенных по данным переписи 1920 г. к основной деятельности. Иная тенденция сложилась при привлечении работников, ранее занятых деревопереработкой и деревоотделкой: из-за разрыва хозяйственных связей между регионами она сократилась до 7,5 % (составлено и рассчитано на основе: [26, с. 8, 9]).

Данные 1923 г. Всесоюзной городской переписи позволяют увидеть начало восстановления производства после окончания Граждан-

ской войны и голода 1921–1922 гг. [5, с. 293–297]. Особенностью указанного статистического сборника является публикация в нем данных по переписи, проведенной в период, когда губерния называлась Царицынской, но его издание после переименования в 1925 г. в Сталинградскую. Это наименование и указывается в последующем анализе, хотя данные и относятся к 1923 году. Численность населения в городах и поселках городского типа Сталинградской губернии составила 209 511 чел., в том числе в Сталинграде 107 897 жителей. По переписи 1920 г. число жителей городов и городских поселений Сталинградской губернии составляло без жителей Камышина 124 173 чел., то есть численность населения в населенных пунктах рассматриваемого типа за 3 года не восстановилась, в отличие от производственных заведений, которых стало в целом по губернии по сравнению с 1922 г. больше как по числу (в 1,24 раза), так и по среднему количеству работников (в 1,04 раза). Всего переписью на рассматриваемой территории было охвачено 17 населенных пунктов и данная закономерность не выполнялась только для 5 из них по числу занятых. 54,5 % занятых в Сталинграде составля-

ют работники нефтеперегонного производства, сталелитейного и железнодорожных мастерских. Наибольшая численность занятых в последних и в других населенных пунктах – Фролово (доля к числу работников 63 %), Сарепта (93,8 %). Так, несмотря на разруху, преобладание ранее наиболее значимых видов деятельности сохраняется.

В таблице 11 приведены промышленные характеристики городов и поселений городского типа Сталинградской губернии с числом заведений более 100. Сопоставление числа занятых по данным 1923 и 1936 г. показывает резкое увеличение за эти годы численности работающих.

В период 1928, 1934, 1943 гг. продолжались изменения конфигурации подведомственных Сталинграду территорий. Так как информация о данных по численности населения за рассматриваемый период ограничена, то приведем их сопоставление без территориальной реконструкции, используя официально опубликованные данные за соответствующие периоды (см. табл. 12). Благодаря территориальным преимуществам Сталинграда, существующему производственному потенциалу рост

Таблица 11. Промышленные характеристики городов и поселений городского типа Сталинградской губернии с числом заведений более 100 по переписи 1923 г. и Сталинградскому краю по единовременному обследованию 1936 г. для аналогичных населенных пунктов

Table 11. Industrial characteristics of cities and urban-type settlements in the Stalingrad province, with the number of establishments exceeding 100 according to the census of 1923, and the Stalingrad Region according to a one-time survey of 1936 for similar settlements

Показатели	Сталинград	Николаевск	Урюпинск	Всего по губернии
Число заведений, шт.	1 244	248	168	2 108
Число занятых в них, чел.	8 908	476	364	12 438
В том числе наемных рабочих, чел.	5 908	111	107	7 954
Число заведений в 1922 г., шт.	972	221	153	1 706
Среднее число занятых в них в 1922 г., чел.	8 884	498	287	11 908
Темпы роста заведений, раз	1,28	1,12	1,10	1,24
Темпы роста числа работников, раз	1,00	0,96	1,27	1,04
Доля наемных работников в их численности 1923 г., %	66,34	23,32	29,40	63,95
Доля работников в численности жителей, %	8,26	1,50	2,85	5,94
По единовременному обследованию 1936 г. численность, всего	139 487	2 937	4 951	406 607
В том числе:				
рабочих и служащих	133 210	2 705	4 600	387 538
членов кооперативов	6 277	232	351	19 069
Темп роста занятых 1936 г. по отношению к 1923 г.	15,66	6,17	13,60	32,69

Примечание. Составлено и рассчитано авторами по: [2, с. 293–297; 27, с. 73–82, 172–173, 189].

численности населения в последующие годы продолжился, что отразилось в результатах переписей 1926, 1937 и 1939 годов. Его особенности: более низкие темпы роста численности сельского населения по сравнению с городским и сохранившаяся тенденция, сформировавшаяся в годы Гражданской войны, на превышение числа женщин над мужчинами.

Стихийные миграционные процессы продолжались: по Нижне-Волжскому краю (сюда входил в этот период Сталинградский край) в 1926–1929 гг. на заработки в целом за 3 года ушло 218 670 чел., хотя темпы роста отходников здесь были ниже, чем в целом по РСФСР и СССР (табл. 13).

В связи с планированием развития народного хозяйства были приняты решения [17] об ограничении неорганизованных миграционных процессов, перераспределение работников

между производствами, причем преимущественно внутри одной и той же области, особенно избыточной сельской в города.

Изменения, достигнутые за счет упорядочивания миграционных потоков, и основные виды занятости населения на 1 апреля 1936 г. показаны в таблице 14.

Основные характеристики: 1) преобладание крупной промышленности в городе и мелкой в сельской местности; 2) в сельском хозяйстве наличие временных и сезонных рабочих; 3) наличие учреждений для подготовки кадров как в городе, так и на селе, что обеспечивает возможности получения профессий для переселившихся лиц.

Результаты и рекомендации. *Результаты.* Формирование межрегиональных миграционных потоков и видов занятости идет в соответствии с преобладающим технологи-

Таблица 12. Численность населения в Сталинграде и прилегающих территориях по переписям 1926, 1937 и 1939 гг.

Table 12. Population in Stalingrad and adjacent territories according to the censuses of 1926, 1937, and 1939

Показатели	Городское		Сельское		Всего		
	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин	итого
Перепись 1926 г.	223 986	254 453	799 024	886 231	1 023 010	1 140 684	2 163 694
Перепись 1937 г.	398 163	451 038	630 782	744 814	1 028 945	1 195 852	2 224 797
Перепись 1939 г.	421 195	471 438	648 160	747 311	1 069 355	1 218 749	2 288 104
Темп роста 1937 к 1926	1,78	1,77	0,79	0,84	1,01	1,05	1,03
Темп роста 1939 к 1926	1,88	1,85	0,81	0,84	1,05	1,07	1,06
Темп роста 1939 к 1937	1,06	1,05	1,03	1,00	1,04	1,02	1,03
Женщин на 100 мужчин в 1926 г.	–	113,60	–	110,91	–	111,50	–
Женщин на 100 мужчин в 1937 г.	–	113,28	–	118,08	–	116,22	–
Женщин на 100 мужчин в 1939 г.	–	111,93	–	115,30	–	113,97	–

Примечание. Составлено и рассчитано авторами по: [3, с. 44–45; 16, с. 24].

Таблица 13. Темпы роста числа лиц, уходивших на заработки в периоды 1927–1928 гг. и 1928–1929 гг. к 1926–1927 гг., % для Нижне-Волжского края, СССР и РСФСР

Table 13. Growth rates of the number of people who went in search of a job in the periods 1927–1928 and 1928–1929 to 1926–1927, % for the Lower Volga Region, the USSR, and the RSFSR

Территория	1927–1928 гг. к 1926–1927 гг.	1928–1929 гг. к 1926–1927 гг.
Нижне-Волжский край	65,5	70,5
СССР в целом	126,0	136,2
РСФСР в целом	122,9	140,6

Примечание. Составлено и рассчитано авторами по: [1, с. 34–35].

Таблица 14. Численность рабочих и служащих на 1 апреля 1936 г. по Сталинградскому краю

Table 14. The number of workers and employees as of April 1, 1936, in the Stalingrad region

Отрасль народного хозяйства	Численность работников, включая совместителей	В том числе		Структура численности, включая совместителей	Доля работников в сельской местности
		в Сталинграде	в сельской местности		
Крупная промышленность	111 720	75 452	4 371	28,82	3,91
Мелкая промышленность	6 496	614	4 033	1,68	62,08
Строительство	18 403	9 423	2 561	4,75	13,92
Совхозы, колхозы и другие сельхозпредприятия	40 561	0	40 561	10,46	100,00
В том числе по видам рабочих:					
постоянные	24 944	0	24 944	6,44	100,00
временные и сезонные	6 343	0	6 343	1,64	100,00
со своими лошадьми	31	0	31	0,01	100,00
итого	31 318	0	31 318	8,08	100,00
Железнодорожный транспорт	16 818	8 175*	0	4,34	0,00
Учреждения по подготовке кадров	6 115	2 727	883	1,58	14,44
Иные	187 475	36 819	88 525	48,37	47,22
<i>Всего</i>	387 588	133 210	140 934	100,00	36,36
Сверх этого членов кооперативов	19 069	6 277	4 868	4,92	25,53

Примечание. Составлено и рассчитано авторами по: [27, с. 73–82, 172–173, 189]. * – транспорт.

ческим укладом и действующими социальными институтами. Анализ, проведенный на основе данных историко-экономического развития Царицына – Сталинграда и прилегающих территорий, позволяет выделить их виды и этапы развития. Виды миграционных потоков различаются по следующим критериям: 1) по устойчивости образования – постоянные и сезонные; 2) по степени организованности – самодеятельные, формируемые на основе частнохозяйственной инициативы, государственные; 3) по причинам образования – «поиск лучшей доли» при стандартных условиях жизни (отход на заработки), в результате внешних причин и угроз (голод, призыв в армию); 4) изменение вида занятости – без изменений (ремесленники, приходящие работать на новые территории), переезд из сельской местности в город; 5) по степени квалификации. Проведенный анализ показал наличие следующих этапов развития различных сочетаний характеристик миграционных потоков и видов занятости в Царицыне – Сталинграде и прилегающих к нему территориях: 1) до строительства железных дорог – на основе более благоприятных природных условий в Дубовке при преобладании сезонной миграции; 2) после строительства в Царицыне железных дорог – перемещение в него преимуществен-

но сезонных миграционных потоков; 3) в связи с развитием фабрично-заводского производства изменение квалификационного характера миграции – неквалифицированная, как и ранее, но с большей степенью оседлости в связи с необходимостью получения квалификации для работы на фабриках и заводах, и квалифицированные – с высокой степенью оседлости; 4) период Первой мировой и Гражданской войн – миграция в связи с военными событиями и по политическим мотивам; 5) после окончания Гражданской и до начала Второй мировой войны – переселение в соответствии с планом развития народного хозяйства. В Российской империи миграция определяется частной инициативой со стороны предпринимателей, нуждающихся в притоке рабочей силы, и самих работников для получения средств к существованию, высока доля сезонности. После окончания Гражданской войны – планомерно по решению Правительства СССР с высокой степенью закрепления мигрантов на новых территориях. Виды занятости формировались, исходя из технологических изменений, под влиянием развития стадии технологического цикла длинных волн Кондратьева. По мере повышения требований к уровню квалификации работников в миграционных потоках растет среди переселен-

цев доля оседлого населения, а не сезонного. Таким образом, формирование миграционных потоков и видов занятости зависит от значительного числа факторов, которые претерпевают изменения по мере развития технологий. К ним относятся действующие социальные институты, возможности иметь источник дохода, схожесть образа жизни (в данном исследовании отражено как вероисповедание), незначительность плеча территориального перемещения. Периодизация миграционных процессов позволяет говорить, что, хотя в различных периодах можно выделить определяющий фактор миграции, но основным остается наличие рабочих мест и относительно комфортные для своего времени условия труда. Это позволяет сформулировать *рекомендации* по использованию исторического опыта для прогнозирования миграционных потоков и обеспечения их определенной направленности, например для развивающейся в настоящее время цифровой, в том числе гиг-экономики. К ним относятся: 1) создание рабочих мест по характеру соответствующих развивающемуся технологическому укладу; 2) проведение политики привлечения лиц, заинтересованных в такой занятости, из близких регионов с формированием специализированных институтов-гарантов, объединенных по профессиональному признаку, для создания и поддержания достаточно комфортных условий труда. Реализация даже в стихийной форме такого подхода в конце XIX – начале XX в. позволило обеспечить в Царицыне значительный прирост населения.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 22-28-00914, <https://rscf.ru/project/22-28-00914/>.

The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, grant No. 22-28-00914, <https://rscf.ru/project/22-28-00914/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вопросы труда в цифрах. Статистический справочник за 1927–1930 годы. М.: Рострудиздат, 1920. 96 с.
2. Краткая промышленная характеристика городов и поселений городского типа. Всесоюзная городская перепись 1923 года. В 2 вып. Вып. 2. М.: Труды Центр. Стат. упр., 1926. 600 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1937 года : Общие итоги: сб. док. и материалов / сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков. М.: Рос-СПЭН, 2007. 320 с.
4. Из донесения чиновника особых поручений Ю.К. Арсеньева министру внутренних дел С.С. Ланскому // Рабочее движение в России. В 4 т. Т. 1. 1800–1860. Волнения крепостных и вольнонаемных рабочих: сб. док. и материалов / под ред. А. М. Панкратовой. М.: Госполитиздат, 1951. С. 883–902.
5. Минх А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. В 5 т. Т. 1. Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Вып. 4. Лит. X – и [Я] / сост. А. Н. Минх. Саратов: Аткар. тип., 1902. С. 1093–1410.
6. Наличное население обоего пола по уездам и городам, с указанием преобладающих вероисповеданий и главнейших сословий. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 6 / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Издат. Центр. Стат. ком. М-ва внутр. дел., 1905. 60 с.
7. Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 7 / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Издат. Центр. Стат. ком. М-ва вн. дел., 1905. 38 с.
8. Население 58 губерний Европейской и Азиатской России. Т. 1. Вып. 3. Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. М.: 14-я тип. Моск. Сов. Нар. Хоз-ва (бывш. Город.), 1921. 19 с.
9. Население городов по переписи 28-го января 1897 года: по уездам. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 1 / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Издат. Центр. Стат. ком. М-ва внутр. дел., 1897. 30 с.
10. Население городов по переписи 28-го января 1897 года. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 2 / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Издат. Центр. Стат. ком. М-ва внутр. дел., 1897. 42 с.
11. Обзор Саратовской губернии за 1914 год / Саратов. губ. стат. комитет. Саратов: Губ. тип., 1915. 78 с.
12. Обзор Саратовской губернии за 1897 год / Саратов. губ. стат. комитет. Саратов: Губ. тип., 1898. 119 с.
13. Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 1 / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Издат. Центр. Стат. ком. М-ва внутр. дел., 1905. 48 с.
14. Отчет акционерного общества Волго-Донской железной дороги и пароходства // Саратовс-

кие губернские ведомости. Часть неофициальная. 1862. 9 июня (№ 23). С. 249.

15. По проекту устройства железной дороги между Волгою и Доном // Российский государственный исторический архив. Ф. 219. Оп. 1. Ч. 4. Д. 5488.

16. Поляков Ю. А. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / Рос. акад. наук, Науч. совет по ист. демографии и ист. географии [и др.; сост. Ю. А. Поляков и др.; редкол.: чл.-кор. РАН Ю. А. Поляков и др.]. М.: Наука, 1992. 254 с.

17. Постановление ЦИК и СНК СССР от 4 марта 1927 г. О мерах по регулированию рынка труда // СЗ СССР. 1927. № 13. Ст. 132.

18. Поездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. Т. 5. Вып. 2. Саратовская губерния. Царицынский уезд. М.: Тип. МКХ, 1923. 218 с.

19. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. Таблица 20. Т. 2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., Центральная типо-литография М.Я. Минкова, 1905. 403 с.

20. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской Империи 28 января 1897 года / [с предисл. Н. Тройницкого; сост. и обзор данных В. В. Степанова]. СПб.: Паровая типо-литография Н.Л. Ныркина, 1905. 49 с.

21. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М.: Центр. стат. упр., 1925. 105 с.

22. Саратовская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. XXXVIII / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел, 1904. 252 с.

23. Среднее и Нижнее Поволжье, и Заволжье: [Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская и Астраханская губернии] / под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского, сост. П. А. Ососков [и др.] // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 6. СПб.: А.Ф. Дервиен, 1901. 599 с.

24. Статистические и справочные материалы. Сводь отчетов фабричных инспекторов (1900–1914 гг.). URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Svod/index.htm>

25. Таблицы статистических сведений по Саратовской губернии по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.: (итоги предварительного подсчета. Саратов: Тип. [Сарат.] губ. земства, 1917. 73 с.

26. Трудоспособное население 37 губерний европейской России по главнейшим профессиям.

Т. 4. Вып. 1. М.: 14-я тип. Моск. Сов. Нар. Хоз. (бывш. Город.), 1921. 47 с.

27. Численность и заработная плата рабочих и служащих в СССР. Итоги единовременного учета за март 1936 г. М.: Ред.-издат. упр. ЦУНХУ Госплана СССР и В/О «Союзоргучет», 1938. 304 с.

28. Численность населения Саратовской губернии по данным демографическо-профессиональной переписи 28 августа 1920 года. Саратов: Губполиграфотдел 4-е отд-ние, 1921. 17 с.

REFERENCES

1. *Voprosy truda v tsifrakh. Statisticheskii spravochnik za 1927–1930 gody* [Labor Issues in Numbers. Statistical Reference Book for the Years 1927–1930]. Moscow, Rostrudizdat Publ., 1920. 96 p.

2. *Kratkaia promyshlennaia kharakteristika gorodov i poselenii gorodskogo tipa. Vsesoiuznaia gorodskaiia perepis 1923 goda. V 2 vyp. Vyp. 2* [Brief Industrial Characteristics of Cities and Urban-Type Settlements. All-Union City Census of 1923. In 2 Issues. Iss. 2]. Moscow, Trudy Centr. Stat. upr., 1926. 600 p.

3. Zhiromskaya V.B., Polyakov Yu.A., eds. *Vsesoiuznaia perepis naseleniia 1937 goda: Obshchie itogi: sb. dok. i materialov* [All-Union Population Census of 1937: General Results. Collection of Documents and Materials]. Moscow. ROSSPEN Publ., 2007. 320 p.

4. Iz doneseniia chinovnika osobykh poruchenii Iu.K. Arsenyeva ministru vnutrennikh del S.S. Lanskomu [From the Report of the Official for Special Assignments Yu.K. Arsenyev to the Minister of Internal Affairs S.S. Lanskoj]. Pankratova A.M., ed. *Rabochee dvizhenie v Rossii. V 4 t. T. 1. 1800–1860. Volneniia krepostnykh i volnonaemnykh rabochikh: sb. dok. i materialov* [Labor Movement in Russia. In 4 Vols. Vol. 1. 1800–1860. Unrest of Serfs and Freelance Workers. Collection of Documents and Materials]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1951, pp. 883-902.

5. Minkh A.N. *Istoriko-geograficheskii slovar Saratovskoi gubernii. V 5 t. T. 1. Iuzhnye uezdy: Kamyshinskii i Tsaritsynskii. Vyp. 4. Lit. Kh - i Ia* [Historical and Geographical Dictionary of Saratov Province. In 5 Vols. Vol. 1. Southern Uyezds: Kamyshinsky and Tsaritsynsky. Iss. 4. Lit. Kh – and Ia]. Saratov, Atkar. tip., 1902. pp. 1093-1410.

6. Troynitskiy N.A., ed. *Nalichnoe naselenie oboego pola po uezdnam i gorodam, s ukazaniem preobladaushchikh veroispovedanii i glavneishikh soslovii. Pervaia vseobshchaia perepis naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 goda. Vyp. 6* [The Available Population of Both Sexes by Uyezds and Cities, Indicating the Predominant Faiths and the Main Estates. The First General Population Census of the

Russian Empire in 1897. Iss. 6]. Saint Petersburg, Izdat. Centr. Stat. com. M-va vnutr. del, 1905. 60 p.

7. Troynitskiy N.A., ed. *Nalichnoe naselenie oboego pola po uezdnam, s ukazaniem chisla lits preobladaiushchikh rodnykh iazykov. Pervaia vseobshchaia perepis naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 goda. Vyp. 7.* [The Available Population of Both Sexes by Uyezds, Indicating the Number of Persons of the Predominant Native Languages. The First General Population Census of the Russian Empire in 1897. Iss. 7]. Saint Petersburg, Izdat. Centr. Stat. com. M-va vnutr. del, 1905. 38 p.

8. *Naselenie 58 gubernii Evropeiskoi i Aziatskoi Rossii. T. 1. Vyp. 3. Predvaritelnye itogi perepisi naseleniia 28 avgusta 1920 g.* [Population of 58 Provinces of European and Asian Russia. Vol. 1. Iss. 3. Preliminary Results of the Population Census on August 28, 1920]. Moscow, 14-ya tip. Mosc. Sov. Nar. Khoz-va. (byvsh. Gorod.), 1921. 19 p.

9. Troynitskiy N.A., ed. *Naselenie gorodov po perepisi 28-go ianvaria 1897 goda: po uezdnam. Pervaia vseobshchaia perepis naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 goda. Vyp. 1* [The Population of Cities According to the Census of January 28, 1897: By Uyezds. The First General Population Census of the Russian Empire in 1897. Issue 1]. Saint Petersburg, Izdat. Centr. Stat. com. M-va vnutr. del, 1897. 30 p.

10. Troynitskiy N.A., ed. *Naselenie gorodov po perepisi 28-go ianvaria 1897 goda. Pervaia vseobshchaia perepis naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 goda. Vyp. 2* [The Population of Cities According to the Census of January 28, 1897. The First General Population Census of the Russian Empire in 1897. Iss. 2]. Saint Petersburg, Izdat. Centr. Stat. com. M-va vnutr. del, 1897. 42 p.

11. *Obzor Saratovskoi gubernii za 1914 god* [Review of the Saratov Province for 1914]. Saratov, Gub. typ., 1915. 78 p.

12. *Obzor Saratovskoi gubernii za 1897 god* [Review of the Saratov Province for 1897]. Saratov, Gub. typ., 1898. 119 p.

13. Troynitskiy N.A., ed. *Okonchatelno ustanovlennoe pri razrabotke perepisi nalichnoe naselenie gorodov. Pervaia vseobshchaia perepis naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 goda. Vyp. 1* [The Available Population of Cities Finally Established During the Development of the Census. The First General Population Census of the Russian Empire in 1897. Iss. 1]. Saint Petersburg, Izdat. Centr. Stat. com. M-va vnutr. del, 1905. 48 p.

14. Otchet aktsionernogo obshchestva Volgo-Donskoi zheleznoi dorogi i parokhodstva [Report of the Joint-Stock Company of the Volga-Don Railway and Shipping Company]. *Saratovskie gubernskie vedomosti. Chast neofitsialnaia* [Saratov Provincial Vedomosti. Unofficial Part], 1862, 9 June (no. 23), p. 249.

15. Po proektu ustroistva zheleznoi dorogi mezhdru Volgoiu i Donom [According to the Project of the Construction of the Railway Between the Volga and the Don]. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive], f. 219, inv. 1, pt. 4, d. 5488.

16. Poliakov Iu.A., ed. *Vsesoiuznaia perepis naseleniia 1939 goda: osnovnye itogi* [All-Union Population Census of 1939: Main Results]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 254 p.

17. Postanovlenie TsIK i SNK SSSR ot 4 marta 1927 g. O meropriiatiakh po regulirovaniu rynka truda [Decree of the Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the USSR of March 4, 1927 On Measures to Regulate the Labor Market]. *SZ SSSR* [Collection of USSR Laws], 1927, no. 13, art. 132.

18. *Pouezdnye itogi Vserossiiskoi selskokhoziaistvennoi i pozemelnoi perepisi 1917 goda po 57 guberniiam i oblastiam. T. 5. Vyp. 2. Saratovskaia guberniia. Tsaritsynskii uezd* [Uyezd Results of the All-Russian Agricultural and Land Census of 1917 for 57 Provinces and Regions. Vol. 5. Iss. 2. Saratov Province. Tsaritsynsky Uyezd]. Moscow, Typ. MKH, 1923. 218 p.

19. Troynitskiy N.A., ed. *Raspredelenie naseleniia po vidam glavnykh zaniatii i vozrastnym gruppam po otdelnym territorialnym raionam. Tablitsa 20. T. 2. Pervaia vseobshchaia perepis naseleniia Rossiiskoi imperii, 1897 g.* [Distribution of the Population by Types of Main Occupations and Age Groups by Individual Territorial Areas. Table 20. Vol. 2. The First General Population Census of the Russian Empire, 1897]. Saint Petersburg, Centralnaya typo-lithographyya M.Ya. Minkova, 1905. 403 p.

20. Troynitskiy N.A., Stepanov V.V., eds. *Raspredelenie rabochikh i prislugi po gruppam zaniatii i po mestu rozhdeniia na osnovanii dannykh pervoi vseobshchei perepisi naseleniia Rossiiskoi Imperii 28 ianvaria 1897 goda* [The Distribution of Workers and Servants by Occupation Groups and Place of Birth Based on the Data of the First General Population Census of the Russian Empire on January 28, 1897]. Saint Petersburg, Parovaya typo-lithographyya N.L. Nyrkina, 1905. 49 p.

21. *Rossia v mirovoi voine 1914–1918 goda (v tsifrakh)* [Russia in the World War. 1914–1918 (In Figures)]. Moscow, Centr. stat. upr., 1925. 105 p.

22. Troynitskiy N.A., ed. *Saratovskaia guberniia. Pervaia vseobshchaia perepis naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 goda. Vyp. XXXVIII* [Saratov Province. The First General Population Census of the Russian Empire in 1897. Issue 38]. Saint Petersburg, Izd. Centr. Stat. commitetom Min-va vn. del, 1904. 252 p.

23. Semenov-Tyan-Shanskiy V.P., Ososkov P.A. et al., eds. *Srednee i Nizhnee Povolzhe, i Zavolzhe:*

Kazanskaia, Simbiraskaia, Samarskaia, Saratovskaia i Astrakhanskaia gubernii [Middle and Lower Volga and Trans-Volga Regions: Kazan, Simbirsk, Samara, Saratov and Astrakhan Provinces]. *Rossiiia. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva: nastolnaia i dorozhnaia kniga dlia russkikh liudei. T. 6* [Russia. A Complete Geographical Description of Our Fatherland: A Table and Travel Book for Russian People. Vol. 6]. Saint Petersburg, A.F. Dervien, 1901. 599 p.

24. *Statisticheskie i spravocnyye materialy. Svody otchetov fabrichnykh inspektorov (1900–1914 gg.)* [Statistical and Reference Materials. Codes of Reports of Factory Inspectors (1900–1914)]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Svod/index.htm>

25. *Tablitsy statisticheskikh svedenii po Saratovskoi gubernii po dannym Vserossiiskoi selskokhoziaistvennoi perepisi 1916 g.: itogi predvaritel'nogo podscheta* [Tables of Statistical Data on the Saratov Province According to the All-Russian Agricultural Census of 1916: Results of

Preliminary Calculation]. Saratov, Typ. Sarat. gubern. zemstva, 1917. 73 p.

26. *Trudosposobnoe naselenie 37 gubernii evropeiskoi Rossii po glavneishim professiiam. T. 4. Vyp. 1* [Able-Bodied Population of 37 Provinces of European Russia by the Main Professions. Vol. 4. Iss.1]. Moscow, 14-ya tip. Mosc. Sov. Nar. Khoz. (byvsh. Gorod.), 1921. 47 p.

27. *Chislennost i zarabotnaia plata rabochikh i sluzhashchikh v SSSR. Itogi edinovremennogo ucheta za mart 1936 g.* [The Number and Wages of Workers and Employees in the USSR. The Results of the One-Time Accounting for March 1936]. Moscow, Red.-izdat. upr. TsUNHU Gosplana SSSR i V/O «Soyuzorguchet», 1938. 304 p.

28. *Chislennost naseleniia Saratovskoi gubernii po dannym demograficheskoprofessionalnoi perepisi 28 avgusta 1920 goda* [The Population of the Saratov Province According to the Demographic and Professional Census of August 28, 1920]. Saratov, Gubpoligrafotdel 4-e otd-nie, 1921. 17 p.

Information About the Authors

Tat'jana B. Ivanova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Public Administration and Management, Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russian Federation, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation; Professor, Department of Expertise and Operation of Real Estate Objects, Volgograd State Technical University, Prosp. im. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russian Federation, nika20021960@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1103-8210>

Svetlana M. Mironova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Professor, Department of Financial and Business Law, Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russian Federation, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, Smironova2017@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5288-2568>

Информация об авторах

Татьяна Борисовна Иванова, доктор экономических наук, профессор кафедры государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация; профессор кафедры экспертизы и эксплуатации объектов недвижимости, Волгоградский государственный технический университет, просп. им. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, nika20021960@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1103-8210>

Светлана Михайловна Миронова, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового и предпринимательского права, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, Smironova2017@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5288-2568>

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.7>

UDC 94

LBC 63.3(0)5

Submitted: 12.07.2021

Accepted: 15.09.2021

THE DIPLOMATIC CAREER OF THE ENGLISH POET MATTHEW PRIOR

Liudmila I. Ivonina

Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* There are only a few special works about the English poet Matthew Prior as a diplomat in historical literature, and his diplomatic service did not receive an assessment in Russian historiography. *Methods and materials.* During the study of the poet's diplomacy practice, the author used systematic and anthropological methods, content analysis of his correspondence, biographies, and research works. *Analysis.* Prior was one of the few Englishmen of his time who was able to combine a political and poetic career. He met the main criteria for climbing the career ladder in the era of "courts and alliances" because he had professional abilities, excellent knowledge of languages, art knowledge, wit, and the ability to compose well. As a diplomat, Prior successfully proved himself during two European wars: the Augsburg League war and the War of the Spanish Succession. As a secret agent, embassy secretary, and ambassador, he was prominent in all negotiations with France. *Results.* The most important achievement of his diplomacy was the conclusion of the Peace of Utrecht between Britain and France. Prior's diplomatic activities harmoniously combined with his erudition in the field of artistic culture and poetry. Diplomacy defined his most successful and mature works, and poetry perfected his art of diplomacy.

Key words: diplomacy, poetry, ambassador, Peace of Ryswick, Peace of Utrecht.

Citation. Ivonina L.I. The Diplomatic Career of the English Poet Matthew Prior. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 96-107. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.7>

УДК 94

ББК 63.3(0)5

Дата поступления статьи: 12.07.2021

Дата принятия статьи: 15.09.2021

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ КАРЬЕРА АНГЛИЙСКОГО ПОЭТА МЭТТЬЮ ПРАЙОРА

Людмила Ивановна Ивонина

Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Специальных работ о дипломатической деятельности английского поэта Мэттью Прайора в исторической литературе единицы, а в отечественной историографии она не получила оценки. *Методы и материалы.* При исследовании дипломатической службы поэта были использованы системный и антропологический методы, контент-анализ его корреспонденции, биографий и исследовательских работ. *Анализ.* Прайор являлся одним из немногих англичан своего времени, способных совмещать политическую и поэтическую карьеру. Он соответствовал главным критериям восхождения по карьерной лестнице в эпоху «дворов и альянсов», обладая профессиональными способностями, отличным знанием языков, остроуми-

© Ивонина Л.И., 2023

ем и умением хорошо писать. Как дипломат Прайор эффективно проявил себя во время двух европейских войн – войны Аугсбургской лиги и войны за Испанское наследство. В качестве секретного агента, секретаря посольства и чрезвычайного посла Прайор занимал видное место на всех переговорах с Францией. *Результаты*. Главным достижением его дипломатии стало заключение выгодного для Британии Утрехтского мира с Версалем. Дипломатическая деятельность Прайора гармонично сочеталась с его эрудицией в области художественной культуры и поэзией. Дипломатия определила его наиболее успешные и зрелые произведения, а поэзия совершенствовала его искусство дипломатии и поддерживала в сложные моменты политической жизни.

Ключевые слова: дипломатия, поэзия, посол, мир в Рисвике, Утрехтский мир.

Цитирование. Ивонина Л. И. Дипломатическая карьера английского поэта Мэттью Прайора // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 96–107. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.7>

Введение. Дипломатические и военные баталии конца XVII – начала XVIII вв. рождали бурю эмоций в общественном мнении и стимулировали политическую активность интеллектуалов Европы. Особое место в этом процессе принадлежит британским поэтам, включившимся в политическую жизнь своей динамично развивавшейся конституционной монархии. Известным и востребованным литератором того времени являлся Мэттью Прайор (1664–1721) – один из немногих англичан своего времени, способных успешно совмещать дипломатическую и поэтическую карьеру [37, р. 1].

Методы и материалы. В отличие от филологических исследований, посвященных наследию Прайора-поэта, специальных работ о Прайоре-дипломате в исторической литературе немного. Его первая «полновесная» биография с анализом его политической деятельности вышла в свет только в 1921 г. [37, р. 1–12; 17; 14; 34]. В последние годы влияние дипломатии на поэзию Прайора исследует К. Брюнстром [9]. Однако в работах по истории международных отношений, политической и культурной жизни Европы конца XVII – начала XVIII в., его имя стало нарицательным. «Мир Мэтта» – так нередко именуют Утрехтский мир, венчавший войну за Испанское наследство (1701–1713) [8; 13; 16; 36; 33]. Более того, еще в 1948 г. для библиотеки университета Майами были приобретены рукописи поэта и дипломата. В рамках действующего в Майами «Проекта Мэттью Прайора» осуществляется анализ его деятельности и сбор его корреспонденции – уникального источника дипломатической жизни его времени. По данным проекта, она состоит из

3 000 писем личного и официального характера между Прайором и почти 300 его корреспондентами [23; 24].

В отечественной историографии дипломатическая деятельность Прайора не получила специальной оценки за исключением небольшого пассажа в книге Е.Б. Черняка [5]. Между тем при использовании системного и антропологического подходов его корреспонденция, поэтические сочинения и «История своего времени» вкупе с имеющейся историографией позволяют комплексно проанализировать и оценить его вклад в дипломатию конца XVII – начала XVIII в. во взаимодействии с литературным творчеством.

Анализ. По предположению Л. Легга Мэттью Прайор родился 21 июля 1664 г. в семье столяра-нонконформиста в Миддлсексе, но в большинстве работ местом его рождения указывается Вимборн Минстер в Дорсете. Хотя в историографии его иногда называют «поэтом из рабочего класса» [14, р. 2–6; 17, р. 2–3], современные исследователи сомневаются в его простом происхождении [16, р. 186–187]. Так или иначе, состояния у мальчика, рано потерявшего отца, не было. Знакомство в лавке дяди-винооторговца с лордом Дорсетом, которому понравился юноша, прекрасно знавший Горация, позволила Мэттью окончить Вестминстерскую школу. Во многом определила его жизненный путь дружба с одноклассником Чарльзом Монтегю, 1-м графом Галифаксом. Молодые люди продолжили обучение в колледже Св. Иоанна в Кембридже. Получив в 1686 г. степень бакалавра искусств, Прайор вместе с Монтегю стал сочинять популярные тогда сатиры. Особенно полюбился публике бурлеск «Мышь городс-

кая и деревенская» (1687), написанный в насмешку над произведением Джона Драйдена «Лань и пантера» [20, р. 175]. Совместное творчество способствовало карьере друзей на ином поприще.

Монтегю был избран в парламент, а позже получил должность канцлера Казначейства. Мэттью же по его рекомендации в 1691 г. стал секретарем посла в Гааге лорда Дарсли, а затем лорда Вилльерса (графа Джерси). В 1697 г. он был назначен полномочным представителем Его Величества на заключении мира в Рисвике, венчавшего войну Аугсбургской лиги (1688–1697) [17, р. 4–9; 35, р. 142]. Дальнейшая дипломатическая служба Прайора была успешной, хоть и прерывалась на ряд лет.

Причин востребованности молодого поэта в дипломатии было несколько. Как метко заметил английский писатель-сатирик У.М. Теккерей (1811–1863), «...Умеет ли дипломат писать алкеевым стихом? ...Может ли он сочинить при случае изящную эпиграмму? ...Обладая такой способностью, легко разобраться в самых сложных договорах... и соблюсти интересы своего отечества. Прайор продвигался по дипломатической службе и говорил прекрасные речи, подтверждавшие достоинства его ума и души» [4]. Так, в литературной форме Теккерей вывел главные формулы восхождения по карьерной лестнице во времена Прайора – профессиональные способности, сопровождавшиеся знанием языков, остроумием и умением хорошо писать. Вступившему на английский престол после Славной революции 1688 г. статхаудеру Республики Соединенных Провинций Вильгельму Оранскому требовались умелые политики в стране и за ее пределами. К тому же в дипломатическом социуме классической Европы очень ценился юмор и умение достойно выйти из любого положения. Прайор как нельзя лучше подходил для роли дипломата.

Кроме того, надо учесть личные мотивы молодого человека. Для Прайора путь наверх был не столь легким. Не имея состояния, сложно было обеспечить себе достойную жизнь интеллектуальным трудом без патронажа сильных мира сего (только к 50 годам поэзия принесла ему материальную независимость), приходилось «страховаться»

иной сферой деятельности. Необходима была и политическая лояльность. До 1701 г. Мэттью являлся вигом, и его панегирики Вильгельму III отражали политику этой партии и короля [14, р. 2–6; 27, р. 153–175]. Как и многие его собратья по перу, в своих панегириках Прайор обращался к античной тематике. Британия при Вильгельме III (1688–1702) и при Анне Стюарт (1702–1714) представлена им новым, воскресшим Римом, воплощением гармонии и миропорядка [2, с. 11; 27, р. 181–188; 39, р. 56–67].

Следует обозначить еще один фактор успеха карьеры Прайора, отмеченный Х. Якобсен. Помимо добросовестной работы за границей, Мэттью в целях укрепления связей со своими покровителями в Лондоне и обзаведения новыми, использовал страсть аристократии и состоятельных лиц к коллекционированию. Разумеется, он не являлся первопроходцем в этом деле. Еще на заре дипломатии произведения искусства и предметы роскоши были обязательным атрибутом отношений между государями, министрами, патронами и клиентами. Мэттью отправлял своим покровителям и влиятельным знакомым не только свои стихи, но и картины, книги, вина и медали из Европы. Когда у него появились средства, он покупал произведения искусства и для себя. Так, к концу жизни он собрал только около 130 картин, среди которых были холсты Рубенса, Ван Дейка, Рембрандта, Тициана, Веронезе, а также современных художников, к примеру, Неллера. Культурная активность Прайора демонстрирует, что коллекционирование было распространенным феноменом на дипломатической службе. Вместе с тем Мэттью ценили не только за поставку произведений искусства, но и за их художественную оценку. К нему обращались за советом и впечатлениями, поскольку он являлся одним из первых крупных знатоков искусства века Просвещения [16, р. 188–190, 206–207]. Ко всему этому стоит добавить, что Прайор был внешне красивым человеком, любящим жизнь во всех ее проявлениях, и поэтому был приятен для общества.

Время службы Прайора секретарем английской миссии в Гааге, где на фоне боевых действий семь лет проходили консультации монархов и дипломатов Аугсбургской лиги,

сложно назвать обычной дипломатической рутинной. Поддержка Людовиком XIV якобитов – сторонников изгнанного во Францию после Славной революции Якова II Стюарта – являлась центральным вопросом в отношениях между Британией и Францией [15, р. 7]. Главной целью британской секретной службы стало выявление якобитов, пытавшихся через Нидерланды пробраться на Альбион. В обязанности Прайора входила выдача паспортов для желающих посетить Британию. Е.Б. Черняк приводит пример о том, как однажды молодой дипломат обнаружил шпиона – иезуита-шотландца Кларка (отца Космо), посредника между двором Якова II Стюарта в Сен-Жермене и якобитами в Британии [5, с. 203]. В итоге Прайор предложил главе секретной службы Адаму Кардоннелу новую систему выдачи паспортов, одобренную в Лондоне. Поднимаясь на борт отплывавших в Англию судов, получать паспорт в Гааге должны были все, включая англичан, шотландцев и голландцев, что облегчало обнаружение шпионов [18, р. 16]. Кроме того, он два раза в неделю отправлял в Уайтхолл политическую и военную информацию, которую доставляли в Гаагу английские агенты при дворах Европы. Прайор первым сообщил о возможном проекте Людовика XIV восстановить Якова Стюарта на троне путем военного вторжения в Британию [10, р. 74; 18, р. 16–28].

Ненадолго посетив Англию, Мэттью возвратился в Гаагу в начале 1697 г. в качестве секретаря британского мирного посольства. Уже 8 января он сообщил в Лондон предварительные условия мира. Мирные договоры в Рисвике были подписаны 20 и 21 сентября. Прайор проверил их латинские и французские версии и доставил в Лондон официальное сообщение о подписании Британией, Нидерландами и Испанией договора с Францией [10, р. 100–101; 22].

Параллельно этой работе он участвовал в приеме Великого посольства Петра I. 15 августа Великое посольство появилось в Нидерландах, и представители Вильгельма III первыми обратились к русским послам с предложением о встрече. 23 августа Прайор писал в Лондон: «Если Царю будет угодно оказать нам честь своим визитом, то Его Величество также прибудет сюда через день-

два...» [21, р. 431] (здесь и далее перевод наш. – Л. И.). Через день после встречи двух государей он сообщал: «Его Величество очень доволен Им (Петром I) и пригласил Его на обед» [21, р. 432]. Стоит, правда, заметить, что в 1700 г., характеризуя современное состояние Европы, Мэттью, намекая на Петра, писал:

...The young Muscovite, the mighty head
Whose sovereign terror forty nations dread...
[6, р. 31; 21, р. 431; 32, р. 222].

...Сорок наций страшатся суверенного террора
молодого Московита, могущественного правителя...

В этом пассаже его политическая позиция в отношении России отражала позицию государства, которое он представлял.

Успешная деятельность в Нидерландах плюс прекрасное знание французского языка помогли Прайору после Рисвика стать секретарем лорда Портленда в Париже, где он пробыл девятнадцать месяцев начиная с января 1698 г. Мэттью писал друзьям в Англии о своих впечатлениях об искусстве и архитектуре французской столицы. Не все ему нравилось. Так, Версаль, который копировали в других государствах Европы, он характеризовал, как «...что-то глупейшее в мире, он напыщенный в каждой своей детали...» [16, р. 190].

Официально английское посольство поддерживалось от контактов с Яковом II и его двором в Сен-Жермене и ставило целью добиться высылки бывшего короля из Франции. Но Прайор поступал иначе. Он присутствовал на аудиенциях у Людовика XIV, на приемах, который посещали Яков II, его супруга Мария Моденская и принц Джеймс [5, с. 204]. Приятная внешность и остроумие англичанина располагали к непринужденной беседе, в ходе которой добывалась полезная информация о действиях якобитов и политических планах Версаля.

Однако главной целью английской миссии являлись переговоры о разделе испанских владений. Эта проблема муссировалась в дипломатических кругах уже с конца 60-х гг. XVII в., когда возникли опасения, что у короля Испании Карла II Габсбурга не будет наследников. На испанский престол претендовали ближайшие родственники – внук Людовика XIV Филипп Анжуйский и сын императора Священ-

ной Римской империи Леопольда I эрцгерцог Карл. Карл II серьезно болел, и, чтобы не допустить новой войны, Версаль и Лондон пытались разрешить испанскую проблему «компромиссным» вариантом раздела его владений. Приемлемым кандидатом на трон в Эскуриале оказался 9-летний сын баварского курфюрста Макса-Эммануэля и внук Леопольда I Фердинанд-Иосиф. Переговоры между Англией (лорд Портленд), и Францией (глава Департамента иностранных дел маркиз де Торси) начались в конце 1697 г. в Версале. Второй раз стороны в лице графа Таллара и Вильгельма III договаривались в Лондоне в первой половине 1698 г. [38, S. 170–171].

После отъезда Портленда Прайор был поверенным в делах по разделу до приезда в Париж лорда Джерси, будущего госсекретаря Южного департамента (1699–1700), с которым он очень сблизился. Находясь во французской столице, Мэттью был счастлив узнать об избрании его членом Английского Королевского общества. Эти месяцы стали важны для него и из-за прочных связей, которые он установил в литературе с Буало и Фонтенелем, а в политике – с маркизом де Торси и самим Людовиком XIV [16, p. 206].

Согласно первому разделу испанских владений 11 октября 1698 г., Фердинанд-Иосиф получал испанский трон, Людовик XIV – Неаполь, Сицилию, испанские укрепления на побережье Тосканы и Гипускоа (баскскую провинцию в Испании). Эрцгерцогу Карлу отходило Миланское герцогство. Этот договор спокойно восприняли в Европе, не желавшей новой войны. Однако в феврале 1699 г. баварский принц внезапно скончался. Версаль возобновил переговоры с Лондоном о новом разделе испанских владений. Прайор остался в Париже и после прибытия нового посла – графа Манчестера. В августе 1699 г. поэт имел аудиенцию у Вильгельма III, пребывавшего в Лоо (Нидерланды), и затем отправился в Лондон занять место заместителя Джерси [27, p. VI–VII].

По условиям нового раздела (март 1700 г.), эрцгерцог Карл получал корону Испании (которая никогда не могла быть объединена с австрийскими владениями или Священной Римской империей), дофин Франции – итальянские территории и Лотарингию, а Лю-

довик XIV обещал не поддерживать якобитов в Британии. Секретные переговоры с Торси и Людовиком XIV о Втором разделе испанских владений вел преимущественно Прайор, курсировавший в Париж и Марли с предложениями сторон [3; 12, p. 869–873; 33, p. 101]. Его летняя корреспонденция 1699 г. с лордом Джерси отражает готовность следовать указаниям патрона, свои соображения и информацию о событиях в Версале накануне войны за Испанское наследство. Покидая Париж, Прайор составил детальный отчет об использовавшихся и выявленных им шпионах, в котором, как и многие дипломаты, преувеличил свои заслуги [17, p. 286–321].

По возвращении в Британию он стал заместителем государственного секретаря и комиссаром Совета по торговле и плантациям, вошел в кружок аристократов-виггов и молодых писателей Кит-Кат, а в феврале 1701 г. избран членом Парламента от Восточного Гринстеда.

Дипломатическая карьера во многом зависит от политических пристрастий. Скоро Прайор несколько просчитался. 1 ноября Карл II умер, завещав всю Испанию внуку Людовика XIV, а через несколько месяцев началась война за Испанское наследство. Независимо от непосредственного виновника, эта война стала системным конфликтом между европейскими государствами, который наметился за десятилетия до развязки, хотели того дворы и кабинеты или нет. Когда вигских покровителей Прайора Сомерса, Орфорда и Галифакса привлекли к ответственности за участие во Втором разделе, он проголосовал на стороне тори, а после вступления Анны Стюарт на престол в 1702 г. примкнул к представителям этой партии Роберту Харли, будущему лорду Оксфорду, и Генри Сент-Джону, будущему лорду Болингброку.

Впрочем, еще до избрания в парламент Прайор политически двигался к тори. В этом плане показательны письма, которые дипломат писал лорду Портленду из Парижа в марте 1699 г., в которых он выступал за то, чтобы Вильгельм «был сам себе министром», поскольку некоторые члены правительства «слишком глубоко увязли в своих партийных интересах», чтобы честно служить королю [40]. В определенной мере перемене взгля-

дов могла способствовать его дружба с лордом Джерси. В результате уже в ноябре 1701 г. он лишился своего места в Парламенте, перестал быть членом Кит-Кат. Девять лет, когда государством руководили герцог Джон Мальборо и виги, Мэттью не был задействован в дипломатической работе. Тем не менее в 1700 г. он купил дом в Лондоне, который называл «Дворец Мэтта», и стал самым издаваемым поэтом в Англии [33, р. 117–118].

В годы творчества дипломатия звучала в работах Прайора. В этом плане примечательно его сравнение самого себя с Буало. Исследователи высказали предположение, что главное различие между относительным статусом двух поэтов неразрывно связано с относительными статусами двух языков – языка международной дипломатии и периферийного языка северо-западного европейского архипелага. Ведь война Аугсбургской лиги была не только войной между англичанами и французами, но и войной между английским и французским языками [9]. Эта точка зрения представляется интересной, но в силу своего филологического ракурса довольно спорной. Прайор не столько из-за соперничества с Буало отреагировал на знаменитую победу над французской армией, одержанную британским полководцем герцогом Мальборо и имперским командующим Евгением Савойским при Бленхайме в 1704 г., сколько из-за значимости этой битвы и собственного статуса в обществе. И как дипломат он обращался к Буало, как к представителю державы, соперничавшей с Британией. Сражение при Бленхайме, значительно повлияв на расстановку сил в Европе, привело поэта к поискам воображаемого мира в поэме «Послание Буало» (1704). Сравнивая себя с Буало, Мэттью с юмором отмечал, что Людовик XIV недостойн Буало, но король Вильгельм, королева Анна и герцог Мальборо заслуживают лучшего поэта, чем Прайор. Буало может сделать героя и из предмета мебели. Как дипломат, но не воин, Прайор полагал, что мир необходим, чтобы отдать должное достижениям войны [27, р. 181–188; 28].

Когда в 1710 г. к власти пришли тори и пал всемогущий герцог, дипломатические таланты Мэттью снова были востребованы. Международная ситуация изменилась, к тому

же Британия и Европа устали от долгой войны. Тайные переговоры между Лондоном и Парижем завязались через аббата Готье, но для консультаций о дополнительных сервитутах в Париж решили послать человека из личного окружения лорда Болингброка с опытом ведения дел с Францией. С июня 1711 г. Прайор, опираясь на инструкции Оксфорда и Болингброка, вел сепаратные переговоры с маркизом де Торси, которые стали прелюдией к подписанию англо-французского договора в Утрехте, принесшего мир Европе. Болингброк инструктировал поэта: «Решение проблемы должно исходить от вас... Я полагаю, что французский двор должен быть... податливым, чтобы не показывать свой темперамент по поводу очевидной ситуации. ...Королева... пока союзники играют ту роль, которая есть сейчас, может справедливо быть пассивной и нейтральной в отношении их интересов: если мир можно заключить раньше, она не будет откладывать его для них...» [7].

Прайор провел три встречи с Торси. Он сразу заявил, что прежде, чем Британия свяжет себя обязательствами от лица союзников, ей нужны торговые привилегии от Франции: право на ввоз африканских рабов в Западные Индии и Южную Америку («асьенто»); морские базы в Гибралтаре и Минорке; уступки Новой Шотландии, Ньюфаундленда и торговые права на рыболовство в тех районах. Затем обсуждались разделение престолов Франции и Испании, барьер крепостей для Голландии, герцога Савойи и Империи. Британское престолонаследие, границы на Рейне и территориальные притязания императора они оставили на будущее.

К последней встрече с английским дипломатом Торси, уверившись в том, что противник желает купить сепаратный мир за спинами своих союзников, решил прямо спросить: «Что Франция получит от Англии за все это?» На предыдущих переговорах Лондон следовал условиям, согласованным с Нидерландами и Империей, а теперь атмосфера была иной. Прайор несколько опешил: он, как и другие англичане, не сомневался в том, что Британия одержала неоспоримую победу и получит все, что попросит. Затем ответил: «Испанию и Индии для Филиппа V». «Но, – заметил Торси, – имеют ли англичане влияние в Испании?»

Как дипломат, Прайор увидел в Торси оппонента, намного превосходящего его в этой сфере. И промолчал, поскольку внук Людовика XIV благодаря французским маршалам Бервику и Вандому уже «выиграл» Испанию на полях сражений. Торси развил успех и зачитал Мэттью письма из Нидерландов о том, что голландцы, опасаясь «дезертирства» Британии, готовы пойти на отдельные переговоры. Так, на консультациях Прайора и Торси выяснилось, что Британия окончательно повернулась к миру и убеждена, что сможет получить его на своих условиях; а Франция может улучшить свое положение – ведь как только союзники Лондона узнают о тайных переговорах, между ними начнется раздор. Торговые вопросы зашли в тупик, и было решено возобновить дискуссию в Лондоне, куда отправился агент Торси и французский эксперт по торговым делам Менаже [11, р. 267–269; 18, р. 525–530].

В доме Прайора 20 сентября 1711 г. дипломаты королевы и Менаже продолжили переговоры. Значимость поэта подчеркивает Болингброк в письме к Анне: «...мистер Прайор должен быть добавлен к тем, кто уполномочен подписать договор... Он, общаясь с месье де Торси, являлся главным свидетелем того, как были заключены общие предварительные обязательства... Кроме того, он лучше всех слуг Вашего Величества, которым доверили эту тайну, разбирается в вопросах торговли...» [26, р. X].

В итоге, встречи Прайора с Торси и лондонская дискуссия привели к подписанию «Прелиминарных статей октября» между Британией и Францией, ставших основой подписанного в 1713 г. в Утрехте договора между двумя государствами. Людовик XIV признавал курфюрста Ганноверского наследником английской короны, обязывался разрушить укрепления Дюнкерка, уступить англичанам Гибралтар, ряд островов в Атлантике, передать им торговлю «черным золотом». Мир содержал отказ от объединения корон Франции и Испании и восстановление голландских крепостей. Испанский трон остался за Бурбонами. В ходе переговоров в переписке Прайора с Оксфордом и Болингброкком использовались имена Робин, Гарри и Мэтт. Поэтому виги, противники мира, иронично называли пер-

вый секретный проект договора в Утрехте «мир Мэтта», ставший вместе с тем популярным в английской политической среде и признанием заслуг дипломата [1, с. 665; 16, р. 200; 18, р. 24]. Безусловно, в историографии, в том числе и в работах автора данной статьи, архитектором Утрехтского мира заслуженно назван лорд Болингброк [3]. Однако здание мира создается не только архитекторами, определяющими его идею и стратегию достижения, но и реальными исполнителями, использующими на местах необходимые тактические приемы и решающими текущие проблемы. Таковым являлся Мэттью Прайор – самый способный дипломат второго ранга на завершающем этапе войны за Испанское наследство.

Отчет Торси в Фонтенбло в июле 1711 г. о переговорах с англичанином свидетельствует о том, что Прайор проявил себя, употребляя современный язык, мастером трехсторонней дипломатии. Он прекрасно осознавал необходимость отступить назад и представлял себе позицию, которую противник может с честью принять. В его ситуации отступление состояло в уступке Франции первоначального *casus belli* – права династии Бурбонов на испанский престол. Торси писал о Прайоре как о человеке, который мог превратить слабость в силу, преувеличивая политическую уязвимость для достижения цели. Так английский дипломат призывал Францию к миру с «хорошим полицейским» Великобританией, чтобы остановить растущее влияние «плохих полицейских» – Священной Римской империи и Нидерландов. Прайор тоже восхищался главой Департамента иностранных дел Франции: «Маленький Торси, благоразумный министр, правая рука короля, его главнейший советник...» [18, р. 531–532; 31, р. 135–141].

Благодаря тому, что Прайор был лучше всех осведомлен о тонкостях переговоров о мире, Болингброк предлагал его кандидатуру в качестве одного из полномочных представителей Великобритании на мирный Конгресс в Утрехте, но вместо него в Голландию отправился епископ Бристоля Джон Робинсон. Функция представительства была тогда определяющим фактором при выборе посла. На открывшемся в январе 1712 г. Конгрессе дискуссии длились так долго, что Болингброк

прибыл в Париж, чтобы урегулировать споры с меньшей формальностью [19, р. 24]. После его отъезда из Франции Прайор имел неофициальные полномочия посла. Болингброк доверял ему: «Дорогой Мэтт, спрячь наготу своей страны, и обрати все к лучшему... твой плодородный мозг исправит грубые ошибки соотечественников...» [32, р. 3–7].

Новый посол в Париже герцог Шрюсбери не желал появляться в компании худородного поэта. И Мэттью ориентировался на инструкции из Лондона, пока герцог через год не вернулся в Британию. В октябре 1712 г. он доставил королеве письмо французского монарха о требованиях Баварии, а уже в ноябре отправился в Париж с новыми инструкциями и письмом Анны. В официальное достоинство посла Прайор был возведен в августе 1713 г. и оставался им в течение года, разрешая в Париже текущие вопросы по исполнению мирных соглашений: создания голландского Барьера, английской торговли в Америке, умиротворения военного конфликта между испанским королем и Каталонией, а также прекращения набора солдат в Ирландии для службы якобитскому Претенденту ирландскими офицерами во французской армии. При этом его материальное положение отличалось от статуса других послов, он погряз в долгах из-за нерегулярных денежных переводов [29, р. 375–377, 381–386].

Параллельно Прайор публиковался в газете *The Examiner*, издаваемой его другом Дж. Свифтом. Переписка со Свифтом демонстрирует его отношение к своей миссии. «Мы передаем заключенный в Мадриде договор для одобрения в Англии и передачи в Утрехт; после чего, я думаю, общий мир будет заключен... а наше общество будет процветать, и мне ничего не останется, кроме как воспользоваться той универсальной защитой, которую оно получит» [25].

После смерти королевы Анны и восшествия на престол Георга I в 1714 г. торжествующие виги пришли к власти, и Прайора, Болингброка и Оксфорда привлекли к расследованию за тайные переговоры с Францией. Министерство погасило парижские долги Мэттью (пять тысяч фунтов), чтобы он мог вернуться в Англию для допроса. 25 марта 1715 г. поэт был заключен в своем доме на

Дьюк стрит, а неделю спустя вызван на заседание Тайного комитета под председательством Роберта Уолпола, созданного для расследования коррупции и измены в министерстве тори.

Как Прайор впоследствии отметил в своей «Истории своего времени» (1740), комитет намеревался обвинить в государственной измене Оксфорда, убеждая Мэттью подтвердить, что граф присутствовал на встрече с французами в его доме. Поэт туманно отвечал, что его посещали либо герцог Шрюсбери, либо граф Оксфорд, а кто конкретно, он не помнит спустя четыре года. Это «имело такой эффект, как будто бы они оба отсутствовали, поскольку не могли определить, кто же из них присутствовал». На неоднократных допросах Прайор говорил Тайному комитету, что ни одно Утрехтское соглашение не было заключено без предварительных обсуждений. «Я прекрасно помнил, что инструкции Королевы относительно общего мира подразумевали, что голландцы готовы к нему...». И замечал, что союз Британии, Нидерландов, Священной Римской империи был не очень выгодной сделкой для Англии, которая несла все финансовое бремя войны, тогда как обязательства были обоюдными. Поэтому Лондон имел право начать переговоры о мире. За отказ от сотрудничества его более года держали в доме под арестом, не позволяя принимать гостей, писать и получать письма от друзей без разрешения Уолпола [29, р. 430–446]. В результате имя Прайора стало синонимом незаслуженно жестокого обращения властей.

К рассказу самого Прайора стоит добавить один нюанс, повлиявший на его и Оксфорда положение перед Тайным комитетом. В знаменитом труде Уинстона Черчилля о герцоге Мальборо есть информация о том, что перед отъездом поэта во Францию Анна Стюарт сказала Болингброку: «Я плохо отношусь к отправке за границу людей худородных, но раз вы считаете, что мистер Прайор может принести большую пользу, я соглашусь с этим». В результате поэт получил такую бумагу от королевы: «Мистер Прайор посвящен в дело, уполномочен сообщить Франции наши предварительные условия, и передать нам ответ». Когда во время следствия Прайора спросили: «Это лорд казначей направил вас во

Францию?», он отвечал: «Нет, моя королева» [11, р. 267–270]. Виги также возлагали надежды на его бумаги, конфискованные послом в Париже лордом Стейром, но найти удалось лишь известные факты. В итоге Прайор был освобожден. Позднее и Оксфорда выпустили из Тауэра.

Находясь под арестом около двух лет (1715–1717), Прайор написал три поэмы и одну критическую работу в прозе. Только одно из этих произведений («Наместник. Баллада»), где упоминается имя «прославленного Георга», было связано с политикой. Поэт оставил дипломатическую службу. Получив от издателя четыре тысячи фунтов, окруженный заботой друзей, он жил и творил в относительном достатке в небольшом поместье Даун Холл в Эссексе, подаренном ему Оксфордом. Его жизнь прервалась в Уимполе близ Кембриджа 18 сентября 1721 г. [26, р. 91–98; 27, р. XIV–XV].

Прайор был похоронен в Вестминстерском аббатстве, в Уголке Поэтов у подножия могилы Эдмунда Спенсера, где ему в 1726 г. был установлен большой мраморный памятник, который венчает бюст поэта-дипломата работы Антуана Куазево, подаренный ему королем Франции. В латинской надписи на саркофаге в первую очередь отмечены дипломатические заслуги этого человека: «Здесь похоронен Мэттью Прайор, эсквайр, великий человек, который... исполнял обязанности секретаря посольства в Гааге в 1690 г., а затем секретаря сторон, которые в 1697 г. заключили мир в Рисвике... Наконец, королева Анна отправила его в 1711 г. во Францию к Людовику XIV полномочным представителем на мирных переговорах...» [30; 32, р. 10].

Результаты. Можно ли считать М. Прайора выдающимся дипломатом? Выдающимся, пожалуй, нет – ряд его современников, таких, как маркиз де Торси, превосходили его в дипломатическом искусстве. Однако способным, нестандартным и незаменимым в определенных ситуациях – да. Дипломатическая практика Прайора гармонично сочеталась с его эрудицией в области художественной культуры и поэзией. Коллекционирование и экспертиза визуального искусства, а также покровительство художникам помогло ему не только в политических, но и в социальных достижениях.

В своей поэзии и прозе Прайор, по сути, являлся теоретиком дипломатии. На своем опыте он осознал, что, когда дипломаты говорят о «прочном мире», они редко ошибаются в том, что один лист бумаги определит отношения государств на всю вечность. Документы необходимо переосмысливать в свете меняющихся обстоятельств. В принципе, можно согласиться с К. Брюнстромом в том, что как Прайор-дипломат, так и Прайор-поэт обозначены двумя мирными договорами – Рисвикским и Утрехтским. Договор в Рисвике в основном предусматривал взаимодействие Британии с одним антагонистом – Францией, и утверждение своей позиции в отношении этого антагониста. Утрехтский договор был более сложным и триангулированным соглашением (Великобритания, Франция, союзники), определявшимся более гибкой последовательностью дипломатического сближения и отчуждения [9]. Неудивительно, что сочинения Прайора, отражающие Утрехтский опыт, оцениваются литераторами как более интересные, чем стихи после Рисвика. В итоге дипломатия, отнюдь не досадно «прерывая» карьеру Прайора как поэта, обозначила характер и своеобразие его произведений. При этом тут же важно подчеркнуть, что поэзия совершенствовала его искусство дипломатии и поддерживала в сложные моменты политической жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блюш Ф. Людовик XIV. М.: Ладомир, 1998. 815 с.
2. Дуклау А. В. Поэзия Мэттью Прайора : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 36 с.
3. Ивонина Л. И. Война за испанское наследство. М.: РосКонсульт, 2009. 288 с.
4. Теккерей У. М. Английские юмористы XVIII века. Цикл лекций, прочитанных в Англии, Шотландии и Соединенных Штатах Америки / пер. В. Хинкиса // Собрание сочинений. В 12 т. Т. 7. М.: Худ. лит., 1977. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/tekkerej-yumoristy/prajor-gaj-i-pop.htm>
5. Черняк Е. Пять столетий тайной войны. М.: Междунар. отношения, 1991. 560 с.
6. Barany G. The Anglo-Russian Entente Cordiale of 1697–1698. Peter I and William III at Utrecht. N. Y.: Columbia University Press, 1986. 304 p.
7. Lord Bolingbroke to Mr. Prior. September 10, 1712 // The Works of the Rev. Jonathan Swift. Vol. 11.

URL: https://en.wikisource.org/wiki/The_Works_of_the_Rev_Jonathan_Swift/Volume_11/From_Henry_St._John_to_Matthew_Prior_-_1

8. Performances of Peace: Utrecht 1713 / ed. by R. E. de Bruin [et al.]. Leiden: Brill, 2015. 288 p.

9. Brunstrom C. "In Prose and Business lies extinct and lost": Matthew Prior and the Poetry of Diplomacy // Digital Defoe: Studies in Defoe & His Contemporaries / ed. by Adam Sills. URL: <https://english.illinoisstate.edu/DigitalDefoe/features/brunstromnotes.html>

10. Calendar of the Manuscripts of the Marquess of Bath at Longleat. Vol. III (Prior Papers). Hereford: HMSO, 1908. 844 p.

11. Churchill W. Marlborough, his Life and Time. Vol. 4. N. Y.: Rosetta Books, 2014. 1050 p.

12. English Historical Documents. Vol. 8 / ed. by A. Browning. N. Y.: Oxford University Press, 1953. 966 p.

13. Escott T. H. S. The Story of British Diplomacy. Its Makers and Movements. London: Adelphi Terrace; Leipzig: Inselstrasse, 1908. 430 p.

14. Eves Ch. K. Matthew Prior Poet and Diplomatist. N. Y.: Columbia University Press, 1939. 436 p.

15. Anglo-Dutch Moment. Essays on the Glorious Revolution and its World Impact / ed. by J. Israel. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 520 p.

16. Jacobsen H. Luxury and Power: The Material World of the Stuart Diplomat, 1660–1714. Oxford: Oxford University Press, 2012. 320 p.

17. Legg L. G. W. Matthew Prior: A Study of His Public Career and Correspondence. Cambridge: University Press, 2010. 348 p.

18. Legg L. G. W. Torcy's Account of Matthew Prior's Negotiations at Fontainebleau in July 1711 // The English Historical Review. 1914. № 29. P. 525–530.

19. British Diplomatic Instructions 1689–1789. Vol. 2 / ed. by L. Legg. London: Royal Historical Society, 1925. 909 p.

20. St John's College, Cambridge: A History / ed. by P. Linehan. London: Boydell Press, 2011. 794 p.

21. Loewenson L. The First Interviews Between Peter I and William III in 1697: Some Neglected English Material // Slavonic and East European Review. London: [s. n.], 1957–1958. Vol. 36. P. 430–442.

22. Projet de Messieurs les Ambassadeurs d'Angleterre pour le Traite de Paix avec France, presente au Mediateur le 8/18 Jullet 1697 // Actes et Memoires des negociations de la paix de Ryswick / Par Moetiens. Haye: J. Van Duren, 1725. Vol. 2. P. 191–192.

23. Matthew Prior Project – Walter Havighurst Special Collections and University Archives. URL: <https://spec.lib.miamioh.edu/home/matthew-prior/>

24. The Matthew Prior Project. URL: <http://conan.lib.muohio.edu/prior/>

25. From Matthew Prior to Jonathan Swift. Oct. 18, 1713 // The Works of the Rev. Jonathan Swift. Vol. 11. URL: https://en.wikisource.org/wiki/The_Works_of_the_Rev_Jonathan_Swift/Volume_11/From_Henry_St._John_to_Matthew_Prior_-_1

26. Prior M. The Poetical Works of Matthew Prior. With the Life of Author. London: Paternoster Row, 1802. 292 p.

27. Prior M. The Poetical Works of Matthew Prior: With the Life of Matthew Prior. Vol. 1. London: W. Pickering, 1835. 328 p.

28. Prior M. An English Ballad in Answer to Mr. Despreaux's Pindarique Ode on the Taking of Namure / Selected Poems of Matthew Prior / ed. by P. Kegan. London: Trench & Company, 1889. P. 11–27.

29. Prior Matthew. The History of His Own Time: Compiled from the Original Manuscripts of His Late Excellency Matthew Prior Esq; Revised and Signed by Himself, and Copied Fair for the Press by Mr. Adrian Drift, his executor. London: Printed for the editor, 1740. 498 p.

30. Rawson Cl. War and the Epic Mania in England and France: Milton, Boileau, Prior and English Mock Heroic // The Review of English Studies. 2013. № 64 (265). P. 433–453.

31. Recueil des instructions donnees aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traits de Westfalie jusqu'a la Revolution Francaise. Autriche / Par A. Sorel. Paris: Felix Alcan, 1884. 574 p.

32. Samuel Johnson's Life of Matthew Prior // Works of the English Poets with Prefaces, Biographical and Critical, by Samuel Johnson. Vol. 13. London: J. Nichols, 1779. 306 p.

33. Redefining William III: The Impact of the King-Stadholder in International Context / ed. by D. Onnekink, E. Mijers. London: Ashgate Publishing, 2013. 332 p.

34. Rippy Fr. M. Matthew Prior. Boston: Twayne, 1986. 273 p.

35. Restoration and Eighteenth Century Prose and Poetry / ed. by R. Rogers. London; Basingstoke: Macmillan International Higher Education, 1983. 196 p.

36. Roosen W. J. The Age of Louis XIV: The Rise of Modern Diplomacy. Cambridge, Mass.: Schenkman, 1976. 217 p.

37. Roscoe E. S. Matthew Prior – Diplomatist and Poet // Edinburgh Review. Longmans: Green & Co, 1913. P. 1–12.

38. Tischer A. Ludwig XIV. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 2017. 243 S.

39. Williams A. S. Panegyric Decorum in the Reigns of William III and Anne // Journal of British Studies. 1981. № 21.1. P. 54–68.

40. Wynne S. Prior, Matthew (1664–1721), of Westminster, Mdx. // The History of Parliament:

The House of Commons 1690–1715 / ed. by D. Hayton, E. Cruickshanks, S. Handley. 2002. URL: <https://www.historyofparliamentonline.org/volume/1690-1715/member/prior-matthew-1664->

REFERENCES

1. Bluche Fr. *Ludovik XIV* [Louis XIV]. Moscow, Ladomir Publ., 1998. 815 p.
2. Duclau A.V. *Poesija Metju Prajora: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Poetry of Matthew Prior. Cand. phil. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg, 2003. 36 p.
3. Ivonina L.I. *Vojna sa ispanskoje nasledstvo* [The War of the Spanish Succession]. Moscow, RosKonsult Publ., 2009. 288 p.
4. Thackeray W.M. Anglijskije jumoristy XVIII veka. Cikl lekcij, pročitannich v Anglii, Shotlandii i Soedinennich Shtatah Ameriki [English Humorists of the 18th Century. A Series of Lectures Given in England, Scotland and the United States of America]. *Sobranie sočineniy. V 12 t. T. 7* [Collected Works. In 12 Volumes. Vol. 7]. Moscow, Hud. lit. Publ., 1977. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/tekkerej-jumoristy/prajor-gaj-i-pop.htm>
5. Chernjak E. *Pjat stoletii tajnoj vojni* [Five Centuries of Secret War]. Moscow, Mezhdunar. otnoshenija Publ., 1991. 560 p.
6. Barany G. *The Anglo-Russian Entente Cordiale of 1697–1698. Peter I and William III at Utrecht*. New York, Columbia University Press, 1986. 304 p.
7. Lord Bolingbroke to Mr. Prior. September 10, 1712. *The Works of the Rev. Jonathan Swift*. Vol. 11. URL: https://en.wikisource.org/wiki/The_Works_of_the_Rev_Jonathan_Swift/Volume_11/From_Henry_St_John_to_Matthew_Prior_-_1
8. De Bruin R.E., van der Haven C., Jensen L., Onnekink D., eds. *Performances of Peace: Utrecht 1713*. Leiden, Brill, 2015. 288 p.
9. Brunstrom C. “In Prose and Business Lies Extinct and Lost”: Matthew Prior and the Poetry of Diplomacy. Sills A., ed. *Digital Defoe: Studies in Defoe & His Contemporaries*. URL: <https://english.illinoisstate.edu/DigitalDefoe/features/brunstromnotes.html>
10. *Calendar of the Manuscripts of the Marquess of Bath at Longleat. Vol. III (Prior Papers)*. Hereford, HMSO, 1908. 844 p.
11. Churchill W. *Marlborough, His Life and Time. Vol. 4*. New York, Rosetta Books, 2014. 1050 p.
12. Browning A., ed. *English Historical Documents. Vol. 8*. New York, Oxford University Press, 1953. 966 p.
13. Escott T.H.S. *The Story of British Diplomacy. Its Makers and Movements*. London, Adelphi Terrace; Leipzig, Inselstrasse, 1908. 430 p.
14. Eves Ch.K. *Matthew Prior Poet and Diplomatist*. New York, Columbia University Press, 1939. 436 p.
15. Israel J., ed. *Anglo-Dutch Moment. Essays on the Glorious Revolution and Its World Impact*. Cambridge, Cambridge University Press, 1991. 520 p.
16. Jacobsen H. *Luxury and Power: The Material World of the Stuart Diplomat, 1660–1714*. Oxford, Oxford University Press, 2012. 320 p.
17. Legg L.G.W. *Matthew Prior: A Study of His Public Career and Correspondence*. Cambridge, University Press, 2010. 348 p.
18. Legg L.G.W. Torcy’s Account of Matthew Prior’s Negotiations at Fontainebleau in July 1711. *The English Historical Review*, 1914, no. 29. 115, pp. 525–530.
19. Legg L., ed. *British Diplomatic Instructions 1689–1789. Vol. 2*. London, Royal Historical Society, 1925. 909 p.
20. Linehan P., ed. *St John’s College, Cambridge: A History*. London, Boydell Press, 2011. 794 p.
21. Loewenson L. The First Interviews Between Peter I and William III in 1697: Some Neglected English Material. *Slavonic and East European Review*. London, s.n., 1957–1958, vol. 36, pp. 430–442.
22. *Projet de Messieurs les Ambassadeurs d’Angleterre pour le Traite de Paix avec France, presente au Mediateur le 8/18 Juillet 1697. Actes et Memoires des negociations de la paix de Ryswick*. Par Moetiens. Haye, J. Van Duren, 1725, vol. 2, pp. 191–192.
23. *Matthew Prior Project – Walter Havighurst Special Collections and University Archives*. URL: <https://spec.lib.miamioh.edu/home/matthew-prior/>
24. *The Matthew Prior Project*. URL: <http://conan.lib.muohio.edu/prior/>
25. From Matthew Prior to Jonathan Swift. Oct. 18, 1713. *The Works of the Rev. Jonathan Swift*, vol. 11. URL: https://en.wikisource.org/wiki/The_Works_of_the_Rev_Jonathan_Swift/Volume_11/From_Henry_St_John_to_Matthew_Prior_-_1
26. Prior M. *The Poetical Works of Matthew Prior. With the Life of Author*. London, Paternoster Row, 1802. 292 p.
27. Prior M. *The Poetical Works of Matthew Prior. With the Life of Matthew Prior*. London, W. Pickering, 1835, vol. 1. 328 p.
28. Prior M. An English Ballad in Answer to Mr. Despreaux’s Pindarique Ode on the Taking of Namure. Kegan P., ed. *Selected Poems of Matthew Prior*. London, Trench & Company, 1889, pp. 11–27.
29. Prior Matthew. *The History of His Own Time: Compiled from the Original Manuscripts of His Late Excellency Matthew Prior Esq; Revised and Signed by Himself, and Copied Fair for the Press by Mr. Adrian Drift, His Executor*. London, Printed for the editor, 1740. 498 p.
30. Rawson Cl. War and the Epic Mania in England and France: Milton, Boileau, Prior and English

Mock Heroic. *The Review of English Studies*, 2013, no. 64 (265), pp. 433-453.

31. Sorel A., par. *Recueil des instructions donnees aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traits de Westfalie jusqu'a la Revolution Francaise. Autriche*. Paris, Felix Alcan, 1884. 574 p.

32. Samuel Johnson's Life of Matthew Prior. *Works of the English Poets with Prefaces, Biographical and Critical, by Samuel Johnson. Vol. 13*. London, J. Nichols, 1779. 306 p.

33. Onnekink D., Mijers E., eds. *Redefining William III: The Impact of the King-Stadholder in International Context*. London, Ashgate Publishing, 2013. 332 p.

34. Rippey Fr. M. *Matthew Prior*. Boston, Twayne, 1986. 273 p.

35. Rogers R., ed. *Restoration and Eighteenth Century Prose and Poetry*. London, Basingstoke,

Macmillan International Higher Education, 1983. 196 p.

36. Roosen W.J. *The Age of Louis XIV: The Rise of Modern Diplomacy*. Cambridge, Mass., Schenkman, 1976. 217 p.

37. Roscoe E.S. Matthew Prior – Diplomatist and Poet. *Edinburgh Review*. Longmans, Green & Co, 1913, pp. 1-12.

38. Tischer A. *Ludwig XIV*. Stuttgart, Verlag W. Kohlhammer, 2017. 243 S.

39. Williams A.S. Panegyric Decorum in the Reigns of William III and Anne. *Journal of British Studies*. Autumn 1981, no. 21.1, pp. 54-68.

40. Wynne S. Prior, Matthew (1664–1721), of Westminster, Mdx. Hayton D., Cruickshanks E., Handley S., ed. *The History of Parliament: The House of Commons 1690–1715*. 2002. URL: <https://www.historyofparliamentonline.org/volume/1690-1715/member/prior-matthew-1664->

Information About the Author

Liudmila I. Ivonina, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Universal History and International Relations, Smolensk State University, Przevalskogo St, 4, 214036 Smolensk, Russian Federation, ivonins@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7230-0518>

Информация об авторе

Людмила Ивановна Ивонина, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Смоленский государственный университет, ул. Пржевальского, 4, 214036 г. Смоленск, Российская Федерация, ivonins@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7230-0518>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.8>

UDC 94(47):930.25
LBC 63.3

Submitted: 18.01.2023
Accepted: 07.02.2023

“NOTE ON THE RUSSIANS”, SENT BY GENERAL KOSCIUSKO TO THE EXECUTIVE DIRECTORY OF FRANCE IN 1799¹

Andrey V. Venkov

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article publishes a historical source found in the State Archive of the Rostov region in the fund of Kh.I. Popov, the founder and first director of the Don Museum. Title of the document: “General Kosciusko’s description of the Russian army” (translated from the French from the Archive of P.I. Shchukin). The part of the discovered document is indeed a “Note on the Russians,” written by the national hero of Poland, Tadeusz Kosciusko (1746–1817), and addressed to the French Executive Directory in January 1799. *Methods and materials.* The document is a translation of a letter from the French Executive Directory to General Jourdan, Commander-in-Chief of the Mainz Army, to which is attached a “Note on the Russians.” The document was drawn up on the eve of military operations between Russia and France on the territory of Italy, Switzerland, and the Netherlands. The Directory recommends General Jourdan pay attention to the “Note,” which really contains a lot of analytical material and characteristics of the various branches of the Russian army in the battles with which T. Kosciusko recently suffered a number of defeats. The purpose of this publication is to show what vision the French leadership and military command had about the Russian army at the beginning of 1799, what the source of these ideas was, and how these ideas corresponded to reality. T. Kosciusko’s combat path, his participation in the battles against the Russian army, and the information and impressions that he could acquire in these battles were analyzed. For this purpose, traditional historical methods were used: comparative-historical, problem-chronological, and anthropological, since a significant part of the “Note” is devoted to the characteristics of a special community – the Cossacks. It was this part of the “Note” that caused its discovery in the fund of the director of the Don Museum in the State Archive of the Rostov Region. *Analysis.* Creating the Don Museum in the late 19th and early 20th centuries, Kh.I. Popov attracted not only employees but also everyone to collect materials about the Cossacks. The published document was sent to the Don Museum by an officer of the Don Cossack Regiment, located in Moscow, S.I. Olenev, who copied it from a translation of a letter from the Directory made by the famous collector P.I. Shchukin for his museum in Moscow. In fact, a copy of the translation was published, which caused some stylistic errors in the document. *Results.* The publisher concluded that some of the data provided by T. Kosciusko to the French Directory was outdated, but in general, the characteristics of the Russian army correspond to reality.

Key words: Russian troops, Cossacks, officers, huntsmen, cavalry, artillery, archive document.

Citation. Venkov A.V. “Note on the Russians”, Sent by General Kosciusko to the Executive Directory of France in 1799. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 108-115. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.8>

УДК 94(47):930.25
ББК 63.3

Дата поступления статьи: 18.01.2023
Дата принятия статьи: 07.02.2023

«ЗАМЕТКА О РУССКИХ», ПОСЛАННАЯ ГЕНЕРАЛОМ КОСЦИУШКО ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ДИРЕКТОРИИ ФРАНЦИИ В 1799 ГОДУ¹

Андрей Вадимович Венков

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье публикуется исторический источник, обнаруженный в Государственном архиве Ростовской области в фонде Х.И. Попова, основателя и первого директора Донского музея. Название документа: «Характеристика генералом Костюшко русской армии (перевод с франц., из Архива П.И. Щукина)». Составной частью обнаруженного документа действительно является «Заметка о русских», написанная национальным героем Польши Тадеушем Костюшко (1746–1817) и адресованная французской Исполнительной директории в январе 1799 года. *Методы и материалы.* В целом документ является переводом письма французской Исполнительной директории генералу Журдану, главнокомандующему Майнцкой армией, к которому прилагается «Заметка о русских». Документ составлен в преддверии военных действий между Россией и Францией на территории Италии, Швейцарии и Голландии. Директория рекомендует генералу Журдану обратить внимание на «Заметку», в которой действительно содержится большой аналитический материал, характеристика различных родов войск русской армии, в сражениях с которой Т. Костюшко недавно потерпел ряд поражений. Цель публикации данного документа – показать, какое представление о русской армии в начале 1799 г. имели французское руководство и военное командование, каков источник этих представлений и насколько они соответствуют действительности. Был проанализирован боевой путь автора «Заметки» Т. Костюшко, его участие в боях против русской армии, сведения и впечатления, которые он мог в этих боях приобрести. Для этого были использованы традиционные исторические методы: сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и антропологический, так как значительная часть «Заметки» посвящена характеристике особого сообщества – казаков. Именно эта часть «Заметки» стала причиной обнаружения ее в фонде директора Донского музея в ГАРО. *Анализ.* Создавая Донской музей в конце XIX – начале XX в., Х.И. Попов привлек к собиранию материалов о казаках не только сотрудников, но и всех желающих. Публикуемый документ был прислан в Донской музей офицером расположенного в Москве Донского казачьего полка С.И. Оленевым, который скопировал его с перевода письма Директории, сделанного известным коллекционером П.И. Щукиным для своего музея в Москве. Фактически публикуется копия с перевода, отчего в документе возникли некоторые стилистические погрешности. *Результаты.* Публикатор пришел к выводу, что некоторые данные, предоставляемые Т. Костюшко французской Директории, были основаны на его личном боевом опыте, на опыте проигранных поляками войн во время разделов Речи Посполитой. Структура русской армии с того времени несколько поменялась, но характеристики, данные Т. Костюшко, особенностей военного поведения русских офицеров, солдат и казаков соответствовали реалиям. В целом документ показывает, какой виделась русская армия того времени высококвалифицированному военному специалисту-иностранцу.

Ключевые слова: русские войска, казаки, офицеры, егеря, кавалерия, артиллерия, архивный документ.

Цитирование. Венков А. В. «Заметка о русских», посланная генералом Костюшко Исполнительной директории Франции в 1799 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 108–115. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.8>

Введение. В Государственном архиве Ростовской области в фонде 55 (фонд Х.И. Попова, основателя и первого директора Донского музея), в описи 1 под номером 135 хранится дело «Характеристика генералом Костюшко русской армии (перевод с франц., из Архива П.И. Щукина)». В графе «Начато» стоит пометка «Б/д». Документ написан от руки по правилам русской дореформенной орфографии.

Харитон Иванович Попов (21.09.1834 – 27.10.1925), русский историк и благотворитель, был одним из организаторов ныне существующего в г. Новочеркасске Музея донского казачества, чьим заведующим он стал с 22 ноября 1899 г., с момента открытия [5, с. 110]. Возглавляя музей, Х.И. Попов вел ши-

рокомасштабную изыскательскую работу, и публикуемый исторический документ, безусловно, представлял для него большой интерес, поскольку две пятых содержания посвящены казакам.

Материалы и методы. Датировать документ можно приблизительно. Человек, скопировавший документ и подписавшийся как «подъесаул С. Оленев», пребывал в этом чине с 1905 по 1912 год. В это же время С.И. Оленев (1869–1917) окончил полный курс Московского археологического института [10]. В 1905 г. известный русский коллекционер П.И. Щукин (1853–1912) подарил свою коллекцию Российскому историческому музею в Москве. Коллекция стала называться «Отделение имп. Российского исторического музея

им. имп. Александра III – Музей П.И. Щукина» [13]. К этому временному промежутку – 1905–1912 гг. – и относится создание копии.

Непосредственно письмо Директории, которое мы рассматриваем как основной документ, было отправлено 25 января 1799 г. командующему Майнцкой армией генералу Ж.-Б. Журдану с предложением обратить внимание на прилагаемую к нему «Заметку о русских». Жан-Батист Журдан (1762–1833), будущий наполеоновский маршал, начавший службу солдатом с 16 лет и дослужившийся во времена Республики до генерала, в 1798 г. получил назначение командовать Майнцкой армией Республики [9, с. 370]. По иронии судьбы воевать с русскими ему так и не пришлось, вскоре он подал в отставку по состоянию здоровья.

Что касается автора «Заметки», то это национальный герой Польши Тадеуш Костюшко, генерал, возглавивший польские войска в 1794 г. в войне, предшествовавшей Третьему разделу Польши. Т. Костюшко был взят в плен русскими войсками, но в 1796 г. освобожден Павлом I, после чего он уехал в Америку [4, с. 155]. Летом 1798 г. Т. Костюшко прибыл из Соединенных Штатов Америки во Францию. К тому времени для французского руководства стала очевидна неизбежность очередной войны с Австрией и с новым противником – Россией. Павел I направил 22 казачьих полка на западную границу империи, и летом 1798 г. в районе Пинска собралось значительное казачье войско [11]. В октябре 16-тысячный корпус русских войск перешел австрийскую границу и двинулся в Италию.

К этому времени, видимо, и относится написание документа, который был подан генералом Т. Костюшко во французскую Директорию. «Заметка о русских» написана генералом Т. Костюшко, безусловно, на основании личного опыта. Помимо этого документа, Костюшко о русской армии не писал. Он был военным инженером и больше писал об опыте строительства укреплений в Америке во время войны американских колоний с англичанами. Чтобы проанализировать боевой путь автора «Заметки» Т. Костюшко, были использованы традиционные исторические методы: сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и антропологический, так как значительная часть

«Заметки» посвящена характеристике особого сообщества – казаков.

Анализ. Т. Костюшко участвовал в военных действиях против русских с 1792 г., он начал их во главе 3-й Коронной дивизии. Дивизия с арьергардными стычками отступала по территории современной Украины от Киева до Буга. На Буге, в районе местечка Дубенки, 7 (18) июля дивизия дала бой [14, с. 109], после которого Костюшко получил чин генерал-лейтенанта. Затем 24 марта (4 апреля) 1794 г., когда Костюшко возглавил восставшие польские войска, он под Раславицами нанес поражение русским войскам генерала Тормасова. Здесь он мог оценить боевые качества русской пехоты, которая силами одного батальона атаковала все польское войско снизу вверх по склону. И наконец, под Мацевицами 29 сентября (10 октября) 1794 г. Костюшко проиграл сражение войскам генерала Ферзена и был захвачен в плен казаками [7, с. 407–410].

Отличительной чертой «Заметки» является то, что, давая характеристику всем родам войск русской армии, и особенно казакам, Т. Костюшко ничего не говорит о высшем командном составе русской армии. Именно А.В. Суворов нанес решающий удар полякам в кампанию 1794 г., и именно А.В. Суворов возглавил русские войска в Италии и Швейцарии в 1799 году. Но о нем в «Заметке» нет ни слова. Зато детально описанные Т. Костюшко казаки действительно были единственной частью русской кавалерии, взятой Суворовым в Италию. Характеризуя русские войска, Т. Костюшко в основном придерживается сложившейся в Европе еще с Семилетней войны традиции [1]. Суть ее в следующем: русские храбры, но неуклюжи, их командный состав очень слаб, их кавалерия хуже европейской. И еще в русской армии существуют не совсем понятные европейцам казаки. Чуть ли не единственный, кто рекомендовал относиться к войскам наподобие казаков с должным пиететом, был Мориц Саксонский [12]. Подобное отношение к русским войскам сохранилось и в XIX веке. В середине XIX в. Ф. Энгельс, считавший себя знатоком военного дела, на основании того что он изучил огромное количество военной литературы, дал характеристику русской армии, которая, как

ни странно, переключается с положениями «Заметки» Т. Костюшко: «...в русской армии среди ее офицеров есть очень хорошие и очень плохие, но первые из них составляют бесконечно малую величину по сравнению с последними... Русские солдаты являются одними из самых храбрых в Европе... Кроме всяких прочих недостатков, русские солдаты – самые неуклюжие во всем мире... Кавалерия, хотя на нее тратятся большие средства и уделяется много внимания, у русских никогда не была отличной» [15, с. 479–481]. Что касается казаков, то «казаки, составляющие главную массу легкой кавалерии, каковы бы ни были их положительные качества в известных отношениях, в общем являются настолько ненадежными, что вторая линия русских аванпостов, находящаяся перед неприятелем, располагается всегда позади аванпостов казаков. Кроме того, казаки совершенно не годятся для атаки» [15, с. 480]. Но в отличие от Ф. Энгельса, чья работа, основанная на устоявшихся взглядах иностранцев на русскую армию, носила еще и пропагандистский характер, Т. Костюшко писал основанную на собственном опыте конкретную инструкцию, как бороться с русскими, и к казакам он относился с гораздо большим уважением, чем впоследствии Ф. Энгельс.

В целом характеристика, данная русской армии в «Заметке», на наш взгляд, достаточно объективна именно из-за ее практи-

ческих рекомендаций и опоры на собственный опыт.

История войны 1799 г. имеет обширную историографию, но боевые действия русских войск в Польше в 1792–1794 гг. отражены крайне слабо. В основном отечественные исторические исследования относятся к дореволюционному периоду и события рассматриваются на фоне других войн. Это работы по военному искусству [8] и хронологические указатели военных действий [3]. Последняя по времени публикация в отечественной историографии относится к 2021 г. [2]. Польская историография последнего времени, посвященная тем событиям, гораздо обширнее и разностороннее. Это и биографии Т. Костюшко в целом [18], и описания сражения, в котором он нанес поражение русским войскам [17], и описание сражения, в котором он сам был взят в плен казаками [16]. Таким образом, с учетом зарубежной историографии, события 1792–1794 гг., на опыте которых Т. Костюшко составил свою «Заметку», достаточно подробно исследованы.

Результаты. Представленный документ является важным источником, характеризующим русские войска в период 1792–1794 годов. Приведенный ниже текст письма подтверждает этот вывод.

Текст документа печатается в современной орфографии и пунктуации.

«Архив П.И. Щукина. Москва.

Подлинник на французском языке.

Уведомить о получении и прибавить, что я сделаю зависящее от меня, дабы русские учились ценить при первом деле доблесть французов, и чтобы уничтожить этот проблеск энтузиазма, который их приход сделал между венскими зеваками и дураками Австрийской армии х) (внизу листа пометка «х) Написано рукой Журдана»)

Париж четвертого Плувиоза (февраля)² года седьмого (1799) Французской Республики единой и нераздельной

Директория Исполнительная генералу Журдану, главнокомандующему Майнцкой армией

Генерал Костюшко, Гражданин генерал, подал Директории заметку о русских. Директория вам ее препровождает уверенная именем ее автора, который должен иметь о предмете, о коем он трактует, особенные познания и, так сказать, местные, заметка, которая заслуживает обратить ваше внимание³.

Президент Директории Исполнительной

J.M. Revelliere L'ereaux

За Генерального Секретаря Директории Исполнительной

(подпись не разборчива) [4, л. 1]

«Заметка о русских

Прежде чем представить вашему вниманию несколько идей о способе действовать против русских и с ними сражаться, – нужно вам заметить отличительный характер всякого корпуса, составляющего часть их армии.

Русская пехота в общем составлена из больших, сильных и красивых людей; они хорошо дисциплинированы, слепого послушания относительно своих высших; они жертвуют собой, исполняя их указания, иногда как настоящие фанатики; они угрюмы и молчаливы. Чрезмерность жестоких обращений, которые учиняют против них, сделала их такими. Поэтому когда они в походе, им приказывают петь, чтобы рассеять их мрачное расположение духа. Когда их двигают против неприятеля, им раздают много водки, чтобы их воодушевить к битве; это тогда, когда они атакуют с храбростью и как бы с бешенством, позволяя скорее себя убивать, чем отступить. Их заставляют уступать место, не иначе как убивая большое число их офицеров. Тогда боязнь быть перебитыми поодиночке охватывает их и заставляет их искать свое спасение в бегстве. Русские солдаты, хотя и выдерживают огонь неприятеля с неустрашимостью, но сами вовсе не умеют его направлять. Они не возбуждают взаимно друг в друге храбрости, – это машины, которые двигаются лишь по приказу своих офицеров. Русские офицеры большею частью храбры. Число образованных или которые приобрели хоть немного военных знаний – весьма незначительно. Много трусов, фатов и петиметров на свой лад. Все вообще жестоки и варвары. Их маневры более употребительные: составлять весьма прямую линию, идти батальоном или дивизией, менять фронт или составлять каре, что они никогда не упускают делать, если они теснимы неприятелем. Их принцип на войне атаковать всегда первыми, и они это делают часто несколькими колоннами. Они идут с уверенностью, но если в свою очередь они атакованы, то они не знают делать другого отступления, как составляя каре⁴. В таком положении они упорствуют сдаваться.

Корпус русской артиллерии обыкновенно многочислен; он предшествует атаке корпуса армии беспрерывными залпами. Артиллеристы стреляют довольно быстро, но их огонь плохо направляется, и орудия плохо прицеливаются.

Корпус кавалерии по наружному виду внушителен, но в сущности посредственный. В старину он не имел хороших лошадей, но теперь без сомнения он их имеет; русские имеют возможность достать отличных лошадей в большей части Польши, которую они занимают. Русские кавалеристы сильны, прекрасного вида, но без легкости, они, как и все другие русские, слепо послушны. Они знают очень посредственные маневры и плохо исполняют те, которые им приказаны. Их атака производится чаще всего колонной. Их офицеры для них всё. Без этого солдат ни к чему не способен и легко допускает быть рассеянным.

Корпус конных егерей плохо дисциплинирован⁵, но их пешие егеря хороши. У них есть ловкость, умеют хорошо прятаться, ползают в совершенстве и таким манером проходят большие расстояния, не допуская быть замеченными. Они делают свои движения с быстротой и ловкостью, но они немногочисленны.

Следует затем корпус казаков. Этот корпус заслуживает в особенности остановить внимание французских генералов, тем более что теперь он значительно увеличен.

Казаки сметливы, хитры и лукавы. Они ездят на татарских или донских лошадях. Лошади худы и некрасивы, [но] они бегут с большой скоростью. Так как казаки очень плохо оплачиваются, то они снабжают сами себя, грабя, сжигая и опустошая неприятельские страны. Их употребляют, обыкновенно, в авангарде; они иногда опережают армию, в небольшом числе, миль на пятнадцать. Леса, горы, реки, болота – ничто их не останавливает. Они переправляются чрез все трудные препятствия. Придя в небольшое расстояние от неприятеля, они прячутся в лесах. Они держатся там в продолжение нескольких дней, взбираясь на деревья и скалы, самые недоступные, чтобы лучше видеть неприятеля, что они делают с величайшей осмотрительностью и не позволяя себя заметить. Часто они выходят из этих убежищ дорогами, менее подозрительными, по одному и по двое, или рассыпанные на банды, подобно волкам. Посредством этих упражнений и постоянной практики военного ремесла, они приобрели много рассудительности и выработали себе верный взгляд. Это они, которые узнают первое положение страны. Малейшая тропинка им известна. Это они, которые первые доносят начальнику своей армии о местности, какую занимают неприятели, об их позиции и об их числе. Если казаки становятся нарочно в виду неприятеля, то можно быть уверенным, что главный корпус не отдален от них, потому что они не любят рисковать в большей части случаев. Они идут часто в беспорядке и враспыленную, но они никогда не теряются из виду, и если один или несколько бывают атакованы, то другие сбегаются тотчас, чтобы им помочь. Если неприятельский отряд их атакует, то они еще больше рассыпаются, но они скоро собираются, чтобы окружить тот же отряд, всегда заботясь иметь преимущество над неприятелем. Они перемешиваются часто с пешими егерями, которых становают то впереди, то позади себя, то в ту же линию. Если они атакуют, то они поднимают страшный шум, пронзительно крича, никогда не смыкая вполне своих рядов. Они рассыпаются и собираются легко, смотря по обстоятельствам. Им, впрочем, невозможно устоять [при] атаке правильной и поддержанной, быстрой и сильной. Так как они все сыновья или слуги фермеров, которые отвечают за них, то они обыкновенно верны⁶. Они наблюдают за своими войсками и препятствуют им дезертировать.

Самые особенные заботы французского военного должны стремиться их истреблять, насколько это будет возможно, атакуя их с хитростью и осмотрительностью. Если это делать с кавалерийским корпусом, то

нужно поддерживать оный другим. Самый действительный способ будет, мешая кавалерию с конными егерями, снабженными версальскими мушкетами⁷ и стреляющими на большие расстояния, или с летучей артиллерией⁸, снабженной гаубицами.

По всему, что было сейчас сказано, очевидно, что первой необходимостью приказать егерям целиться всегда в офицеров русской армии, чтобы уменьшить их число, существенное средство, чтобы лишить движения всю машину. Так как русская армия, окруженная своими многочисленными корпусами казаков, может быть только с трудом застигнута врасплох, будет ли она в своем марше, будет ли в своем лагере, который русские заботятся укреплять несколькими редутами, нужно:

- 1) Их беспокоить, тревожить, надоедать беспрестанно.
- 2) Нужно всегда предупреждать их атаки.
- 3) Стараться их заставить изменить порядок сражения, атакуя их.
- 4) Их атаковать несколькими колоннами или во фланг.

Так как они не умеют производить движений с быстротой, знанием и гением, которые требуются военным искусством, то можно быть почти уверенным их победить. Наконец, первенство познаний французских генералов, несравнимая храбрость французского солдата – суть самые верные гарантии победы (без подписи).

Примечание: Заметка о русских писана рукой Костюшки, что удостоверено по сличению с его автографами.

Переписано с перевода, сделанного П.И. Щукиным
Подъесаул С. Оленев» [6, л. 2–7].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ЮНЦ РАН на 2023 г. (00-21-15, № регистрации АААА-А20-120122990111-9).

The article has been prepared as part of the state assignment of the SSC RAS for 2023 (00-21-15, state registration number АААА-А20-120122990111-9).

² Датировка ошибочна: 4 пловизо французского революционного календаря совпадает с 25 января (месяц пловизоз начинался 20/21 января и заканчивался 18/19 февраля).

³ Так в тексте.

⁴ Видимо, Костюшко здесь опирается на опыт сражения под Зелинцами 7(18) июня 1792 года. В ходе этого сражения русские войска после неудачных атак, отбитых поляками, стали сворачиваться в каре.

⁵ В 1792 г. дивизия Костюшко действительно имела дело с Елисаветградским полком конных егерей русской армии, но к 1799 г. конных егерей русской армии уже не было, их в 1796 г. переформировали в гусарские полки.

⁶ Перевод данного предложения вызывает вопросы. Возможно, Костюшко противопоставляет казаков наемникам, которые не имеют родственников в той стране, которой служат. Или же он опирается на опыт организации украинских казаков, которые делились на тех, кто служит («выборные»), и тех, кто их обеспечивает материально («подпомощники»).

⁷ Видимо, Т. Костюшко имеет в виду нарезное оружие, которое использовалось во французской армии в этот период активнее, чем в других армиях Европы, либо речь идет о французском

мушкете образца 1777 г., который в обиходе назывался «версальским».

⁸ Под «летучей артиллерией» следует понимать конную артиллерию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архенгольц И. В. История семилетней войны. М.: АСТ, 2001. 555 с.
2. Венков А. В. Участие казаков во Втором и Третьем разделах Польши. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2021. 328 с.
3. Война с Польской республикой 1794 // Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. Т. 1. 1695–1800. СПб.: Лито-Тип. С.-Петербург. тюрмы, 1908. С. 201–206.
4. Дьяков В. Тадеуш Костюшко в русской столице // Родина. 1992. № 8/9. С. 152–155.
5. Енина И. А. Исследователь донской старины // Донской временник. Год 2004-й. 2005. Вып. 12. С. 108–110.
6. Заметка о русских // Государственный архив Ростовской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 135. Л. 1–8.
7. Записки донского атамана Денисова. 1763–1841 // Русская старина. 1874. Т. 11. С. 379–410.
8. Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. Ч. 2. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1894. 507 с.
9. Наполеон Бонапарт. О военном искусстве. Избранные произведения. Речи. М.: Эксмо, 2003. 787 с.
10. Оленев Степан Иванович // Офицеры русской императорской армии. URL: <https://www.ria1914.info/index.php/%D0%9E%D0%BB%D>

0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B2_%D0%A1%D1%82%D0%B5%D0%BF%D0%B0%D0%BD_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

11. Преснухин М. «Бог войны» на Дону: конная артиллерия Донского казачьего войска // Родина. 2011. № 7. С. 19–21.

12. Саксонский Мориц. Теория военного искусства. М.: Центрполиграф. 2009. 256 с.

13. Сухарев И. П. И. Щукин и его признание // Мир музея. 1997. № 6. С. 43–44.

14. Энгельгардт Л. Н. Записки. М.: Новое лит. обозрение, 1997. 256 с.

15. Энгельс Ф. Армии Европы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 11. М.: Госполитиздат, 1958. С. 433–507.

16. Mikula W. Maciejowice 1794. Warszawa, 1991. URL: <https://ru.scribd.com/document/435782157/Historyczne-Bitwy-040-Maciejowice-1794-Wojciech-Miku%C5%82a-pdf>

17. Poniatowski J. Wojsko kosciuszkowskie na plotnie Panoramy Raclawickiej. Wroclaw, 1990. 116 s.

18. Zahorski A. Naczelnik w sukmanie, Krajowa Agencja Wydawnicza. Krakow, 1990. URL: http://wars175x.narod.ru/btl_mcj.html

REFERENCES

1. Archengolts I.V. *Istoriya semiletnej vojny* [History of the Seven Years' War]. Moscow, AST Publ., 2001. 555 p.

2. Venkov A.V. *Uchastie kazakov vo Vtorom i Tretyem razdelah Polshi* [Participation of Cossacks in the Second and Third Partitions of Poland]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2021. 328 p.

3. Voyna s Polskoy respublikoy 1794 [War with the Polish Republic. 1794]. *Khronologicheskii ukazatel voyennykh deystviy russkoy armii i flota. T. 1. 1695–1800* [Chronological Index of Military Operations of the Russian Army and Navy. Vol. 1. 1695–1800]. Saint Petersburg, Lito-Tip. S.-Petersb. tyurny, 1908, pp. 201–206.

4. Dyakov V. Tadeush Kostyushko v russkoy stolitse [Tadeusz Kosciuszko in the Russian Capital]. *Rodina* [Motherland], 1992, no. 8/9, pp. 152–155.

5. Enina I.A. Issledovatel donskey stariny [The Researcher of the Don Antiquity]. *Donskoy vremennik. God 2004-y*, 2005, iss. 12, p. 108–110.

6. Zаметка o russkikh [A Note on the Russians]. *Gosudarstvennyy arhiv Rostovskoy oblasti* [State Archive of the Rostov Region], f. 55, inv. 1, d. 135, l. 1–8.

7. Zapiski donskey atamana Denisova. 1763–1841 [Notes of the Don Ataman Denisov. 1763–1841]. *Russkaya starina*, 1874, vol. 11, pp. 379–410.

8. Maslovsky D.F. *Zapiski po istorii voyen. iskusstva v Rossii. Ch. 2* [Notes on the History of the Military Art in Russia. Pt. 2]. Saint Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i Comp., 1894. 507 p.

9. Napoleon Bonaparte. *O voennom iskusstve. Izbrannye proizvedeniya. Rechi*. [About the Art of War. Selected Works. Speeches]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 787 p.

10. Olenev Stepan Ivanovich. *Oficery russkoy imperatorskoy armii* [Officers of the Russian Imperial Army]. URL: https://www.ria1914.info/index.php/%D0%9E%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B2_%D0%A1%D1%82%D0%B5%D0%BF%D0%B0%D0%BD_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

11. Presnukhin M. «Bog vojny» na Donu: konnaya artilleriya Donskogo kazachyego voyska [“God of War” on the Don: Horse Artillery of the Don Cossack Army]. *Rodina* [Motherland], 2011, no. 7, pp. 19–21.

12. Saxon Moritz. *Teoriya voennogo iskusstva* [Theory of Military Art]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2009. 256 p.

13. Sukharev I. P. I. Shchukin i ego priznaniye [P. I. Shchukin and His Recognition]. *Mir muzeya*, 1997, no. 6, pp. 43–44.

14. Engelhardt L.N. *Zapiski* [Notes]. Moscow, Novoe lit. obozrenie, 1997. 256 p.

15. Engels F. Armii Evropy [Armies of Europe]. Marx K., Engels F. *Sochineniya. T. 11* [Works. Vol. 11]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1958, pp. 433–507.

16. Mikula W. *Maciejowice 1794*. Warszawa, 1991. URL: <https://ru.scribd.com/document/435782157/Historyczne-Bitwy-040-Maciejowice-1794-Wojciech-Miku%C5%82a-pdf>

17. Poniatowski J. *Wojsko kosciuszkowskie na plotnie Panoramy Raclawickiej*. Wroclaw, 1990. 116 s.

18. Zahorski A. *Naczelnik w sukmanie, Krajowa Agencja Wydawnicza*. Krakow, 1990. URL: http://wars175x.narod.ru/btl_mcj.html

Information About the Author

Andrey V. Venkov, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher, Laboratory of the Cossacks, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhova St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, andrey_venk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>

Информация об авторе

Андрей Вадимович Венков, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, лаборатория казачества, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, andrey_venk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.9>

UDC 94(410)«1812/1829»
LBC 63.3(0)52

Submitted: 31.02.2023
Accepted: 20.03.2023

CATHOLIC EMANCIPATION IN THE GREAT BRITAIN AND IRISH POLICY OF SIR ROBERT PEEL (1812–1829)

Victor V. Klochkov

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Veronica S. Nazarova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Igor M. Uznarodov

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The subject of research in this work is a historical and historiographical review of the Irish policy of one of the Tory leaders, Sir R. Peel (1788–1850), from the moment of his appointment as Secretary for Ireland in 1812 to the political crisis associated with the Catholic Emancipation in 1829. The relevance of the work is determined by the fact that the Irish policy of R. Peel is investigated here not only in the traditional problem-chronological way but also in a biographical context. *Methods.* The broad research context of the work is provided by the use of the prosopographic method and the historical-critical method of data processing of sources, some of which (archival sources from the Library of the University of Southampton and the Archive Bureau of Northamptonshire) are introduced into scientific circulation for the first time. *Analysis.* The aim of this work is to revise the thesis established in traditional British historiography, according to which the Irish policy of R. Peel in the period from 1812 to 1829 was based on the principles of “Orangism,” whereas after the Catholic Emancipation of 1829, R. Peel became “emancipated.” The analysis of R. Peel’s political strategy in the Irish question carried out in the article shows that none of these definitions fully reflects his actual position. *Results.* The result of the study is the thesis that R. Peel’s Irish policy turned out to be the personification of a conservative approach to problems, in solving which he was forced to concede in detail while preserving the basics. It is shown that R. Peel’s position on the issue of Catholic emancipation was not a rejection of Anglicanism, as it often seemed to contemporaries, but a rejection of anti-Catholicism. This circumstance makes it possible today to avoid extreme assessments of R. Peel as an unprincipled politician in favor of a more moderate assessment of his Irish policy. *Authors’ contribution.* V.V. Klochkov determined the basic concept of the article and the methodological foundations of the study, as well as identified unpublished sources from the regional archives of Great Britain; V.S. Nazarova prepared the introduction of the article, created its structural composition, and analyzed the historiography of the problem; I.M. Uznarodov carried out general editing of the text and formulated the main results of the study.

Key words: Great Britain of the first third of the 19th century, Catholic Emancipation of 1829, Robert Peel’s Irish policy, political biography of Sir Robert Peel, contemporary British historiography.

Citation. Klochkov V.V., Nazarova V.S., Uznarodov I.M. Catholic Emancipation in the Great Britain and Irish Policy of Sir Robert Peel (1812–1829). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 116-126. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.9>

УДК 94(410)«1812/1829»
ББК 63.3(0)52

Дата поступления статьи: 31.02.2023
Дата принятия статьи: 20.03.2023

ЭМАНСИПАЦИЯ КАТОЛИКОВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИРЛАНДСКАЯ ПОЛИТИКА Р. ПИЛЯ (1812–1829 гг.)

Виктор Викторович Клочков

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Вероника Сергеевна Назарова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Игорь Миронович Узнародов

Ростовский государственный экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Предметом исследования в данной работе является исторический и историографический обзор ирландской политики одного из лидеров тори, сэра Р. Пиля (1788–1850), с момента его назначения секретарем по делам Ирландии в 1812 г. до политического кризиса, связанного с эмансипацией католиков в 1829 году. Актуальность работы определяется тем, что ирландская политика Р. Пиля исследуется не только традиционным проблемно-хронологическим способом, но и с использованием биографического контекста. *Методы.* Широкий исследовательский контекст работы обеспечивается использованием просопографического метода и историко-критическим методом обработки данных источников, некоторые из которых (архивные источники из библиотеки Саутгемптонского университета и Архивного бюро Нортгемптоншира) впервые вводятся в научный оборот. *Анализ.* Целью настоящей работы является пересмотр устоявшегося в традиционной британской историографии тезиса, в соответствии с которым ирландская политика Р. Пиля в период с 1812 по 1829 г. строилась на принципах «оранжизма», тогда как после эмансипации католиков в 1829 г. Р. Пиль стал «эмансипированным». Прделанный в статье анализ политической стратегии Р. Пиля в ирландском вопросе показывает, что ни одно из этих определений не отражает в полной мере его действительную позицию. *Результаты.* Итогом исследования стал тезис о том, что ирландская политика Р. Пиля оказалась олицетворением консервативного подхода к проблемам, в решении которых он был вынужден уступать в деталях, сохраняя основы. Показано, что позиция Р. Пиля по вопросу эмансипации католиков была не отказом от англиканства, как это часто казалось современникам, но отказом от антикатолицизма. Это обстоятельство позволяет сегодня избежать крайних оценок Р. Пиля как беспринципного политика в пользу более умеренной оценки его ирландской политики. *Вклад авторов.* В.В. Ключков разработал базовую концепцию статьи и методологические основы исследования, а также выявил неопубликованные источники из региональных архивов Великобритании; В.С. Назарова подготовила введение статьи, разработала ее структурную композицию и проанализировала историографию проблемы; И.М. Узнародов осуществил научное редактирование текста и сформулировал основные результаты исследования.

Ключевые слова: Великобритания первой трети XIX в., эмансипация католиков 1829 г., ирландская политика Роберта Пиля, политическая биография Роберта Пиля, современная британская историография.

Цитирование. Ключков В. В., Назарова В. С., Узнародов И. М. Эмансипация католиков в Великобритании и ирландская политика Р. Пиля (1812–1829 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 116–126. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.9>

Introduction. For all British cabinets of the first third of the 19th century, Ireland has been a source of constant political and religious problems. However, while it is difficult to consider the political tension in Ireland during the period as something fundamentally new, the situation in the religious sphere and in the field of church organization turned out to be very specific. After the conclusion of the “*Act of Union*” of 1800, which united England and Ireland into a single state, the United Church of England and Ireland arose, which the famous English historian Oliver Brose aptly called “a strange product of the “*Act of Union*” [18, p. 204].

By the time of the parliamentary reform of 1832, out of the 7 million people in Ireland, hardly 100 thousand supported the official church, mostly

Irish landlords. The overwhelming majority of Irish tenants were Catholics. Therefore, the problems associated with granting civil and political rights to Catholics (so-called emancipation), as well as with the payment of tithes in favor of the official Irish Church, acquired paramount importance in the domestic policy of Great Britain in the first third of the 19th century [26, p. 404, 422].

In this regard, the relevance of the article is determined by the argumentation of the thesis that the noted problems can be investigated not only in the traditional problem-chronological channel but also within the biographical and prosopographic (collective biography) approaches. In this case, biographies of leading political figures (such as one of the Tory leaders, Sir Robert Peel) provide context for their research and solutions. In turn,

the novelty of the research lies in the fact that the noted research discourse is implemented, among other things, on published sources as well as unpublished archival materials from the *Southampton University Library* and *Northamptonshire Record Office*, introduced into scientific circulation for the first time in this article.

The aim of this article is to revise the thesis established in traditional British historiography, according to which R. Peel's Irish policy in the period from 1812 to 1829 was based on the principles of "Orangism" (no wonder he was nicknamed "Orange Peel" as a hint of adherence to traditional Anglican values), whereas after the emancipation of Catholics in 1829, R. Peel, in turn, became, in the words of W. Gladstone, "emancipated." The analysis of R. Peel's political strategy carried out in the article shows that none of these definitions fully reflects his actual position.

Methods and materials. From the late 80s to the mid-90s of the last century, there was a sharp surge of interest in church issues in the public political discourse of the first third of the 19th century in English historiography. It was then that a number of interesting studies were published, covering a wide range of issues, from the relationship between church and state to the philosophical views of prelates and even church architecture. An overview of the situation was given in the generalizing work of S. Carpenter [20, pp. 23-38]. In 2001, a monograph by S. Brown appeared on the history of the official churches of England, Ireland, and Scotland [17, pp. 17-28]. In this work, church problems are closely linked to the political changes that became a reality in 1828–1829 and 1833–1834 during a series of religious reforms carried out by the cabinets of the Duke of Wellington, Lord Grey, and Viscount Melbourne. In a similar vein, R. McCarthy's recent work on the history of the United Church of England and Ireland is sustained [39, pp. 12-24].

As for the domestic historiography of the problem of recent times, its feature has also become a gradual revival of interest in religious issues. This trend has been quite clearly manifested since the beginning of the 2000s, having now formed a separate historiographical direction. The monograph by T.L. Labutina examines the general problems of national and religious identity in Britain [5, pp. 122-128].

M.S. Stetskevich investigated the role of anti-Catholicism in the formation of British national identity [9]. Special attention should be paid to T.S. Solovyova's research on the religious policy of the "liberal Tories" and the Catholic Emancipation in England in 1829 [8, pp. 15-24]. The role of the Duke of Wellington in resolving the political crisis associated with the emancipation of Catholics is explored in the article by Yu.I. Kuznetsova [4]. T.V. Petrova studied the projects of church reforms by the Tories and Whigs during the "constitutional revolution" on the material of political treatises and pamphlets [7].

In parallel with the formation of the noted historiographical direction, Russian researchers also used a special research methodology based on the "immersion" of religious and church issues in the biographical context. Back in 1992, the work of I.M. Uznarodov was published, where the biographical method of research was used to study party-political problems [10, pp. 13-20]. On the Irish material, this method was later successfully applied by A.V. Miroshnikov [6]. In 2022, V.V. Klochkov used it to investigate the details of R. Peel's political biography in the context of Irish issues [3]. It seems that the use of biographical context can be very productive in the study of R. Peel's Irish politics, the key aspects of which constitute the main problem field of this work.

Richard Gaunt, one of the most famous contemporary biographers of R. Peel, correctly noted that Ireland "was a rock on which a large number of promising political careers were forged or broken" [32, p. 17]. As for R. Peel, this remark is doubly true for him: before the political crisis of 1829 associated with the emancipation of Catholics, Ireland was the basis of his political capital, and this crisis itself became a feature that separated, according to W. Gladstone, "a young politician from a mature statesman" [42, p. 77]. The question of the extent to which contemporaries and historians shared this judgment is also the focus of this article.

Analysis. R. Peel's close connection with Ireland was established at the very beginning of his political career. In April 1809, he was elected to the House of Commons from the Irish rotten borough of Cashel City in County Tipperary, and in May 1812 (at the age of 24), he was appointed Chief Secretary for Ireland in the Lord Liverpool administration. Not only was this the first serious

appointment received by R. Peel at such a young age. He held this post until August 1818, the longest of all his predecessors in the 18th century (with two exceptions) and longer than all their successors in the 19th century [45, p. 124]. Quite often, researchers tend to exaggerate the importance of the position held by R. Peel, comparing it with the post of “Prime Minister” of Ireland. In reality, the significance of this post was much more modest, and it would be fair to consider it as a necessary administrative channel between the unpopular Protestant administration in Dublin and the British government in London.

The Secretary for Irish Affairs. R. Peel was tasked with overseeing the implementation of cabinet policy on both sides of the Irish Sea, and due to this circumstance, he spent six months in London to ensure the passage of government bills through Parliament and report to both chambers on key issues of the Irish political agenda. The “*Irish Secretary*” did not have a clearly defined range of responsibilities, so the young and ambitious R. Peel not only “gladly took the opportunity to expand his powers at the expense of the central government” but also managed to establish a relaxed working relationship with the Viceroy of Ireland, the Duke of Richmond [31, pp. 68-69].

It was the patronage of the Duke, who gave his subordinate the most flattering recommendations, as well as the considerable freedom granted to the Secretary for Irish Affairs in the exercise of his official duties, that allowed R. Peel to actually control the Irish administration in Dublin for the entire duration of his tenure in office. In turn, the position occupied by R. Peel in society thanks to this post contributed to the strengthening of his ambitions so much that his reputation as a skilled administrator was significantly strengthened [18, pp. 208-209]. However, this led to the exacerbation of personality traits such as R. Peel’s inflated self-assurance and haughtiness towards his inferiors, which were already well-established during this period [3, p. 180]. These features clearly appear in the speech of July 23, 1818, with which R. Peel addressed the Lord Mayor of Dublin: “The hope and belief that the motives of my public behavior will be fairly evaluated... make me feel a sense of attachment to Ireland, many times exceeding the official duty” [46]. A completely different text,

penned by R. Peel on the occasion of parting with Ireland, was addressed to his friend J.W. Crocker. Peel wrote, “In two weeks I will be as free as air from... battles with the Irish that I cannot win, free from worrying that more needs to be done than can be done well” [41].

The unlimited ability to work and purposefulness of the young politician, moreover, whilst free from family ties, allowed him to fully concentrate on his official duties and the pastime in society befitting his status. R. Peel wrote, “...I have never dined at home since my arrival here, and I do not see much prospect for this, preferring the company of at least twenty-five guests” [24, p. 42]. By 1815, R. Peel had gained fame and status in Ireland as “living in splendor.” This “proper way of life” has been used by R. Peel to create a wide network of client relationships, which he subsequently used to achieve the political goals he needed. R. Peel actively built a line of behavior according to which receiving government favors and supporting the “*Act of Union*” of 1800 actually became not only synonyms but also the basis of the Irish political identity proper. For the same reason, R. Peel actively established relations with the Irish press, especially with the “*Dublin Evening Post*” and its editor-in-chief, J. Magie, not shying away from advertising various types of political activity directly related to his name [11, p. 117].

The dominant position of the young politician in the Irish administration was strengthened in 1813, when Lord Whitworth became Viceroy of Ireland, preferring not to interfere in the daily administrative concerns of his subordinates [30, p. 180]. R. Peel also established good working relations with his Deputy for Civil Administration Affairs, W. Gregory, and Attorney General of Ireland, W. Saurin; however, according to W. Gregory, Peel “did not allow any of them to forget who was their political patron” [40, p. 180]. Finally, the main evidence of the growing authority of R. Peel among the cabinet ministers was the fact that the Home Secretary, Lord Sidmouth, being the main link between the government and the Irish administration, gave R. Peel virtually complete freedom of action [28, p. 136].

R. Peel himself never even allowed his closest successors as Secretary for Ireland – his personal friend G. Goulburn and Lord Francis Leveson Gower – to think about such

independence. The fact that Irish affairs were usually discussed at the very end of the parliamentary session, when a number of deputies were already anticipating an early return to more pleasant pursuits, to some extent facilitated communication with the opposition [36, pp. 745-748].

In recent British historiography, the position of Secretary for Irish Affairs is often described as “a nursery to which future legislators of England were sent without warning only in order to exercise their powers of mischief” [22, p. 58]. Indeed, among the outstanding prime ministers of Great Britain in the first half of the 19th century, R. Peel, the Duke of Wellington, Viscount Melbourne, and Lord Stanley began their political careers in this position. At the same time, it seems very interesting that R. Peel, for all his undoubted administrative talents and ambition, was rated very low by contemporaries who observed his activities in this post. Thus, the author of one of the most famous early biographies of R. Peel, J.B. Capefigue, described W. Pole (R. Peel’s predecessor as Secretary for Ireland) as “the best of the administrators who kept this place alive.” Viscount Melbourne was awarded the title of “the most impeccable,” while the results of R. Peel’s activities, despite the generally favorable tone of the biography as a whole, were assessed as “deplorable” [21, p. 546]. In turn, a contemporary of the events and the author of the famous biography of E. Burke, published in 1824, J. Prior wrote in 1827 that R. Peel’s activities in Ireland in 1812–1818 “contributed little to his mature reputation” [44, pp. 40-41]. In 1836, the same author condemned R. Peel as “the stubborn oppressor of Ireland, the main advocate of the application of harsh criminal laws and the great enslaver of Catholics, who caused the agitation of O’Connell, which became a direct product of his intolerance” [43, p. 13]. However, already in the mid-40s of the 19th century, assessing the stay of R. Peel serving as Secretary for Irish Affairs, contemporaries increasingly drew attention to his “detailed acquaintance with the life and habits of Irish peasants” and “sound conclusions” drawn from this experience. It is obvious that W. Gladstone’s arguments about a “young politician” and a “mature statesman,” which were mentioned at the beginning of the article, in this case had sufficient grounds [52, p. 126].

R. Peel and the Catholic Emancipation of 1829. The political crisis associated with the emancipation of Catholics in 1829 became a turning point in the Irish policy of R. Peel. In its simplest form, the cause of the crisis was the question of the need to free the Catholic population of Ireland from a number of legal restrictions introduced in the 16th century, concerning the inability to hold civil offices and be members of the British Parliament. In a broader context, the problem of Catholic emancipation was associated with a complex set of cultural and political contradictions, briefly outlined at the beginning of this article [53, pp. 164-168]. Since the “*Act of Union*” of 1800, when the Irish Parliament was abolished, Irish Catholics were promised emancipation, including, among other things, giving Catholics the opportunity to be members of parliament in Westminster. By the time under review, support for measures related to the emancipation of Catholics in Ireland led to the fall of two governments (W. Pitt the Younger in 1801 and Lord Grenville in 1807), and for six cabinets in the period from 1807 to 1828, the issue of Catholic emancipation turned out to be very significant in their current political agenda. This was also facilitated by the fact that emancipation was supported by such brilliant parliamentary speakers as G. Canning, F. Burdett, G. Brougham, and Ch. Graham, while the defenders of traditional “protestant freedoms” were clearly losing support [35, pp. 164-168].

Most of the opponents of emancipation have traditionally been concentrated in the House of Lords. As for the Commons, R. Peel’s place at the head of the Protestant majority of the lower house was practically not in doubt. His post as Home Secretary in the administration of Lord Liverpool (1822–1827) assumed a great involvement in Irish issues, so R. Peel could reasonably consider himself an expert on Irish affairs. A vivid confirmation of this was the situation in 1826, when the next bill on the emancipation of Catholics, introduced by radical F. Burdett, was passed by the lower house. R. Peel then threatened to resign if the bill was approved in the House of Lords. Lord Liverpool’s colleague in the Cabinet, Lord Bathurst, wrote to the Prime Minister at the time that “Peel’s intention is extremely serious, and its consequences may be deplorable, up to the fall of the cabinet.”

Liverpool's reply to Bathurst, preserved in the well-known diary entries of Ch. Arbuthnot, was also very revealing; the Prime Minister wrote, "Who can replace Peel? This should not be an ordinary person, and even a moment's reflection will convince you that such a person is not easy to find. No one is so familiar with the Irish question, and it will be difficult for me to discuss this topic with someone else" [23, p. 409].

R. Peel himself was also well aware of his exceptional position and the career benefits that it could bring him. R. Peel wrote to his colleague K. Wynn about "the advantage that may arise as a result of our resignation and the confidence that in this case we can return to power within the next three months" [48, pp. 105-106]. It is obvious that by 1826, R. Peel was not only aware of himself as the head of the "protestant party" within the Parliament but was also recognized as such by the majority of Tories in the House of Commons. But the growth of pro-Catholic sentiment in the House of Commons put R. Peel, as a minister of the Crown (which both he and the Prime Minister since January 1828, the Duke of Wellington, undoubtedly felt themselves to be), in a very difficult position. Back in 1828, R. Peel, formulating his anti-Catholic position in the House of Commons, said literally the following: "As a Minister of the Crown, I intend to abide by the principles that put His Majesty on the throne of the United Kingdom. We must remain firm among the numerous opponents, ...which will ensure to all of us an imperishable name and a tribute of high veneration among the unborn generations" [47, p. 8].

Nevertheless, it was R. Peel's deep involvement in the political agenda related to Catholic emancipation that served his contemporaries as a natural "dividing line" between the Whigs and the liberal Tory grouping, of which he had been an adherent since 1822. In March 1829, "*Blackwood's Edinburgh Magazine*" claimed that "Peel was for a long time separated from the Whigs both in general doctrine and in politics on the Catholic question." The fact that he opposed the Whigs precisely because of his pronounced hostility to emancipation "reinforced expectations from him as firmly committed to this position" [13, p. 285].

However, when, as a result of by-elections in July 1828 in the Irish county of Clare, which were won by the famous lawyer and leader of

the Catholic Association, D. O'Connell, the situation for the government became critical, R. Peel not only supported the famous "*Catholic Relief Bill*" introduced by the head of the cabinet, Duke of Wellington, but also agreed to oversee its passage in the Commons. The reasons for such a sharp change in R. Peel's position on the key issue of the political agenda are still controversial among researchers. It is difficult to say for sure whether this was the result of an act of almost superhuman moral courage shown by the Minister of the Crown or symbolized a genuine change of beliefs on his part. For N. Gash, one of the most authoritative researchers and biographers of R. Peel, the latter is true: he believed that after the elections in County Clare, it was no longer the Duke of Wellington and R. Peel but circumstances that controlled the process. O'Connell's election as a member of Parliament raised "the question of Catholic emancipation from an abstract theoretical assumption to the main issue of the political agenda" [29, pp. 545-548].

Contemporaries of the events saw the situation somewhat differently: the observant vicar of one of the Oxford parishes of the Anglican Church, Reverend B. White, wrote in March 1829 in a letter to a friend that "despite the political measure that he (R. Peel. – V. K.) now supports as a minister of the crown, his daily behavior does not at all imply a fundamental change in his views on the abstract issue of emancipation itself" [16, p. 2]. On the basis of this astute observation, it can be assumed that R. Peel resolved an important dilemma for himself between two political roles (a staunch Protestant and a Minister of the Crown) in favor of the latter, realizing that otherwise he would not be able to ask George IV to consent to emancipation and thus make a sacrifice that he would not be able to make himself [37, p. 299]. Back at the end of 1828, R. Peel warned the monarch that "there is no need to make resistance to emancipation a matter of personal conscience, since the reasons for its implementation may be enough to suppress them" [49, pp. 102-103]. It is evident that in this situation, the Peel administrator overcame the Peel moralist: the former preferred to solve the problem simply and quickly, so as not to aggravate it and not provoke further constitutional deadlock, presenting George IV with the problem of emancipation as "an opportunity to avoid a split in

the Irish administration and ensure compliance with the constitutional order, and not any change of beliefs" [50, pp. 83-84].

Contemporary British historian B. Hilton, one of the founders of the "revisionist" view of R. Peel's biography, on the contrary, insisted that in 1829 the latter really changed his attitude toward Catholic Emancipation and recognized that the protected status of the official Anglican Church and the Protestant religion could no longer be supported by the previous constitutional means. According to B. Hilton, it was important for R. Peel to "free every Irishman from the continuing bitterness of the Catholic question" [34, pp. 63-64]. It should be noted that, despite the relative popularity of position B. Hilton, who received recognition in modern British historiography, for contemporaries everything was not so obvious. In the above-mentioned "*Blackwood's Edinburgh Magazine*," one of the authors wrote that "we do not yet know enough about the course of thoughts and stages of development, during which Peel reached the final rethinking of his position on the Catholic question, although the result is already clear now" [14, p. 296]. It is obvious that the turning point for R. Peel in his attitude to the emancipation of Catholics was the creation in 1823 in Ireland of a Catholic Association headed by D. O'Connell, which was actively supported by Catholics who paid a weekly "Catholic rent" of 1 pence per household for the implementation of its activities [38, pp. 289-291].

Initially speaking out against emancipation, R. Peel argued that supporters of these radical steps have yet to prove the need to abolish restrictive measures against Catholics. However, already in 1826, opposing the next bill on emancipation, introduced in the lower house by the radical F. Burdett, he was no longer so categorical, stating that he was ready to "suspend his opposition to the bill" if "he was satisfied with the beneficial consequences that his supporters believe are inevitable." Such a somewhat ornate manner of speaking was shown to those who knew R. R. Peel well that the minister was open to discussing a painful issue [51, pp. 612-613]. Thus, Mrs. Arbuthnot, the author of a well-known diary, came to the conclusion that "a little persuasion and flattery" would be enough to turn R. Peel into a supporter of emancipation.

R. Peel's support for the abolition of religious restrictions for nonconformists in 1828 (the famous "*Test and Corporation Act*") to a certain extent confirmed the correctness of such an observation [27, p. 202]. Even more astute was Lord Ellenborough, who wrote in his diary on July 31, 1829, that "the problem of emancipation was not in Peel's real opinion or beliefs on this matter, but in his position as a minister of the crown and the reputation that could later create great difficulties in his way: he was embarrassed by his Oxford connections (in at that time, Peel was a MP for Oxford University, a stronghold of traditional Protestant values. – *V. K.*) and the fact that despite himself, he is almost the head of anti-Catholics" [37, p. 182].

Finally, for many of R. Peel's contemporaries, in particular Ch. Greville, clerk of the Privy Council, as well as Ch. Arbuthnot, it was believed that R. Peel's political future as a Tory was secured when his father, R. Peel Sr., received for him the post of chief secretary to the Lord Lieutenant of Ireland in 1812. Regardless of whether this was true or not, it is difficult not to agree with Lord Hatherton's opinion that R. Peel was to a certain extent a hostage of his political apprenticeship [12, p. 386]. "Peel's great misfortune was that he was introduced into political life under the patronage of his father and (Spencer) Percival (Prime Minister in 1806–1812. – *V. K.*). Thus, he was involved in all the strife of Catholic emancipation from the wrong side. His common sense allowed him to gradually discard the slavery of early connections and... disavow the false principles that he was forced to defend. At the same time, it seemed that he had lost consistency and character, although every person in his situation would have done the same. Our voters freely granted us the forgiveness of errors of opinion and the privilege of becoming wiser with the course of events. But the classes and the party tried to keep him rigidly in the performance of his duty, and when he refused, they sought to brand him with shame" [33, pp. 123-124]. It seems that Lord Hatherton's observations deserve the closest attention. The characteristic secrecy that R. Peel usually shrouded his political course was in sharp contrast to the unbridled enthusiasm that he showed in advocating the Catholic emancipation of 1829.

One way or another, the main problem for the opponents of emancipation, including R. Peel, who eventually supported this unpopular measure, was that granting civil and political rights to Catholics was considered a healing measure capable of resolving all the contradictions between Britain and Ireland. However, the continuing status of the United Church of England and Ireland as an established church, reflecting the religious aspirations of barely a tenth of the country's population and at the same time supported by tithes paid by the rest (as shown at the beginning of the article), made the hope for such a desired reconciliation illusory. Ireland proved to be a stumbling block for the Whig cabinets of Lord Grey (1830–1834) and Viscount Melbourne (July–November 1834). The Cabinet of Lord Grey adopted the controversial “*Irish Church Temporalities Act*” of 1833, which liquidated bishoprics in Ireland but prohibited the use of church property for secular purposes [2, p. 115]. The cabinet of Viscount Melbourne was generally characterized by an unnatural alliance of Whigs and supporters of D. O’Connell, whose sole purpose was to overthrow the first conservative government of R. Peel during his famous “Hundred Days” (November 1834 – April 1835) [1, pp. 168-170]. It was the excessive commitment of the Whigs to the use of the property of the Irish bishoprics for secular purposes that gave R. Peel the opportunity to advocate for “violated constitutional principles” as well as the legitimate rights and privileges of the United Church of England and Ireland [15, pp. 124-125].

Results. So, although most modern historians, assessing the Irish policy of R. Peel in the period from 1812 to 1829 (or, going a little beyond this time frame, to 1835), follow W. Gladstone, declaring R. Peel an “Orangist” before 1829 and “emancipated” after that time, an analysis of his position in this work forces us to admit that none of these definitions fully reflects his actual position. From his very first involvement in Irish politics, R. Peel maintained his commitment to the Protestant establishment. The circumstances caused by the political crisis of 1829 required R. Peel to make such concessions on the issue of emancipation as could only be offered relatively safely as a means to discredit D. O’Connell’s campaign to repeal the “*Act of Union*” of 1800.

In this regard, the aspirations of the Minister of the Crown for the preservation of constitutional order prevailed over his religious preferences, which, however, did not mean that R. Peel ceased to be a respectable Protestant. D. Eastwood rightly noted that “the goal of mature Irish politics R. Peel’s attempt was to adapt various religious and economic interests in Ireland to a still conservative parliament, a limited monarchy and a strong union within the boundaries of the ‘*Act of Union*’ – this is what led not to R. Peel’s rejection of Anglicanism, but to the rejection of anti-Catholicism as a necessary consequence of this Anglicanism” [25, p. 36]. Thus, it was the strength of R. Peel’s “protestant reputation” before 1829 and the corresponding strength of reaction to his alleged rejection of this position after 1829 that represented the changes in the Irish policy of R. Peel sawing more sharply than it actually was, at least until the mid-1830s.

The Irish policy of R. Peel in 1812–1829 turned out to be the personification of the conservative statesman’s approach to problems, in which he had to concede in detail while maintaining the basics and realizing his participation in resolving the crisis associated with the emancipation of Catholics as the most significant event of his entire political career. At the same time, he remained, to a certain extent, a prisoner of the circumstances that influenced his position in British politics in the first third of the 19th century – an orangist and a champion of emancipation in one person. It is not surprising that it was Catholic emancipation that became the plot that R. Peel bequeathed for publication to his literary executors, Lord Mahone and J. Cardwell. The appearance of these fragments of R. Peel’s biography in 1856 made possible the first proper historical understanding of R. Peel’s Irish politics. H. Bulwer wrote 20 years later that “Peel’s memoirs were written as confirmation of his own claims to political integrity and chivalry; and he himself challenges us with disinterested devotion to the cause, leaving posterity to judge how much such a politician deserves the high reputation he claims” [19, p. 112]. Apparently, R. Peel should answer to his descendants not for having supported Catholic emancipation but for having opposed it for a long time, not for having carried out this most important reform in extreme haste but for having delayed earlier. The very

same Irish policy of R. Peel before 1829, once defined by W. Gladstone's mistake, which later turned into political wisdom, still has a chance to be revised in historiography, but, apparently, it will remain dominant in his posthumous political reputation.

REFERENCES

1. Klochkov V.V. *Krizis partii tori i formirovanie politicheskoy strategii britanskogo konservatizma (1828–1835 gg.)* [The Crisis of the Tory Party and the Formation of the Conservative Political Strategy (1828–1835)]. Rostov-on-Don, SFedU Publ., 2008. 312 p.
2. Klochkov V.V. «Akt o vladenijah i dohodah irlandskoj cerkvi» 1833 g. i cerkovnaja politika britanskikh konservatorov v pervoj polovine 30-h gg. XIX v. [“Irish Church Temporalities Act” of 1833 and Church Policy of the British Conservatives in the First Half of the 30th of the 19th Century]. *Istoricheskie, filosofskie i politicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [History, Philosophy and Political Studies. Theory and Practice], 2017, no. 12 (86), pt. 1, pp. 114–116.
3. Klochkov V.V. Ser Robert Pil (1788–1850) v britanskoj istoriograficheskoj retrospektive i vosprijatiji sovremennikov [Sir Robert Peel (1788–1850) in British Historical Retrospect and Contemporaries Perception]. Gavrilov S.N., ed. *Britanskije issledovanija* [British Studies], vol. 7. Moscow, Aletejia Publ., 2022, pp. 172–207.
4. Kuznetsova Yu.I. Gercog Vellington i emansipacija katolikov. *Lichnost v epohu Novogo i novejshego vremeni* [Personality in the Epoch of Modern and Contemporary Times]. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 2015, pp. 252–257.
5. Labutina T.L. *Kultura i vlast v epohu Prosveshhenija* [Culture and Power in the Enlightenment]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 382 p.
6. Miroshnikov A.V. Sovetskaja i rossijskaja istoriografija novoj istorii Irlandii [Soviet and Russian Historiography of Modern Irish History]. *Shemrok. Irlandskie issledovanija (istorija, politika, kultura)* [Shamrock. Irish Studies (History, Politics, Culture)]. Voronezh, VGU Publ., 2004, pp. 9–24.
7. Petrova T.V. Proekty cerkovnoj reformy v anglijskikh pamfletah i traktatah 1828–1832 gg. [Projects for Church Reform in Anglican Pamphlets and Tracts, 1828–1832]. *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue], 2016, no. 2, pp. 283–295.
8. Solovyeva T.S. *Religioznaja politika liberalnyh tori v Anglii (20-e gg. XIX v.)* [Liberal Tory Religious Policy in the 20th of the 19th Century]. Moscow, MGU Publ., 2000. 294 p.
9. Steckevich M.S. Antikatolicizm i britanskoe nacionalnoe samosoznanie: problemy istoriografii [Antycatholicism and British National Identity: Historiography Problems]. *Trudy kafedry novoj i novejshej istorii Sankt-Peterburgsko gouniversiteta*. [Transactions of the Department of Modern and Contemporary History of Saint Petersburg State University]. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 2011, no. 7, pp. 156–164.
10. Uznarodov I.M. *Politicheskie partii Velikobritanii i rabochie izbirateli* [British Political Parties and Working Voters]. Rostov-on-Don, RGU Publ., 1992. 284 p.
11. Aspinall A. *Politics and the Press, 1780–1850*. London, Longman, 1949. 386 p.
12. Aspinall A. Extractions from Lord Hatherton's Diary. *Parliamentary Affairs*, 1964, vol. 17, no. 4.
13. *Blackwood's Edinburgh Magazine*, 1829, vol. 25 (March).
14. *Blackwood's Edinburgh Magazine*, 1829, vol. 26 (June).
15. Brent R. *Liberal Anglican Politics. Whiggery, Religion and Reform, 1830–1841*. Oxford, Clarendon Press, 1987. 402 p.
16. *British Museum Additional Manuscripts*, 731. f. 14.
17. Brown S.J. *The National Churches of England, Ireland and Scotland, 1801–1846*. Oxford, Clarendon Press, 2001. 412 p.
18. Brose O.J. The Irish Precedent for English Church Reform: The Irish Church Temporalities Act of 1833. *The Journal of Ecclesiastical History*, 1956, vol. 7, no. 2 (October), pp. 189–213.
19. Bulwer H.L.E. *Sir Robert Peel: A Historical Sketch*. London, 1874. 208 p.
20. Carpenter S.C. *Church and People, 1789–1889: A History of the Church of England from William Wilberforce to “Lux Mundi”*. London, Hodder & Stoughton, 1993. 386 p.
21. Capefigue Jean Baptiste Honore Raymond. The Character of Sir Robert Peel. Taylor W.C., ed. *The Life and Times of Sir Robert Peel. Vol. 2*. London, 1851. 586 p.
22. Mather F.C., ed. *Chartism and Society*. London, Hodder & Stoughton, 1980. 371 p.
23. The Correspondence of Charles Arbuthnot. Aspinall A., ed. *Royal Historical Society. 3rd Series. Vol. 65*. London, 1941. 568 p.
24. Jennings L.J., ed. *The Croker Papers. The Correspondence and Diaries of John Wilson Croker. Vol. 1*. London, 1884. 516 p.
25. Eastwood D. Peel and the Tory Party Reconsidered. *History Today*, 1992, vol. 42, pp. 32–41.
26. Evans E.J. *The Forging of the Modern State. Early Industrial Britain, 1783–1870*. London, Longman, 1995. 458 p.
27. Bamford F., the Duke of Wellington, eds. *Journal of Mrs. Arbuthnot. Vol. 2*. London, 1950. 488 p.

28. Gash N. *Age of Peel*. London, 1973. 432 p.
29. Gash N. *Mr. Secretary Peel: The Life of Robert Peel to 1830*. London, 1985. 612 p.
30. Gash N. The Founder of Modern Conservatism. *Pillars of Government, and Other Essays on State and Society, 1770–1880*. London, 1986. 396 p.
31. Gash N. Peel and Ireland: A Perennial Problem. Catterall P., ed. *Britain, 1815–1867*. London, 1994. 402 p.
32. Gaunt R.A. *Sir Robert Peel: The Life and Legacy*. London, I. B. Tauris, 2010. 228 p.
33. *The Hatherton Diaries. The Diaries of the First Lord Hatherton. Extracts from the Personal Diary, Between the Years 1817–1862 of Edward Wallhouse Littleton, Afterwards First Lord Hatherton, 1791–1863. October 15, 1818*. (Privately printed, no date).
34. Hilton B. The Ripening of Robert Peel. Bentley M., ed. *Public and Private Doctrines: Essays on British History Presented to Maurice Cowling*. Cambridge, University Press, 1993. 296 p.
35. Hinde W. *Catholic Emancipation. A Shake to Men's Mind*. Oxford, Clarendon Press, 1992. 438 p.
36. Thorne R.G., ed. *History of Parliament. The Commons, 1790–1820. Vol. 4*. London, 1986. 798 p.
37. Lord Ellenborough. Lord Colchester, ed. *Political Diary, 1828–1830. Vol. 1*. London, 1881. 718 p.
38. Lord Ellenborough. Lord Colchester, ed. *Political Diary, 1828–1830. Vol. 3*. London, 1881. 628 p.
39. McCarthy R.B. *A Short History of the Church of Ireland*. Dublin, 2015. 376 p.
40. Lady Gregory, ed. *Mr. Gregory's Letter Box*. London, Roak&Warty, 1898. 306 p.
41. *Northamptonshire Record Office*, 1818, 25 June, ff. 114-115.
42. Brooke J., Sorensen M., eds. *Prime Ministers Papers. W. E. Gladstone. Vol. 3*. London, 1978. 416 p.
43. Prior J. *A Few Plain Words to Sir Robert Peel*. London, 1836. 18 p.
44. Prior J. *The Remonstrance of a Tory to the Right Hon. Robert Peel*. London, 1827. 52 p.
45. Shipkey C.R. *Robert Peel's Irish Policy, 1812–1846*. London, 1987. 312 p.
46. *Southampton University Library. Broadlands Papers*, 1818, 23 June, f. 83.
47. Rev. Robert Bradley. *A Letter to the Rt. Hon. Sir R. Peel on Catholic Emancipation*. Manchester, 1828. 14 p.
48. Richard, Duke of Buckingham and Chandos. *Memoirs of the Court of George IV. Vol. 2*. London, 1859. 562 p.
49. *Southampton University Library. Broadlands Papers. Palmerston Journal*. PP/D2.
50. *Southampton University Library. Broadlands Papers. Palmerston Journal*. PP/D3.
51. *Speeches of the Late Right Honorable Sir Robert Peel, Baronet, Delivered in the House of Commons. Vol. 1*. London, Routledge & Co, 1855. 728 p.
52. *Suggestions on the Best Models of Employing the Irish Peasantry, as an Anti-famine Precaution: A Letter to Sir Robert Peel, Bart., by Agricola*. London, 1845. 142 p.
53. Wheeler M. *The Old Enemies. Catholic and Protestant in Nineteenth-Century English Culture*. Cambridge, 2006. 364 p.

Information About the Authors

Victor V. Klochkov, Doctor of Sciences (History), PhD, Professor, Department of World History and International Relations, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, vicpeel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1850-6096>

Veronica S. Nazarova, Senior Lecturer, Department of Sociology, History and Politics, Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems, Southern Federal University, Bolshaya Sadovaya St, 105, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, doors80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2583-121X>

Igor M. Uznarodov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of World Economics and International Relations, Rostov State University of Economics, Bolshaya Sadovaya St, 69, 344002 Rostov-on-Don, Russian Federation, iguz2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1213-2074>

Информация об авторах

Виктор Викторович Клочков, доктор исторических наук, PhD, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, vicpeel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1850-6096>

Вероника Сергеевна Назарова, старший преподаватель кафедры социологии, истории и политологии, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 105, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, doors80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2583-121X>

Игорь Миронович Узнародов, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных отношений, Ростовский государственный экономический университет, ул. Большая Садовая, 69, 344002 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, iguz2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1213-2074>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.10>

UDC 94(479.25)
LBC 63.3(0)

Submitted: 01.06.2022
Accepted: 04.01.2023

“...THE TIME HAS COME TO PUT AN END TO THE ARMENIAN ISSUE ONCE AND FOR ALL”: THE PROBLEM OF THE ARMENIAN VILAYETS OF THE OTTOMAN EMPIRE IN THE INTERNATIONAL AGENDA IN 1894–1912¹

Karine R. Ambartsumyan

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Lyudmila N. Velichko

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The interest in the “Armenian issue” is linked to the current international agenda and the impact of significant historical events on it, such as the genocide of 1915. *Methods and materials.* The interdisciplinary principle determines the use of traditional historical approaches (historical-genetic and historical-comparative) and international relations theories (defensive realism) simultaneously. The sources contain the published documents and publicism, as well as the archival documents of the Archives of Foreign Policy of the Russian Empire and the State Archives of the Russian Federation. *Analysis.* Starting with the signing of the Berlin Treaty and the introduction of an article into it obliging Ottoman Porte to reform the management of the Armenian population, the inclusion of the “Armenian issue” in the foreign policy agenda of European states began. At the same time, the responsibility for the reforms carried out by the Ottomans was collective, and the leadership of Russia in this matter was considered impossible. Collectivity was the reason for the erosion of responsibility; the Sultan was not actually made to reform. With the beginning of the “Hamid pogroms” in 1894, the “Armenian issue” threatened the balanced position of the powers in relation to the Ottoman Empire and actualized the issue of the Ottoman Porte’s responsibility for reforms in the Armenian vilayets. Obviously, Russia could be the most effective. France, Germany, and Italy initially did not plunge into this problem; in Asian Turkey, the main actors were still Great Britain and Russia. *Results.* Neither England nor Russia dared to act decisively, but they did not want to give in to each other either. For the British, control of the straits and the dominance of Russia in the Middle East were unacceptable. On the other hand, Russia was afraid to create a “second Bulgaria” near the Caucasian border. Therefore, the “Armenian issue”, complicated by rivalry, went through a cycle on the international agenda, as a result of which Russia returned to dominance in its solution after 1908. *The contribution of the authors* to the writing of the article is related to the research by L.N. Velichko on European and Ottoman Porte’s policy in resolving the “Armenian issue”, K.R. Ambartsumyan has dealt with the evolution of Russia’s position and explored the factors that influenced its change.

Key words: Eastern policy, “Armenian issue”, diplomatic struggle, Russia, Great Britain, Ottoman Porte, reforms of the Armenian vilayets.

Citation. Ambartsumyan K.R., Velichko L.N. “...The Time Has Come to Put an End to the Armenian Issue Once and for All”: The Problem of the Armenian Vilayets of the Ottoman Empire in the International Agenda in 1894–1912. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 127-136. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.10>

**«...НАСТАЛО ВРЕМЯ РАЗ И НАВСЕГДА ПОКОНЧИТЬ
С АРМЯНСКИМ ВОПРОСОМ»: ПРОБЛЕМА АРМЯНСКИХ ВИЛАЙЕТОВ
ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОВЕСТКЕ
В 1894–1912 ГОДАХ¹**

Каринэ Размиковна Амбарцумян

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

Людмила Николаевна Величко

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Интерес ученых к «армянскому вопросу» связан с текущей международной повесткой и влиянием на нее знаковых событий истории, таких как геноцид 1915 года. *Методы и материалы.* Междисциплинарный подход обусловил сочетание традиционных методов исторического исследования (историко-генетический и историко-сравнительный) с теориями международных отношений (теория оборонительного реализма). Источниковая база представлена опубликованными документами и публицистикой, а также документами Архива внешней политики Российской империи и Государственного архива Российской Федерации. *Анализ.* С момента подписания Берлинского трактата и внесения в него статей, обязывающих Порту реформировать управление армянским населением, «армянский вопрос» стал входить в повестку внешней политики европейских государств. При этом ответственность за проведение османами реформ была коллективной, лидерство России в этом вопросе рассматривалось как невозможное. С началом в 1894 г. «гамидовских погромов» «армянский вопрос» актуализировал проблему ответственности Порты за их проведение. Франция, Германия и Италия изначально не погружались в эту проблему, ведущими игроками в Азиатской Турции были все-таки Великобритания и Россия. *Результаты.* Для англичан контроль России над проливами Босфор и Дарданеллы и ее доминирование на Ближнем Востоке были недопустимы. Россия же опасалась идти по пути автономии для Армении и создавать у кавказской границы «вторую Болгарию». Поэтому «армянский вопрос», осложненный соперничеством мировых держав, прошел цикл в международной повестке, в итоге которого Россия вернулась к доминированию в его решении после 1908 года. *Вклад авторов.* Л.Н. Величко выявила особенности политики европейских держав и Порты в решении «армянского вопроса», К.Р. Амбарцумян проследила эволюцию позиции России и исследовала факторы, влиявшие на ее изменение.

Ключевые слова: восточная политика, «армянский вопрос», дипломатическая борьба, Россия, Великобритания, Порты, реформы армянских вилайетов.

Цитирование. Амбарцумян К. Р., Величко Л. Н. «...Настало время раз и навсегда покончить с армянским вопросом»: проблема армянских вилайетов Османской империи в международной повестке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 127–136. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.10>

Введение. На рубеже XIX–XX вв. «армянский вопрос» стал инструментом в решении геополитических проблем, стоящих перед Англией, Францией, Россией и Германией в пределах Азиатской Турции. К концу XIX в. насущность реформирования управления армянскими вилайетами была очевидной настолько, что игнорирование проблемы ставило под вопрос сохранение территориальной целостности Османской империи. В современных международных отношениях «армянский воп-

рос» не утрачивает остроты, например, сохраняется напряженность в турецко-армянских отношениях, а история геноцида 1915 г. и события, предшествующие ему в пределах Османской империи, остаются полем историографических и политических баталий.

В данной работе ставится цель изучить место «армянского вопроса» в международной повестке на рубеже XIX–XX вв. и его трансформацию в восточной политике держав «европейского концерта». Хронологические

рамки работы ограничены 1894 г., началом «гамидовских погромов» в Османской империи, и 1912 г., когда на фоне Балканских войн и тяжелого положения Турции российская дипломатия стала активно добиваться разработки действенного проекта реформ армянских вилайетов. Новизна исследования состоит в попытке выявления причинно-следственных связей между положением армянского населения Османской империи, политикой Порты и геополитическими интересами европейских держав. В научной литературе «армянский вопрос» востребован историками, которые изучают его в контексте Сан-Стефанского договора, Берлинского трактата, истории армянского революционного движения и проблемы нациестроительства (см., например: [12; 21]). Политика Великобритании в отношении армян Турции стала предметом исследования А.Дж. Киракосяна [17]. Обширной историографией представлена роль Германии в судьбе армян [11; 22; 28; 29]. В последние годы наблюдается активизация научного интереса к данной теме в связи с интенсивным развитием кавказоведения [1; 6; 18; 19]. «Армянский вопрос» в контексте российской дипломатии стал объектом исследования Г.Р. Симоняна [27].

Методы и материалы. Источниковая база представлена кругом разнообразных источников, в том числе дипломатической перепиской российских послов, консулов и чиновников, выявленной авторами статьи в Архиве внешней политики Российской империи (фонд «Турецкий стол») и Государственном архиве Российской Федерации (фонд Ламздорфа В.Н.), также использовались опубликованные дипломатические документы (см., например: [2; 3; 8; 29]).

С помощью историко-генетического метода исследована эволюция «армянского вопроса» и его постепенное отграничение в рамках восточной политики держав. Историко-сравнительный метод стал инструментом сопоставления интересов держав как в Османской империи, так и за ее пределами. С его же помощью сравнивались позиции ведущих государств по положению армян в Турции на разных этапах изучаемого периода. Результаты системно-структурного метода анализа процессов и явлений внешней политики евро-

пейских держав в регионе Западной Азии дополняются применением компаративного метода для определения особенностей в решении Портой национальных проблем, в частности «армянского вопроса».

Анализ. В 90-е гг. XIX в. распад Османской империи рассматривался Лондоном, Парижем и Берлином как неизбежность, а попытки Порты сохранить единство территорий силой, виделись как повод вмешательства в ее внутренние дела под предлогом защиты христианского населения, в том числе армянского. Впервые необходимость реформирования армянских вилайетов в составе Османской империи была обозначена в Сан-Стефанском мирном договоре 1878 г. [26]. Затем это требование повторили в Берлинском трактате, а также в Кипрской конвенции [16]. Однако коллективная ответственность и геополитическое соперничество держав дали возможность султану максимально долго тянуть с выполнением возложенных на него обязательств.

Российская сторона после подписания Берлинского трактата со скепсисом относилась к успеху европейских держав в решении «армянского вопроса». Разработчик Сан-Стефанского мирного договора А.И. Нелидов высказал сомнения по поводу реализации ст. 61 Берлинского трактата, предполагавшей реформы управления для турецких армян, считая, что ее цель – уничтожение «между турецкими армянами чувства симпатии к России» [23, л. 2 об.]. По его мнению, единственным возможным спасением для армянского населения являлось включение армянских вилайетов в состав России [20, л. 10–10 об.], тем более, что духовный центр армян – Эчмиадзин – находился в российских пределах. Наблюдая шаткость позиций турецкого правительства и зная о циркулирующих в Анатолии слухах о возможном занятии Россией Малой Азии, он призывал не игнорировать эти «народные верования» и как можно активнее направлять их в нужное русло [23, л. 5 об.].

В своей записке от 18 ноября 1896 г. А.И. Нелидов писал, что «вмешательство в дела Турции держав» неизбежно [15, с. 60], равно как и реальна угроза захвата проливов европейскими державами. Россия должна была, по его замыслу сделать это раньше:

«...только одна шестая этой общей силы и власти принадлежала бы нам» [15, с. 60]. Решения о захвате Босфора Россией не последовало, а А.И. Нелидова на посту сменил «миролюбивый» И.А. Зиновьев. В соответствии с инструкцией новый посол должен был действовать в согласии с великими державами, сохранять дружеские отношения с султаном и способствовать покровительству турецко-подданным христианам. И.А. Зиновьеву было дано указание придерживаться линии территориальной целостности Османской империи [28, с. 5–20], соответственно, независимость Армении не рассматривалась как реальная перспектива. Возникал прецедент формирования самостоятельного государства у российских границ, что могло послужить детонатором для национальных окраин самой Российской империи. При этом момент для монополизации «армянского вопроса» Россией был удобный. Италия, как и Германия, недавно объединилась и в 1895–1896 гг. была втянута в войну с Абиссинией (Эфиопией). Австро-Венгрии больше привлекали Балканы [29, р. 96]. Германия напрямую не была заинтересована в урегулировании «армянского вопроса». В 1896 г. германский дипломат Альфонс Мумм фон Шварценштейн в контексте обсуждения выступления армян против властей в Османской империи заявил, что «целью немецкой политики не может быть забота о христианах всего мира и организация европейского крестового похода против Полумесяца» [30, р. 72]. Не вдаваясь в подробности общественных дебатов в Германии с 1894 по 1896 г., следует отметить, что начиная с 1895 г. эта тема стала значимой для немецкой прессы, но их тон был проосманским и антиармянским [30, р. 83].

Германский император Вильгельм II в письме к канцлеру Гогенлоэ рассуждал о том, как следует разделить турецкие территории, «пока это для всех не закончилось крахом». Он предлагал за Россией оставить Дарданеллы и Константинополь: «...ей нельзя помешать взять проливы; она имеет на это полное право, потому что у нее должен быть выход для ее торговли. За это Австрия должна получить компенсацию; она должна занять Албанию, Черногорию, Сербию и ту часть Македонии, которая даст ей свободный доступ в Салони-

ки. Салоники должны стать крупным австрийским торговым портом и военно-морской базой. Греки получают все острова и Македонию. Франция может взять Сирию, где она уже имеет большое влияние. Тогда Англия получит Египет без помех. Россия должна довольствоваться Средиземным морем и сохранит заинтересованность и контроль, насколько это возможно, на Дальнем Востоке; тогда она оставит Европу в покое» [29, р. 352].

Российскую дипломатию удовлетворяла позиция Германии, поскольку главной задачей Петербурга было не дать англичанам повлиять на немецкую сторону и оттянуть неизбежность раздела распадающейся Османской империи. Однако к 1896 г. стало понятно, что Германия ведет двойную игру и обсуждает с кабинетом английского премьера Солсбери судьбу Порты [29, р. 355]. Это проходило на фоне дипломатического давления со стороны англичан на Россию и Францию, с требованием совместно принудить османов провести реформы управления в армянских вилайетах, принятые номинально султаном в 1895 году. Лондон искал повод (возможно военный) для вмешательства во внутренние дела империи и пересмотра позиции сторон в контроле над Босфором и Дарданеллами. Французский посол в Константинополе Конбон отмечал, что «армянский вопрос» перетекает в сферу широкого общественного обсуждения и правительства великих держав больше не смогут игнорировать положение армян [4, с. 933].

Политика дистанцирования от «армянского вопроса» оказалась пагубной для Петербурга, в результате на Кавказ хлынул неконтролируемый поток беженцев, спасавшихся от турецких погромов. В июне 1893 г. в Карсскую область нелегально прибыло 45 турецко-подданных армян и свой переезд объяснили насильственным их вытеснением турецкими властями [9, с. 23]. В 1899 г., по сведениям Г.С. Голицына, главноначальствующего гражданской частью Кавказа и командующего войсками военного округа, на вверенной ему территории их количество составляло 15 580 душ [10, л. 37]. Обратное пропорционально усилилось стремление мусульман к переезду в Турцию, причем с 1897 г. число просителей росло и к 1899 г. с подобными обращениями выступило около 10 000 человек.

Обращались, главным образом, жители Бакинской губернии. Среди причин чаще всего называли тяжесть лежащих на них государственных и общественных налогов, малоземельность надела, а также непроизводительность гористой и каменистой почв. Г.С. Голицын считал указанные причины надуманными, а истинными мотивами, по его мнению, были слухи о том, что в Турции им обещают земли убывших в Россию армян. Источником этих слухов, по его мнению, могла быть сама Порты. Причем в 1894 г. турецкое правительство уже ходатайствовало о переселении 6 000 мусульман из Елизаветпольской губернии. Позиция кавказского начальника сводилась к следующему: просьбы кавказских мусульман пока не рассматривать и решить вопрос с возвращением армянских беженцев [10, л. 54–56 об.]. Вместо бежавшего от насилия армянского населения Турция готова была принять также кавказских горцев. Более того, еще в 1890 г. в Константинополе российский посол получил разрешение турецких властей на переселение 24 000 таковых, однако за три года переехало только 9 000 из Екатеринодарского и Лабинского отдела Кубанской области. Дальше Турция потеряла к данному процессу интерес и поток переселенцев существенно сократился [10, л. 212].

С 1898 г. российское правительство начало переговоры с турецкими представителями о возвращении армянских беженцев в Порты, которым та отказывала в праве пересекать границу. Г.С. Голицын усматривал в данной позиции турецких властей вполне корыстный умысел: «Явное и вполне определенное стремление Турецкого Правительства наводнить Закавказский край армянами и перенести центр тяжести армянского вопроса в Россию не подлежит никакому сомнению. Таким образом, настало время раз и навсегда покончить с армянским вопросом. Одно из двух: или Кавказский край, по послаблениям с нашей стороны и в силу естественного порядка вещей, будет поработен армянскою нацией и превратится в Великую Армению, о чем непризрачно мечтает армянская интеллигенция и плутократия...» [10, л. 175]. На своей должности Г.С. Голицын все усилия направлял на интеграцию Закавказского края в российское политическое и экономическое пространство

и прибывающих беженцев рассматривал как препятствие для успешной реализации поставленных перед ним задач. Из всех имперских чиновников, имевших отношение к проблеме, он занимал наиболее непримиримую позицию и требовал от И.А. Зиновьева и российского МИДа добиться возвращения всех турецко-подданных армян обратно.

Турецкое правительство не спешило возвращать армянских беженцев, всячески затягивало рассмотрение подобных дел. Более того, секретарь султана Тахсин Бей в письме к И.А. Зиновьеву от 19 марта 1899 г. писал, что еще князю Лобанову объяснялось, «насколько обратное переселение в Турцию армян вредно для интересов обеих держав и... Оттоманское правительство не преминуло бы внести сто тысяч турецких лир на покрытие расходов на расселение армян (на российской территории. – К. А., Л. В.) [23, л. 31].

В 1903–1904 гг. произошел ряд событий, которые в очередной раз обострили «армянский вопрос». 12 июня 1903 г. в Российской империи был принят закон об управлении имуществом Армянской Григорианской церкви и передаче армянских школ в ведение Министерства народного просвещения [3, с. 36–37]. Его активным проводником был князь Г.С. Голицын, который неоднократно заявлял, что именно армянское священство ведет пропагандистскую деятельность, направленную на поддержку революционных армянских комитетов. 14 октября 1903 г. в Тифлисе членами националистической армянской партии «Дашнакцутюн» было совершено покушение на Г.С. Голицына.

Возникшая в 1890 г. на территории Турции партия «Дашнакцутюн» уже в 1898 г. заявила о создании своих отделений (Восточного в Тифлисе и Западного в Софии) и оформлении программных требований, ключевым из которых становится требование освобождения Турецкой Армении [5, с. 86]. В идеологии партии уживались две противоположные концепции. *Первая* делала ставку на помощь в обретении независимости путем поддержки российской и английской дипломатии, *вторая* – на террор и вооруженные выступления. Первой масштабной акцией дашнаков считают захват Оттоманского банка в 1896 г., а затем ее террористические действия стали ре-

гулярными. Одним из ресурсов ее деятельности был насильственный сбор средств для приобретения оружия и переправки по обеим сторонам российско-турецкой границы [5, с. 87]. Обширный архивный материал позволяет судить о масштабах деятельности этой организации, которая стала общей проблемой для Порты и России. Начиная с 1895 г. российские суды регулярно рассматривали дела о покупке, хранении и переправке оружия на турецкую территорию. Не меньшую опасность представляла агитационная деятельность.

Интересен тот факт, что в качестве посылных действовали не только этнические армяне. 8 августа 1902 г. в местечке Кагызман, Карсской области был задержан курд, назвавшийся турецкоподданным, Надыр Абдо оглы, при котором помимо писем на армянском языке, с призывами создавать в области тайные организации с целью поддержки Турецкого армянского Комитета, были обнаружены три номера газеты «Дрошак», издаваемые в Женеве. После разбирательства было решено выслать его в Турцию [13]. Содействие в работе революционных организаций оказывали армянские священники. Так, в Александрополе активными сторонниками дашнаков были члены армянского духовного правления, собиравшие средства для организации и распространявшие печатные материалы революционного толка [12]. Целью спровоцированного дашнаками выступления 1903 г. в Сасуне, по мнению капитана Генерального штаба К.Н. Смирнова, должны были стать широкомасштабные протесты националистов в Македонии и турецкой Армении с целью одновременного создания двух зон напряженности: в районах Константинополя и Смирны, а также вблизи Еркира, вдоль границы с Россией. Эти действия должны были спровоцировать иностранное вмешательство [2, с. 419–427]. К.Н. Смирнов непосредственную вину за события в Сасуне возлагал на англичан, указывая, что революционеры скрываются на территории Англии [2, с. 434]. Генеральный консул в Эрзеруме П.И. Аверьянов подтверждал это, отмечая, что английские консулы «всецело и полновластно руководят революционной деятельностью как кавказских, так и турецких армян» [2, с. 444].

О крайне напряженной ситуации вокруг российской внешней политики в связи с «армянским вопросом» писал А.И. Нелидов, занимавший в 1904 г. пост посла России в Париже. Он выражал обеспокоенность ситуацией: «Сама закавказская окраина наша стала теперь для нас почти неприятельским станом. Средства же на революцию, которые будто бы доставляли церковные имущества, ныне притекают в прежнем, если не большем размере как пожертвования богатых частных лиц, озлобленных против русского правительства, от которых отделаться мы не можем, так как они составляют коренное население» [14, л. 37].

Об активизации проармянской европейской общественности писал вице-консул в Ризе В. Маевский в августе 1904 года. Он констатировал, что в течение 1903 г. оживились круги, которые «активно пропагандировали “армянский вопрос”». Это заметно в Италии, Франции и Великобритании, где прошли манифестации в поддержку армян. Он обращает внимание на то, что армянских епископов Индии и Персии, представляющихся официальными делегатами католика, принимают на самом высоком уровне – президент Франции, епископ Кентерберийский, кроме того, они ожидают аудиенции короля Эдуарда [2, с. 425].

Поражение России в Русско-японской войне 1905 г., революционные события привели к изменению внутривнутриполитического пространства и пересмотру внешнеполитического курса. На фоне революционных событий в России и новой волны национальных движений пришлось пойти на отмену закона о конфискации имущества Армяно-григорианской церкви и закрытии армянских школ от 1903 года. Новый наместник Кавказа И.И. Воронцов-Дашков признал его ошибочность и приложил массу усилий, чтобы обосновать необходимость его отмены [7], что и было сделано 1 августа 1905 г. [24].

Англо-русское соглашение по разграничению сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете 1907 г. сняло остроту напряжения между государствами. Младотурецкая революция 1908 г. в Османской империи, давала надежду на возможную реализацию реформ армянских вилайетов. Эти обстоятельства стали одними из существенных причин пересмотров как векторов внешней политики Российской

империи, так и взгляда на «армянский вопрос». После 1908 г. Россия проявляла большую настойчивость в деле продвижения реформ армянских вилайетов. С 1912 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов выступал сторонником более активного участия России в подготовке и проведении реформы управления армянскими вилайетами. Он полагал, что пренебрежение данной проблемой приведет к вмешательству европейских держав, что на фоне балканского кризиса станет фактором еще большего осложнения международной обстановки. Удачное проведение реформ он понимал как залог повышения престижа российской власти среди кавказских армян. Активность России младотурецкое правительство раздражало, они рассматривали ее как вмешательство во внутренние дела своего государства. После 1912 г. Россия стала активно работать в направлении урегулирования «армянского вопроса» [25, с. 66–74].

Результаты. На рубеже XIX–XX вв. «армянский вопрос» стал инструментом борьбы европейских держав за лидерство в «восточном вопросе». Особенно это проявлялось в российско-британском противостоянии в Малой Азии. Интернационализировав эту проблему в результате подписания Берлинского трактата, Великобритания пыталась не допустить усиления влияния России на Ближнем Востоке, а Франция и Германия не проявляли активности в его решении. При этом Петербург не стремился к радикальным средствам борьбы за автономию армянских вилайетов. В образовании единой Армении виделась угроза последующего отторжения кавказской части Османской империи, что создавало прецедент для национальных окраин России. В 1894 г. с началом «гамидовской резни» армянский вопрос актуализировался на новом уровне. Однако никакой имплементации проекта реформ Абдул-Гамида, подписанного в 1895 г., так и не произошло. Начало очередного витка политического кризиса в Османской империи и Балканские войны вновь вывели на международную повестку дня «армянский вопрос». С 1912 г. в период министерства С.Д. Сазонова Россия снова стала доминирующей силой в подготовке реформирования управления армянскими вилайетами. Проект реформ был готов в 1914 г., но реа-

лизовать его Петербургу помешала Первая мировая война.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта Арм_а «Армянский вопрос в международных отношениях (1895–1923 гг.)» (№ 20-59-05002).

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project Arm_a, “The Armenian Question in International Relations (1895–1923)” (No. 20-59-05002).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амбарцумян К. Р. Проблема реформирования армянских вилайетов Турции в политике великих держав в 1908–1914 гг. // История: факты и символы. 2021. № 4. С. 51–60.
2. Армянский вопрос в Турции: в материалах русского Генерального штаба / сост.: М. Басханов. Анкара: Türk Tarih Kurumu, 2013. 637 с.
3. Армянский вопрос на Кавказе. По материалам российских архивов и изданий. 1724–1914. В 3 т. Т. 1 / сост. и коммент. Г. К. Гейдаров, Т. Р. Багиев, К. К. Шукюров. СПб.: Акад. исслед. культуры. 2011. 713 с.
4. Армянский вопрос по документам французской Желтой книги // Братская помощь пострадавшим в Турции армянам: лит.-науч. сб. М.: Типолит. К. Ф. Александрова, 1897. 984 с.
5. Быкова О. Возникновение партии «Дашнакцутюн» и ее деятельность на территории Турции (по материалам документов российских архивов) (1890–1915) // Karadeniz uluslararası bilimsel dergi. 2011. № 10. С. 81–102.
6. Величко Л. Н. «Армянский вопрос» в контексте восточной политики России в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Калмыцкого университета. 2021. № 4. С. 6–15.
7. Воронцов-Дашков И. И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова / [соч. графа Воронцова-Дашкова]. СПб.: Гос. тип., 1907. 164 с.
8. Выписка из донесения Колл. Асс. Гиппиуса. Риза. 19 мая 1899. № 70 // Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. Турецкий стол. Оп. 502 б. Д. 2479. 216 л.
9. Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе министру внутренних дел. Тифлис, 20 августа 1893 г. // Геноцид армян в Османской империи: сб. док. и материалов. В 2 ч. Ч. 2 / под ред. М. Г. Нерсисяна. Ереван: Айастан, 1982. 686 с.

10. Главноначальствующий Гражданскою Частью на Кавказе. 4 ноября 1899. № 858. В Тифлисе Его Сиятельству графу М.Н. Муравьеву // АВП РИ. Ф. Турецкий стол. Оп. 502б. Д. 2479. 216 л.

11. Даминов И. Р. Германия и Геноцид армян: «свидетели или сообщники?» // 100-летие Геноцида армян в Османской империи: уроки истории: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 20 апр. 2015 г. в Урал. федер. ун-те, РФ. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2016. С. 43–47.

12. Дело о деятельности тайной армянской организации в г. Александрополе. 13 марта 1904 г. – 27 января 1905 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 124. Оп. 13. Д. 1478. 18 л.

13. Дело о привлечении к дознанию Надыра Абдо оглы за распространение армянской газеты «Дрошак» в м. Казыз – мане Карсской обл. 23 сентября 1902 – 7 мая 1903 г. // ГАРФ. Ф. 124. Оп. 11. Д. 1346. 16 л.

14. Деша Д. Т. С. Зиновьева. Пера, 24 ноября / 6 декабря 1899 // АВП РИ. Ф. Турецкий стол. Оп. 502б. Д. 2479. 216 л.

15. Записка А. И. Нелидова от 18 (30) ноября 1896 г. // Красный архив. 1931. № 4/5 (47/48). С. 61–64.

16. Кенкишвили С. Н. К вопросу о взаимосвязи англо-турецкой конвенции и Берлинского конгресса 1878 г. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2004. № 4. С. 42–49.

17. Киракосян А. Дж. Великобритания и Армянский вопрос (90-е годы XIX века). Ереван: Айастан, 1990. 240 с.

18. Крбекян В. Г. Армянский вопрос и международные отношения в 70-х гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. 209 с.

19. Крючков И. В. Армянские погромы в Османской империи в 1894–1896 гг. и политика России (на материалах дневников В.Н. Ламздорфа) // Былые годы. 2021. № 3. С. 1421–1432.

20. Ламздорф В. Н. Донесения управляющего русским посольством в Константинополе и управляющего русскими делами в Трапезунде о необходимости принятия русским правительством мер по укреплению турецких армян связей с Россией (копия). 25 октября 1882–4 ноября 1882 // ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 157. 12 л.

21. Ованесян В. Р. Армянский вопрос как предмет международных отношений: Вторая половина XIX – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 195 с.

22. Оганесян Л. Г. Западная Армения в планах великих держав в годы Первой мировой войны // Историческое пространство: проблемы истории стран СНГ. М.: Наука, 2014. С. 91–114.

23. Перевод письма Первого Секретаря Его Величества Султана Тахсин (?или Таасин) Бея к Действительному Тайному Советнику Зиновьеву, от 19 марта 1899 г. // АВП РИ. Ф. Турецкий стол. Оп. 502б. Д. 2479. 216 л.

24. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 25, 1905, отд. 1. СПб.: Гос. тип., 1908. 1010 с.

25. Сазонов С. Д. Воспоминания. Минск: Харвест, 2002. 367 с.

26. Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор. Сан-Стефано, 19 февраля/3 марта 1878 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/stefano.htm>

27. Симонян Г. Р. Армянский вопрос и российская дипломатия накануне Первой мировой войны. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. 464 с.

28. Anderson M. L. «Down in Turkey, Far Away»: Human Rights, the Armenian massacres, and Orientalism in Wilhelmine Germany, Armenian Massacres, and Orientalism in Wilhelmine Germany // J. of Modern History. 2007. Vol. 79, № 1. P. 80–111.

29. German Diplomatic Documents, 1871–1914. In 4 Vols. Vol. 2 / sel. and transl. by E. T. S. Dugdale; with a preface by the Hon. James W. Gerard and an introd. by J. W. Headlam-Morley. L.: Methuen, 1928. 555 p.

30. Ihrig S. Germany and the 1890s Armenian Massacres: Questions of Morality in Foreign Policy // Études arméniennes contemporaines. 2018. № 11. P. 75–92. URL: <https://journals.openedition.org/eac/1871#text>

REFERENCES

1. Ambarcumjan K.R. Problema reformirovanija armjanskih vilajetov Turcii v politike velikih derzhav v 1908–1914 gg. [The Problem of Reforming the Armenian Vilayets of Turkey in the Politics of the Great Powers in 1908–1914]. *Istorija: fakty i simvolj* [History: Facts and Symbols], 2021, no. 4, pp. 51–60.

2. Baskhanov M., ed. *Armjanskij vopros v Turcii: v materialah russkogo Generalnogo shtaba* [The Armenian Question in Turkey: In the Materials of the Russian General Staff]. Ankara, Türk Tarih Kurumu, 2013. 637 p.

3. Geydarov G.K., Bagiev T.R., Shukyurov K.K., eds. *Armjanskij vopros na Kavkaze. Po materialam rossijskih arhivov i izdanij. 1724–1914. V 3 t. T. 1* [The Armenian Question in the Caucasus. Based on the Materials of Russian Archives and Publications. In 3 Vols. Vol. 1]. Saint Petersburg, Acad. issled. culture, 2011. 713 p.

4. *Armjanskij vopros po dokumentam francuzskoj Zheltoj knigi* [The Armenian Question According to the Documents of the French Yellow

Book]. *Bratskaja pomoshh postradavshim v Turcii armjanam: lit.-nauch. sb.* [Fraternal Assistance to the Armenians Injured in Turkey. Literary and Scientific Collection]. Moscow, Tipolit. K. F. Alexandrova, 1897. 984 p.

5. Bykova O. Vozniknovenie partii «Dashnakcutjun» i ejo dejatelnost na territorii Turcii (po materialam dokumentov rossijskih arhivov) (1890–1915) [The Emergence of the Dashnaktsutyun Party and Its Activities on the Territory of Turkey (Based on Documents from Russian Archives) (1890–1915)]. *Karadeniz uluslararasi bilimsel dergi*, 2011, no. 10, pp. 81–102.

6. Velichko L.N. «Armjanskij vopros» v kontekste vostochnoj politiki Rossii v konce XIX – nachale XX vv. [The Armenian Question in the Context of Russia's Eastern Policy in the Late 19th – Early 20th Centuries]. *Vestnik Kalmyckogo universiteta* [Bulletin of the Kalmyk University], 2021, no. 4, pp. 6–15.

7. Voroncov-Dashkov I.I. *Vsepoddannejshaja zapiska po upravleniju Kavkazskim kraem general-adjutanta grafa Voroncova-Dashkova* [The Most Submissive Note on the Administration of the Caucasus Territory, Adjutant General Count Vorontsov-Dashkov]. Saint Petersburg, Gos. tip., 1907. 164 p.

8. Vypiska iz donesenija Koll. ass. Gippiusa. Riza. 19 maja 1899. № 70 [Extract from the Report of Collegiate Assessor Gippius. Riza. May 19, 1899. No. 70]. *Arkhiv vneshnei politiki Rossijskoj imperii (AVP RI)* [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation], f. Tureckij stol. [Turkish table], inv. 502 b, d. 2479. 2161.

9. Glavnonachalstvujushhij grazhdanskoj chastju na Kavkaze ministru vnutrennih del. Tiflis, 20 avgusta 1893 g. [The Commander-in-Chief of the Civil Unit in the Caucasus to the Minister of Internal Affairs. Tiflis, August 20, 1893]. Nersisjan M.G., ed. *Genocid armjan v Osmanskoj imperii: sb. dok. i materialov. V 2 ch. Ch. 2* [Armenian Genocide in the Ottoman Empire. Collection of Documents and Materials. In 2 Pts. Pt. 2]. Yerevan, Ajastan Publ., 1982. 686 p.

10. Glavnonachalstvujushhij grazhdanskoju chastju na Kavkaze. 4 nojabrja 1899. № 858. V Tiflise Ego Sijatelstvu grafu M.N. Muravjovu [The Commander-in-Chief of the Civil Unit in the Caucasus. November 4, 1899. No. 858. In Tiflis to His Excellency Count M.N. Muravyov]. *AVP RI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation], f. Tureckij stol [Turkish table], inv. 502b, d. 2479. 2161.

11. Daminov I.R. Germanija i Genocid armjan: «svideteli ili soobshhnikii?» [Germany and the Armenian Genocide: “Witnesses or Accomplices?”] *100-letie Genocida armjan v Osmanskoj imperii: uroki istorii: sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 20 apr. 2015 g. v Ural. feder. un-te, RF*

[100th Anniversary of the Armenian Genocide in the Ottoman Empire: History Lessons. Collection of Articles Based on Materials from the International Scientific and Practical Conference on April 20, 2015 in the Ural Federal University, Russian Federation]. Yerevan, Izd-vo EGU, 2016, pp. 43–47.

12. *Delo o dejatelnosti tajnoj armjanskoj organizacii v g. Aleksandropole. 13 marta 1904 g. – 27 janvarja 1905 g.* [The Case of the Activities of a Secret Armenian Organization in Alexandropol. March 13, 1904 – January 27, 1905]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossijskoj Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], f.124, inv. 13, d. 1478. 181.

13. *Delo o privlechenii k doznaniju Nadyra Abdo ogly za rasprostranenie armjanskoj gazety «Droshak» v m. Kazyz – mane Karsskoj obl. 23 sentjabrja 1902 – 7 maja 1903 g.* [The Case of Bringing Nadyr Abdo Ogly to the Inquiry for Distributing the Armenian Newspaper “Droshak” in the Town of Kazyz-Mane, Kars Region, September 23, 1902 – May 7, 1903]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. 124, inv. 11, d. 1346. 161.

14. Depesha D. T. S. Zinovyeva. Pera, 24 nojabrja / 6 dekabrja 1899 [Dispatch of D. T. S. Zinoviev. Pera, November 24 / December 6, 1899]. *AVP RI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation], f. Tureckij stol [Turkish table], inv. 502b, d. 2479. 2161.

15. Zapiska A. I. Nelidova ot 18 (30) nojabrja 1896 g. [A. I. Nelidov's Note Dated November 18 (30), 1896]. *Krasnyj arhiv* [Red Archive], 1931, no. 4/5 (47/48), pp. 61–64.

16. Kenkishvili S.N. K voprosu o vzaimosvjazi anglo-tureckoj konvencii i Berlinskogo kongressa 1878 g. [On the Question of the Relationship Between the Anglo-Turkish Convention and the Berlin Congress of 1878]. *Izvestija vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki* [News of Universities. The North Caucasus Region. Social Sciences], 2004, no. 4, pp. 42–49.

17. Kirakosjan A.Dzh. *Velikobritanija i Armjanskij vopros (90-e gody XIX veka)* [Great Britain and the Armenian Question (The 90s of the 19th Century)]. Yerevan, Ajastan Publ., 1990. 240 p.

18. Krbekjan V.G. *Armjanskij vopros i mezhdunarodnye otnoshenija v 70-h gg. XIX v.* [The Armenian Question and International Relations in the 70s of the 19th Century. Cand. hist. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2003. 209 p.

19. Krjuchkov I.V. Armjanskije pogromy v Osmanskoj imperii v 1894–1896 gg. i politika Rossii (na materialah dnevnikov V.N. Lamzdorfa) [The Armenian Pogroms in the Ottoman Empire in 1894–1896 and the Politics of Russia (Based on the Materials of the Diaries of V.N. Lamzdorff)]. *Bylye gody* [Past Years], 2021, no. 3, pp. 1421–1432.

20. Lamsdorf V.N. *Donesenija upravljajushhego russkim posolstvom v Konstantinopole i upravljajushhego russkimi delami v Trapezunde o neobhodimosti prinjatija russkim pravitelstvom mer po ukrepleniju tureckih armijan svjazej s Rossiej (kopija). 25 oktjabrja 1882 – 4 nojabrja 1882* [Reports from the Manager of the Russian Embassy in Constantinople and the Manager of Russian Affairs in Trebizond on the Need for the Russian Government to Take Measures to Strengthen Turkish Armenian Ties with Russia (Copy). October 25, 1882 – November 4, 1882]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. 568, inv. 1, d. 157. 12 l.

21. Ovanesjan V.R. *Armjanskij vopros kak predmet mezhdunarodnyh otnoshenij: Vtoraja polovina XIX – nachalo XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [The Armenian Question as a Subject of International Relations: The Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 1999. 195 p.

22. Oganjesjan L.G. *Zapadnaja Armenija v planah velikih derzhav v gody Pervoy mirovoj vojny* [Western Armenia in the Plans of the Great Powers During the First World War]. *Istoricheskoe prostranstvo: problemy istorii stran SNG* [Historical Space: Problems of the History of the CIS Countries]. Moscow, Nauka Publ., 2014, pp. 91-114.

23. *Perevod pisma Pervogo Sekretarja Ego Velichestva Sultana Tahsin (?ili Taasin) Beja k Dejstvitelnomu Tajnomu Sovetniku Zinovyevu, ot 19 marta 1899 g.* [Translation of the Letter of the First Secretary of His Majesty Sultan Tahsin (?Or Taasin) Bey to the Real Privy Councilor Zinoviev, Dated March 19, 1899]. *AVP RI* [Archive of Foreign Policy of the

Russian Federation], f. Tureckij stol [Turkish table], inv. 502b, d. 2479. 216 l.

24. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 3-e. T. XXV, 1905, otd. 1* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 25, 1905, Section 1]. Saint Petersburg, Gos. tip., 1908. 1010 p.

25. Sazonov S.D. *Vospominaniya* [Memories]. Minsk, Kharvest Publ., 2002. 367 p.

26. *San-Stefanskiy preliminarnyy mirnyy dogovor. San-Stefano. 19 fevralja/3 marta 1878 g.* [The San Stefano Preliminary Peace Treaty. San Stefano, February 19/March 3, 1878]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/stefano.htm>

27. Simonyan G.R. *Armjanskij vopros i rossiyskaya diplomatiya nakanune Pervoy mirovoj vojny* [The Armenian Question and Russian Diplomacy on the Eve of the First World War]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2018. 464 p.

28. Anderson M.L. «Down in Turkey, Far Away»: Human Rights, the Armenian Massacres, and Orientalism in Wilhelmine Germany, Armenian Massacres, and Orientalism in Wilhelmine Germany, 2007 – Armenian Massacres, and Orientalism in Wilhelmine Germany, Armenian Massacres, and Orientalism in Wilhelmine Germany. *J. of Modern History*. 2007, vol. 79, no. 1, pp. 80-111.

29. Dugdale E.T.S., Headlam-Morley J.W., eds. *German Diplomatic Documents, 1871–1914. In 4 Vols. Vol. 2*. London, Methuen, 1928. 555 p.

30. Ihrig S. Germany and the 1890s Armenian Massacres: Questions of Morality in Foreign Policy. *Études arméniennes contemporaines*, 2018, no. 11, pp. 75-92. URL: <https://journals.openedition.org/eac/1871#text>

Information About the Authors

Karine R. Ambartsumyan, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North-Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, 355009 Stavropol, Russian Federation, karina-best21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>

Lyudmila N. Velichko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North-Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, 355009 Stavropol, Russian Federation, ludku@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9911-8169>

Информация об авторах

Каринэ Размиковна Амбарцумян, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355009 г. Ставрополь, Российская Федерация, karina-best21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>

Людмила Николаевна Величко, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355009 г. Ставрополь, Российская Федерация, ludku@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9911-8169>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.11>

UDC 94:908«1920/1939»
LBC 63.521(=4)

Submitted: 07.02.2023
Accepted: 08.05.2023

COSSACK EMIGRANTS IN CZECHOSLOVAKIA IN 1921–1939

Oleg V. Ratushnyak

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The purpose of this study is to analyze key aspects of the lives and details of Cossack emigrants in the Czechoslovak Republic (ČSR). *Methods and materials.* Within the research process, the author relied mainly on the following methods: narrative, historical-genetic, comparative-historical, and the method of analogies. The sources used were regulatory legal acts and office documents of the government and several ministries of the Czechoslovak Republic, speeches by individual representatives of the Czechoslovak ruling circles, documents of various organizations and societies, orders and decrees of army atamans, periodical press materials, and sources of private origin. *Analysis.* Most Cossacks moved to Czechoslovakia from Turkey and Greece, where they ended up after the evacuation from Crimea. The organization of the Cossacks' move to Czechoslovakia was carried out mainly by public associations and societies. The first part of the Cossacks arrived in Czechoslovakia in June 1921. By the beginning of 1922, about 3,000 Cossacks were stationed on the territory of Czechoslovakia. The Cossacks received great support as part of the campaign to help Russian refugees. Within Czechoslovakia, the Cossacks formed public associations in the form of villages and khutors, as well as workers' artels, in order to obtain and perform various jobs. Most Cossacks living in Czechoslovakia were involved in agriculture. Atamans of Cossack troops tried in every possible way to counteract the assimilation of Cossacks. Many Cossacks, after getting an education, were trying to leave Czechoslovakia for other states, mainly for France. *Results.* A comparative analysis showed that the Cossacks generally adapted more easily to the conditions of life in the position of an emigrant than most representatives of other parts of the Russian emigration. At the same time, the problem of assimilation among the Cossacks was sometimes quite acute and required the adoption of effective measures by their leaders. One of these measures was the popularization among the Cossacks of facts from their historical past and the preservation of historical memory. Not least, it was contributed by the Cossack historical commissions and archives.

Key words: Czechoslovakia, Czechoslovak Republic, Cossacks, Cossackdom, emigration.

Citation. Ratushnyak O.V. Cossack Emigrants in Czechoslovakia in 1921–1939. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 137-147. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.11>

УДК 94:908«1920/1939»
ББК 63.521(=4)

Дата поступления статьи: 07.02.2023
Дата принятия статьи: 08.05.2023

КАЗАКИ-ЭМИГРАНТЫ В ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1921–1939 ГОДАХ

Олег Валерьевич Ратушняк

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Цель данного исследования – анализ ключевых аспектов жизни и детальности казаков-эмигрантов в Чехословацкой Республике (ЧСР). *Методы и материалы.* В процессе исследования

автор опирался преимущественно на такие методы как: нарративный, историко-генетический, сравнительно-исторический и метод аналогий. В качестве источников использовались нормативно-правовые акты и делопроизводственные документы правительства и отдельных министерств ЧСР, выступления отдельных представителей правящих кругов ЧСР, документы различных организаций и обществ, приказы и распоряжения войсковых атаманов, материалы периодической печати и источники личного происхождения. *Анализ.* Большинство казаков переехали в Чехословакию из Турции и Греции, где они оказались после эвакуации из Крыма. Организацией переезда казаков в Чехословакию занимались преимущественно общественные объединения и общества. Первая партия казаков прибыла в Чехословакию в июне 1921 года. К началу 1922 г. на территории Чехословакии размещалось около 3 тыс. казаков. Большую поддержку казаки получали в рамках акции помощи русским беженцам. В Чехословакии казаки образовывали общественные объединения в виде станиц и хуторов, а также рабочие артели в целях получения и выполнения различных работ. Большинство казаков, проживавших в Чехословакии, были задействованы в сельском хозяйстве. Атаманы казачьих войск пытались всячески противодействовать ассимиляции казаков. Многие казаки, получив образование, стремились выехать из Чехословакии в другие государства, преимущественно во Францию. *Результаты.* Сравнительный анализ показал, что казаки в целом легче адаптировались к условиям жизни на положении эмигранта, чем большинство представителей других частей российской эмиграции. В то же время проблема ассимиляции казачества порой стояла довольно остро и требовала принятия действенных мер со стороны его лидеров. В качестве одной из таких мер были мероприятия, направленные на популяризацию среди казаков фактов из исторического прошлого казачества и сохранении исторической памяти. Этому способствовали в том числе и казачьи исторические комиссии и архивы.

Ключевые слова: Чехословакия, Чехословацкая Республика, казаки, казачество, эмиграция.

Цитирование. Ратушняк О. В. Казаки-эмигранты в Чехословакии в 1921–1939 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 137–147. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.11>

Введение. Миграционные процессы всегда были неотъемлемой частью развития человеческого общества. Мигранты порой существенно влияли на принимающие их сообщества и сами зачастую изменялись под воздействием процессов ассимиляции и аккультурации. В силу данных исторических фактов, проблема изучения жизни и адаптации мигрантов в принимающих государствах актуальна и в настоящее время. Анализ адаптации иммигрантов в принимающих сообществах позволяет выявить положительные и негативные факторы их влияния, а тем самым более правильно выстроить миграционную политику государства. В то же время анализ процессов, протекающих в среде самих эмигрантов, позволяет делать определенные прогнозы относительно их будущего поведения, включая возможность последующей реэмиграции. В настоящее время – время гибридных и информационных войн, время фальсификации истории и «фейковых» новостей, – становится актуальным изучение ключевых аспектов российской истории и, в том числе истории российской эмиграции, составной частью которой являлись казаки-эмигранты. Выбор Чехословакии в качестве географичес-

кой границы исследования обусловлен, с одной стороны, той поддержкой, которую оказало чехословацкое правительство российским эмигрантам в рамках акции помощи русским беженцам («русской акции»), с другой стороны, тем вкладом, который внесли отдельные представители российского зарубежья в социально-экономическую и социально-культурную жизнь чехословацкого общества.

Новизна исследования определяется как теми акцентами, которые выделены в процессе изучения документальных источников, так и введенными в научный оборот архивными материалами.

Цель данного исследования – анализ ключевых аспектов жизни и детальности казаков-эмигрантов в Чехословацкой Республике (далее – ЧСР). В рамках достижения данной цели акцентируется внимание: на поддержке, которую оказало чехословацкое правительство казакам-эмигрантам (ее целевой направленности, причинам и результатам); проблеме адаптации казаков к жизни в условиях эмиграции, в том числе факторах, способствующих и/или препятствующих потере ими своего казачьего самосознания и казачьей идентичности.

Методы и материалы. В процессе исследования автор опирался преимущественно на такие методы как нарративный, историко-генетический, сравнительно-исторический и метод аналогий. Использование нарративного (описательно-повествовательного метода) оправдано в связи с введением в научный оборот некоторых документов и, как следствие, малоизученных фактов и событий. Историко-генетический метод позволил выявить основные аспекты складывания в Чехословакии своеобразной казачьей диаспоры. В рамках сравнительно-исторического метода и метода аналогий удалось выявить общее и особенное в процессе адаптации российских эмигрантов в целом и казаков-эмигрантов как составной части российского зарубежья.

В качестве источников для раскрытия и решения поставленных задач использовались нормативно-правовые акты и делопроизводственные документы правительства и отдельных министерств Чехословацкой Республики, которые позволили не просто увидеть меры, предпринимаемые в отношении казаков-эмигрантов, но и их целевую направленность. Этому помог и анализ выступления отдельных представителей правящих кругов ЧСР. Анализ документов различных организаций и обществ, а также приказов и распоряжений войсковых атаманов позволил раскрыть их роль в решении тех или иных проблем, стоявших перед казаками, прибывшими в Чехословакию. Широко использованы материалы периодической печати и источники личного происхождения.

В научный оборот вводятся документы Национального архива Чехии (в первую очередь – фонд Министерства иностранных дел Чехии) и Славянской библиотеки в г. Праге (в частности, документы о кубанском и донском эмигрантских архивах).

В своем исследовании автор опирался в том числе и на результаты, полученные в ходе ранее проведенных исследований, в которых затрагивались проблемы, связанные с пребыванием казаков-эмигрантов в Чехословацкой Республике [16] и определением казачества как объекта исследования [17], а также на труды отечественных и зарубежных исследователей, занимавшихся проблемами российской эмиграции в Чехословакии: К.Б. Его-

ровой [6], Л.С. Кишкина [9], Е.П. Серапионовой [20; 21], И.И. Бондаренко, Й. Долейши [1], Л. Гарбулевой [5], А. Копршиевой [10], З. Сладека [23; 24].

Анализ. В результате Гражданской войны в России и последующей эмиграции участников антибольшевистского движения за границей оказались и уроженцы казачьих краев и областей. Представители донского, кубанского и терского казачества обосновались преимущественно в европейских государствах. Наибольшее их количество первоначально разместились в Турции и Греции, а затем оттуда в течение первой половины 1920-х гг. расселились практически по всей Европе. Казаки, находившиеся в составе строевых частей Русской армии генерала П.Н. Врангеля, были размещены в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС) и Болгарии. В переселении их в данные государства принимали участие не только штаб генерала Врангеля, но и атаманы Донского (генерал А.П. Богаевский) и Кубанского (генерал В.Г. Науменко) казачьих войск. Перевозкой и размещением казаков из числа гражданских беженцев занимались преимущественно различные благотворительные и общественные организации.

Чехословацкая Республика была одним из государств, привлекавшим особое внимание казаков-эмигрантов. Страна после Первой мировой войны в значительной степени нуждалась в рабочих руках в сфере сельского хозяйства. Некоторые казаки с надеждой смотрели на ЧСР как государство, предоставлявшее возможность получить или продолжить образование. Особый интерес к переезду в Чехословакию проявляли казаки из числа гражданских беженцев и тех, кто решил покинуть ряды Русской армии генерала П.Н. Врангеля. Не случайно, что организацией их переезда в Чехословацкую Республику занимались преимущественно общественные казачьи объединения и общества, в частности Общеказачий сельскохозяйственный союз (далее – ОСХС).

Принимая решение об организации переезда казаков в Чехословакию, правление ОСХС руководствовалось двумя основными факторами. Во-первых, Чехословацкая Республика остро нуждалась в рабочих руках, в том числе в сфере сельского хозяйства, куда стремились устроиться большинство выход-

цев из казачьих областей и краев. Во-вторых, в политической жизни ЧСР преобладали политические партии и группы демократической направленности, близкие по своему духу российским кадетам и правым эсерам, а подавляющее большинство деятелей ОСХС разделяли преимущественно взгляды правых социалистов-революционеров.

Первая партия казаков-эмигрантов прибыла в Братиславу в качестве членов ОСХС в июне 1921 года. Она состояла из 80 казаков. Активная деятельность правления ОСХС и репутация казаков не только как отличных воинов, но и грамотных земледельцев привела к тому, что к казакам проявило интерес крупнейшее сельскохозяйственное объединение земледельцев Чехословакии – «Земледельческое объединение в ЧСР». Именно оно пролоббировало вопрос о том, чтобы в числе российских эмигрантов, прибывающих в страну, было не менее 50 % представителей казачьих краев и областей [23, с. 25].

Привлекательность Чехословакии в качестве места пребывания для российских эмигрантов обуславливалась, акцией помощи русским беженцам, которую инициировало руководство Чехословацкой Республики. Концептуальную составляющую «русской акции» озвучил в конце 1921 г. министр иностранных дел ЧСР Э. Бенеш. Он акцентировал внимание на гуманитарном характере данной акции, выражавшейся, в создании благоприятных социально-экономических условиях проживания в Чехословакии беженцев из России. Одной из составляющих «русской акции» была возможность получения (в том числе завершения) образования русскими эмигрантами. Заявляя о неполитическом, гуманитарном характере «русской акции» чехословацкое правительство при этом рассчитывало на то, что в будущем данная акция может принести и определенные политические дивиденды [24, с. 32].

Президент ЧСР Т. Масарик в 1923 г. заявил, что Чехословакия обязана собрать и сохранить лучшие культурные силы российской эмиграции. В результате был окончательно определен характер «акции русской помощи» как ориентированной в основном на культурно-образовательную сферу [23, с. 26].

В сентябре 1921 г. представитель Чехословацкой Республики в Стамбуле (Турция)

получил разрешение от министерства иностранных дел ЧСР организовать отправку в Чехословакию 4 тыс. земледельцев из числа российских беженцев, размещенных в Турции и Греции. При этом было дано особое распоряжение о том, что не менее 50 % из них должны быть выходцами из казачьих краев и областей России. Дополнительно разрешалось принять 1 тыс. российских беженцев, желающих получить образование в ЧСР. К формированию списка казаков, получивших разрешение на въезд в Чехословацкую Республику, были привлечены и лица, входившие в правление ОСХС [23, с. 25].

К началу 1922 г. на территории Чехословацкой Республики размещалось около трех тысяч казаков. За социально-культурную адаптацию российских мигрантов в стране отвечало Министерство иностранных дел ЧСР [25, с. 443]. Трудоустройством беженцев и в том числе казаков занималось «Земледельческое объединение в ЧСР» и созданная при ней русско-чешская административная комиссия во главе с донским казаком, генералом Г.И. Долгопятовым. Комиссия оказывала помощь и содействие в решении социально-экономических, правовых и бытовых проблем российских эмигрантов, работавших в сфере сельского хозяйства. И деятельность административной комиссии, и деятельность МИД в рамках «русской акции» координировались и направлялась правительством Чехословацкой Республики [27, с. 157]. При этом поддержка российских беженцев, проявленная чехословацким правительством, приняла значительные масштабы [11, с. 136]. Данная поддержка, особенно ярко проявившаяся в отношении тех российских беженцев, которые стремились получить образование, была значимым стимулом для въезда казаков-эмигрантов в Чехословакию. Чешская Республика, также как Болгария, Польша, Румыния, Югославия привлекали беженцев из казачьих краев и тем, что находились относительно близко к территории России, а на протяжении 1920–1930-х гг. российские эмигранты жили надеждой на возвращение на родину вследствие возможных изменений социально-политического характера в СССР.

Традиционно считается, что в 1920–1930-е гг. Прага стала одним из наиболее

крупных общественно-политических, культурных и научных центров Русского зарубежья. И это, несомненно, так, но в Чехословакии были и другие значимые центры (Пшибрам в Чехии, Братислава в Словакии и Брно в Моравии), в которых проявилась активная деятельность российских беженцев, включая казаков [1, с. 3].

Отметим, что поток казаков-эмигрантов двигался как в сторону Чехословакии, так и на выезд из нее. Причины такого «двустороннего движения» имели как экономические, так и социальные обстоятельства. С одной стороны, более высокий уровень жизни в таких государствах как Франция привлекал внимание многих казаков-эмигрантов и побуждал их покинуть Чехословакию. С другой – послевоенный экономический кризис, так же, как и кризис конца 1920-х – начала 1930-х гг., ударил по Чехословакии не так сильно, как по многим другим государствам, и в ней, по-прежнему, было легче найти работу, чем в государствах с более высоким уровнем жизни. Чехословацкая Республика манила многих казаков-эмигрантов перспективой получения образования. В то же время, получив заветное образование, казаки лишались возможности найти работу по специальности на территории Чехословакии, так как при получении диплома вынуждены были одновременно подписывать документ об отказе от работы по специальности в пределах Чехословацкой Республики, не имея чехословацкого гражданства. Это также побуждало их покидать страну в поисках работы по специальности. К тому же, получив образование, казаки теряли возможность получать материальную поддержку со стороны чехословацкого правительства в рамках «русской акции» [8, с. 92].

Установление советско-чехословацких дипломатических отношений привело к изменению позиции правительства ЧСР в отношении эмигрантов из России и к постепенному свертыванию «русской акции», прекратившей фактически свое существование с началом мирового экономического кризиса в конце 1920-х годов. Особенно больно по социально-экономическому положению казаков-эмигрантов ударил закон об охране рынка труда, принятый в ЧСР в 1928 году. Его принятие привело к значительным сложностям в получении

работы на территории Чехословацкой Республики российскими иммигрантами. Данный закон поставил многих эмигрантов перед трудным выбором: постараться принять чехословацкое гражданство или выехать из страны в поисках трудоустройства в других государствах [7]. В годы кризиса усилилось неприязненное отношение со стороны части местного населения к иммигрантам, включая казаков [8, с. 86, 90]. Это выражалось в том числе и в недобросовестном соблюдении местными хозяевами условий оплаты труда в отношении иммигрантов [24, с. 33].

Большинство казаков-эмигрантов связывало изменение политики и отношения чехословацких властей с развитием и упрочением связей между СССР и ЧСР [27, с. 158]. Наиболее явно это проявилось во второй половине 1930-х гг., после заключения советско-чехословацкого договора о взаимопомощи, который возлагал на чехословацкое правительство обязательство не оказывать помощь и поддержку организациям и обществам, настроенным против СССР [1, с. 155]. К таким объединениям фактически относилось подавляющее большинство организаций и обществ, созданных казаками-эмигрантами. В противовес белоэмигрантским объединениям в Чехословацкой Республике создаются Общество культурных и политических связей с СССР и Союз друзей СССР. Иногда данные организации существовали самостоятельно, практически игнорируя друг друга, но периодически между ними начиналась ожесточенная борьба «за умы и настроения» эмигрантов из России, проживавших в Чехословакии. Это борьба редко выходила за пределы полемики и дискуссий на страницах печатных изданий.

Сравнительный анализ жизни различных групп российской эмиграции в Чехословацкой Республике показывает, что казаки легче адаптировались к местным условиям жизни, чему в значительной степени способствовала их приспособленность к тяжелому труду, проживанию в сельской местности (где более были востребованы рабочие руки). В силу большей социально-бытовой близости к жителям сельских населенных пунктов и пригородов крупных городов выходцам из казачьих краев и областей было проще «найти общий язык» с местным населением. В отли-

чие от определенной категории российской диаспоры у казаков не наблюдалось высокомерного отношения к местному населению, проявлявшегося порой во взаимоотношениях представителей больших и малых народов. Все это отражалось и на отношении местного населения к казакам, которое часто было более дружелюбным к ним, чем к другим представителям российской эмиграции. В свою очередь, также способствовало более легкой адаптации казаков к жизни в Чехословакии.

Адаптации казаков к условиям жизни за рубежом способствовало и то обстоятельство, что для казаков в значительной степени было характерно стремление к тесным связям со своими земляками, станичниками, «однополчанами» и, как следствие, к компактному проживанию в местах своего пребывания. В Чехословакии, как и в других государствах, казаки объединялись в рабочие артели, а также в казачьи станицы и хутора, являвшиеся своеобразными обществами взаимопомощи, а также местом, где казаки в свободное время получали возможность общаться со своими земляками, организовывать и проводить различные мероприятия благотворительного и культурно-развлекательного характера, вместе отмечать традиционные, чаще всего религиозные праздники [5, с. 414, 418]. Данные объединения строились на разных основаниях. Чаще всего это были объединения казаков – выходцев из одной казачьей области или одного казачьего края. Иногда объединения носили общеказачий характер и включали в себя представителей нескольких казачьих войск. Порой казаки объединялись на основе принадлежности к одной войсковой части, хотя подобное объединение было больше характерно для казаков, проживавших в Югославии, Болгарии и Франции. В Чехословацкой Республике чаще встречались объединения казаков-студентов, образовывавших свои студенческие казачьи станицы и хутора. К 1923 г. подобные студенческие объединения были созданы в нескольких городах Чехословакии. Создание в ЧСР студенческих казачьих объединений было связано и с тем, что чехословацкое правительство в рамках «русской акции» выдавало стипендии казакам-студентам преимущественно через подобные организации. В 1920-е гг. получателями материальной

помощи от правительства ЧСР и чехословацкого Крестного Креста было более 85 % казаков, получающих образование [23, с. 31] как в чехословацких образовательных заведениях, так и в учебных заведениях, созданных российскими эмигрантами подобно Сельскохозяйственной Академии в Подебрадах. Казаки также пользовались помощью и поддержкой со стороны как своих казачьих организаций (например, Общеказачий сельскохозяйственный союз), так и со стороны общероссийских организаций (например, Земгор – Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей). Данные помощь и поддержка носили преимущественно не материальный, а культурно-просветительный характер. Иногда они выражались в оказании содействия при поиске и устройстве на работу [28].

Тот факт, что большинство казаков, проживавших в Чехословакии, были задействованы в сельскохозяйственном производстве и их длительный отрыв во время сезона работы от своих соотечественников способствовал ассимиляции части казачества. Эта тенденция в казачьей эмигрантской среде была замечена общественно-политическими деятелями зарубежного казачества. Ими разрабатывались различные мероприятия по противодействию процессов ассимиляции казаков принимающим сообществом. С этой же целью в Праге в середине 1920-х гг. было основано Общество по изучению казачества, целью которого было сохранить казачьи традиции и, как следствие, казачье самосознание и идентичность в условиях эмиграции [26, л. 1].

Вообще проблема сохранения казачьей идентичности и борьба с потенциальной ассимиляцией казаков-эмигрантов была не менее острой, чем социально-экономические и политические проблемы. Войсковые атаманы отмечали, что жизнь за рубежом на положении беженцев разлагающе влияла на казаков. Многие атаманы пытались всяческими путями препятствовать их ассимиляции [4, с. 30]. Решением проблемы ассимиляции и утраты казаками-эмигрантами казачьего самосознания и своей идентичности озаботились не только войсковые атаманы и общественно-политические деятели казачества, но и рядовые казаки. Одним из путей решения данной про-

блемы виделась необходимость сохранения и распространение исторических знаний и, в первую очередь, исторических фактов из истории казачества. Не случайно в эмиграции, в том числе и Чехословацкой Республике, издавалось множество различных печатных изданий (газет, журналов, альманахов), в которых в большом изобилии печатаются различные исторические сведения из прошлого казачества и казачьих краев и областей.

В целях сохранения и последующей популяризации исторических знаний о прошлом казачьих краев и областей и истории казачества в эмиграции были созданы Исторические комиссии Всевеликого войска Донского (далее – ВВД) и Кубанского казачьего войска (далее – ККВ), а также Донской и Кубанский казачьи архивы. Казачьи архивы, также как и основной архив российских эмигрантов, размещались преимущественно в ЧСР.

Донской казачий архив (далее – ДКА) в эмиграции был создан на базе Донского исторического архива, вывезенного в декабре 1919 г. из Новочеркасска, и весной 1920 г. – за границу, в Константинополь, а затем некоторое время по согласованию с военным министром Королевства сербов, хорватов, словенцев – находился в Белграде на территории крепости. Основу Донского исторического архива составляли преимущественно документы, созданные и переданные в архив еще до эвакуации его из Новочеркасска. В начале 1925 г. Донской исторический архив был перевезен в Прагу. Первоначально его деятельность финансировалась в рамках «русской акции» [13]. Отметим, что, хотя руководители ОСХС представляли левое крыло общественно-политического спектра казачьей эмиграции, это не мешало сотрудникам Донского казачьего архива наладить связь с различными казачьими организациями и обществами от монархической направленности до самостоятельных [15]. В 1934 г. ДКА был включен в состав Российского заграничного исторического архива (РЗИА), созданного российскими эмигрантами за рубежом [19, с. 42–43]. До 1936 г. заведующим Донским историческим архивом (а позже – Донским казачьим отделом) был П.А. Скачков. Формально он оставался в подчинении атамана Всевеликого войска Донского генерала А.П. Богаевского.

Фактически контроль и руководство архивом осуществляло Министерство иностранных дел Чехословацкой Республики, которое в рамках «русской акции» финансировало деятельность РЗИА и соответственно ДКА, в том числе выделяло средства на зарплату сотрудникам архива, канцелярские расходы, оплату аренды помещений, в которых располагался архив и т. п. Основными задачами архива были хранение и исследование документов в первую очередь по истории донского казачества. За рубежом ДКА постоянно пополнялся за счет материалов, передаваемых преимущественно казаками-эмигрантами, как на постоянное, так и на временное хранение [12, л. 179–179 об., 193].

Учитывая, что большинство архивных материалов Кубанского казачьего войска остались на родине, в 1925 г. в Чехословакии был создан Кубанский заграничный архив, основными задачами которого были хранение и изучение материалов по истории кубанского казачества и Кубанской области. Архив был создан известными общественно-политическими деятелями Кубани, проживавшими в Чехословацкой Республике. Совет архива возглавили Ф.А. Щербина и Л.Л. Быч [14].

Лидеры казачества видели, что эмиграция разлагающе действует на казаков в плане утраты ими казачьего самосознания. Для противодействия данному процессу было решено активно популяризовать среди казаков историю казачьих войск и в первую очередь наиболее яркие страницы исторического прошлого казачества и казачьих краев и областей. Атаманы казачьих войск видели в распространении исторических знаний среди казаков-эмигрантов средство для своеобразной консервации казачьего самосознания и казачьей идентичности. С этой целью весной 1923 г. распоряжением атамана Всевеликого войска Донского генерала А.П. Богаевского была создана Донская историческая комиссия во главе с В.А. Харламовым. Комиссии поручалось: сбор, обработка и популяризация материалов по истории донского казачества. В отличие от Донского исторического архива, который также продолжал собирать документы по дореволюционной истории ВВД, Донская историческая комиссия сосредоточила свое основное внимание на поиске и публика-

ции документов, созданных после революции 1917 г. [22, л. 3а]. По поручению А.П. Богаевского председатель Донской исторической комиссии В.А. Харламов ходатайствовал перед министерством иностранных дел Чехословацкой Республики о перевозке Донского исторического архива в Прагу [18, с. 52–53].

Историческая комиссия Кубанского казачьего войска была создана только в 1936 году. Учитывая значимость работы, которая возлагалась на данную комиссию, атаман ККВ за рубежом генерал В.Г. Науменко лично возглавил ее деятельность в качестве председателя [2, с. 27–28].

Отметим, что исторические материалы, подготовленные и опубликованные историческими комиссиями донского и кубанского казачьих войск, пользовались большой популярностью в казачьей среде. Это объяснялось тем, что в эмиграции с особой силой возник интерес казаков-эмигрантов к историческому прошлому казачества, а также своих краев и областей [3, с. 41]. Популяризация подобного рода материалов, действительно, в определенной степени способствовала сохранению казаками своей казачьей идентичности и казачьего самосознания в сложных реалиях жизни в условиях эмиграции.

Результаты. Перевозка казаков в Чехословакию из Турции и Греции велась преимущественно организовано и проводилась при содействии в первую очередь ОСХС и министерства иностранных дел ЧСР. Казаков, прежде всего, привлекали два фактора жизни в Чехословакии – возможность получить образование и возможность найти работу в сельской местности. Основную материальную поддержку казаки получали в рамках «русской акции», которая носила преимущественно гуманитарный характер и была ориентирована на культурно-образовательную сферу. Трудоустройство казаков курировало объединение земледельцев Чехословакии, а социально-культурную адаптацию – МИД ЧСР. На политику чехословацких властей в отношении иммигрантов из России влияли как социально-экономическая обстановка в стране (например, экономические кризисы), так и внешнеполитические события (например, установление и развитие отношений с СССР). Казаки в целом легче адаптировались к условиям

жизни на положении эмигранта, чем большинство представителей других групп российской эмиграции. В то же время проблема ассимиляции казачества порой стояла довольно остро и требовала принятия действенных мер со стороны его лидеров. В качестве одной из таких мер были мероприятия, направленные на популяризацию среди казаков фактов из исторического прошлого казачества и сохранении исторической памяти. Этому в частности способствовали казачьи исторические комиссии и архивы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондаренко И. И., Долейши Й. Летопись казачества. Казаки в Центральной Европе. Братислава: Европ. Центр изобраз. искусств, 2013. 528 с.
2. Вольная Кубань. Белград, 1936. № 2. С. 27–28.
3. Воспоминания С.Ю. Улагая. Ч. 3 // Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 37.
4. Ганин А. В. Оренбургское казачье войско в Гражданской войне и в эмиграции. 1917–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 8. С. 25–30.
5. Гарбулева Л. Очерк из жизни русской эмиграции в Словакии в 1939–1945 гг. // The History of East Central Europe and Russia / ed. by P. Roubal and V. Veber. Prague: Nat. libr. of the Czech rep. Slavonic libr., 2004. P. 410–428.
6. Егорова К. Б. «Русская акция» Т.Г. Масарика в поддержку образования детей из семей русских эмигрантов // Мир детства в русском зарубежье. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. С. 28–34.
7. Интервью с Копршиновой. 12.05.2015, г. Прага (Чехия). Аудиозапись // Личный архив Ратушняка О.В.
8. Келин Н. А. Казачья исповедь // Казачья исповедь. Жертвы Ялты / Н. А. Келин, Н. Д. Толстой. М.: Воениздат, 1996. С. 5–136.
9. Кишкин Л. С. Русская эмиграция в Праге // Славяноведение. 1995. № 4. С. 17–26.
10. Копршинова А. Российские эмигранты во Вшенорах-Мокропсах-Черношицах (двадцатые годы 20-го века). Прага: Нац. б-ка Чеш. Респ. : Слав. б-ка, 2000. 33 с.
11. Мейснер Д. Миражи и действительность. М.: Новости, 1966. 302 с.
12. О сдаче Донского казачьего архива на хранение в Русский исторический заграничный архив // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6532. Маракуев С.В. Оп. 1. Д. 81.

REFERENCES

13. Письмо заведующего Донским архивом П. Скачкова полномочному представителю МИД при РЗИА Я. Славику. 21.06.1930 // The Archive of the Slavonic Library of the National Library of the Czech Republic. F. ДКА. Karton 1.

14. Письмо Общества кубанцев в Чехословацкой Республике – Министерству иностранных дел Республики Чехословакия. 1935 г. // The Archive of The Slavonic Library of The National Library of the Czech Republic. F. Кубанский казачий архив. Karton 1.

15. Письмо Ф. Абрамова М.Д. Врангель от 22 февраля 1933 г., г. София (Болгария) // Hoover Institution Archives (Stanford University, USA). F. Baronessa M.D. Vrangal, 1915–1944. Box. 14. Folder 1.

16. Ратушняк О. В. Казаки в Чехословакии (ЧСР) // Творческое наследие Ф.А. Щербины и современность. Краснодар: [б. и.], 1999. С. 97–99.

17. Ратушняк О. В. Казачество в России и за рубежом в XX – начале XXI в.: проблема определения объекта исследования // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2016. С. 248–253.

18. Русские в Праге. 1918–1928. Прага: [б. и.], 1928. 343 с.

19. Русский заграничный исторический архив при МИД ЧСР в 1936. Прага: [б. и.], 1936. 47 с.

20. Серапионова Е. П. Правовое положение русских беженцев в Чехословакии // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб.: Сударыня, 2006. С. 140–152.

21. Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995. 198 с.

22. Скачков П. От донской исторической комиссии // ГАРФ. Ф. 6532. Маракуев С.В. Оп. 1. Д. 136.

23. Сладек З. Русская и украинская эмиграция в Чехословакии // Советское славяноведение. 1991. № 6. С. 24–37.

24. Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской акции» // Славяноведение. 1993. № 4. С. 28–39.

25. Телеграмма Министерства иностранных дел Чехословакии представительству в Константинополе об условиях направления солдат и офицеров армии Врангеля в Чехословакию. Прага, 12 октября 1921 г. // Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. М.: Наука, 1973. 551 с.

26. Устав Общества по изучению казачества // ГАРФ. Ф. 6473. Старииков Т.М. Оп. 1. Д. 196.

27. Хохульников К. Изгнанники // Дон. 1990. № 3. С. 153–158.

28. Ruské a ukrajinské spolky a organizace v ČSR // Národní archive. F. MZV-RPA. Karton 612.

1. Bondarenko I.I., Dolejši J. *Letopis kazachestva. Kazaki v Centralnoj Evrope* [Chronicle of the Cossacks. Cossacks in Central Europe]. Bratislava, Evrop. Centr izobraz. iskusstv, 2013. 528 p.

2. *Volnaja Kuban* [Free Kuban]. Belgrad, 1936, no. 2, pp. 27-28.

3. Vospominanija S.Ju. Ulagaja. Ch. 3 [Memoirs of S. Ulagay. Part 3]. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [State Archive of the Krasnodar Krai], f. r-1864, inv. 1, d. 37.

4. Ganin A.V. *Orenburgskoe kazachye vojsko v Grazhdanskoj vojne i v emigracii. 1917–1945 gg.* [Orenburg Cossack Army in the Civil War and in Exile. 1917–1945]. *Voенno-istoricheskij zhurnal* [Military History Magazine], 2006, no. 8, pp. 25-30.

5. Garbuleva L. *Oчерk iz zhizni russkoj emigracii v Slovakkii v 1939–1945 gg.* [Essay on the Life of Russian Emigration in Slovakia in 1939–1945]. Roubal P., Veber V., eds. *The History of East Central Europe and Russia*. Prague, Nat. libr. of the Czech rep. Slavonic libr., 2004, pp. 410-428.

6. Egorova K.B. «Russkaja akcija» T.G. Masarika v podderzhku obrazovanija detej iz semej russkikh emigrantov [“Russian Aid Action” by T. Masaryk in Support of the Education of Children from Families of Russian Emigrants]. *Mir detstva v russkom zarubezhje* [The World of Childhood in the Russian Emigration Community]. Moscow, Dom-muzej Mariny Cvetaevoj, 2011, pp. 28-34.

7. Intervyju s Koprshivovoj. 12.05.2015, g. Praga (Chehija). Audiozapis [Interview with Koprshivova. May 12, 2015, Prague (Czech Republic). Audio Recording]. *Lichnyj arhiv Ratushnjaka O.V.* [Personal Archive of Ratushnjak O.V.].

8. Kelin N.A. *Kazachya ispoved* [Cossack Confession]. Kelin N.A., Tolstoj N.D. *Kazachya ispoved. Zherty Jalty* [Cossack Confession. Victims of Yalta]. Moscow, Voenizdat, 1996, pp. 5-136.

9. Kishkin L.S. *Russkaja emigracija v Prage* [Russian Emigration in Prague]. *Slavjanovedenie* [Slavic Studies], 1995, no. 4, pp. 17-26.

10. Koprshivova A. *Rossijskie emigranty vo Vshenorah-Mokropsah-Chernoshicah (dvadcatye gody 20-go veka)* [Russian Emigrants in Všenors-Mokropss-Černošits (1920s)]. Prague, Nac. b-ka Chesh. Resp., Slav. b-ka, 2000. 33 p.

11. Mejsner D. *Mirazhi i dejstvitelnost* [Mirages and Reality]. Moscow, Novosti Publ., 1966. 302 p.

12. O sdache Donskogo kazachyego arhiva na hranenie v Russkij istoricheskij zagranichnyj arhiv [On Putting of the Don Cossack Archive in Storage in the Russian Historical Archive Abroad]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], f. 6532, Marakuev S.V., inv. 1, d. 81.

13. Pismo zavedujushhego Donskim arhivom P. Skachkova polnomochnomu predstavitelju MID pri RZIA Ja. Slaviku. 21.06.1930 [Letter from the Head of the Don Archive, P. Skachkov, to the Plenipotentiary Representative of the Ministry of Foreign Affairs at the Russian Historical Archive, Ya. Slavik. June 21, 1930]. *The Archive of the Slavonic Library of the National Library of the Czech Republic* (ASL), f. DKA. Karton 1.

14. Pismo Obshhestva kubancev v Chehoslovackoj Respublike – Ministerstvu inostrannyh del Respubliki Chehoslovakija. 1935 g. [Letter from the Society of Kubans in the Czechoslovak Republic to the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Czechoslovakia. 1935]. *The Archive of the Slavonic Library of the National Library of the Czech Republic*, f. Kubanskij kazachij arhiv, karton 1.

15. Pismo F. Abramova M.D. Vrangela ot 22 fevralja 1933 g., g. Sofija (Bolgarija) [Letter from F. Abramov to M.D. Wrangel Dated February 22, 1933, Sofia (Bulgaria)]. *Hoover Institution Archives (Stanford University, USA)*, f. Baronessa M.D. Vrangela, 1915–1944, box 14, folder 1.

16. Ratushnjak O.V. Kazaki v Chehoslovakii (ChSR) [Cossacks in Czechoslovakia (ČSR)]. *Tvorcheskoe nasledie F.A. Shcherbina i sovremennost* [Creative Heritage of F. Shcherbina and Modern Era]. Krasnodar, s.n., 1999, pp. 97-99.

17. Ratushniak O.V. Kazachestvo v Rossii i za rubezhom v XX – nachale XXI v.: problema opredeleniia obiekta issledovaniia [The Cossacks in Russia and Abroad in the 20th – Early 21st Centuries: The Problem of Determining the Object of Research]. *Rossiiskoe nauchnoe zarubezhe: liudi, trudy, institutsii, arkhivy* [Russian Scientific Abroad: People, Works, Institutions, Archives]. Moscow, In-t ros. istorii RAN, 2016, pp. 248-253.

18. *Russkie v Prage. 1918–1928* [Russians in Prague. 1918–1928]. Prague, s.n., 1928. 343 p.

19. *Russkij zagranichnyj istoricheskij arhiv pri MID ChSR v 1936* [Russian Historical Archive Abroad Under the MFA of ChSR in 1936]. Prague, s.n., 1936. 47 p.

20. Serapionova E.P. Pravovoe polozhenie russkikh bezhentsev v Chekoslovakii [Legal Status

of Russian Refugees in Czechoslovakia]. *Pravovoe polozhenie rossiiskoi emigratsii v 1920-1930-e gody* [Legal Status of Russian Emigration in the 1920–1930s]. Saint Petersburg, Sudarnia Publ., 2006, pp. 140-152.

21. Serapionova E.P. *Rossiiskaia emigratsiia v Chekoslovatskoi respublike (20-30-e gody)* [Russian Emigration in the Czechoslovak Republic (1920–1930s)]. Moscow, In-t slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 1995. 198 p.

22. Skachkov P. Ot donskoj istoricheskoi komissii [From the Don Historical Commission]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. 6532, Marakuev S.V., inv. 1, d. 136.

23. Sladek Z. Russkaja i ukrainskaja emigracija v Chehoslovakii [Russian and Ukrainian Emigration in Czechoslovakia]. *Sovetskoe slavjanovedenie* [Soviet Slavic Studies], 1991, no. 6, pp. 24-37.

24. Sladek Z. Russkaja emigracija v Chehoslovakii: razvitie «russkoj akcii» [Russian Emigration in Czechoslovakia: Evolution of “Russian Aid Action”]. *Slavjanovedenie* [Slavic Studies], 1993, no. 4, pp. 28-39.

25. Telegramma Ministerstva inostrannyh del Chehoslovakii predstavitelstvu v Konstantinopole ob uslovijah napravlenija soldat i oficerov armii Vrangelja v Chehoslovakiju. Praga, 12 oktjabrja 1921 g. [Telegram from the Ministry of Foreign Affairs of Czechoslovakia to the Representation in Constantinople on the Conditions for Sending Soldiers and Officers of the Wrangel Army to Czechoslovakia. Prague. October 12, 1921]. *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-chehoslovackih otnoshenij. T. 1* [Documents and Materials on the History of Soviet-Czechoslovak Relations. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 551 p.

26. Ustav Obshhestva po izucheniju kazachestva [Charter of the Society for the Study of the Cossacks]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. 6473, Starikov T.M., inv. 1, d. 196.

27. Hohulnikov K. Izgnanniki [The Exiles]. *Don*. Rostov on Don, 1990, no. 3, pp. 153-158.

28. Ruské a ukrajinské spolky a organizace v ČSR. *Národní archive*. f. MZV-RPA, karton 612.

Information About the Author

Oleg V. Ratushnyak, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of World History and International Relations, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, oleg_ratushnyak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9285-3649>

Информация об авторе

Олег Валерьевич Ратушняк, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, oleg_ratushnyak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9285-3649>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.12>

UDC 94(0).81(=35)-054.72
LBC 63.3(0=60)6-36

Submitted: 01.06.2022
Accepted: 04.01.2023

FEATURES OF THE FORMATION OF THE NORTH CAUCASIAN POLITICAL ELITE IN EMIGRATION (1920–1930s)¹

Irina L. Babich

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The aim of this article is to study the peculiarities of the formation of the North Caucasian political elite in emigration in France in the 1920s–1930s. This problem is solved using the example of the fate of major figures in the Mountain Republic, A.-M. Chermoev and the Dzhabagiev brothers. The main question of this study is the development of political thought and ideas about the state building on the North Caucasus among North Caucasian emigrants in France in the 1920s–1930s. Until 1917, the political development of the peoples in the North Caucasus was connected with Islam (Imam Shamil and his naibs, Muslim congresses, and the Muslim fraction in the State Duma). However, with emigration, the principles of the formation of the North Caucasian political elite and their views and activities were changed. *Methods and materials.* The study was prepared on the basis of the historical method with the primary archival sources, which were identified by the author in France (public and private archives) and in Russia. *Analysis.* The author of this article studied the desire of the North Caucasian leaders to form an alliance with the figures from Transcaucasia in order to create a single state and the principle of secularism in state building. These tendencies led to conflicts within the North Caucasian political elite, which they tried to resolve with the involvement of mediators – Transcaucasian leaders. *Results.* From the point of view of the development of the political culture of the peoples of the North Caucasus, political leaders of this region in emigration could make very big success in the formation of the North Caucasian political culture (political thought, political activity).

Key words: peoples of the North Caucasus, political elite, Islam, Shamil, Transcaucasian leaders, emigration, France, October Revolution.

Citation. Babich I.L. Features of the Formation of the North Caucasian Political Elite in Emigration (1920–1930s). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 148–159. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.12>

УДК 94(0).81(=35)-054.72
ББК 63.3(0=60)6-36

Дата поступления статьи: 01.06.2022
Дата принятия статьи: 04.01.2023

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В ЭМИГРАЦИИ (1920–1930-е гг.)¹

Ирина Леонидовна Бабич

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена особенностям формирования северокавказской политической элиты в эмиграции во Франции в 1920–1930-е годы. Эта проблема решается на примере судеб крупных деятелей Горской республики – А.-М. Чермоева и братьев Джабагиевых. Автор ставит вопрос о развитии политической мысли и представлений о государственном строительстве на Северном Кавказе в среде северокавказских эмигрантов. До 1917 г. политическое развитие горцев шло исключительно в исламском ключе (имам Шамиль и его наибы, мусульманские съезды и мусульманская фракция Государственной Думы). Однако в эмиграции принципы формирования политической элиты, их взглядов и деятельности изменились. *Методы и материалы.* Исследование подготовлено на основе историко-описательного и историко-хроноло-

гического методов с привлечением архивных источников, которые были выявлены автором во Франции (в государственных и частных архивах) и России. В исследовании использованы: частный архив азербайджанского политического деятеля 1920–1930-х гг. Али Мардан Топчибаши (Топчибашева), который находится в Библиотеке Центра по изучению современной России, Кавказа и Центральной Европы (Париж, Франция), частные архивы масонских лож: Большой ложи Франции (Париж, Франция), ложи «Северная звезда» (Париж, Франция), государственные архивы Франции: Архивы Префектуры полиции (Париж), Архивы Парижа и Ниццы, а также материалы из Российского государственного военного архива (фонд 461 к. Экспозитура 2-го отдела Генерального штаба Польши). *Анализ.* В статье рассматриваются: стремление северокавказских лидеров к союзу с закавказскими с целью создания единого государства, принцип светскости в государственном строительстве. Данные тенденции сталкивались с конфликтами внутри северокавказской политической элиты, которая стремилась их решить с привлечением посредников – закавказских деятелей. *Результаты.* С точки зрения развития политической культуры народов Северного Кавказа пребывание умных, образованных горцев региона в эмиграции позволило им сделать колоссальный рывок в области становления северокавказской политической культуры (политической мысли, политической активности).

Ключевые слова: народы Северного Кавказа, политическая элита, ислам, Шамиль, закавказские деятели, эмиграция, Франция, Октябрьская революция.

Цитирование. Бабич И. Л. Особенности формирования северокавказской политической элиты в эмиграции (1920–1930-е гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 148–159. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.12>

Введение. Российская империя, начав в XIX в. модернизацию жизни на Северном Кавказе мирными и военными способами, столкнулась с обществами, которые управлялись адатом, то есть нормами обычного права и отчасти шариата. У народов Северного Кавказа не было своих государств и, соответственно, атрибутов государственности, то есть институтов управления и права. Горские общины находились на доклассовом уровне развития. Тем не менее имели свою развитую потестарную и правовую культуру с институтами общинного самоуправления, адатного судопроизводства, иерархической системой власти. Так, у кабардинцев функционировали Адыгская Хаса и Съезды доверенных. Были и мусульманские черты в горских общинах: авторитет муфтиев, брачные традиции и нормы мусульманского наследования. Все это свидетельствовало о высоком уровне общественных отношений. Но не было политических лидеров и сформированной политической идеологии, то есть представлений о развитии государственности в регионе. Первый этап формирования политической культуры горцев Северного Кавказа начался во время имперской модернизации, когда народы начали создавать методы противодействия российской государственности, идеологии и т. д. Горцы задумались, какое государство они хотят. В XIX в. активизировалась деятельность му-

сульманских лидеров во главе с имамом Шамилем и его наибами, которые стремились модернизировать горские общины на основе мусульманского фундамента. После завоевания Северного Кавказа процесс формирования политической культуры во многом затих. Активность проявилась лишь в начале XX в. опять-таки в религиозной форме во время мусульманских съездов и мусульманской фракции Государственной Думы, которые стремились модернизировать жизнь горцев в регионе с помощью ислама. Октябрьская революция 1917 г. предоставила народам Северного Кавказа возможность начать свое государственное развитие в той форме, в какой они хотели. Но фактически горцы не знали, как именно модернизировать северокавказские общества. Создание Горской республики на Северном Кавказе показало всю слабость, а во многом и беспомощность северокавказских политических деятелей в области государственного строительства.

Историки, специализирующиеся на описании Гражданской войны и Горской республики на Северном Кавказе, отмечают, что создание республики – это первый опыт в политической жизни северокавказцев, во многом с «элементом политической наивности» [16, с. 354]. Это было лишь началом формирования политического сознания и политической культуры горцев. Т.Х. Матиев подчеркивает,

что «изначально накануне Первой мировой войны и в ходе нее, идеи полной независимости практически не рассматривались сколько-нибудь серьезно никакими политическими силами в среде горских народов. Тут следует оговориться, что и организованных горских политических сил как таковых в тот период не наблюдается, кроме огромной массы бесправного и безграмотного горского (преимущественно крестьянского) населения и небольшой части привилегированного слоя (чиновничество, аристократия, духовенство). Между ними помещалась самая тонкая из социальных прослоек – интеллигенция. Она в значительной мере в социальном смысле была инкорпорирована с привилегированным слоем, так как большинство ее членов занимали должности в чиновничьем аппарате региона и в центре империи» [17, с. 86].

Многие из тех, кто был включен в активную общественно-политическую жизнь на Родине, в 1920-е гг. оказались в эмиграции, где продолжили заниматься политической деятельностью, которая проявлялась главным образом в формировании представлений о будущем государстве на Северном Кавказе.

В 2022 г. исполнилось 140 лет со дня рождения Председателя Горской республики чеченца Абдул-Меджид Чермоева и министра финансов республики ингуша Вассан-Гирея Джабагиева. В предлагаемой статье на примере их политической карьеры в эмиграции рассмотрим процесс формирования политического движения северокавказцев в 1920–1930-е гг., до начала Второй мировой войны, и принципы политической культуры горцев. В российском и зарубежном кавказоведении до сих пор нет подобных исследований.

Методы и материалы. Исследование выполнено на основе материалов, обнаруженных в государственных и частных архивах Франции и России, которые были проанализированы историко-описательным и историко-хронологическим методами.

В исследовании использованы: частный архив азербайджанского политического деятеля 1920–1930-х гг. в эмиграции Али Мардан Топчибаши (Топчибашева), который находится в Библиотеке Центра по изучению современной России, Кавказа и Центральной Европы (Париж, Франция), частные архивы масон-

ских лож: Большой ложи Франции (Париж, Франция), ложи «Северная звезда» (Париж, Франция), государственные архивы Франции: Архивы Префектуры полиции (Париж), Архивы Парижа, Ниццы, Архив внутренних дел Франции, а также материалы из Российского государственного военного архива (фонд Генерального штаба Польши 461к).

До сих пор зарубежное кавказоведение 1920–1930-х гг. находится на стадии становления и имеет много пробелов (подробнее об этом см.: [1]).

Анализ. В эмиграции во Франции после событий в России 1917–1918 гг., когда произошла смена власти, оказалась большая мусульманская семья из Чечни Чермоевых. Во-первых, это семьи двух родных братьев: старшего брата Абдул-Муслим-бея (1865 г. рожд.) и его жены Епси Ханум Ослохан, и младшего брата Абдул-Меджида (1882 г. рожд.) и его жены Ханши Хавар-Ханум. Их отец – Арцу Чермоев был генералом Российской армии.

В Париже проживало много родственников, племянников братьев: Абу-Бакар Чермоев и его жена ингушка Тамара Бек-Борова. Брак был зарегистрирован 15 октября 1893 г. во Владикавказе. В семье было трое детей: дочери – Дженера, Белита и Джанет. Джанета, ставшая в эмиграции певицей, вышла замуж за Ландау, Белита – за Тукаева. Другие родственники – Магомед, Осман, Магомед, Айдаш, Хавар, Мохамед Чермоев-Барятинский. Как и другие горцы Северного Кавказа, в случае невозможности найти себе супругу или супруга среди единоплеменников, Чермоевы предпочитали жениться или выходить замуж за русских. Сын Абдул-Муслим-бея Чермоева – Эмиль-Хан в 1933 г. женился на русской эмигрантке Ольге Андреевне Щербачевой. Осман Чермоев был женат на русской эмигрантке Евгении Райгородской. Близкими родственниками Чермоевых была многочисленная семья Тукаевых. Родственниками была и семья кумыка Гайдара Бея Нажмутдиновича Баммата, который был женат на племяннице Абдул-Меджида – чеченке Зейнаб Чермоевой. Уже в эмиграции в семье родились два сына: Нажмутдин (1922 г. рожд.), и Тимур (1924 г. рожд.) [3].

В эмиграции в Европе после Октябрьской революции 1917 г. оказались два брата-

ингуша Джабагиевы: старший Магомет-Гирей (1877 г. рожд.) и младший Вассан-Гирей (1882 г. рожд.). Оба из аула Насыр-Корт, из мусульманской семьи находящегося на военной службе в Российской армии полковника Эльджи Джабагиева и его жены Баби Бриковой. Старший брат прожил в эмиграции немного, он умер в возрасте 60 лет в 1937 г., а младший – долго, дожив до начала 1960-х годов.

Братья были высокообразованными представителями ингушской интеллигенции: старший окончил Рижский политехнический институт, младший – университет в Германии. Оба сделали отличную карьеру в Российской империи, находясь на государственной службе: Магомет-Гирей с 1905 г. служил чиновником, в 1911–1913 гг. – агрономом Ставропольской губернии, старшим агрономом по животноводству в Терской, Кубанской и Донской областях (1912–1917 гг.). В 1917 г. он дослужился до чина «коллежский асессор». Одновременно с государственной службой Магомет-Гирей стремился к просвещению своего народа, создав и занимаясь руководством Общества просвещения ингушского народа (1917 г.).

Вассан-Гирей с 1908 г. вплоть до революции работал чиновником в Департаменте земледелия, стал панисламитом, принимал участие в мусульманских съездах. Издал множество публицистических работ [26; 27]. В 1917 г. он был выбран Председателем Ингушского Национального Совета. В созданной Горской республике Вассан-Гирей занял пост министра финансов (1918 г.). После февральской революции 1917 г. Магомет Джабагиев занимал пост комиссара Временного исполнительного комитета Ингушетии, входил вместе с братом Вассан-Гиреем в Центральный комитет Союза объединенных горцев Кавказа, созданного в мае 1917 г. на I горском съезде во Владикавказе, был председателем Ингушского Национального Совета в 1918 г., когда началась война между ингушами и осетино-казаками. Вместе с Вассан-Гиреем Магомет организовал ингушские вооруженные силы в период борьбы в 1918 г. с казаками и осетинами.

Повседневная жизнь Чермоевых и Джабагиевых во Франции. В эмиграции оказались кавказцы, которые еще до революции

занимались добычей нефти на Кавказе (или владели акциями нефтяных фирм). Это были крупные и мелкие нефтепромышленники. Семьи Чермоевых разбогатели, поскольку стали обладателями участков в районе г. Грозный, где еще до Первой мировой войны была обнаружена нефть. У многих Чермоевых были нефтяные акции. Кроме Абдул-Меджида держателями акций нефтяных компаний были Абдул-Муслим и Абу-Бакар Чермоевы, Мохамед Чермоев-Барятинский [2]. Таким образом, Чермоевы приехали во Францию людьми обеспеченными.

В Европе был создан Комитет борьбы с СССР за нефть, членом которого стал Эммануэль Нобель, имевший предприятия на Кавказе. В 1927–1929 гг. этот комитет вел борьбу за грозненскую и бакинскую нефть. Во Франции кавказцы-нефтепромышленники для отстаивания своих прав создали несколько общественных организаций: Ассоциацию нефтепромышленников – мусульман Кавказа, Ассоциацию обществ и фирм нефтепромышленников на Кавказе, Финансово-торгово-промышленный союз независимых республик Армении, Азербайджана, Северного Кавказа и Грузии. Все эти организации и комитеты вели большую работу по получению кавказцами прибыли от своих акций кавказских нефтяных предприятий. Абдул-Меджид Чермоев – член Комитета борьбы с СССР за нефть в Европе (Париж, 1929 г.), член Ассоциации нефтепромышленников – мусульман Кавказа [15]. Его родственники – Абу-Бакар Чермоев был администратором нефтяного общества «Нефтепромышленники Северного Кавказа» (Париж, 35 Boulevard Hausmann). Другой его родственник – Осман Чермоев – вице-президентом Союза владельцев нефтяных месторождений (Proprietaires des terrains petroliferes) (Париж, 1933 г.), который располагался в 15-м округе по адресу: 7 square Desaix. Цель – защита интересов собственников нефтеразработанных участков. Казначеем Союза – Эмиль-Хан Чермоев.

Северокавказцы, имеющие средства, снимали квартиры в 16-м округе Парижа. Там же жил Президент Зарубежной делегации – чеченец Абдул-Меджид Чермоев (адреса его квартир: 4 avenue Malakoff, 17 rue de Davioud, 2 rue Dufrenoy [2]). Там же располагался офис

Зарубежной делегации Горской республики по двум адресам: 3 rue Henri de Bornier (на 1920 г.), 2 rue Dufrenoy (на 1921 г.). Абдул-Муслим Чермоев со своей семьей – женой Епси Ханум и детьми – проживал недалеко от него по адресу 1 bis Jacques Offenbach (на 1937 г.), а впоследствии по адресу 1 rue Chardin. Другие члены семьи Чермоевых также снимали квартиры в 16-м округе по адресу 5 rue Villaret de Joyeuse [28]. Магомет Чермоев жил в Париже и в его пригороде – Нейи сюр Сен по адресу 15 rue Louis Philippe (1935 г.). В этом же округе жила Алимат (Дора) Абдул-Азисовна Чермоева по адресу 12 Parc Henri Pathé (16-й округ, 1930 г.) [2].

В 1930 г. умер Абдул-Муслим-бей. Его младший брат Абдул-Меджид умер 28 августа 1937 г. в Лозанне (Швейцарии), его тело привезли в Париж и похоронили на мусульманском кладбище Бобиньи под Парижем. В 1935 г. в Париже был смертельно ранен Магомед Чермоев [12]. В 1936 г. в Ницце умер Осман Чермоев. Со временем, после смерти братьев Абдул-Меджида и Абдул-Муслим-бея в 1930-х гг., многие Чермоевы переехали в более бедный, «эмигрантский» район – 15-й округ, в котором жили многие русские и северокавказские эмигранты. Так, Абу-Бакар вначале жил в 16-м округе по адресам: 17 rue Davioud (16-й округ), 2 rue Beethoven (16-й округ, 1937–1939 гг.). В 1939 г. – в 15-м округе по адресу 21 rue Sextius Michel (там находился «Modern Hotel») (аренда 270 франков в месяц) [2]. Осман Чермоев жил в Париже по адресу: 70 avenue Kléber (16-й округ, 1933 г.), но затем тоже стал бедным и проживал в Вансе (деп. Грасс) [29]. Таким образом, мы видим, что со временем нефтяные деньги кончились, и жизнь Чермоевых осложнилась.

Сложности с деньгами хорошо могут быть проиллюстрированы финансовым конфликтом между Абдул-Меджитом Чермоевым и главой Азербайджанской Делегации Али Мардан Топчибаши [19]. Абдул-Меджид Чермоев располагал акциями иностранных нефтяных обществ, но сразу после прибытия в Париж, в 1919 г., ему не хватало средств на содержание делегации Горской республики, и он попросил большую сумму (100 тыс. франков) в долг у главы Азербайджанской делегации – Али Мардана Топчибаши. А.-М. Чермоев под-

черкивал: «Я имею акции иностранных обществ, котирующихся на биржах Лондона, Бельгии, до 500 миллионов по номиналу» [19, л. 4]. Таким образом, его благосостояние в начале эмиграции действительно было значительным. Со временем Чермоев получил деньги по своим нефтяным акциям. Тем не менее долг А. Топчибаши он возвращал в течение многих лет. В архиве Топчибаши имеется длительная переписка об этом. Последнее письмо А.-М. Топчибаши А.-М. Чермоеву об отдаче долга датируется уже 1929 годом. Он взывал к кавказским традициям: «Еще и еще раз, быть может, в последний раз я вынужден обратиться к Вам, взывать к благородству Вашему, к прекрасным горским традициям, столь обстоятельным в требованиях уважения к старшим, в искренних отношениях к друзьям, в глубоком сознании беспрекословной обязанности выполнения и платежа долгов...» [19, л. 29]. Более писем в архиве Топчибаши к Чермоеву не было. Нет в нем и расписки Топчибаши о получении долга от А.-М. Чермоева.

По нашим данным, первым во Францию приехал Вассан-Гирей, потом Магомет-Гирей Джабагиев. В 1927 г. Вассан-Гирей переехал в Польшу, где жил до 1936 г. в Варшаве по адресу Sienna 20 m 1 (по данным на 1928 г.). Потом он на некоторое время вернулся во Францию и жил в Эльзасе. После Второй мировой войны Вассан-Гирей переехал в Турцию. Магомет-Гирей вначале жил в Марселе, потом переехал в Париж, жил в его пригородах: Кламаре по адресу 38 rue de Chatillion (1930 г.), в Булонь-Бийанкур – 54 rue de Georges Sorel (1930–1937 гг.).

У обоих братьев были большие семьи. Магомет-Гирей эмигрировал вместе с матерью Баби Бриковой (была жива еще в 1931 г.) и женой Аминатой Албогачиевой, которая была родной сестрой известного в эмиграции ингуша Джамала Албогачиева [11]. В семье родилось три дочери – Фатима (1914 г. рожд.), Зара (1917 г. рожд.), Зарема. Вассан-Гирей был женат на татарке Лули (Хелене) Байрашевской. В семье тоже были три дочери – Халимат, Дженет (1915 г. рожд.), Тамара [2]. У семьи Магомета-Гирея Джабагиева было небольшое семейное предприятие по пошиву одежды, что давало возможность семье жить

безбедно. Вассан-Гирей имел материальные средства в 1920–1930-е гг., позволяющие ему не работать и активно заниматься общественно-политической деятельностью.

Некоторые дочери братьев вышли замуж и жили во Франции: Зара – в Клермон-Ферране, где и умерла в 2016 году. Фатима – в Марселе, где работала преподавателем французского языка в университете. Фатима была замужем, имела четверых детей (двух сыновей и двух дочерей), умерла в 1999 г. там же. Зара вышла замуж за чеченца Тагилева и уехала в США. Халимат тоже уехала в США. Тамара вышла замуж и жила в Турции, родив двух сыновей (Джабаги и Берсена). Дженет вышла замуж за поляка Скабенецкого и жила в Польше. В семье росло трое детей (сын и две дочери). Таким образом, потомки братьев Джабагиевых разлетелись по всему миру [2].

Общественно-политическая деятельность Абдул-Меджида Чермоева и братьев Джабагиевых в эмиграции. Отец Абдул-Меджида был крупным российским военным, дослужился до генерал-майора. Судьба родившихся в его семье детей была предрешена. До революции Абдул-Меджид Чермоев окончил Владикавказское реальное училище, Николаевское кавалерийское училище, был участником Первой мировой войны, служил в лейб-гвардии Собственного Его Величества конвое. В 1901 г. дослужился до штабс-ротмистра Чеченского конного полка «Дикой» дивизии.

Наиболее активно Абдул-Меджид проявил себя после Октябрьской революции 1917 года. Он стал председателем Центрального Комитета Союза объединенных горцев Северного Кавказа (1917 г.), премьер-министром Горской республики (1918 г.).

И наконец, в качестве главы Зарубежной делегации Горской республики на мирной конференции в Версале он выехал во Францию (1919 г.). К июню 1919 г. в Париж прибыли делегации семи бывших республик Российской империи: Республики Азербайджан – президент Али Мардан Топчибаши, Республики Эстонии, Республики Грузии, Республики Латвии, Республики Северного Кавказа – президент А.М. Чермоев, Республики Белой России – Г. Сидоренко, Республики Украины.

Была и Кубанская делегация (членами которой являлись В.Д. Савицкий, С.Ф. Манжула, А. Намитоков). Делегации планировали получить признание как независимых государств и как субъектов международного права на мирной конференции в Версале, однако сделать это не получилось [20].

В Зарубежную делегацию от Северного Кавказа кроме Абдул-Меджида Чермоева вошли: Гайдар Баммат, Ибрагим Гайдар, Гасан Хадзараков, Ариз-бек Баммат, Джамал Албогачиев. Делегация имела свое бюро в Париже, в 15-м округе по адресу 3 rue Henri-de-Boernier [21].

По дороге в Париж делегация Северного Кавказа прибыла в Константинополь (февраль 1919 г.). Она подготовила документ на имя Председателя Дипломатической миссии Азербайджанской республики Али Мардан Топчибаши [24]. Делегация Северокавказской республики поставила вопрос о создании государственного объединения всего Кавказа. Но вопрос был отложен по желанию Зарубежной делегации республики Грузии до приезда в Париж. В том же году уже в Париже был подписан договор дружбы между Правительством Кубани и Горской республики. В 1921 г. Чермоев подписал в Париже Декларацию о создании Кавказского союза за независимость, а также Союзный договор 4-х республик – Армении, Азербайджана, Республики Северного Кавказа и Грузии. От Северного Кавказа договор был подписан А.М. Чермоевым, от Грузии – А. Чхенкели, от Азербайджана – А.М. Топчибаши [13].

Члены делегации проживали в Париже и проводили совместные заседания в течение 1920-х годов. На одном из заседаний А.-М. Чермоев рассказывал, что встречался с русским политиком Павлом Николаевичем Милюковым. Он обсуждал с ним Декларацию о независимости Кавказа и вопрос об отделении Кавказа от России. Милюков не был против независимости Кавказа при условии отсутствия враждебного отношения к России. Чермоев указывал, что Милюков «обещает сочувствие свое и просит познакомить его с текстом Декларации, чтобы иметь возможность разобраться, так как по его мнению, нельзя жить теперь психологией далекого прошлого года». Текст Декларации представителей национальных

правительств республик Кавказа был подготовлен в 1924 г. [6, л. 3]. Цель документа – объединить силы для совместной борьбы народов Кавказа за независимость. От Северного Кавказа документ был подписан А.М. Чермоевым и И. Гайдаровым. В 1927 г. был создан Временный объединенный политический центр Азербайджана и Северного Кавказа, который принял новую Декларацию. От Северного Кавказа ее подписали 6 человек, в том числе А.М. Чермоев, К.Н. Хагондоков, И. Шаков, Г. Баммат и др. Центр стал издавать журнал «Прометей» [7].

Таким образом, мы видим, что основные идеи государственного строительства на Северном Кавказе сосредоточились на двух принципах. Во-первых, на создании союза кавказских государств. Северокавказские лидеры понимали, что отдельно от сильных политических лидеров Закавказья они не смогут построить свое государство. Во-вторых, на создании светского государства. Идеи ислама и авторитет Шамиля остались за бортом процесса нацистроительства. Не случайно внук имама Шамиля – Саид, проживавший в Турции, в 1930 г. дал негативную оценку деятельности Чермоева в эмиграции: «Чермоев Тапа – крупный нефтепромышленник. Это помогло ему стать во главе правительства Горской республики. В конце 1918 г. выехал во главе Горской делегации на мирную конференцию в Версале. С этого момента все время пребывает за границей, отдаваясь личным делам, главным образом, связанным с нефтью и нефтепромышленниками» [25].

Одновременно с этим Абдул-Меджид Чермоев был одним из активных членов русских масонских лож. Целью деятельности лож в эмиграции было «участие масонов в восстановлении жизни в России» [4, с. 3]. В первой ложе, в которой стали принимать участие северокавказцы, – «Золотое руно» (1924), А.-М. Чермоева еще не было, но был его родственник Осман Чермоев, который правда пробыл в ложе чуть больше года (посвящен 28.11.1925, вышел в отставку из ложи 31.12.1926) [4, с. 10]. Другая ложа – «Прометей» (1927–1929 гг.), в которую вошло много северокавказцев, целью которой было подготовить людей для входа в масонство на Кавказе, была создана при активном содействии А.-М. Чермоева, который

даже финансировал ее деятельность. Достойным мастером ложи стал С.Я. Зильберштейн, поскольку никто из кавказцев не имел в то время «стажа» в три года, установленного правилами, для того чтобы стать мастером. Инсталляция ложи проведена 19 января 1927 года. Ложа работала в союзе с Великой ложей Франции под № 558 по Древнему и Принятому Шотландскому Уставу. Как писал крупный масон и историк русского масонства во Франции П.А. Бурьшкин, «сначала ложа работала энергично...». В 1927 г. в ложу были приняты новые кавказцы (азербайджанцы, грузины, северокавказцы). Ее членами стали и родственники А.-М. Чермоева: Абу-Бакар и Магомед. В целом деятельность ложи оказалась неудачной: кавказцы не смогли преодолеть свои националистические тенденции, которые их разъединяли. Ложа была закрыта в начале 1930 г. [4, с. 29; 14, с. 5].

Как нам представляется, увлечение А.-М. Чермоева и его родственников идеями масонства во многом было связано с желанием установления дружественных и партнерских отношений с русской эмиграцией. А.-М. Чермоев стремился к расширению политических контактов: и с закавказскими лидерами, и с политическими русскими кругами, и наконец, с французскими властями. Так, в 1924 г., узнав, что Франция собирается признавать СССР, на имя президента республики и министра иностранных дел А.-М. Чермоев направил официальное письмо, в котором писал:

«Если французское правительство сочтет полезным признать де-юре правительства Советского Социалистического Республиканского Союза на территории бывшей России, мы просим Вас, г-н Председатель, во имя принципа свободы и права народов самим распоряжаться, принципа, который так сильно трогает сердца французов, признавая правительства Союза, частью которого является Республика Северный Кавказ, любезно вмешаться в дела Москвы, чтобы заставить освободить территорию от русских Армий, которые не принадлежат нашей национальности» [23].

Братья Джабагиевы в эмиграции продолжали свои исследовательские и публицистические работы, которыми занимались до ре-

волюции 1917 года. Магомет-Гирей изучал ингушский фольклор. Он подготовил ингушский алфавит на основе латинской графики и книгу «Ингуше-чеченская азбука» (1908 г.). Во Франции Магомет-Гирей издал книгу «Ингушские народные тексты», предисловие к которой написал специалист по кавказским языкам французский лингвист Ж. Дюмезиль. До 1917 г. его брат Вассан-Гирей подготовил ряд статей по современному кавказоведению и продолжил их издание в эмиграции [3].

В общественно-политической области Магомет-Гирей Джабагиев был сторонником формирования независимого государства на Северном Кавказе, но с учетом интересов всех населяющих регион народов. Он поддерживал идеи крупных северокавказских лидеров, а именно: Г. Баммата, А.-М. Чермоева и К.Н. Хагондокова. Тем не менее к 1930 г. он разочаровался и в них, и в их деятельности. Об этом свидетельствует его письмо, написанное 7 апреля 1930 г., к упоминаемому выше Али Мардан Топчибаши [10]. К нему обращались многие северокавказцы, когда надо было примирить внутригорские конфликты. В письме Магомет-Гирей указывал, что «Бамматов пытается создать общегорское объединение на началах *выгодных для его личных целей и интересов, но вредных для интересов горских народов, в том числе и ингушского... возня с Бамматовым и Чермоевым мне уже надоела до тошноты* (курсив наш. – И. Б.). За 10 лет они ничего не сделали; хозяином горского дела в конце концов по вине Чермоева и Бамматова очутились чуждые для нас горцев иноземные организации» [10, л. 2]. К сожалению, Али Мардан Топчибаши ничего не смог сделать в этой ситуации. На следующий год Магомет-Гирей попытался создать свою организацию под названием «Союз горцев Кавказа», став его президентом (1931 г.), но, видимо, она не имела успеха, поскольку ни в каких других источниках не упоминается. Как и положено по французским законам, Союз горцев Кавказа был зарегистрирован 2 мая 1931 г. в Префектуре полиции Парижа – L'Union des Montagnards du Caucase [11]. Умер Магомет-Гирей в 1937 г. и был похоронен на мусульманском кладбище в пригороде Парижа – Бобиньи среди своих товарищей горцев-мусульман.

Младший брат Вассан-Гирей знал европейские языки, в том числе и польский, немецкий и французский. Сразу же по приезду в Париж начал активную общественно-политическую жизнь: уже в 1920 г. он сделал доклад на частной встрече кавказских деятелей в доме у Абдул-Меджида Чермоева. В 1921 г. его включили в Бюро прессы кавказских республик. Он стал представителем Северного Кавказа на заседании представителей 4 кавказских республик (Грузии, Армении, Азербайджана и Северного Кавказа), где была выработана Общекавказская Декларация: союзный Договор 4 республик – Армении, Азербайджана, Республики Северного Кавказа (в другом проекте написано – Горской республики) и Грузии [5]. Следующее заседание северокавказской Делегации состоялось 12 августа 1921 г. и на нем уже присутствовал Вассан-Гирей Джабаги. 17 августа 1921 г. он вновь был там. Таким образом, Вассан-Гирей практически сразу оказался в центре деятельности Зарубежной делегации Горской республики.

Вассан-Гирей сотрудничал в журнале «Прометей» (1926 г.). Наиболее активной его деятельность была в 1927–1929 гг., когда он стал членом Партии национал-демократов Северного Кавказа (1927–1929 гг.) и членом Национального совета республик Северного Кавказа (1927–1929 гг.). Все эти организации боролись за создание независимого северокавказского государства. В.Г. Джабагиев стремился сотрудничать *со всеми горскими группировками и горскими деятелями*. Он писал: «Ввиду моей материальной обеспеченности я намерен работать на общее дело безвозмездно» [8, л. 4].

От Зарубежной делегации Горской республики Северного Кавказа Вассан-Гирей, знавший польский язык, был отправлен в Варшаву ее представителем [9, л. 20]. В Польше он занялся журналистикой, работал редактором газеты «Варшавский курьер», открыл информагентство «Ориент». В 1930 г. начал издавать на польском языке журнал «Исламское обозрение», стал руководителем журнала «Северный Кавказ» (1934–1939 гг.).

В 1930-х гг. в северокавказской политической среде существовало несколько группировок [18, л. 90]. Разделялись они как по

мелким причинам (главным образом, амбициям), так и по принципиальным соображениям. Вассан-Гирей Джабагиев в это время входил в так называемый Национальный совет. Основная борьба велась между Национальным советом и Зарубежной делегацией Горской республики, которую в те годы представлял только Г. Баммат. А.-М. Чермоев к этому времени отошел от политических дел, жил в Швейцарии, где в 1937 г., как указывалось выше, умер. Г. Баммат считал, что Делегация является единственным и полномочным представительством Правительства Республики Северного Кавказа. Ей одной принадлежит право дипломатических сношений с иностранными державами, а также с Правительствами и делегациями кавказских республик и Украины, тогда как члены Национального Совета считали, что к этому времени именно Совет являлся главной организацией, которая представляет интересы народов Северного Кавказа. Обратимся к письму Президента Национального Совета К.Н. Хагондокова на имя руководителя Азербайджанской делегации А.М. Топчибаши. В письме указывалось, что оставшиеся члены Зарубежной делегации должны вступить в Совет «на общих условиях», таким образом, Г. Баммат терял свой статус [22].

В 1938 г. Вассан-Гирей Джабагиев едет в Стамбул в качестве официального представителя польского телеграфного агентства. Во время Второй мировой войны, когда немцы приблизились к Кавказу, Вассан-Гирей как кавказский лидер был приглашен немецкими властями в Берлин. Он отказался от сотрудничества, ибо фашистская идеология, как и большевизм, была для него неприемлема. Но Джабагиев принял самое активное участие в судьбе пленных ингушей и чеченцев, которым он помогал при посредничестве международного Красного Креста [26]. Еще в 1930-е гг. он поддерживал бедных земляков, будучи членом Ассоциации беженцев-горцев Северного Кавказа (1932 г.). После Второй мировой войны Вассан-Гирей переехал в Турцию окончательно, стал членом Турецкого благотворительного общества (Турция, 1952 г.) и членом Северокавказского национального комитета (Турция, 1951 г.), продолжал сотрудничать с эмигрантскими журналами «Кавказ» («Обье-

диненный Кавказ») и «Свободный Кавказ», Мюнхен (1951–1953 гг.).

Результаты. Как представляется, с точки зрения развития политической культуры народов Северного Кавказа, общественная жизнь северокавказских эмигрантов в Европе в 1920-е гг. выявила целый ряд тенденций. Во-первых, те северокавказцы, которые проявляли политическую активность в эмиграции, сделали колоссальный рывок в области становления северокавказской политической культуры. Политическая элита Северного Кавказа, прежде всего в лице Абдул-Меджид Чермоева, поняла, что для успешного развития региона необходимо объединиться с более сильными кавказскими государствами, и прежде всего с Азербайджаном. В 1920–1930-е гг. во Франции было многое сделано в этом направлении, вплоть до создания Пакта о кавказской конфедерации (1934 г.). Во-вторых, северокавказские деятели впервые не ограничивались вопросами исламской модернизации горских обществ. Объединение кавказских народов, среди которых были и христиане (грузины, осетины, армяне), вынуждало северокавказских лидеров развивать политическую мысль в деле государственного строительства вне исламского фундамента, несмотря на то что ислам по-прежнему оставался важной составляющей их сознания даже в эмиграции. Не случайно те северокавказцы, которые исповедовали ислам, были похоронены на мусульманском кладбище Бобиньи (под Парижем), а те, кто исповедовал православие, – на кладбище в Сент-Женевьев-де Буа (под Парижем). В-третьих, северокавказские лидеры, тесно общаясь в эмиграции с политическими лидерами Грузии, Армении, Азербайджана и России, оказались на таком уровне, на котором они не были бы, если оставались у себя на Родине. Безусловно, эта общественная деятельность северокавказских горцев в значительной мере помогла развиваться политической мысли и становлению новой волны политических деятелей на Северном Кавказе, которое происходило в эмиграции. Тем не менее, как показывает изучение судеб А.-М. Чермоева и братьев Джабагиевых, общественные деятели Северного Кавказа не могли преодолеть свои национальные ограничения, часто противопоставляя народы

региона друг другу, вместо того, чтобы разрабатывать методы политической консолидации. Это приводило к различным конфликтам внутри политического северокавказского сообщества в эмиграции.

Одной из ключевых особенностей формирования политической жизни северокавказцев в эмиграции стала борьба между политическими и национальными устремлениями горцев, трудности в преодолении узконациональных интересов и в выходе на уровень формирования партий, а не национальных движений. Другой особенностью были трудности в преодолении свойственного горцам индивидуализма, нежелание становиться частью коллектива, стремление быть лидерами. Наконец, к особенностям можно отнести и то, что 1920-е гг. в эмиграции были временем продолжения формирования северокавказской политической элиты, начатого еще в начале XX в., и особенности в годы Гражданской войны и периода Горской республики.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

The article is published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабич И. Л. Зарубежное кавказоведение как часть эмигрантоведения XX в.: история и перспективы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология. 2018. № 3. С. 15–26.
2. Бабич И. Л., Гладкова Т. Л., Мнухин Л. А. Северокавказцы в эмиграции в XX веке. М.; Берлин: Директ-медиа, 2020. 297 с.
3. Бабич И. Л., Шнелле Й. Джамал Бей Албогачиев: общественно-политическая жизнь в эмиграции // Кавказология. 2021. № 4. С. 154–170.
4. Бурыйкин П. А. История русских масонских лож. Черновик (напечатанный на машинке вариант) // Архив Большой ложи Франции. Коробка 3. С. 1–31.
5. Декларация о создании Кавказского союза за независимость. Союзный Договор 4-х республик: Армении, Азербайджана, Республики Северного Кавказа и Грузии. 1921 г. // Библиотека Центра по изучению современной России, Кавказа и Центральной Европы. Архив Али Мардана Топчибаши (Топчибашева). Париж, Франция. Высшая школа социальных наук (École des Hautes Études en Sciences Sociales, CERCEC, EHESS) (ААМТ). Carton II. Л. 1–6.
6. Декларация представителей национальных правительств республик Кавказа. 1924 г. // ААМТ. Carton XIII. Л. 1–6.
7. Декларация представителей национальных правительств республик Кавказа. 1927 г. // ААМТ. Carton XIII. Л. 1–7.
8. Джабагиев В.-Г. Письмо М. Суншу. 1929 г. // Российский государственный военный архив (РГВА). Экспозитура 2-го отдела Генерального штаба Польши. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 335. Л. 4–5.
9. Джабагиев В.-Г. Письмо Т. Шакманову. 1929 г. // РГВА. Ф. 461к. Оп. 2. Д. 111. Л. 20–22.
10. Джабагиев М.-Г. Письмо Али Мардан Топчибаши. 1930 г. // ААМТ. Carton III. Л. 1–3.
11. Досье Д. Албогачиева // Архивы Префектуры полиции. Париж, Франция. 77 W2413 № 443489. Л. 1–20.
12. Досье М. Чермоева // Архивы Префектуры полиции. Париж, Франция. А-1935/4 № 81. Л. 1–40.
13. Заседание представителей 4-х кавказских республик. 1921 г. // ААМТ. Carton II. Л. 1–10.
14. Кандауров Л. История русских масонских лож // Отдел рукописей Национальной библиотеки Франции им. Ф. Миттерана. Архив ложи «Северная Звезда». Париж, Франция. Коробка FM 8-4. С. 1–35.
15. Комитет борьбы с СССР за нефть в Европе 1929 г. // ААМТ. Carton VII. Л. 1–3.
16. Матиев Т. Х. Горское национальное движение в революциях и гражданской войне на Северном Кавказе (1917–1921 г.). М.: КЕП, 2020. 402 с.
17. Матиев Т. Х. Позиция деятелей Горского национального движения по вопросу о независимости в свете российских общественных трансформаций 1917–1921 гг. // 30 лет Республике Ингушетия: исторические вехи и перспективы развития. Магас: ООО «КЕП», 2022. С. 84–89.
18. Сунш М. Переписка с Т. Шакмановым. 1930 г. // РГВА. Ф. 461к. Оп. 2. Д. 111. Л. 80–100.
19. Топчибаши А. М. Переписка с А.-М. Чермоевым 1919–1929 гг. // ААМТ. Carton V. Л. 1–30.
20. Топчибаши А. М. Переписка с разными лицами о Зарубежных делегациях на Версальскую мирную конференцию. 1919 г. // ААМТ. Carton IX. Л. 1–5.
21. Топчибаши А. М. Список членов Зарубежных делегаций. 1919 г. // ААМТ. Carton V. Л. 1–4.
22. Хагондоков К. Н. Письмо Али Мардан Топчибаши. 1930 г. // ААМТ. Carton XIII. Л. 1–5.

23. Чермоев А.-М. Письмо министру иностранных дел Франции 1924 г. // Архив внутренних дел Франции. Л. 1–5.

24. Чермоев А.-М. Предложения Зарубежной делегации Горской республики на имя А.М. Топчибаши. 1919 г. // ААМТ. Carton VII. Л. 1–4.

25. Шамиль С. Характеристика на А.М. Чермоева. 1930 г. // РГВА. Ф. 461к. Оп. 2. Д. 104. Л. 46–47.

26. Ялхароева М. А. Лидеры Чечено-Ингушского зарубежья – публицисты В.-Г.Джабагиев и А. Авторханов // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 37 (1). С. 121–127.

27. Яндиева М. Д. Ислам Forever. Перечитывая В.-Г. Джабагиева. Назрань; М.: [б.и.], 2008. 56 с.

28. Etat civil. Décès. 1937. Rég. 6, 16-й округ // Архивы Парижа. Франция. Archives de Paris. Л. 1–500. URL: <http://archives.paris.fr>

29. Etat civil. Décès. 1936. Rég. 832 // Архив департамента Приморские Альпы. Ницца (Archive départementales Alpes Maritimes. Nice). Франция. Л. 1–400. URL: <http://www.departement06.fr/>

REFERENCES

1. Babich I.L. Zarubezhnoye kavkazovedeniye kak chast emigrantovedeniya XX v.: istoriya i perspektivy [Foreign Caucasian Studies as a Part of Emigrant Studies of the 20th Century: History and Prospects]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya* [The Bulletin of Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science], 2018, no. 3, pp. 15–26.

2. Babich I.L., Gladkova T.L., Mnukhin L.A. *Severokavkaztsy v emigratsii v XX veke* [North Caucasian Emigration in the 20th Century]. Moscow; Berlin, Direct-Media Publ., 2020. 297 p.

3. Babich I.L., Shnelle J. Dzhamal Bey Albogachiyev: obshchestvenno-politicheskaya zhizn v emigratsii [Jamal Bey Albogachiev: Social and Political Life in Emigration]. *Kavkazologiya* [Caucasology], 2021, no. 4, pp. 154–170.

4. Buryshkin P.A. Istoriya russkikh masonskikh lozh. Chernovik (napechatannyy na mashinke variant) [History of Russian Masonic Lodges. Draft (Typewritten Version)]. *Arkhiv Bolshoy lozhi Frantsii* [Archive of the Grand Lodge of France], box 3, pp. 1–31.

5. Deklaratsiya o sozdanii Kavkazskogo soyuza za nezavisimost. Soyuznyy Dogovor 4-kh respublik: Armenii, Azerbaydzhana, Respubliki Severnogo Kavkaza i Gruzii. 1921 g. [Declaration on the Establishment of the Caucasian Union for Independence. Union Treaty of 4 Republics: Armenia,

Azerbaijan, Republic of the North Caucasus and Georgia]. *Biblioteka Tsentra po izucheniyu sovremennoy Rossii, Kavkaza i Tsentralnoy Evropy. Arkhiv Ali Mardana Beka Topchibashi (Topchibasheva). Parizh, Frantsiya. Vysshaya shkola sotsialnykh nauk (École des Hautes Études en Sciences Sociales, CERCEC, EHESS) (AAMT)* [Library of the Center for the Study of Modern Russia, the Caucasus and Central Europe. Archive of Ali Mardan Bek Topchibashi (Topchibashev). Paris, France. Higher School of Social Sciences (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, CERCEC, EES) (AMT)], carton II, l. 1–6.

6. Deklaratsiya predstaviteley natsionalnykh pravitelstv respublik Kavkaza. 1924 g. [Declaration of Representatives of the National Governments of the Caucasian Republics. 1924]. *AAMT* [AMT], carton XIII, l. 1–6.

7. Deklaratsiya predstaviteley natsionalnykh pravitelstv respublik Kavkaza. 1927 g. [Declaration of Representatives of the National Governments of the Caucasian Republics. 1927]. *AAMT* [AMT], carton XIII, l. 1–7.

8. Dzhabagiev V.-G. Pismo M. Sunshu. 1929 g. [Letter to M. Sunsh. 1929]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyennyi arkhiv* (RGVA) [Russian State Military Archive], expository of the 2nd Division of the General Staff of Poland, f. 461k, inv. 1, d. 335, l. 4–5.

9. Dzhabagiev V.-G. Pismo T. Shakmanovu. 1929 g. [Letter to T. Shakmanov. 1929]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 461k, inv. 2, d. 111, l. 20–22.

10. Dzhabagiev M.-G. Pismo Ali Mardan Topchibashi. 1930 g. [Ali Mardan Topchibashi's Letter. 1930]. *AAMT*. Carton III, l. 1–3.

11. Dosye D. Albogachieva [D. Albogachiev's Dossier]. *Arkhiv prefektury politzii* [Archives of the Prefecture of Police]. Paris, France. 77 W2413 № 443489, l. 1–20.

12. Dosye M. Chermoeva [M. Chermoev's Dossier]. *Arkhiv prefektury politzii* [Archives of the Prefecture of Police]. Paris, France. A-1935/4 № 81, l. 1–40.

13. Zasedaniye predstaviteley 4-kh kavkazskikh respublik. 1921 g. [Meeting of Representatives of the 4th Caucasian Republics. 1921]. *AAMT* [AMT], carton II, pp. 1–10.

14. Kandaurov L. Istoriya russkikh masonskikh lozh [History of Russian Masonic Lodges]. *Otdel rukopisey Natsionalnoy biblioteki Frantsii im. F. Mitterana. Arkhiv lozhi «Severnaya Zvezda»* [Manuscripts Department of the French National Library Named After F. Mitterrand. Northern Star Lodge Archive]. Paris, France, box FM 8-4, pp. 1–35.

15. Komitet borby s SSSR za neft v Yevrope 1929 g. [Committee to Fight the USSR for Oil in Europe in 1929]. *AAMT* [AMT], carton VII, l. 1–3.

16. Matiev T.Kh. *Gorskoye natsionalnoye dvizheniye v revolyutsiyakh i grazhdanskoj vojne na Severnom Kavkaze (1917–1921 g.)* [Mountain National Movement in Revolutions and Civil War in the North Caucasus (1917–1921)]. Moscow, KEP, 2020. 402 p.

17. Matiev T.Kh. Pozitsiya deyateley Gorskogo natsionalnogo dvizheniya po voprosu o nezavisimosti v svete rossijskikh obshchestvennykh transformatsiy 1917–1921 gg. [The Position of the Leaders of the Mountain National Movement on the Issue of Independence in the Light of Russian Social Transformations of 1917–1921]. *30 let Respublike Ingushetiya: istoricheskiye vekhi i perspektivy razvitiya* [30 Years of the Republic of Ingushetia: Historical Milestones and Development Prospects]. Magas, OOO «KEP», 2022, pp. 84-89.

18. Sunsh M. Perepiska s T. Shakmanovym. 1930 g. [Correspondence to T. Shakmanov. 1930]. *RGVA*, f. 461k, inv. 2, d. 111, l. 80-100.

19. Topchibashi A.M. Perepiska s A. M. Chermoyevym 1919–1929 gg. [Correspondence with A.-M. Chermoev 1919–1929]. *AAMT* [AMT], carton V, l. 1-30.

20. Topchibashi A.M. Perepiska s raznymi litsami o Zarubezhnykh delegatsiyakh na Versalskuyu mirnyuyu konferentsiyu. 1919 g. [Correspondence with Various Persons About Foreign Delegations to the Versailles Peace Conference. 1919]. *AAMT* [AMT], carton IX, l. 1-5.

21. Topchibashi A.M. Spisok chlenov Zarubezhnykh delegatsiy. 1919 g. [List of Members of Foreign Delegations. 1919]. *AAMT* [AMT], carton V, l. 1-4.

22. Khagondokov K.N. Pismo Ali Mardan Topchibashi. 1930 g. [Ali Mardan Topchibashi's Letter. 1930]. *AAMT* [AMT], carton XIII, l. 1-5.

23. Chermoev A.-M. Pismo ministru inostrannykh del Frantsii 1924 g. [Letter to the French Foreign Minister 1924]. *Arkhiv vnutrennikh del Frantsii* [Archive of the Interior of France], l. 1-5.

24. Chermoev A.-M. Predlozheniya Zarubezhnoj delegatsii Gorskoy respubliki na imya A.M. Topchibashi. 1919 g. [Proposals of the Foreign Delegation of the Mountainous Republic Addressed to A.M. Topchibashi. 1919]. *AAMT* [AMT], carton VII, l. 1-4.

25. Shamil S. Kharakteristika na A.M. Chermoeva. 1930 g. [Characteristics on A.M. Chermoev. 1930]. *RGVA* [Russian State Military Archive], f. 461k, inv. 2, d. 104, l. 46-47.

26. Yalkharoeva M.A. Lidery Checheno-Ingushskogo zarubezhya – publitsisty V. G. Dzhabagiyev i A. Avtorkhanov [Leaders of the Chechen-Ingush Abroad – Publicists V.-G. Dzhabagiev and A. Avtorkhanov]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta* [Bulletin of the Kalmyk University], 2018, no. 37 (1), pp. 121-127.

27. Yandieva M.D. *Islam Forever. Perechityvaya V. G. Dzhabagiyeva* [Islam Forever. Rereading V. G. Dzhabagiev]. Nazran, Moscow, s.n., 2008. 56 p.

28. Etat civil. Décès. 1937. Rég. 6, 16-y okrug [Etat civil. Décès. 1937. Rég. 6, 16th District]. *Arkhivy Parizha. Frantsiya. Archives de Paris* [Archives of Paris. France], l. 1-500. URL: <http://archives.paris.fr>

29. Etat civil. Décès. 1936. Rég. 832. *Arkhiv departamenta Primorskie Alpy. Nitsta (Archive dypartementales Alpes Maritimes. Nice)* [Archives of the Alpes-Maritimes Department. Nice]. France, l. 1-400. URL: <http://www.departement06.fr>

Information About the Author

Irina L. Babich, Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, Babi7chi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1879-1608>

Информация об авторе

Ирина Леонидовна Бабич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, Babi7chi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1879-1608>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.13>

UDC 32.327.8
LBC 66.4

Submitted: 25.09.2022
Accepted: 06.02.2023

**DYNAMICS OF THE POLICY NETWORK
IN THE ASPECT OF GLOBAL CRISIS PHENOMENA
(ON THE EXAMPLE OF NATO)**

Daniil V. Dresvianin

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. A peculiarity of modern political reality is the interconnectedness of the processes of globalization and fragmentation in the world. In a new emerging paradigm of international relations, policy networks come to the fore. These are the network structures for managing public affairs, uniting a variety of political actors. The relevance of the study is due to the need for an objective evaluation of the development of the policy network in the context of global changes as well as forecasting potential threats in the field of international security. The aim of the work is to examine the dynamics of the policy network in the context of global crisis phenomena, using the example of the North Atlantic Treaty Organization. **Methods.** The theoretical basis of the research is the network approach and the concept of policy networks, which allow us to study the object from an interdisciplinary point of view and conduct structural studies at all levels of analysis. The complexity of the structure of policy networks requires the use of methods of scientific cognition – analysis and synthesis, media analytics such as the research of content, and expert opinions. **Analysis.** The policy network is characterized both by the resilience and stability of its structure, which allows it to function effectively in internal and external transformations, and by the complexity of the relations among its actors. Global policy networks are formed on the principles of mutually beneficial resource exchange to achieve common goals and solve individual problems. An example of how NATO has been functioning in the period 2020–2023 showcases trends towards the transformation of the policy network from disintegration to subsequent reintegration to obtain the desired result. In a crisis situation, NATO as a global policy network is experiencing the dynamics of “connected instability”, establishing new forms of actor relationships that require flexibility in political decision-making. **Results.** In conditions of global instability and uncertainty, policy networks play a supporting (safety-maintaining) role in the processes of supranational regulation, contributing to the creation of an effective architecture of multi-level governance. As a result of the research, the author comes to the conclusion that it is necessary to update the theory of the network approach to further develop mechanisms for describing the actors’ cooperation within the policy network.

Key words: network theory, policy network, crisis phenomena, globalization, fragmentation, pandemic, NATO, CSTO.

Citation. Dresvianin D. V. Dynamics of the Policy Network in the Aspect of Global Crisis Phenomena (On the Example of NATO). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 160-172. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.13>

ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЕТИ В АСПЕКТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ НАТО)

Даниил Васильевич Дресвянин

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Особенностью современной политической действительности является взаимосвязанность процессов глобализации и фрагментации мира. В новой формирующейся парадигме международных отношений на первый план выходят политические сети – сетевые структуры управления публичными делами, объединяющие многообразие субъектов политического действия. Актуальность исследования обусловлена необходимостью объективной оценки развития политической сети в контексте мировых политических изменений, а также прогнозирования потенциальных угроз в сфере международной безопасности. Цель работы – анализ политической сети в аспекте глобальных кризисных явлений на примере Организации Североатлантического договора. *Методы.* Теоретическую основу исследования составляют сетевой подход и концепция политических сетей, позволяющие изучить объект с междисциплинарной точки зрения, провести структурные исследования на всех уровнях анализа. Усложнение структуры политических сетей требует применения методов научного познания – анализа и синтеза, медиааналитики – исследования контента, мнений. *Анализ.* Политическая сеть характеризуется одновременно устойчивостью и стабильностью структуры, позволяющими эффективно функционировать при внутренних и внешних трансформациях, и сложностью отношений акторов. Глобальные политические сети образуются на принципах взаимовыгодного ресурсного обмена для достижения общих целей и решения отдельных проблем. Пример функционирования НАТО в период 2020–2023 гг. показывает тенденции к трансформации политической сети от разобщения деятельности с последующей реинтеграцией для получения конечного результата. В кризисной ситуации НАТО как глобальная политическая сеть испытывает динамику «связанной нестабильности», организующую новые формы взаимоотношений акторов, требующие гибкости в принятии политических решений. *Результаты.* В условиях глобальной нестабильности и неопределенности политические сети выполняют поддерживающую (страховочную) роль в процессах надгосударственного регулирования, способствуя созданию эффективной архитектуры многоуровневого управления. В результате исследования автор приходит к выводу о необходимости актуализации теории сетевого подхода, дальнейшей разработки механизмов описания взаимодействия акторов внутри политической сети.

Ключевые слова: сетевая теория, политическая сеть, кризисные явления, глобализация, фрагментация, пандемия, НАТО, ОДКБ.

Цитирование. Дресвянин Д. В. Динамика политической сети в аспекте глобальных кризисных явлений (на примере НАТО) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 160–172. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.13>

Introduction. In modern international political discourse, the theories of policy networks gain increased relevance. The policy network is a complex structure of relatively stable relations between non-governmental and state institutions, where communication actors have common interests and act cooperatively to achieve their goals. At the same time, the network interaction of actors is characterized by a multi-level dialogue, which determines the process of political decision-making.

Currently, the largest policy networks influencing the development of the entire system of international relations are the United Nations (1945), the North Atlantic Treaty Organization (1949), and the European Union (1993). Although they differ in the composition of participants, the nature of relations, resources, and goals, they can be attributed to global policy networks.

The United Nations (UN) is a universal platform for cooperation between countries. The European Union (EU) is a supranational formation

of European countries based on politics and economics, combining the traits of an international organization and a whole state, formally a political alliance with a military component. In the EU, networks are considered as a special form of governance. The European Union is a policy network with a multi-level governance system in which actors of different levels interact within a shared, complex network structure to achieve specific goals. The North Atlantic Treaty Organization (NATO) has a “crisis nature”. It was established in 1949 as a military-political union for the purpose of collective defense against the influence of the USSR.

The aim of the work is to study the dynamics of the policy network in light of the global crisis phenomena of 2020–2023, using the example of NATO. The study provides a general overview of the problem of the development of the global policy network and presents an example of the transformation of the policy network of the North Atlantic Treaty Organization in the context of the COVID-19 pandemic, which has become a true “stress test” for world politics and the global economy, and the crisis of the world order – the growing trends towards fragmented globalization.

Methods and materials. The word “network” in its casual meaning, “a system of communications located in any space” [5, pp. 319-320], has stepped into active speech in recent decades due to the transition of human civilization to the information society and the formation of a global infosphere.

The scholarly status of the “policy network” is not defined exhaustively. The theory of policy networks proceeds from the understanding of the organization of society as certain network structures of public affairs management, linking the government and citizens who share a common interest – a mutual interest of participants in each other. The main provisions of the theory of policy networks in political studies are related to the consideration of the policy network as an effective form of public administration organization.

Non-Russian scholars, despite the different approaches (structural (relational), network, etc.) and schools (Anglo-Saxon, German, Dutch, continental, etc.) to the definition of policy networks, coincide in that gradually the network form of social organization becomes dominant in the social order. According to the network

approach, with the development of Internet communications and information technologies, information has an increasing influence on people. When placed in virtual information networks, an individual becomes an interconnected part of constant network communication.

Manuel Castells understands a network society as an open, dynamically functioning social system in which traditional forms of personal and social dependence for an individual are displaced. The network is the resource potential for the development of society, providing different options for social change since, in the network structure, the citizens are relatively free to make decisions: “...this network logic produces a higher-level social result...” [4, p. 500]. At the same time, emphasizing the prospects of the network, Manuel Castells notes that the network structures are fraught with contradictions: “The presence or absence in networks and the dynamics of network interaction are a decisive source of dominance and change in our society” [4, p. 500].

According to Scott McClurg and David Lazer, “politics is essentially a network phenomenon” [9, p. 1]. The policy network, according to Rod Rhodes, has an institutional component and is formed in various sectors of politics as a complex of structural relations between the state and society through mutual sectoral interest. Accordingly, there are five types of networks: professional networks, inter-management networks, political communities, producer networks, and issue networks [15]. Keith Provan and Patrick Kenis believe that network efficiency will be higher in a resource-rich environment with overall network stability [14]. Tanja Börzel defines “policy networks” as “a set of relatively stable relationships, by nature non-hierarchical and interdependent, linking a variety of actors who share common interests regarding politics and who exchange resources...” [3, p. 254].

Russian scholars have been actively developing the theory of policy networks: L.V. Smorgunov, A.S. Sherstobitov, E.V. Savorskaya, I.A. Bykov, O.V. Mikhailova, A.I. Soloviev, N.A. Baranov, etc. The studies of the Russian scholars emphasize the increasing influence of policy networks on society, while the complexity of managing network structures is noted when “many other actors are involved in the political process” [19, p. 15].

L.V. Smorgunov rightly says that the “policy network” is a complex phenomenon: “In general, a policy network is a system of state and non-state entities in a certain field of politics that interact on the basis of resource dependence in order to achieve general agreement on a political issue of interest to all, using formal and informal norms” [19, p. 29]. The theory of policy networks “reconstructs the relations” between the state and society [19, p. 19], offering a new type of public administration: “governance without government” [19, p. 23]. Communication links are extremely important in a network system of relationships. In the network, not society as institutions, but relations and connections between them play a key role: “It is the mutual connections between subjects that make the network a network” [19, p. 34].

It is generally believed that there is no hierarchy in the structure of the policy network. However, the network in politics is a consensus form of governance, and network political relations are multidimensional in nature. For example, issue networks are distinguished by a large number of participants with a limited degree of interdependence.

In this regard, the definition of “network,” which can be applied to politics, proposed by the famous philosopher and sociologist Bruno Latour is of interest: “By this word I mean a string of actions where each participant is considered as a full-scale mediator... It (the network) indicates their objectivity, that is, the ability of each actor to force other actors to do unexpected things” [8, pp. 128-129]. The scholar’s point of view about special network relationships, which can be characterized by surprise and unpredictability, somewhat does not coincide with the provisions of the concept of policy networks, which emphasizes the active and conscious interaction of actors who make a political decision and participate in its implementation.

The complex dynamics of policy networks are noted by Ralph Stacy: “As the diversity increases, the energy within the relationship rises. The properties of the relationship then shift from stability and predictability towards randomness and disintegration. At some critical range in information/energy flow, connectivity and diversity, the dynamics of bounded instability appear... It is in this dynamic that novel forms of relationship may emerge” [20, p. 368].

According to Ralph Stacy, the complication of the structure of networks entails a change in internal processes and relationships; that is, at different stages of network evolution, it is possible to build and organize, subordinate, and co-subordinate the positions of actors. Consequently, in a situation of “crisis” there is a transformation of the policy network; the interactions and relations of actors are adjusted.

Currently, the theory of policy networks is becoming more relevant in international relations, which is associated with the transformation of existing political structures and the emergence of a new type of network community.

E.V. Savorskaya notes that the nature of the influence of policy networks at the global and regional levels remains “extremely asymmetric” today [17, p. 5]. At the regional level, policy networks “as part of a unified system of supranational governance” have been functioning for a long time, and the mechanisms of “relations between individuals or groups of individuals” have already been analyzed, but at the global stage, the problems are not thoroughly studied; – there is no unified international system of governance institutions [17, p. 26]. In addition, the relations between actors in global policy networks “obey ... different laws” and are influenced by “a greater number of external factors” [17, p. 26].

In this study, the network approach is used, the adaptability of the tools of which makes it possible to consider the object in an interdisciplinary plan. The methodology allows to identify the specific properties of a policy network and predict the ways of its development: transformation, disintegration, reintegration, etc. The disadvantages of the network approach include incompleteness, vagueness of the boundaries of the study, the features of the network itself – the lack of static, its dynamism, variability. For the analysis, the traditional method of grouping data is used with the allocation of segments, which are the actors of the network (subjects of political action) that form its basis.

Analysis. The North Atlantic Treaty Organization includes civil and military structures, various organizations, and institutions (see Figs. 1, 2).

The North Atlantic Treaty Organization is a rather complex structure that is based on the principle of management not on a geographical

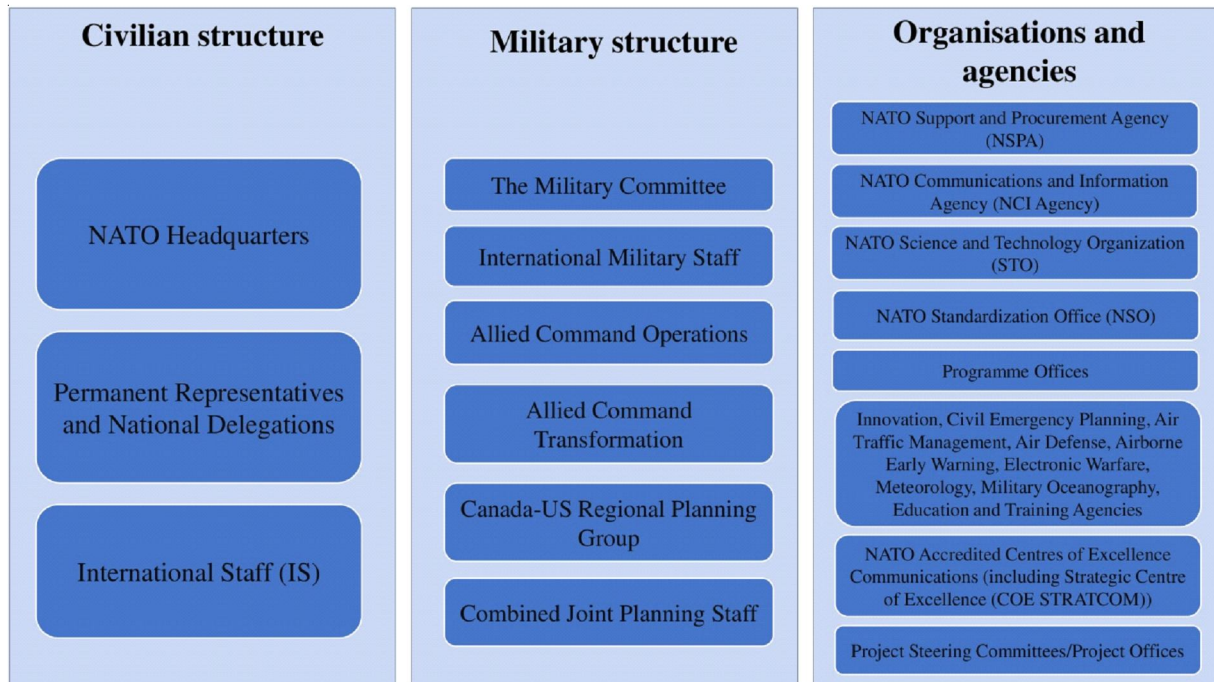

Fig. 1. NATO structure

Note. Source: [11].

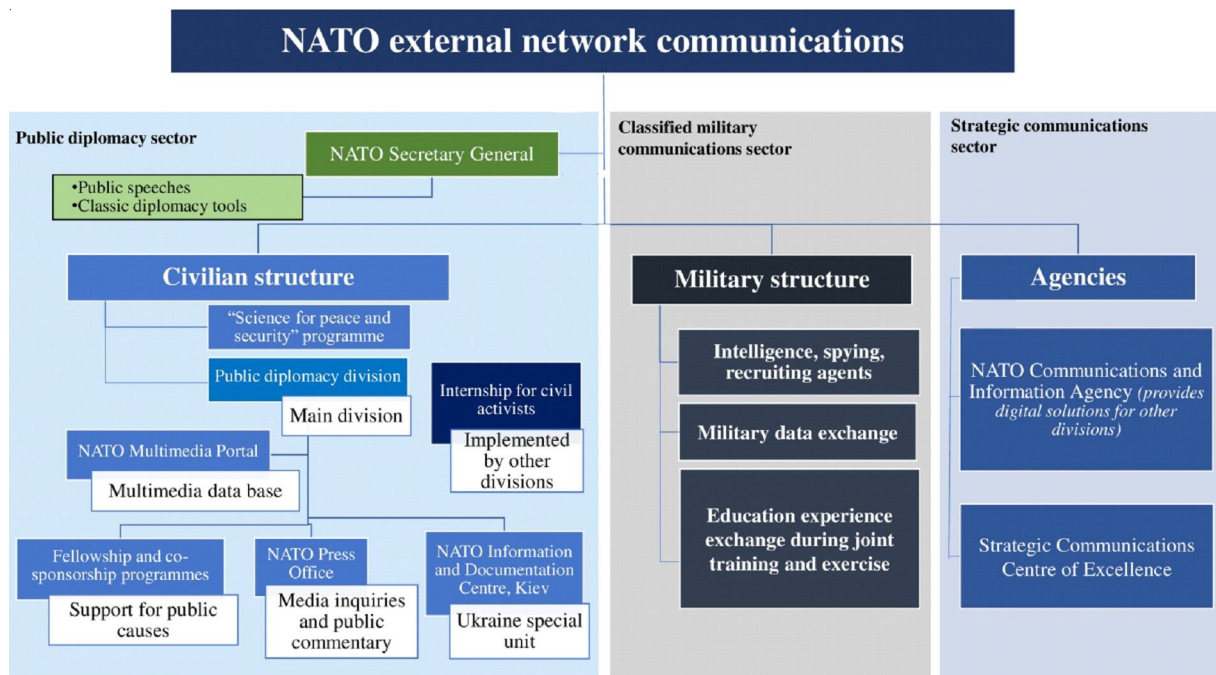

Fig. 2. NATO external network communications

Note. Source: [11].

basis but rather on a functional basis. NATO can be divided into segments based on either “hard” power (military institutions) or “civil” divisions that primarily utilize tools of diplomacy, propaganda, and counter-propaganda. It is the “soft power”

segment that contains the key images that are generated around the organization and represent it on the world stage.

NATO’s main consultation forum that has political and decision-making power is the North

Atlantic Council. The activities of the Council are organized by dozens of subordinate committees that implement specific areas of NATO policy. The Council includes permanent representatives of all Member States.

The NATO Secretary General is the Chairman of the North Atlantic Council and is responsible for consultation and the decision-making process. His role in the media is important. The Chairman of the North Atlantic Council has the ability to significantly influence the perception of NATO in the world as a whole. By coordinating the activities of various departments, the Secretary General is the connecting figure of the global network consisting of actors (states), which helps to overcome internal network contradictions and develop a single alliance narrative.

The public diplomacy of NATO is based on the network principle. The NATO Public Diplomacy Division is part of the NATO Civilian structure and includes several departments and areas: NATO Press Office, NATO Multimedia Portal, NATO Information and Documentation Center (NIDC) in Ukraine, Co-sponsorship grants, and NATO Contact Point Embassies in partner countries [11].

The main function of the Public Diplomacy Division is the implementation of external communications for the North Atlantic Treaty Organization. The Division specialists are working to strengthen the image of NATO, increase the credibility of the organization, and implement strategic policy through face-to-face communication activities and digital programs directly in the countries of presence and partner states.

In addition to the official structures involved in the development and promotion of the "Atlantic" agenda, there are other tools that serve NATO's public diplomacy. There is a tendency to universalize the organization, to include on the agenda not only military and political topics but also cultural, educational, scientific, and other issues. Cultural and educational events are organized by different departments of NATO, presenting the alliance as a whole. For example,

the Science for Peace and Security (SPS) Program offers expert advice and financial support for individual activities related to civil security. The NATO Internship Programme provides an opportunity to boost the credibility and acceptance of the Organization's policies in the member states. Grants for civil activists and projects help to achieve strategic goals at the expense of civilian resources within the countries of NATO presence.

Activists can be non-governmental organizations (NGOs), non-profit organizations (NPOs), universities, think tanks, and other relevant civil society organizations. It is worth noting the multi-channel image policy of NATO, which is organized on the principle of involving the maximum possible number of political and public actors to build a positive image of the organization. For instance, the American Atlantic Council has been operating since 1961, created to support NATO and uniting many regional centers not only in America but also in Asia and Europe, designed to strengthen international security and promote global economic prosperity. In practice, the information influence of such structures often goes beyond the scope of the organization itself (legal, geographical, zone of influence, responsibility, etc.).

In recent years, the North Atlantic Treaty Organization, boasting high propaganda flexibility, has been actively increasing social networking structures to directly influence online users by providing round-the-clock news coverage based on public contacts. The content of multimedia and NATO sites is systematically updated. At the same time, the trend is not to inform but to engage. At the moment, NATO is actively interacting with the audience on platforms such as Facebook *, Instagram **, Twitter, YouTube, Flickr, and LinkedIn. The pages are regularly updated, including information and the publication of content designed to involve various categories of Internet users in a dialogue. The content encourages community members to leave comments and interact with the elements of publications (surveys, maps, games, etc.). For instance, on Instagram,

*The Facebook social network is owned by the terrorist and extremist organization Meta Platforms Inc, whose activities are prohibited in the Russian Federation.

** The Instagram social network is owned by the terrorist and extremist organization Meta Platforms Inc, whose activities are prohibited in the Russian Federation.

there is an interactive NATO map that points to all member states. The NATO Multimedia Center consolidates content hosted on various resources, being the central node of the network for media influence [11].

Let us define the features of the NATO network structure in comparison with the key provisions of the theory of the policy network (see Table). In this work, the criteria of the “policy network” are applied, obtained on the basis of existing scholarly approaches.

L.V. Smorgunov notes that intergovernmental organizations are “clustered structures of the global network” with multi-level management [19, p. 300]. The success of the functioning of the policy network is determined by the following factors: 1) the tripartite nature of the composition of the participants: “the public sector, civil society and business,” which allows the formation of effective “institutional mechanisms”; 2) adaptability of management mechanisms and openness to new participants; 3) speed and efficiency of response to external challenges; 4) subsidiarity and legitimacy of management [19, pp. 307-308].

In general, NATO’s policy network meets the indicators of “success.” To solve global problems, NATO actively cooperates with governmental and private institutions by expanding humanitarian projects, encouraging investors to channel resources into defense, and developing advanced technologies.

NATO is an intergovernmental network consisting of 31 member states (as of 2023).

The alliance is maintaining the “open doors” policy for new members. At the same time, the expansion of the actors of the military-political bloc (from the CIS countries, European countries, the Asia-Pacific region, Africa, and the Middle East) implies both multidirectional goals in the international arena and the preservation of the priority national interests of the member states. In practice, there is an increase in the interdependence of network members; the activities of national actors are often carried out with the “recommendations” of other members of the alliance.

Let us compare the NATO public diplomacy network with the tools for creating and maintaining the image of the opposite military-political bloc, the Collective Security Treaty Organization (hereinafter referred to as the CSTO), according to the theoretical model of graphs, whose positions on key political issues drastically diverge (see Fig. 3). Let us introduce five indicators that demonstrate the power and attractiveness of images:

- 1) presence in and promotion of new media channels;
- 2) interaction with civil society (degree of project focus on potential participants);
- 3) the development of the network of public diplomacy (the number of “soft power” institutions; forums, exhibitions, joint events, etc.);
- 4) coverage in the media (according to the Russian media segment) [18];
- 5) spending on soft power.

Comparative analysis of policy network patterns and NATO

№	Policy network criteria	NATO as a policy network
1	Composition of network participants	Relationship actors. Tendency to expand the composition of actors. 31 participating country as of 2023
2	Type of institutionalization Type relationship	Intergovernmental network. The nature of the relationship is communicative. The presence of formal and informal norms
3	Sphere of politics	Military-political bloc. A broad approach to security. Unipolar approach to the world order
4	Degree of power concentration	Multilevel management. Co-administration of participating countries. The principle of collective leadership. The structure of NATO includes representatives of the member states. NATO activities are organized in the civil and military structures, organizations and institutions from specialized fields
5	Resource management	Resource consensus basis. Cooperative interests. Coordination. Consensual obligations in the use of army contingents and the conduct of combat operations. Interdependence
6	Structural characteristics	Open doors policy for new candidates. Candidates for membership in NATO go through a multi-stage process of accession, and they must not have problems that could weaken the defense and protection of the Organization. Ordered structure of links. Lack of periodicity and systemic connections. Horizontal interaction between network cells

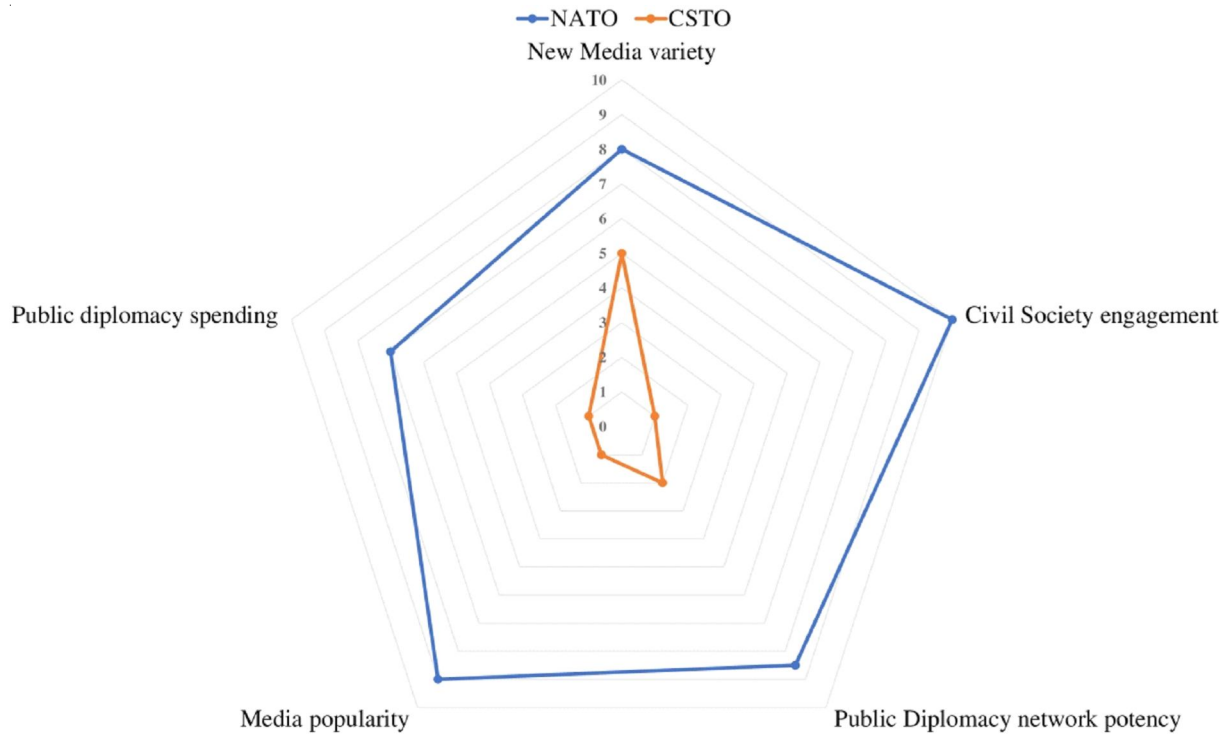

Fig. 3. NATO and CSTO images in the public sphere: comparison

Note. Source: [11; 13; 18].

The analysis showed that today, NATO is significantly superior to the CSTO in terms of the quality and quantity of activities in the field of public diplomacy. A feature of NATO's image policy is a strategic approach to ensuring the perception of the alliance by countries based on a well-thought-out approach to the image of the political network. The organization understands the need to win the trust of a global audience in order to secure regional dominance. To maintain a public image, NATO invests heavily in projects aimed at promoting and informing audiences about its goals and mission.

NATO's approach to soft power is characterized by the nature of foreign policy. In the context of competition for spheres of influence, proceeding mainly in the direction of "soft power" and the politics of images, NATO is actively seeking support among the population of member states, partner countries, and candidates for joining the alliance. This greatly facilitates the process of the integration of new regions of political dominance, especially in the post-Soviet space, where in a number of formerly Soviet states, the westernization tendencies have been intensifying.

The Collective Security Treaty Organization, on the contrary, fills the concept of "soft power"

and the politics of images with the opposite meaning: defensive. The CSTO is developing its own public agenda focused on maintaining international and regional security and stability, strengthening peace, countering external information influence, neutralizing threats to the information security of the member countries of the Organization, and protecting independence on a collective basis. The basis of the military-political potential of the Collective Security Treaty Organization is the "priority of political means over the military" [13].

Despite the fact that the CSTO is often criticized for the "hybrid nature of the organization... the lack of response to internal political crises in the member states of the organization," the further development of the organization is quite promising: "from a military-political bloc... to a multifunctional organization that has all the real instruments of response..." to the challenges of our time [2, pp. 115-116]. The advantage of the CSTO over NATO lies in the flexibility of its decision-making mechanisms. For example, in a conflict involving one of the organization countries, all members of NATO are obliged to act, while in a similar scenario, the members of the CSTO are not.

Scholars consider a possible evolution of NATO in several directions: 1) territorial expansion; 2) expansion of the area of responsibility; 3) expansion of functions. In each of these cases, there are opportunities and threats for the development of the North Atlantic Treaty Organization, which positions itself as a regional player with global goals and objectives.

Experts in the field of international defense and security note the difficulties in implementing the alliance's strategic policy. According to Linda Risso, Senior Fellow at the Institute of Historical Research in London, the implementation of NATO's communications strategy is complicated by the fact that NATO is a military-political organization that brings together allies and partner countries that have different competing goals and priorities. The political direction ensures the strengthening of public trust and support for the goals of NATO; the military direction promotes the mission of the alliance in the "architecture of global security" [16, p. 158]. Ideally, these two areas should "move in the same direction and have complementary practical goals" [16, p. 158]. And although over the past thirty years the alliance has been able to create a fairly effective institutional structure for strategic communications (StratCom) both within member states and beyond their borders, the organization has not been able to create a single narrative with a set of effective methods of influencing the audience.

The formation of NATO strategic communications has been going on since the late 1990s. The development of the information policy of the Organization was significantly influenced by the events in Kosovo (1998–1999) and Afghanistan (in the 2000s), which prompted an unprecedented level of attention from the media and the public to the activities of the alliance. However, the Crimean events of 2014, when "the Russians effectively used information," should be rightly considered the beginning of a large-scale transformation of NATO's communication strategy [16, p. 164]. Linda Risso emphasizes: "The Russian use of information and disinformation gave NATO the same shock at the political-military level that the Taliban *** had given ISAF at the operational level a decade earlier" [16, p. 164]. The events around Crimea

and the crisis in Ukraine in 2014 led to the need to coordinate all the activities of the alliance. The result of the transformation is the 2017 NATO Military Policy on Strategic Communications, the main goal of which is to shape the global information environment in accordance with the priorities of the organization. Today, NATO StratCom continues to be an evolving process influenced by many factors, including trends towards fragmented discourse [16].

The COVID-19 pandemic is becoming a global challenge for NATO, requiring "improvement of its organizational capabilities" [10, p. 56]. E.A. Antyukhova notes that at the initial stage of the epidemic, there were certain miscalculations "in the operational planning system" of NATO [10, p. 51]. In the conditions of competition for access to advanced medical resources and the economic crisis in the member states, "intra-bloc contradictions have emerged" associated with the interaction of the alliance members: American and European, new and old [10, p. 56].

In the spring of 2020, against the backdrop of a challenging epidemiological situation, "some members of the alliance found themselves in virtual isolation and were forced to independently take measures to tackle the pandemic" [10, pp. 59-60]. The absence of a unified policy of providing assistance to the NATO member states in emergency circumstances "raised doubts about the effectiveness of the principle of collective mutual assistance" [10, p. 60]. A "serious blow" to the prestige of NATO was Italy's consent to accept Russian assistance, which was perceived by the leadership of the alliance "as a direct challenge to the unity of the bloc" [10, p. 60].

E.A. Antyukhova emphasizes that, despite the tough economic and political situation, the actions of the NATO leadership during the pandemic were holistic. Thus, the schedule of military exercises was adjusted, and "a moratorium was introduced on any movement" of the NATO units from the United States to Europe [10, pp. 57-58]. The official statements of the spring of 2020 on COVID-19 (briefing by NATO Secretary General J. Stoltenberg on March 19, 2020, and the summit of the NATO Council of Foreign Ministers on April 2, 2020, etc.) emphasize the need to fulfill long-term goals and

*** A terrorist organization whose activities are prohibited in the Russian Federation.

keep military spending at an unchanged level. The NATO leadership understands the critical need to rethink the resources of the alliance in a pandemic, in particular the need to coordinate the actions of military and civilian structures to resolve crisis issues [10].

The main role of the “NATO response mechanism to the COVID-19 pandemic” is assigned to the Euro-Atlantic Disaster Response Coordination Centre (EADRCC), which performs the functions of facilitating assistance to NATO member countries and partners and interaction with international humanitarian organizations [10, p. 61]. Since April 2020, the “key structure of the alliance” in the fight against the pandemic has become the NATO Centre of Excellence for Military Medicine (NATO MILMED COE), which has become an international platform for the exchange of information [10, p. 62]. The role of NATO communication systems responsible for monitoring, such as the NATO Situation Center (SITCEN), Intelligence Warning Systems (NIWS), and Crisis Response Systems (NCRS), has increased. NATO cooperation with the World Health Organization, the UN, and the EU has intensified.

The new “pandemic space” required coordination of efforts to ensure collective security [10]. The key direction of NATO’s activities in the pandemic period is the information support of the alliance’s policy, which includes not only informing about the situation around coronavirus infection but also “the formation of a positive public perception regarding the use of collective defense potential to counter a new threat” [10, p. 66]. The “disinformation campaign provoked by Russia” and “excessive dependence on China in some areas of goods production” are new challenges that appeared during the epidemic [1].

The pandemic has brought to the fore a number of issues regarding the further development of the North Atlantic Treaty Organization. An acute discussion in academic circles is caused by the issues of the distribution of member responsibility within the alliance and the unification of NATO’s relations with the EU. The policy of the NATO leadership in the sphere of further increasing military spending in the crisis conditions of the epidemic is critically met both inside the bloc and outside it [10].

E.A. Antyukhova concludes that the COVID-19 pandemic was both a “serious challenge to the sustainability” of the Organization and “an incentive to develop new mechanisms for NATO’s activities” [10, pp. 79–80]. Already in June 2020, the discussion of the strategic concept “NATO-2030” started, whose implementation involves strengthening and expanding the international political influence of the organization.

The concept of NATO-2030 directly points to the “threats” that come from Russia and China with their principles of “sovereign democracy” and models of a multipolar world order. The most important goal of the alliance is to strengthen cyber defense to ensure collective protection from external information interventions [12].

Professor Thomas Flichy de La Neuville (France) believes that NATO often lacks “political will” [6]. In fact, by 2030, the Organization “may face opponents consisting of both States and non-State actors who will work independently or in concert...” [6, p. 76]. Among the factors of today’s “survival” of NATO, the scholar notes the instability of the modern geopolitical situation, in which huge bureaucratic military organizations have become completely inadequate to counter external threats, and the “shortage” of intelligence of American and European states that are unable to make effective coordinated decisions. However, the revival of NATO, according to the expert, will happen for another reason: the urgent need to ensure “internal order in countries deeply destabilized by migration” [6, p. 76]. The scholar predicts: “In 2030 the weakened American and European countries will be challenged by a resurgent Russia... Nevertheless, it [NATO] can still adapt and transform, investing even more in technology to solve new internal problems” [6]. The transformation of NATO into a global network by 2030 is possible, provided that the accumulated internal problems are resolved and effective tools are created to counter external threats [6].

Using the mechanisms of expansion and partnership, the alliance establishes close ties with other states, regardless of their geographical location, which indicates the global activities of the organization. But unstable network relationships significantly complicate the process of admitting new members to NATO. There are trends toward the independence of individual

member countries of the alliance in making political decisions. One example is Turkey, which has taken an independent position on Iran's nuclear program and the prospects for the development of military cooperation between NATO and the EU, as well as intensifying political ties with Russia and China [21], which indicates inadequate network integration and the formation of new forms of relations between actors that go beyond one particular network.

The NATO communication strategy focuses on the unity of the alliance, emphasizing that the member states act collectively when making political decisions. In fact, there is a dominance of key actors in the formation of the agenda. Despite the horizontal nature of relations in the policy networks, there are decision-making centers in NATO that maintain the maximum number of connections and, in fact, coordinate the activities of the entire network.

Experts note that the North Atlantic Treaty Organization is used by the United States to implement national strategic goals, such as deterring Russia and China. Professor of Shanghai University of International Studies Cheng Yawen, exploring the phenomenon of globalization and competition on the world stage, notes that "globalization reflects the will of the dominant countries" [23]. The scholar calls the USA the main catalyst of the globalization process. According to the researcher, it was precisely because of NATO's expansion that Russia launched a special military operation in Ukraine: "It was a matter of security, as well as economics in the context of the globalization process" [23].

Recently, NATO has been striving to eliminate contradictions between member states (between Turkey and Sweden and Finland) and create an image of unity – a cohesive union of member countries acting on the principles of collective will, membership in which is open to any state. Meanwhile, the constructed image of NATO does not reflect the influence of the new state of the world order.

Edward Wong and Ana Swanson, journalists of the American edition of *The New York Times*, evaluate the state of international relations after the events in Ukraine after 2022 and come to the conclusion that "the result of all the disruptions may well be a fracturing of the world into

economic blocs" [22]. In an expert commentary for this article, Dani Rodrik, a professor of international political economy at Harvard Kennedy School, notes that the United States seeks to promote the idea of globalization in order to increase the dependence of other countries on the American political and economic systems. The scholar predicts: "Your interdependence can be weaponized against you... The war in Ukraine probably put a nail in the coffin of hyperglobalization" [22].

In expert studies, the idea of a future fragmented international order is becoming more prevalent. In a broad sense, we are talking about global "fragments" of the world; in a narrow sense, we are talking about fragmented network structures – policy networks.

Zhao Huasheng, a professor at Fudan University, states that fragmentation without internal interconnections and relationships is simply "anarchy" [7]. Today, it is necessary to "work out the structural framework of joint existence" [7]. According to the scholar, today it is Russia and China that propose "forming an inclusive international system and order in which various elements will be integrated into symbolic coexistence and peaceful unification with common rules, all while maintaining differences" [7].

Results. A policy network is a public affairs management structure characterized by special consensus relations among participants who have common resources to form a collective political decision and achieve a common goal. It differs in variability and dynamism. The "flexibility" of the network allows it to change its composition: to form problematic subnets, exclude and introduce new actors, etc.

Despite the complexity of the structure and organization, the network is one of the most promising forms of public administration. In the modern conditions of instability in international relations, policy networks "are a kind of "safety net" in politics, which "contribute to its subsequent implementation," requiring networks to "gradually get out of the "hierarchy shadow" and institutionalization" [17, p. 6].

NATO is an example of a global policy network. The network nature of the NATO is determined by the variables that characterize it as a network: a large number of actors of various

natures interacting on the basis of consensus principles of mutually beneficial exchange of resources to achieve common goals; group interest, expressed in ensuring peace by political and military means; collective defense; lack of a vertical hierarchy of relationships; the presence of a special “network” political culture of decision-making; propensity to change; dynamism; and the possibility of expansion.

Crisis phenomena determine the evolution of NATO as a policy network and serve as an incentive to develop new mechanisms of governance aimed at enhancing the role of the organization in ensuring the security of the member states. During the “crisis” there is a disunity in the activities of the policy network and its further reintegration towards the optimization of the governance system, in particular the harmonization of cooperation between the military and civil structures.

NATO as a global policy network is characterized by the expansion of the composition of actors and areas of responsibility, which makes it possible to exert political influence and maintain control outside the alliance member states. At the same time, the lack of shared approaches among the member states to understanding strategic goals and the need to preserve their national interests entail instability and the possibility of forming new resource relationships among actors that go beyond the policy network.

It becomes obvious that the ongoing transformations of policy networks require the development of complex analysis mechanisms. The network approach allows for changes in the policy network both at the national and global levels. Further research within the framework of this concept requires the development of criteria for relations between actors, including the degree of impact of global economic and political factors.

REFERENCES

1. Berger C. Projecting Stability to the South: NATO's Other Challenge. *NATO Official Web-Site*. URL: <https://www.ndc.nato.int/news/news.php?icode=1436>
2. Bobrov A.K. *Kontseptualnye osnovy vneshnei politiki Rossii* [Russian Foreign Policy Conceptual Framework]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2021. 224 p.
3. Börzel T.A. Organizing Babylon – On the Different Conceptions of Policy Networks. *Public Administration*, 1998, vol. 76, iss. 2, pp. 253-273.
4. Castels M. *The Rise of the Network Society*. Malden; Oxford; Chichester. Wiley-Blackwell, 2010. 656 p.
5. Shaposhnikov A.K., ed. *Etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo iazyka. V 2 t. T. 2* [Etymological Dictionary of the Modern Russian Language. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, FLINTA Publ., 2021. 576 p.
6. Flishi De La Nevil T. K 2030 godu NATO transformiruetsia v globalnuiu set dlia sokhraneniia vnutrennei bezopasnosti [By 2030, NATO Will Transform into a Global Network for Maintaining Homeland Security]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University], 2018, vol. 8, no. 6 (36), pp. 76-82. DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-6-76-82
7. Khuashen Ch. Mirovoi poriadok: fragmentatsiia, sosushchestvovanie ili sopernichestvo? [The World Order: Fragmentation, Coexistence or Competition?]. *Rossiia v globalnoy politike* [Russia in Global Affairs]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mirovoj-poryadok-fragmentatsiya-sosushchestvovanie-ili-sopernichestvo/>
8. Latour B. *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2005. 131 p.
9. McClurg S., Lazer D. Policy Network. *Social Network*, 2014, vol. 36, no. 1, pp. 1-4.
10. Lebedeva M.M., Kuznetsov D.A., eds. *Mirovaia politika v epokhu COVID-19* [Global Politics in the Era of COVID-19]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2022. 317 p.
11. NATO Multimedia. *NATO Multimedia Official Web-Site*. URL: <https://www.natomultimedia.tv/app/home>.
12. NATO Reflection Group Final Report. *NATO Official Web-Site*. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf
13. *Organizatsiia Dogovora o kollektivnoi bezopasnosti: ofits. sait* [CSTO Official Web-Site]. URL: <https://odkb-csto.org/>
14. Provan K., Kenis P. Modes of Network Governance: Structure, Management and Effectiveness. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 2007, vol. 18, no. 4, pp. 229-252.
15. Rhodes R., Marsh D. *Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches. Policy Network in British Government*. Oxford, Clarendon Press, 1992. 295 p.
16. Risso L. Squaring the Circle: The Evolution of NATO's Strategic Communication Since the 1990s. *Journal of Peace and War Studies, ISOMA Special*

Edition, 2021, October, pp. 157-171. URL: <https://www.norwich.edu/images/centers/pawc/jpws/jpws-2021-12-risso.pdf>

17. Savorskaya E.V. *Politicheskie seti v protsessakh nadgosudarstvennogo regulirovaniia: evropeiskii i mirovoi opyt* [Policy Networks in the Processes of Supranational Regulation: European and Global Experience.]. Moscow, IMEMORAN, 2018. 128 p.

18. *SKAN: sistema kompleksnogo analiza novostei* [SCAN: Complex News Analysis System]. URL: <https://www.scan-interfax.ru/>

19. Smorgunov L.V. *Politicheskie seti: teoriia i metody analiza: uchebnik* [Policy Networks: Theory and Analysis Methods. Textbook]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2014. 320 p.

20. Stacey R. *Strategic Management and Organizational Dynamics. The Challenge of Complexity*. Harlow, Prentice Hall, 2003. 486 p.

21. Vzaimodeistvie Turtsii i NATO [U.S. and Turkey Relationships]. *NATO.RF: Information and Politics Portal*. URL: <https://nato.rf/ru/turkey.html>

22. Wong E., Swanson A. Ukraine War and Pandemic Force Nations to Retreat From Globalization. *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2022/03/22/us/politics/russia-china-global-economy.html>

23. Yawen C. After NATO Expansion and Sanctions, Russia Knows There's No Goodwill from the West. *Global Times*. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202203/1255193.shtml>

Information About the Author

Daniil V. Dresvianin, Postgraduate Student, Department of World Politics, MGIMO University, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, d_dresvyanin@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1987-8872>

Информация об авторе

Даниил Васильевич Дресвянин, аспирант кафедры мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, просп. Вернадского, 76, 119454, г. Москва, Российская Федерация, d_dresvyanin@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1987-8872>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.14>

UDC 327(73)

LBC 66.4(7Coe),9

Submitted: 19.10.2022

Accepted: 13.02.2023

BIDEN'S PLAN TO REVIVE U.S. RELATIONS WITH LATIN AMERICAN COUNTRIES: EXPECTATIONS AND REALITY OF 2021¹

Timur V. Nelin

Vologograd Regional Research and Production Center for the Protection of Historical and Cultural Monuments,
Vologograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* During the four years of Donald Trump's presidency, the relations of the United States with the countries of the Latin American region were greatly damaged. The election plan of Joe Biden meant providing assistance to some countries in Central America and assumed a return to the foreign policy strategy of Barack Obama. After the Democratic candidate's victory in the 2020 presidential race, the expert community of Latin Americanists expected the expansion of Biden's plan and the formation of a new U.S. foreign policy doctrine regarding Latin America. The purpose of the article is to find out what expectations the experts (scholars, former politicians, representatives of human rights organizations, etc.) had for the reviving of U.S. relations with Latin American countries in 2021 and how these expectations were met. *Methods and materials.* The research is based on the analysis of the expert community opinion towards the Latin American policy of Biden's administration and the correlation of this opinion with the actual policy. The author uses methods of discourse analysis and comparative analysis. *Analysis.* The cancellation of Trump's migration orders by the new administration was perceived by experts as a positive signal to improve U.S. relations with Latin American countries. However, Biden's first 100 days showed that the president did not intend to expand the provisions of his election plan. The increasing flows of illegal migrants and local crises emerging in Latin America have forced the expert community to doubt the possibility of Biden's plan to cope with new challenges. *Results.* The study showed that most of the expectations about the improvement of U.S. relations with the countries of the Latin American region were not justified. The reason for that was not only the narrowness of Biden's plan itself but also the imperfection of the American bureaucratic system and external crises. According to experts, by the end of 2021, the Latin American policy of the new administration did not have any fundamentally new achievements that could significantly change the situation that had developed under President Trump's administration.

Key words: U.S. foreign policy, Biden, illegal migration, Latin America, Central America.

Citation. Nelin T.V. Biden's Plan to Revive U.S. Relations with Latin American Countries: Expectations and Reality of 2021. *Vestnik Vologradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Vologograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 173-185. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.14>

УДК 327(73)

ББК 66.4(7Coe),9

Дата поступления статьи: 19.10.2022

Дата принятия статьи: 13.02.2023

ПЛАН ДЖ. БАЙДЕНА ПО НАЛАЖИВАНИЮ ОТНОШЕНИЙ США СО СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ 2021 ГОДА¹

Тимур Владимирович Нелин

Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* За четыре года президентства Д. Трампа отношения Соединенных Штатов со странами Латиноамериканского региона были сильно испорчены. Предвыборный план Дж. Байдена подра-

зумевал оказание помощи странам Центральной Америки и предполагал возвращение к внешнеполитической стратегии периода президентства Б. Обамы. После победы кандидата от демократов в президентской гонке 2020 г., экспертное сообщество латиноамериканистов ожидало расширения плана Байдена и формирования новой внешнеполитической доктрины США в отношении Латинской Америки. Цель статьи – выяснить, какие ожидания были у экспертов (ученых, бывших политиков, представителей правозащитных организаций и др.) по налаживанию отношений США со странами региона в 2021 г. и насколько эти ожидания оправдались. *Методы и материалы.* Исследование строится на анализе мнения экспертного сообщества относительно вариантов развития латиноамериканской политики администрации Дж. Байдена и соотношения этого мнения с фактически проводимой политикой. В работе используются методы дискурс-анализа и компаративного анализа. *Анализ.* Отмена миграционных указов Д. Трампа новой администрацией была воспринята экспертами как позитивный сигнал к улучшению отношений США со странами Латинской Америки. Однако первые сто дней президентства показали, что Дж. Байден не намерен расширять положения своего предвыборного плана. Увеличивающийся поток нелегальных иммигрантов и возникающие в Латинской Америке локальные кризисы вынудили экспертное сообщество усомниться в возможности плана Байдена справиться с новыми вызовами. *Результаты.* Исследование показало, что большая часть ожиданий о налаживании отношений США со странами Латинского региона не оправдалась, виной чему были не только закосненность самого плана Байдена, но и несовершенство американской бюрократической системы, и внешние кризисы. В результате к концу 2021 г. латиноамериканская политика новой администрации США, по мнению экспертов, не имела каких-то знаковых достижений, существенно улучшающих сложившуюся при Д. Трампе ситуацию.

Ключевые слова: внешняя политика США, Байден, нелегальная миграция, Латинская Америка, Центральная Америка.

Цитирование. Нелин Т. В. План Дж. Байдена по налаживанию отношений США со странами Латинской Америки: ожидания и реальность 2021 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 173–185. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.14>

Введение. До президентских выборов в США 2020 г. западная пресса, упоминая о плане Байдена, подразумевала отдельный раздел предвыборной программы кандидата от демократов: «План Байдена по обеспечению безопасности и процветания в партнерстве с народами Центральной Америки» [34]. Хотя основные положения касались развития стран так называемого Северного треугольника (Сальвадор, Гватемала, Гондурас), в тексте особо отмечалось, что стабильность в указанных странах имеет решающее значение для обеспечения безопасности и процветания всего Западного полушария «от северных пределов Канады до южной оконечности Чили». Такая оговорка фактически намекала, что план Байдена имеет цели более масштабного характера, чем просто помощь странам Центральной Америки. Соответственно, можно было ожидать, что после победы Джо Байдена в президентской гонке положения предвыборной программы приобретут форму некоего документа, определяющего внешнеполитическую стратегию США в отношении Латинского региона.

Начиная с 2021 г. словосочетание «план Байдена» в прессе использовалось не только

применительно к предвыборным обещаниям нового президента, но и для определения общего плана президентской администрации по развитию отношений со странами Латинской Америки. В настоящей статье термин применяется в аналогичных значениях.

После жесткой политики Дональда Трампа в отношении латиноамериканских мигрантов и отдельных стран региона экспертное сообщество в виде ученых-латиноамериканистов, бывших политиков, международников, представителей правозащитных организаций и др. восприняла победу кандидата от демократов в ноябре 2020 г. с энтузиазмом и надеждой на долгожданные перемены к лучшему. В связи с этим цель статьи – выяснить, какие ожидания были у экспертного сообщества от плана Байдена по налаживанию отношений США со странами Латинской Америки в первый год работы новой администрации и насколько эти ожидания оправдались в ходе реализации данного плана.

Методы и материалы. Тема перемен в латиноамериканском векторе внешней политики США при Дж. Байдене привлекла внимание ряда отечественных ученых, в частно-

сти она находит отражение в научных статьях таких исследователей, как М.А.-М. Кодзоев, И.Б. Пшеничников, В.П. Сударев [1–3; 33]. В своих работах они сделали акцент на конкретные политические шаги, которые предприняла новая администрация, в том числе и в отношении отдельных стран Латинской Америки.

Статьи прогностического характера, которые позволяют судить об ожиданиях экспертов в отношении вариантов развития латиноамериканской политики Дж. Байдена, как правило, представлены в разного рода СМИ. Среди отечественных экспертов, делающих такие прогнозы, можно отметить П.П. Яковлева [4]. В рамках настоящего исследования при анализе западных СМИ, преимущественно американских, приоритет отдавался тем изданиям, которые не просто информировали читателя об изменениях в латиноамериканской политике команды Байдена – Харрис, но привлекали экспертов-аналитиков, дающих личную оценку происходящему и выражающих свое мнение относительно будущего этой политики.

О том, как реализовывался план Байдена, можно судить по президентским указам и распоряжениям, изданным в 2021 году.

Работа построена по хронологическому принципу начиная с прогнозов кануна президентских выборов в США 2020 г. и далее к анализу ожиданий, меняющихся по мере принимаемых администрацией политических решений и происходящих в Латинской Америке знаковых событий. В исследовании используются методы дискурс-анализа и компаративного анализа.

Анализ. Прежде всего нужно пояснить в общих чертах, что из себя представлял план Байдена в качестве одного из разделов предвыборной программы. Если опустить содержащуюся в ней критику инициатив действовавшего на тот момент президента Д. Трампа, то предложенный Дж. Байдену план сводится к нескольким основным положениям: Соединенные Штаты должны оставаться лидером в Центрально-Американском регионе и обеспечивать реализацию так называемой комплексной стратегии в отношении Центральной Америки; главная цель – снизить нелегальную иммиграцию в США. Для реализации

данной цели команда Байдена – Харрис предлагает выделить в течение четырех лет 4 млрд долл., привлечь частные инвестиции в регион, повысить безопасность, обеспечить верховенство закона, побороть коррупцию, сократить бедность и стимулировать экономическое развитие. Для успешной реализации данного плана страны Северного треугольника должны провести системные внутренние реформы, чтобы модернизировать социальные институты, которые в их нынешнем виде препятствуют реализации программы. Особо подчеркивается, что американские инвестиции должны быть направлены в организации, представляющие гражданское общество, поскольку именно они находятся на переднем крае борьбы с первопричинами регионального кризиса. Для успешной реализации задуманного план предполагает привлечение Мексики, Канады и других региональных партнеров из Центральной и Южной Америки [34].

Несмотря на то что план кандидата от демократов представлял альтернативу жесткой и многими ненавидимой политике Д. Трампа, он все равно подвергся критике как со стороны политических оппонентов, так и со стороны некоторых однопартийцев Дж. Байдена. Например, издание *The Intercept* еще весной 2020 г. отмечало, что предложенная программа скучна, банальна, не предлагает никаких новых решений и, облаченная в откровенно левую риторику, продолжает продвигать опробованную ранее провальную стратегию в отношении центральноамериканских стран. Дж. Байдену припомнили его непосредственное, и даже ключевое, участие в разработке принятого при администрации Билла Клинтона плана «Колумбия», направленного на борьбу с идущим через Центральную Америку наркотрафиком. В результате реализации этого плана, как отмечало издание, «кокаин потек на север более высокими темпами и по более низким ценам» [37].

Издание *The New York Times*, рассуждая уже накануне выборов, 27 октября 2020 г., на тему возможных преобразований во взаимоотношениях США со странами Латинской Америки, также подвергло критике план Байдена, но при этом дало определенные прогнозы по ситуации в случае победы демократов. Главным ожиданием от латиноамериканской

политики Дж. Байдена, по мнению издания, был отказ США от Доктрины Монро, реинкарнированной Д. Трампом в 2018 г. с целью помешать Китаю распространить свое влияние на Латинскую Америку. Прогнозировалось улучшение отношений с Кубой и ухудшение отношений с Бразилией. Во время первых президентских дебатов Дж. Байден сказал, что консервативное правительство Бразилии столкнется с «экономическими последствиями», если не сумеет остановить вырубку лесов [21].

После оглашения результатов выборов эксперты стали давать прогнозы и даже советы относительно возможного решения каких-то локальных вопросов, составляющих комплекс отношений США со странами Латинской Америки. Это были вопросы, связанные с Кубой, Венесуэлой, странами Центральной Америки, миграционной политикой, проблемами климата и т. д. [6; 30; 31; 35]. Ожидания в основном были оптимистичные. Латиноамериканский план Байдена по прогнозам должен был получить развитие и выйти за обозначенные в предвыборной программе географические и тематические рамки. Косвенным подтверждением этому стал и особый энтузиазм, с которым новый президент США подошел к реализации задуманного.

В первый день работы новой администрации, 20 января 2021 г., первым подписанным Дж. Байденом документом стал меморандум для генерального прокурора и министра внутренней безопасности, которым президент возобновил работу принятой еще в 2012 г. при Б. Обаме и приостановленной Д. Трампом программы, защищавшей несовершеннолетних иммигрантов от депортации из США (*Deferred Action for Childhood Arrivals – DACA*) [24]. Второй подписанный документ в настоящем контексте не так важен, он отменял указ № 13780 от 6 марта 2017 г., касавшийся запрета на въезд гражданам семи недружественных Соединенным Штатам стран Востока. А вот третьим подписанным документом Дж. Байден отменил нашедший указ № 13768 от 25 января 2017 г. [13]. Этот указ был ориентирован прежде всего на нелегальных иммигрантов из Латинской Америки, ужесточал правила и сокращал сроки для выдворения нарушителей миграционного за-

конодательства. В Разделе 9 он содержал спорное положение о наказании укрывавших нелегалов муниципалитетов посредством отказа в предоставлении федеральных грантов [12]. Это положение вызвало наибольшие дискуссии, в результате которых 21 ноября 2017 г. судья окружного суда США Уильям Оррик признал данный раздел о лишении так называемых городов-убежищ федерального финансирования неконституционным и издал бессрочный запрет на исполнение данного указа [11]. Дж. Байден своим распоряжением лишь поставил точку в этом вопросе.

В тот же день, 20 января 2021 г., Белый дом анонсировал всеобъемлющий законопроект об иммиграционной реформе, который упрощал и в значительной мере смягчал введенные предыдущей администрацией порядки, давал новые возможности для нелегалов к получению гражданства США, способствовал, как провозглашалось, развитию экономики страны, улучшению пограничного контроля и устранению коренных причин миграции из Центральной Америки [15]. На рассмотрение Конгресса текст законопроекта поступил 18 февраля 2021 г. [16]. По сути, данный законопроект не вводил в американскую систему чего-то принципиально нового, основные его положения соответствовали обозначенному еще во время предвыборной гонки плану Байдена и можно даже сказать, что были популистскими, поскольку призваны были изменить именно те принципы миграционной политики Д. Трампа, за которые он в свое время был сильно раскритикован как в американской, так и в латиноамериканской прессе. Отчасти о популистском характере предложенного законопроекта говорит и то, что по состоянию на сентябрь 2022 г. он так и не приобрел форму закона, больше года оставаясь на рассмотрении комитета Демократической партии по иммиграции и гражданству без публичных комментариев и обсуждений. При этом надо отметить, что демократы изначально понимали – протолкнуть законопроект целиком через Конгресс будет сложно, поэтому предложили оформить его положения в виде нескольких отдельных законов. Дж. Байден с такой позицией согласился [19].

Продолжая корректировать миграционную политику предыдущего президента,

Дж. Байден в начале февраля отменил еще несколько миграционных документов, подписанных Д. Трампом, в том числе и вызвавший волну критики знаковый указ № 13767 о строительстве пограничной стены [14].

Тем не менее каких-то новых решений по улучшению взаимоотношений США с латиноамериканскими странами, кроме отмены жестких постановлений прежней администрации, от команды Байдена – Харрис пока не было. В стратегии национальной безопасности, озвученной президентом 3 марта 2021 г., тема Латинской Америки фигурирует лишь в одном абзаце и ровно в том же ключе, что и в предвыборной программе [18, р. 10–11]. Для сравнения, в предыдущей стратегии национальной безопасности 2017 г. латиноамериканская тематика опосредованно затрагивается уже в самом начале документа, когда речь заходит о борьбе с нелегальной миграцией. Отдельный блок, посвященный приоритетам региональной политики США в Западном полушарии, идет практически в самом конце, после Южной и Центральной Азии, но перед Африкой. В этом блоке объемом примерно в одну страницу в общих чертах прописаны политические, экономические и военные шаги, которые следует предпринять Соединенным Штатам [23, р. 51].

В вопросе организации латиноамериканского направления политики США стратегия национальной безопасности 2017 г. выглядит более продуманной. Однако надо учитывать, что Дж. Байден предложил свою стратегию через полтора месяца после вступления в должность президента, тогда как Д. Трамп – через одиннадцать месяцев.

К весне 2021 г. появились признаки того, что план Байдена пробуксовывает, а ожидания экспертов были несколько завышены. Аналитики отмечали, что тон команды президента относительно обещанных перемен изменился, теперь акцент делался на плавность перехода от политики предыдущей администрации, при этом с предупреждением, что не стоит питать ложных надежд. Например, одно из самых читаемых испанских изданий *El Pais* отмечает, что, хотя есть некоторые подвижки в вопросе Венесуэлы, связанные с предоставлением гражданам этой страны статуса лиц, пользующихся временной за-

щитой (*Temporary Protected Status – TPS*), в целом политика Дж. Байдена повторяет политику Д. Трампа. Причем это касается и вопросов борьбы с нелегальной миграцией. В качестве иллюстрации издание приводит цитату из обращенной к мигрантам речи госсекретаря США Энтони Блинкена: «Всем, кто думает о том, чтобы отправиться в это путешествие, наше послание таково: “Не делайте этого!” Мы строго соблюдаем наши иммиграционные законы и наши меры безопасности на границе. Граница закрыта для нелегальной миграции» [22]. Помимо этого, вслед за *The New York Times* испанское издание констатирует, что количество нелегальных мигрантов, пытающихся проникнуть на территорию США, меньше не становится, а количество задержанных несовершеннолетних мигрантов только за последние две недели февраля 2021 г. увеличилось в три раза [22].

Наплыв мигрантов привел к тому, что Соединенные Штаты вынуждены были заключить соглашения с Мексикой, Гватемалой и Гондурасом, о размещении дополнительных войск на границе. Об этом, в частности, 12 апреля 2021 г. заявила пресс-секретарь Белого дома Джен Псаки [25].

В своем первом программном выступлении перед Конгрессом, которое пришлось за день до стодневого срока президентства, 28 апреля 2021 г., Дж. Байден подтвердил свою полную приверженность разработанному его предвыборной командой плану, никаких изменений предложено не было. Напротив, американский лидер напомнил, что когда он был вице-президентом, то по поручению Б. Обамы работал над программой по устранению коренных причин миграции и разработанные им механизмы позволили удержать людей от переезда в США [26]. Фактически выступление Дж. Байдена перед Конгрессом подтвердило, что политика новой администрации в отношении Латинской Америки не получила развития ни в плане разработки вызванных обстоятельствами новых подходов, ни в плане расширения географии.

Первые сто дней президентской администрации США для политологов и политических обозревателей традиционно являются неким маркером успешности политического курса новой команды. В этой связи в прессе все

чаще стала проявляться настороженность по поводу того, что план Байдена не работает так, как должен. С одной стороны, указывалось, что все не так плохо, поскольку за реализацию плана должны были отвечать действительно профессионалы. Например, второе лицо государства, вице-президент Камала Харрис лично возглавила направление по устранению коренных причин миграции из Центральной Америки, а спецпредставителем США в страны Северного треугольника был назначен Рикардо Суньигу, дипломат с глубоким знанием Латинской Америки, чья карьера в правительстве включала в себя работу в администрации Б. Обамы, где Р. Суньигу готовил переговоры об открытии дипломатических отношений с Кубой [17].

С другой стороны, весомых результатов работы новой команды пока не наблюдалось. Коррупция в центральноамериканских странах по-прежнему процветала. Более того, обозначилось даже откровенное противодействие чиновников из этих стран политике США в регионе, а это сводило на нет большинство американских инициатив. Соглашение с Мексикой, Гватемалой и Гондурасом о размещении дополнительных сил для сдерживания мигрантов не только напомнило о жесткой политике администрации Д. Трампа, но фактически продвигало аналогичный подход, основанный на сдерживании. Аналитики также обвинили Дж. Байдена в том, что, говоря о правах человека, он не осудил начавшиеся 28 апреля массовые репрессии против протестующих в Колумбии. Отмечалось, что, хотя во время предвыборной кампании Дж. Байден пообещал вновь открыть поездки на Кубу для всех американцев и восстановить права американцев кубинского происхождения на отправку денежных переводов своим семьям, признаков прогресса в этом вопросе также не наблюдалось [17; 28].

Кроме невыполненных или недостаточно выполненных обещаний, данных во время предвыборной гонки, Дж. Байден был раскритикован за отсутствие гибкости и нежелание подстраивать свой план под меняющиеся обстоятельства. Например, эксперты издания *The Dialogue* отмечали, что в вопросе распределения доз вакцины от COVID-19 в Латинской Америке США явно уступили пози-

ции России и Китаю, которые через поставку медикаментов укрепляют свое политическое присутствие в регионе. По прошествии ста дней администрация Дж. Байдена мало что прояснила в вопросе, как она собирается строить отношения с Латинской Америкой и Карибским бассейном или как она предлагает решать задачи, выходящие за рамки миграции из Центральной Америки. Эксперты отмечали, что латиноамериканцам не терпится узнать, каким образом США планируют разрешить такие давние проблемы, как незаконный оборот наркотиков; организованная преступность; изменение климата; политические репрессии на Кубе, в Никарагуа и Венесуэле, а также, как администрация Дж. Байдена планирует справляться с растущими опасениями по поводу усиливающегося влияния Китая в регионе и нарушениями прав человека во многих частях Латинской Америки, общей экономической стагнацией, растущим неравенством и политической нестабильностью [8]. Как можно видеть, уже к концу апреля 2021 г. накопившихся у экспертного сообщества вопросов относительно американской политики в регионе было предостаточно. Ответов же все еще не было.

Очевидно, что описанные в прессе явления, в частности касающиеся увеличившегося потока нелегальных мигрантов, стали побочным эффектом от смягчения введенных администрацией Д. Трампа жестких мер. В совокупности с новыми региональными вызовами это требовало от президентской команды корректировки положений плана Байдена. Однако в какой мере и каким образом должна была осуществляться корректировка, команде нового президента, судя по всему, было пока не ясно, ввиду чего заявлялось о необходимости плавного перехода к новой политике. При этом, по сути, выработанные республиканской администрацией механизмы контроля за мигрантами и методы ведения дел с отдельными странами Латинской Америки продолжали использоваться и демократами.

Тем не менее это не значит, что латиноамериканское направление политики Дж. Байдена зашло в тупик. Неоправданные ожидания и отсутствие ответов на целый ряд вопросов отчасти можно было списать на недочеты пресс-службы президента. Обновленный

30 июня 2021 г. доклад Исследовательской службы Конгресса (*Congressional Research Service – CRS*) о политике США в Латинской Америке в принципе показывает, что команда Байдена – Харрис все это время не сидела сложа руки. Из доклада следует, что в вопросе борьбы с коронавирусом администрация президента еще в марте 2021 г. обязалась предоставить Мексике 2,5 млн доз вакцины. А уже в июне заявила о планах поставки посредством механизма глобального доступа к вакцинам против COVID-19 (COVAX) 20 млн доз для стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Еще 20 млн доз предназначались отдельно для региональных партнеров Соединенных Штатов [20]. Кроме того, администрация Дж. Байдена продолжила санкционную политику давления на венесуэльское правительство Николаса Мадуро, а также ввела целенаправленные санкции в отношении нескольких никарагуанских чиновников в ответ на задержание лидеров оппозиции. В контексте противодействия растущему в Латиноамериканском регионе влиянию Китая в докладе были упомянуты два прошедших через Конгресс закона: H.R. 3524, Закон об обеспечении американского глобального лидерства и взаимодействия от 25 мая 2021 г., и S. 1260, Закон Соединенных Штатов об инновациях и конкуренции от 8 июня 2021 г., в которых, помимо прочего, содержатся положения, способствующие укреплению взаимодействия США со странами Латинской Америки и Карибского бассейна, позволяющие ослабить позиции Пекина в регионе. В докладе также сообщалось, что Сенат одобрил четыре резолюции об отношениях США со странами Латинской Америки и Карибского бассейна. Эти резолюции касались взаимоотношений Соединенных Штатов с Эквадором, протестных движений на Кубе и общей приверженности США принципам процветающего, безопасного и демократического Западного полушария [20].

Как можно видеть из доклада Исследовательской службы Конгресса, администрация Дж. Байдена продолжала вести свою политику в отношении Латиноамериканского региона, сильно ее не афишируя. Это и понятно, поскольку прорывных результатов в данном направлении не было, как и намеков, что какой-то прорыв произойдет в ближайшее вре-

мя. В чем были правы критики, так это в том, что у команды Байдена – Харрис, за исключением стран Северного треугольника, так и не прослеживалось четкого плана в отношении Латинской Америки.

Ситуация усугубилась к середине лета 2021 года. Настоящей проверкой для администрации президента США стали два ключевых события в регионе – убийство 7 июля 2021 г. президента Республики Гаити Жовенеля Моиза и вспыхнувшие 11 июля протесты на Кубе, вызванные нехваткой продовольствия и лекарств на фоне усугубляющегося экономического кризиса.

Белый дом направил на Гаити делегацию высокопоставленных чиновников для оценки ситуации с безопасностью и оказания помощи гаитянской национальной полиции в расследовании убийства президента. В вопросе Кубы от руководства США последовали одобрительные заявления в адрес протестующих [32].

Два этих триггера – Гаити и Куба – запустили новую волну критики подходов Дж. Байдена к латиноамериканским странам и в то же время давали повод надеяться, что команда президента начнет наконец как-то менять ситуацию. Даже Боб Менендес, председатель комитета Сената США по международным отношениям, который до этого все время выступал в защиту администрации за то, что она так и не сделала Кубу приоритетом во внешней политике, высказал предположение, что политика в отношении Кубы будет меняться: «Теперь, когда кубинский народ вышел на улицы, я думаю, что администрации придется рассмотреть варианты, которые она может использовать для поддержки кубинского народа» [27].

Ситуация в Гаити и на Кубе показала, что план Байдена в отношении Латинской Америки слишком узок, чтобы справляться с внезапно возникающими кризисами на континенте. Издание *The Hill* в попытке разобраться, какие есть варианты для изменения политики США в регионе, собрало мнения экспертов: международников, латиноамериканистов, бывших политических деятелей. В общих чертах они сошлись во мнении, что никакой универсальной стратегии в отношении региона быть не может, никакой план не в состоянии справиться с волной возникающих кри-

зисов. Но то, что может существенно облегчить ситуацию, – это грамотно подобранная команда специалистов по региону и преодоление бюрократических проволочек, связанных с назначением этой команды и реагированием на возникающие угрозы [7].

Экспертное сообщество волновал не только вопрос «что делать?», на котором сконцентрировало внимание *The Hill*, но и «кто виноват?». Последний, судя по материалам СМИ, был гораздо более популярен. Попытку дать на него ответ более-менее обоснованно с привлечением экспертов, законодателей и бывших чиновников попробовали, в частности, такие издания, как *Politico* и *Bloomberg*. Привлеченные аналитики обвинили в кризисе не только режимы латиноамериканских стран, но и последние администрации США, которые в своих политических амбициях откровенно пренебрегали соседями, направляя финансовые потоки на Восток и в Европу. Это, по мнению американских экспертов, привело к усилению в регионе влияния Пекина и Москвы, поддерживающих недемократические режимы и явно подливающих масло в огонь возникшего кризиса в Гаити и на Кубе. Отдельно досталось и плану Байдена за географическую ограниченность странами Северного треугольника, и американской бюрократии за неспособность с августа 2019 г. согласовать кандидатуру помощника госсекретаря по Западному полушарию [29; 36].

Как можно видеть, *The Hill*, *Politico* и *Bloomberg* отмечали общую деталь, замедляющую реализацию плана Байдена, – бюрократические проволочки по согласованию кандидатур на должности, ответственные за реализацию латиноамериканского направления политики Соединенных Штатов. Наиболее точно проблему обозначил Фултон Армстронг, профессор Американского университета, возглавлявший отдел межамериканских отношений в Совете национальной безопасности при администрации Б. Клинтона: «Суть в том, что обе партии так медленно создают свою команду, что пока ведутся бюрократические проволочки, одна администрация вынуждена продолжать политику другой, а когда наконец новая команда сформирована, прошла процедуру утверждения и все такое, проводимая политика уже набрала обороты» [7].

Именно это и можно было наблюдать через полгода после начала работы администрации нового президента. Географически расширить план Байдена мешали долгие бюрократические процедуры согласования кандидатур, новых направлений деятельности и финансирования, что усугублялось пандемией, локальными кризисами и чрезвычайными происшествиями типа разрушительного землетрясения на Гаити 14 августа 2021 года. В таких условиях команда Байдена – Харрис вынуждена была действовать по уже отработанным схемам предыдущей администрации, что естественно вызывало критику со стороны экспертов. Еще больше ситуацию усугубляли проблемы на других направлениях внешней политики США.

Если учитывать сформировавшуюся за полгода тенденцию ведения дел администрацией президента и обозначенную Ф. Армстронгом проблему, вполне ожидаемо было, что до конца 2021 г. расширения плана Байдена на другие страны Латинской Америки, да и вообще никаких серьезных подвижек в латиноамериканской политике США, не произойдет. Более того, запущенные Д. Трампом механизмы в ряде случаев будут продолжать работать.

Примерно так и вышло на самом деле. Хотя кандидатура помощника госсекретаря по Западному полушарию все-таки была согласована, 15 сентября 2021 г. им стал бывший посол США в Перу и Зимбабве Брайан А. Николс, общие тенденции в политике не поменялись. Подготовка необходимой инфраструктуры для реализации плана Байдена запаздывала. Несмотря на принятые в начале года постановления об отмене жестких миграционных указов Д. Трампа, новые механизмы все еще не были налажены и администрации приходилось решать текущие проблемы старыми методами. Например, как отмечали правозащитники, для высылки нелегальных иммигрантов, прибывших в США с Гаити, администрация организовала 116 авиааборт, которые начиная с 19 сентября в течение трех с половиной месяцев переправили около 12 400 чел. обратно в их страну, что стало одной из крупнейших высылок нелеглов по воздуху [9]. Другой пример связан со стеной Трампа. Отмененный Дж. Байденем указ

№ 13767 о ее строительстве по факту ничего не поменял. В декабре 2021 г. администрация заявила, что начнет «закрывать небольшие бреши, которые остались открытыми после предыдущих строительных работ», при этом отказалась обсуждать снос каких-либо построенных ранее сегментов стены [10].

Оценки политики президентской администрации по прошествии 2021 г. в общих чертах повторяют то, что стало ясно уже к осени: команде Байдена – Харрис не удалось принять смелые меры, необходимые для выполнения предвыборных обязательств и четкого отделения политики новой администрации от политики Д. Трампа; не было выработано грамотной политической стратегии в отношении Латинской Америки; борьба с коррупцией и беззаконием в странах Северного треугольника не привела к каким-то существенным результатам. Эксперты прогнозируют, что в последующие годы отношения США со странами региона будут формироваться скорее на двусторонней основе, а, учитывая обострившиеся проблемы в Европе и Азии, администрация Дж. Байдена будет уделять еще меньше внимания своим соседям [5; 9].

Результаты. В 2021 г. ожидания экспертного сообщества относительно реализации плана Байдена оправдались только в пункте отмены нашедших инициатив Д. Трампа в самом начале года, что, несомненно, пошло на пользу взаимоотношениям США с латиноамериканскими соседями. Тем не менее надежда экспертов увидеть расширение плана в тематическом и географическом смысле оказалась напрасной. Администрация президента не учла, что ситуация в Латинской Америке 2021 г. резко отличалась от той, когда Дж. Байден был вице-президентом, и апробированные тогда механизмы не смогли стать эффективным внешнеполитическим инструментом в решении обозначенных планом Байдена задач. Ситуацию усугубляли бюрократические проволочки внутри США, региональные кризисы и обострение международной напряженности в Европе и Азии. Реальность оказалось более суровой, в результате чего план Байдена свелся к принятию администрацией президента конкретных решений по мере возникновения проблем, причем к концу года эксперты, анализируя результативность

политики Дж. Байдена, не увидели в ней каких-то принципиальных достижений по сравнению с политикой Д. Трампа.

Справедливости ради надо отметить, что в следующем, 2022 г., администрация американского президента предприняла шаги, доказывающие, что негативные прогнозы 2021 г. на развитие отношений США со странами Латинской Америки в ряде случаев были успешными. Команде Дж. Байдена просто нужно было время, чтобы подготовиться к более решительным действиям.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-014-00040 «Трансформация современной политики США в Западном полушарии: региональные последствия и роль глобальных акторов».

The article was prepared with the financial support of the RFBR, project No. 20-014-00040 “Transformation of U.S. Modern Policy in the Western Hemisphere: Regional Consequences and the Role of Global Actors”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодзоев М. А.-М. Администрация Дж. Байдена и страны Центральной Америки и Карибского бассейна // Свободная мысль. 2021. № 6. С. 27–40.
2. Кодзоев М. А.-М. Латиноамериканская политика администрации Дж. Байдена: первые шаги // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 7. С. 63–69. DOI: <https://doi.org/10.31857/S268667300015574-1>
3. Пшеничников И. Б. Политика США в Латинской Америке при президенте Дж. Байдене // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 3 (66). С. 160–178. DOI: https://doi.org/10.52311/2079-3359_2021_3_160
4. Яковлев П. П. Приоритеты новой старой политики США в Латинской Америке // Независимая газета. 2020, 13 дек. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2020-12-13/10_8038_america.html
5. Albertoni N., Caso Á. U.S. Policy Toward Latin America: One Year into the Biden Administration // Global Americans. 2022, January 12. URL: <https://theglobalamericans.org/2022/01/one-year-biden-administration/>
6. Arnold-Parra S. What a Biden Presidency Means for Latin America // Global Risk Insights. 2020, December 10. URL: <https://globalriskinsights.com/>

2020/12/what-a-biden-presidency-means-for-latin-america

7. Bernal R., Kelly L., Beitsch R. Biden Foreign Policy Team Scrambles to Address Latin American Crises // The Hill. 2021, July 14. URL: <https://thehill.com/policy/international/562875-biden-foreign-policy-team-scrambles-latin-american-crises>

8. Biden's First 100 Days and Latin America Policy // The Dialogue. 2021, April 29. URL: <https://www.thedialogue.org/blogs/2021/04/bidens-first-100-days-and-latin-america-policy/>

9. Biden's First Year Policies Toward Latin America // WOLA. Advocacy for Human Rights in the Americas. 2022, January 18. URL: <https://www.wola.org/analysis/bidens-first-year-policies-toward-latin-america/>

10. DHS to Address Life, Safety, Environmental, and Remediation Requirements for Border Barrier Projects Previously Undertaken by DoD // U.S. Department of Homeland Security. 2021, December 20. URL: <https://www.dhs.gov/news/2021/12/20/dhs-address-life-safety-environmental-and-remediation-requirements-border-barrier>

11. Diamond J., McKirdy E. Judge Issues Blow Against Trump's Sanctuary City Order // CNN. 2017, November 21. URL: <http://edition.cnn.com/2017/11/21/politics/trump-sanctuary-cities-executive-order-blocked/index.html>

12. Executive Order 13768 of January 25, 2017: Enhancing Public Safety in the Interior of the United States: Sec. 9 // Federal Register: The Daily Journal of the United States Government. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2017/01/30/2017-02102/enhancing-public-safety-in-the-interior-of-the-united-states>

13. Executive Order 13993 of January 20, 2021: Revision of Civil Immigration Enforcement Policies and Priorities // Federal Register: The Daily Journal of the United States Government. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2021/01/25/2021-01768/revision-of-civil-immigration-enforcement-policies-and-priorities>

14. Executive Order 14010 of February 2, 2021: Creating a Comprehensive Regional Framework to Address the Causes of Migration, to Manage Migration Throughout North and Central America, and to Provide Safe and Orderly Processing of Asylum Seekers at the United States Border // Federal Register: The Daily Journal of the United States Government. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2021/02/05/2021-02561/creating-a-comprehensive-regional-framework-to-address-the-causes-of-migration-to-manage-migration>

15. Fact Sheet: President Biden Sends Immigration Bill to Congress as Part of His Commitment to Modernize our Immigration System // The White

House. 2021, January 20. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/01/20/fact-sheet-president-biden-sends-immigration-bill-to-congress-as-part-of-his-commitment-to-modernize-our-immigration-system/>

16. H.R.1177 – U.S. Citizenship Act // Congress.gov. 2021, February 18. URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/1177/text>

17. Haugaard L., Saadipour Sellés A. The Biden Administration's Latin America Policy: It's a Start... // The Latin America Working Group. URL: <https://www.lawg.org/the-biden-administrations-latin-america-policy-its-a-start/>

18. Interim National Security Strategic Guidance, March 2021 // The White House. 2021, March 3. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf>

19. Jaffe A. Path to Citizenship in New Democratic Immigration Bill // Associated Press. 2021, February 18. URL: <https://apnews.com/article/biden-democrats-new-immigration-bill-b80ff43f84438d487f274abb93b0447d>

20. Latin America and the Caribbean: U.S. Policy Overview. Updated June 30, 2021 // Congressional Research Service. FAS Project on Government Secrecy. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/IF10460.pdf>

21. Londoño E. Biden's Plans for Latin America: End 'Bully Dictating Policy' // The New York Times. 2020, October 27. URL: <https://www.nytimes.com/2020/10/27/world/americas/joe-biden-latin-america-policy.html>

22. Mars A. How Joe Biden is Driving a Complicated Shift in US Policy Toward Latin America // El Pais. 2021, March 16. URL: <https://english.elpais.com/usa/2021-03-16/how-joe-biden-is-driving-a-complicated-shift-in-us-policy-toward-latin-america.html>

23. National Security Strategy of the United States of America, December 2017 // Trump White House Archives. 2017, December 18. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

24. Preserving and Fortifying Deferred Action for Childhood Arrivals (DACA) // The White House. 2021, January 20. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/01/20/preserving-and-fortifying-deferred-action-for-childhood-arrivals-daca/>

25. Press Briefing by Press Secretary Jen Psaki // The White House. 2021, April 12. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2021/04/12/press-briefing-by-press-secretary-jen-psaki-april-12-2021/>

26. Remarks by President Biden in Address to a Joint Session of Congress // The White House. 2021, April 29. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing->

room/speeches-remarks/2021/04/29/remarks-by-president-biden-in-address-to-a-joint-session-of-congress/

27. Rodriguez S., Toosi N. The White House is Finally Paying Attention': Cuba's Protests Force Biden's Hand // Politico. 2021, July 12. URL: <https://www.politico.com/news/2021/07/12/biden-cuba-response-499400>

28. Schwartz R. A. The Biden Administration Has Pledged Significant Aid to Central America. But Where Should It Go and How Should It Get There? // The Dialogue. 2021, April 22. URL: <https://www.thedialogue.org/blogs/2021/04/the-biden-administration-has-pledged-significant-aid-to-central-america-but-where-should-it-go-and-how-should-it-get-there/>

29. Seligman L. Biden Urged to Focus on Long-neglected Latin America as Chaos Erupts // Politico. 2021, July 15. URL: <https://www.politico.com/news/2021/07/15/biden-latin-america-crisis-499752>

30. Shifter: "Biden Will Also Have a Hard Line on Venezuela" // The Dialogue. 2020, December 7. URL: <https://www.thedialogue.org/analysis/shifter-biden-will-also-have-a-hard-line-on-venezuela/>

31. Shifter: "El medio ambiente va a ser central para el nuevo presidente de EEUU" // The Dialogue. 2020, November 28. URL: <https://www.thedialogue.org/analysis/shifter-el-medio-ambiente-va-a-ser-central-para-el-nuevo-presidente-de-eeuu/>

32. Statement by President Joseph R. Biden, Jr. on Protests in Cuba // The White House. 2021, July 12. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/07/12/statement-by-president-joseph-r-biden-jr-on-protests-in-cuba/>

33. Súdarev V. P. De Trump a Biden: la evolución de la política estadounidense en América Latina // Iberoamerica. 2021. № 2. P. 148–167. DOI: <https://doi.org/10.37656/s20768400-2021-2-07>

34. The Biden Plan to Build Security and Prosperity in Partnership with the People of Central America // BidenHarris. URL: <https://joebiden.com/centralamerica/#>

35. Viscidi: Biden's Climate Foreign Policy "Should Start with Latin America" // The Dialogue. 2021, February 5. URL: <https://www.thedialogue.org/analysis/viscidi-bidens-climate-foreign-policy-should-start-with-latin-america/>

36. Wainer D., Martin E. Latin America Turmoil Intrudes in Biden's Focus on China, Europe // Bloomberg. 2021, July 17. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-07-17/latin-america-turmoil-intrudes-in-biden-s-focus-on-china-europe>

37. Washington J. We Need to Reverse the Damage Trump Has Done in Latin America. Biden's Plans Don't Cut It // The Intercept. 2020, April 18. URL:

<https://theintercept.com/2020/04/18/trump-latin-america-foreign-policy-joe-biden/>

REFERENCES

1. Kodzoev M.A.-M. Administratsiya Dzh. Baydena i strany Tsentralnoy Ameriki i Karibskogo basseyna [The Joe Biden Administration and the Countries of Central America and the Caribbean]. *Svobodnaya mysl* [Free Thought], 2021, no. 6, pp. 27–40.

2. Kodzoev M.A.-M. Latinoamerikanskaya politika administratsii Dzh. Baydena: pervye shagi [The Latin American Policy of the J. Biden Administration: Initial Steps]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kultura* [USA & Canada: Economics, Politics, Culture], 2021, no. 7, pp. 63–69. DOI: <https://doi.org/10.31857/S268667300015574-1>

3. Pshenichnikov I.B. Politika SShA v Latinskoy Amerike pri prezidente Dzh. Baydene [U.S. Policy in Latin America Under President J. Biden]. *Problemy natsionalnoy strategii* [Problems of National Strategy], 2021, no. 3 (66), pp. 160–178. DOI: https://doi.org/10.52311/2079-3359_2021_3_160

4. Yakovlev P.P. Priorityty novoy staroy politiki SShA v Latinskoy Amerike [Priorities of the New Old U.S. Policy in Latin America]. *Nezavisimaya Gazeta* [Independent Newspaper], 2020, 13 Dec. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2020-12-13/10_8038_america.html

5. Albertoni N., Caso Á. U.S. Policy Toward Latin America: One Year into the Biden Administration. *Global Americans*, 2022, January 12. URL: <https://theglobalamericans.org/2022/01/one-year-biden-administration/>

6. Arnold-Parra S. What a Biden Presidency Means for Latin America. *Global Risk Insights*, 2020, December 10. URL: <https://globalriskinsights.com/2020/12/what-a-biden-presidency-means-for-latin-america/>

7. Bernal R., Kelly L., Beitsch R. Biden Foreign Policy Team Scrambles to Address Latin American Crises. *The Hill*, 2021, July 14. URL: <https://thehill.com/policy/international/562875-biden-foreign-policy-team-scrambles-latin-american-crises>

8. Biden's First 100 Days and Latin America Policy. *The Dialogue*, 2021, April 29. URL: <https://www.thedialogue.org/blogs/2021/04/bidens-first-100-days-and-latin-america-policy/>

9. Biden's First Year Policies Toward Latin America. *WOLA. Advocacy for Human Rights in the Americas*, 2022, January 18. URL: <https://www.wola.org/analysis/bidens-first-year-policies-toward-latin-america/>

10. DHS to Address Life, Safety, Environmental, and Remediation Requirements for Border Barrier

Projects Previously Undertaken by DoD. *U.S. Department of Homeland Security*, 2021, December 20. URL: <https://www.dhs.gov/news/2021/12/20/dhs-address-life-safety-environmental-and-remediation-requirements-border-barrier>

11. Diamond J., McKirdy E. Judge Issues Blow Against Trump's Sanctuary City Order. *CNN*, 2017, November 21. URL: <http://edition.cnn.com/2017/11/21/politics/trump-sanctuary-cities-executive-order-blocked/index.html>

12. Executive Order 13768 of January 25, 2017: Enhancing Public Safety in the Interior of the United States. Sec. 9. *Federal Register. The Daily Journal of the United States Government*. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2017/01/30/2017-02102/enhancing-public-safety-in-the-interior-of-the-united-states>

13. Executive Order 13993 of January 20, 2021: Revision of Civil Immigration Enforcement Policies and Priorities. *Federal Register. The Daily Journal of the United States Government*. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2021/01/25/2021-01768/revision-of-civil-immigration-enforcement-policies-and-priorities>

14. Executive Order 14010 of February 2, 2021. Creating a Comprehensive Regional Framework to Address the Causes of Migration, to Manage Migration Throughout North and Central America, and to Provide Safe and Orderly Processing of Asylum Seekers at the United States Border. *Federal Register. The Daily Journal of the United States Government*. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2021/02/05/2021-02561/creating-a-comprehensive-regional-framework-to-address-the-causes-of-migration-to-manage-migration>

15. Fact Sheet: President Biden Sends Immigration Bill to Congress as Part of His Commitment to Modernize Our Immigration System. *The White House*, 2021, January 20. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/01/20/fact-sheet-president-biden-sends-immigration-bill-to-congress-as-part-of-his-commitment-to-modernize-our-immigration-system/>

16. H.R. 1177 – U.S. Citizenship Act. *Congress.gov*, 2021, February 18. URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/1177/text>

17. Haugaard L., Saadipour Sellés A. The Biden Administration's Latin America Policy: It's a Start... *The Latin America Working Group*. URL: <https://www.lawg.org/the-biden-administrations-latin-america-policy-its-a-start/>

18. Interim National Security Strategic Guidance, March 2021. *The White House*, 2021, March 3. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf>

19. Jaffe A. Path to Citizenship in New Democratic Immigration Bill. *Associated Press*, 2021, February 18.

URL: <https://apnews.com/article/biden-democrats-new-immigration-bill-b80ff43f84438d487f274abb93b0447d>

20. Congressional Research Service. Latin America and the Caribbean: U.S. Policy Overview. Updated June 30, 2021. *FAS Project on Government Secrecy*. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/IF10460.pdf>

21. Londoño E. Biden's Plans for Latin America: End 'Bully Dictating Policy'. *The New York Times*, 2020, October 27. URL: <https://www.nytimes.com/2020/10/27/world/americas/joe-biden-latin-america-policy.html>

22. Mars A. How Joe Biden Is Driving a Complicated Shift in US Policy Toward Latin America. *El Pais*, 2021, March 16. URL: <https://english.elpais.com/usa/2021-03-16/how-joe-biden-is-driving-a-complicated-shift-in-us-policy-toward-latin-america.html>

23. National Security Strategy of the United States of America, December 2017. *Trump White House Archives*, 2017, December 18. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

24. Preserving and Fortifying Deferred Action for Childhood Arrivals (DACA). *The White House*, 2021, January 20. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/01/20/preserving-and-fortifying-deferred-action-for-childhood-arrivals-daca/>

25. Press Briefing by Press Secretary Jen Psaki. *The White House*, 2021, April 12. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2021/04/12/press-briefing-by-press-secretary-jen-psaki-april-12-2021/>

26. Remarks by President Biden in Address to a Joint Session of Congress. *The White House*, 2021, April 29. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/04/29/remarks-by-president-biden-in-address-to-a-joint-session-of-congress/>

27. Rodriguez S., Toosi N. The White House Is Finally Paying Attention': Cuba's Protests Force Biden's Hand. *Politico*, 2021, July 12. URL: <https://www.politico.com/news/2021/07/12/biden-cuba-response-499400>

28. Schwartz R.A. The Biden Administration Has Pledged Significant Aid to Central America. But Where Should It Go and How Should It Get There? *The Dialogue*, 2021, April 22. URL: <https://www.thedialogue.org/blogs/2021/04/the-biden-administration-has-pledged-significant-aid-to-central-america-but-where-should-it-go-and-how-should-it-get-there/>

29. Seligman L. Biden Urged to Focus on Long-Neglected Latin America as Chaos Erupts. *Politico*, 2021, July 15. URL: <https://www.politico.com/news/2021/07/15/biden-latin-america-crisis-499752>

30. Shifter: "Biden Will Also Have a Hard Line on Venezuela". *The Dialogue*, 2020, December 7. URL: <https://www.thedialogue.org/analysis/shifter-biden-will-also-have-a-hard-line-on-venezuela/>

31. Shifter: "El medio ambiente va a ser central para el nuevo presidente de EEUU". *The Dialogue*, 2020, November 28. URL: <https://www.thedialogue.org/analysis/shifter-el-medio-ambiente-va-a-ser-central-para-el-nuevo-presidente-de-eeuu/>

32. Statement by President Joseph R. Biden, Jr. on Protests in Cuba. *The White House*, 2021, July 12. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/07/12/statement-by-president-joseph-r-biden-jr-on-protests-in-cuba/>

33. Súdarev V.P. De Trump a Biden: la evolución de la política estadounidense en América Latina. *Iberoamerica*, 2021, no. 2. pp. 148-167. DOI: <https://doi.org/10.37656/s20768400-2021-2-07>

34. The Biden Plan to Build Security and Prosperity in Partnership with the People of Central America. *BidenHarris*. URL: <https://joebiden.com/centralamerica/#>

35. Viscidi: Biden's Climate Foreign Policy "Should Start with Latin America". *The Dialogue*, 2021, February 5. URL: <https://www.thedialogue.org/analysis/viscidi-bidens-climate-foreign-policy-should-start-with-latin-america/>

36. Wainer D., Martin E. Latin America Turmoil Intrudes in Biden's Focus on China, Europe. *Bloomberg*, 2021, July 17. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-07-17/latin-america-turmoil-intrudes-in-biden-s-focus-on-china-europe>

37. Washington J. We Need to Reverse the Damage Trump Has Done in Latin America. Biden's Plans Don't Cut It. *The Intercept*, 2020, April 18. URL: <https://theintercept.com/2020/04/18/trump-latin-america-foreign-policy-joe-biden/>

Information About the Author

Timur V. Nelin, Candidate of Sciences (History), Head of Department, Volgograd Regional Research and Production Center for the Protection of Historical and Cultural Monuments, Kommunisticheskaya St, 19, 400005 Volgograd, Russian Federation, timur_nelin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7550-7426>

Информация об авторе

Тимур Владимирович Нелин, кандидат исторических наук, начальник управления, Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры, ул. Коммунистическая, 19, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, timur_nelin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7550-7426>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.15>

UDC 327(479.24)«20»
ЛБС 66.4(5Азе),3

Submitted: 05.06.2023
Accepted: 27.09.2023

HOSTAGE TO INFRASTRUCTURAL CONTRADICTIONS IN THE CAUCASUS: NAGORNO-KARABAKH AFTER 2020

Ekaterina V. Arkhipova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article defines the nodal intersections of international transport corridors in the South Caucasus. Nagorno-Karabakh, after the 2020 war, is isolated from the donor country, and the prospects for its existence are beginning to depend more and more on transport diplomacy in the region. *Methods and materials.* The study is based on the concept of F. Braudel on the territorial organization of space. To analyze the current regional situation around Nagorno-Karabakh after 2020, strategic documents, news reports, interviews, and statements by officials of the countries of the region and representatives of regional powers were used. *Analysis.* The transport isolation of Nagorno-Karabakh undertaken by Azerbaijan after 2020, while simultaneously developing transport infrastructure bypassing it and the central regions of Armenia, created conditions for a humanitarian crisis in the unrecognized state. During the negotiations with Armenia, the fate of the Karabakh population is becoming more closely associated with the development of transport infrastructure in the region, calling into question the participation of Armenia itself in the development of projects. This situation forces its Prime Minister to take unpopular measures, gradually yielding to Baku's demands. Azerbaijan, having taken part in the implementation of European transport projects, is developing new ones with the participation of China, Russia, Turkey, and Iran. The unresolved conflict hinders the security of investments in the region. The speed of development of competing transport corridors does not create prerequisites for long-term projects to resolve the issue of Nagorno-Karabakh. *Results.* Thanks to Azerbaijan's initiative, new transport geography is being formed in the South Caucasus, creating diversified corridors for Azerbaijan and Turkey, and at the same time increasing the Russian Federation and Iran's dependence on the level of relations with these states. Taking into account Azerbaijan's negotiations with Iran as well as Russia's interest in the development of the North-South ITC, it can be assumed that tougher steps will be taken in the future with regard to the Nagorno-Karabakh as well as the Zangezur corridor.

Key words: South Caucasus, North-South ITC, Zangezur corridor, Nagorno-Karabakh, TRACECA, Trans-Caspian International Transport Route, China.

Citation. Arkhipova E.V. Hostage to Infrastructural Contradictions in the Caucasus: Nagorno-Karabakh After 2020. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 186-200. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.15>

УДК 327(479.24)«20»
ББК 66.4(5Азе),3

Дата поступления статьи: 05.06.2023
Дата принятия статьи: 27.09.2023

ЗАЛОЖНИК ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ НА КAVKAZE: НАГОРНЫЙ КАРАБАХ ПОСЛЕ 2020 ГОДА

Екатерина Владимировна Архипова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье определены узловые пересечения международных транспортных коридоров в Южном Кавказе. Нагорный Карабах после войны 2020 г. находится в изоляции от страны-донора, и перспективы его существования начинают все больше зависеть от транспортной дипломатии в регионе. *Методы и материалы.* Исследование опирается на концепцию Ф. Броделя о территориальной организации пространства. Для анализа сложившейся региональной ситуации вокруг Нагорного Карабаха после 2020 г.

использовались стратегические документы, информационные сообщения, интервью, заявления официальных лиц стран региона и представителей региональных держав. *Анализ.* Транспортная изоляция Нагорного Карабаха, предпринятая Азербайджаном после 2020 г. при одновременном развитии транспортной инфраструктуры в обход него и центральных районов Армении, создала условия гуманитарного кризиса в непризнанном государстве. В ходе переговоров с Арменией судьба карабахского населения все теснее начинает связываться с развитием транспортной инфраструктуры в регионе, ставя под вопрос участие самой Армении в развитии проектов. Эта ситуация заставляет ее премьер-министра идти на непопулярные меры, постепенно уступая требованиям Баку. Азербайджан, приняв участие в реализации европейских транспортных проектов, развивает новые с участием Китая, России, Турции и Ирана. Неурегулированный конфликт мешает обеспечению безопасности инвестиций в регионе. Скорость развития конкурирующих транспортных коридоров не создает предпосылок для долгосрочных проектов по решению вопроса о Нагорном Карабахе. *Результаты.* Благодаря инициативе Азербайджана в Южном Кавказе формируется новая транспортная география, создающая диверсифицированные коридоры для Азербайджана и Турции и в то же время увеличивающие зависимость РФ и Ирана от уровня отношений с этими государствами. Учитывая встречу министров обороны Азербайджана с Ираном в сентябре 2023 г. и заинтересованность РФ в развитии МТК «Север-Юг», можно предположить, что Азербайджан готовит почву для более решительных мер в отношении Нагорного Карабаха и Зангезурского коридора.

Ключевые слова: Южный Кавказ, МТК «Север-Юг», Зангезурский коридор, Нагорный Карабах, ТРАСЕКА, Транскаспийский международный транспортный коридор, Китай.

Цитирование. Архипова Е. В. Заложник инфраструктурных противоречий на Кавказе: Нагорный Карабах после 2020 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 186–200. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.15>

Введение. Южный Кавказ традиционно рассматривался как мост между Востоком и Западом, Югом и Севером и в настоящее время сохраняет свое особое значение. В регионе представлены разнородные международные политические субъекты: признанные Азербайджан, Армения и Грузия, частично признанные Южная Осетия, Абхазия и непризнанный Нагорный Карабах, – что ограничивает применение моделей взаимодействия между странами. И если признанные республики с разной степенью активности могут принимать участие в процессе модернизации транспортной инфраструктуры, который для них является залогом развития, то для частично признанных и непризнанной республики это становится большой проблемой, способной изолировать их от внешних рынков и снижать уровень безопасности. После признания независимости Абхазии и Южной Осетии Россия разблокировала железнодорожную и автомобильную коммуникацию с ними, но судьба Нагорного Карабаха, оторванного от территории Армении Лачинским районом, сложилась иначе. Армянский контроль над семью районами Азербайджана с 1994 по 2020 г. оправдывал необходимость обеспечения прямой наземной связи между Арменией и Нагорным

Карабахом. После войны 2020 г. между Азербайджаном и силами Нагорно-Карабахской Республики положение этой непризнанной республики становится все сложнее. Азербайджан восстановил свой суверенитет над ранее оккупированными районами, под контроль Азербайджана также перешли некоторые районы Нагорного Карабаха с городами Шуша, Агдам. Дорога между Нагорным Карабахом и Арменией, проходящая теперь по территории Азербайджана, становится транспортным коридором под контролем азербайджанского правительства. В регион были введены российские миротворцы для наблюдения за работой Лачинского и Зангезурского коридоров. На этом фоне в регионе нарастают темпы развития существующих транспортных коридоров. И это обостряет не только внутрорегиональную конкуренцию за доступ к обеспечению транспортных услуг, но и международную конкуренцию за объемы и направления транзита.

Методы и материалы. Возможности развития международных транспортных коридоров в регионе уже привлекали внимание исследователей. А. Пылин определил международное значение магистралей Южного Кавказа [30]. По мере технического развития

региональных путей исследователи стали обращаться к теме того влияния, которое оказывает международный транспортный коридор «Север-Юг» на территории, по которым проходит. Так, Г.В. Косов и А.В. Гукасов в 2019 г. обратили внимание на усилия Азербайджана по развитию логистики в стране [17]. А. Маркаров и В. Давтян дали характеристику сложившимся транспортным системам стран региона, особенностям их взаимодействия [19]. В статье, вышедшей в 2021 г., Е.В. Архипова сделала вывод об усилении позиций Азербайджана в транспортной системе региона после войны 2020 г. [6, с. 154]. Условия транспортной интеграции в рамках ЕАЭС проанализированы в статье Т.М. Степанян [33]. Азербайджанский исследователь центра экономического и социального развития Н. Исламлы подготовил аналитическую записку, раскрывающую возможности развития Южного газового коридора в условиях европейских санкций по отношению к России. Автор отмечает важность объединения азербайджанских и турецких коридоров [38].

Положение Нагорного Карабаха получило многостороннее развитие в современной научной и публицистической литературе. Сложно дать независимую оценку в целом возможностям его развития, так как для исследователей и из Армении, и из Азербайджана позиция по вопросу о его статусе стала тестом на верность своей стране. Учитывая, что данная статья сосредоточена на событиях после войны 2020 г., имеет смысл рассмотреть, какие темы нашли отражение в научной литературе по ее окончании. Среди российских исследователей нужно отметить значение работ С.М. Маркедонова, который анализирует внутривосточные изменения в странах Южного Кавказа, их внешнеполитические шаги, а также подробно разбирает исторические аспекты развития конфликтов и модели использования исторической памяти в регионе [20–22]. Публикации армянского исследователя Б. Погосяна нацелены на раскрытие внутривосточных процессов в Армении, международных отношений в регионе, влияния событий в Нагорном Карабахе на внутривосточные процессы, восприятия армянским обществом событий вокруг Нагорного Карабаха. Автор отмечает значение развития

партнерства Армении с Европейскими странами, Индией и Китаем как потенциальными инвесторами, что открывает возможность их влияния на закрепление армянских позиций [40–42]. Г. Аветикян в своей публикации сразу по окончании горячей фазы войны 2020 г. предложил свое понимание роли России и сопредельных стран в урегулировании конфликта [2].

А. Валиев и Н. Джафарова сделали предположение о большом значении фактора развития транспортной инфраструктуры Азербайджана, ее хрупкости и зависимости от ситуации в Нагорном Карабахе, что и предопределило начало вооруженной фазы конфликта, и высказали предположение, что в результате любой последующей войны из-за Нагорного Карабаха Армения потерпит поражение [44]. М.М. Агазаде сформулировал последствия «Второй карабахской войны» для ее участников и заинтересованных государств, утверждая, например, что Франция своими политическими заявлениями во время военных действий дискредитировала свою позицию посредника – участника Минской группы. Автор также обратил внимание на то, что азербайджанское общество с 1994 г. чувствовало себя проигравшим, потеряв не только Карабах, но и семь районов Азербайджана, и копило силы для реванша, подойдя к 2020 г. как сплоченное идеей восстановления территориальной целостности [3].

В текстах исследователей часто фигурируют политические аспекты отношений между странами, приводятся негативные исторические факты и претензии. Необходимо отметить возрастающее внимание к вопросу развития транспортных коридоров в регионе. В то же время представляется важным определить влияние инфраструктурных изменений на политику стран региона в отношении Нагорного Карабаха. В частности, еще Ф. Бродель указывал на то, что территориальная организация экономического пространства определяет возможности его роста [8]. Более того, следует обратить внимание на тот факт, что в Совместном заявлении, подписанном Азербайджаном, Арменией и Россией в 2020 г., стороны предполагали развитие транспортных проектов в регионе. Таким образом, необходимо зафиксировать тенденцию, при которой

все участники переговорного процесса стремятся принять участие в новой территориальной организации экономического пространства, иначе им грозит изоляция.

Для анализа сложившейся региональной ситуации вокруг Нагорного Карабаха после 2020 г. использовались стратегические документы, информационные сообщения, интервью, заявления официальных лиц стран региона и представителей региональных держав, экспертные оценки. Использовался метод дискурс-анализа для того, чтобы выявить каким образом политики стран формируют представление об интересах государств. Хронологические рамки исследования охватывают период с 2020 г. по начало сентября 2023 года.

Анализ. После войны 2020 г. Азербайджан начал активное развитие дорожной инфраструктуры, связывающей его с освобожденными семью районами и Нахичеванью (азерб. наименование: Нахчыван) и в дальнейшем выходящей в Турцию. Проект этого транспортного коридора был заложен в условиях совместного заявления, подписанного Арменией и Азербайджаном с участием РФ в 2020 г. [14]. Примечательно заявление И. Алиева 10 декабря 2020 г., предложившего тесное региональное сотрудничество в том числе и для Армении в случае «если она «сделает выводы из войны» в Нагорном Карабахе» [4]. С января 2021 г. вопрос развития транспортного Мегринского (Зангезурского) коридора между Азербайджаном и его Нахичеванской Автономной Республикой с включением Сюникского района Армении в транспортную сеть становится постоянным пунктом в повестке дня каждой встречи премьер-министра Армении Н. Пашиняна и президента Азербайджана И. Алиева.

К декабрю 2021 г. стороны договорились о восстановлении железной дороги Ерасх-Джюльфа-Ордубад-Мегри-Хорадиз. Спорными остались условия его функционирования. В то время как Азербайджан оговаривал, что пропускные режимы в Зангезурском и Лачинском коридорах должны совпадать, премьер-министра Армении объявил, что «железная дорога будет работать в соответствии с международно-признанными пограничными и таможенными правилами на принципах взаимности под суверенитетом и

юрисдикцией стран» [25]. И это означало согласие на установление пограничного контроля для обоих коридоров.

В апреле 2023 г., выступая перед армянским парламентом, премьер-министр Н. Пашинян напомнил о Мадридских принципах, подписанных Арменией еще в 2007 г., согласно которым Нагорный Карабах признавался частью Азербайджана [35]. Хотя он таким образом подтвердил признание территориальной целостности Азербайджана, тем не менее руководство страны не спешило с делимитацией границы, так как после подписания совместного заявления 2020 г. в Армении высказывалось пожелание уточнить, в каких именно границах должно состояться признание: по состоянию на 1991 г. или по результатам военных действий. Это уже начали использовать азербайджанские вооруженные силы: продвигаясь в мае 2021 г. в граничащих с Арменией Лачинском и Кельбаджарском уездах они занимали приграничные территории Армении, оправдываясь тем, что граница между странами не утверждена.

Для обеспечения защиты жителей Нагорного Карабаха на линии соприкосновения и вдоль Лачинского коридора были введены российские миротворческие силы, чья работа постоянно подвергается критике со стороны армянского правительства. Особенно критика усилилась после декабря 2022 г., когда Лачинский коридор был заблокирован азербайджанскими эоактивистами, которых в апреле 2023 г. сменили пограничные войска Азербайджана, очевидно, потому что азербайджанская сторона уже начала форсировать выполнение договоренностей по решению вопросов о мирном договоре и режиме пересечения границ. В ответ армянская сторона ожидала, что российские миротворцы вмешаются и вынудят азербайджанцев освободить проезд. С декабря 2022 г. жители Нагорного Карабаха не имели возможности выехать в западном направлении, была прекращена доставка продуктов, газа, электричества, медикаментов, любых товаров, что привело к развитию гуманитарной катастрофы. Ереван предлагал предоставление азербайджанской стороной Лачинской дороге статуса коридора, что исключает досмотр грузов. Азербайджан по-прежнему настаивал на использова-

нии пограничного досмотра как в отношении Лачинского коридора, так и в отношении Зангезурского коридора [42]. В мае 2023 г. Азербайджан открыл пропускной пункт в Лачинском коридоре, обеспечив контроль над передвижением в НК [41]. И. Алиев предложил использовать коридор через подконтрольную Азербайджану Шушу (Агдам), что было негативно встречено в армянском обществе, которое опасается проникновения азербайджанских сил через восточный коридор. В июне 2023 г. Азербайджан перекрыл Лачинскую дорогу бетонными заграждениями, что еще больше накалило обстановку, Армения требовала от России действий по разблокированию дороги, обращались к европейским странам за помощью. В ответ на обвинения в создании гуманитарной катастрофы в начале сентября 2023 г. Азербайджан предложил открыть дорогу Степанакерт – Агдам для гуманитарных грузов [11].

Незавершенное урегулирование становится причиной активизации внешних для региона акторов и на рубеже 2022–2023 годов. Совет министров иностранных дел ЕС одобрил направление миссий ЕС сначала в составе 40 человек на 2 месяца, а позже – 100 и уже на двухлетний срок [37]. Первая цель миссии заключалась в создании условий для ускоренного подписания мирного договора, но когда 12 декабря 2022 г. Лачинский коридор был перекрыт, ее цель эволюционировала в пользу обеспечения безопасности Армении и ознакомления с ситуацией в Лачине [18]. Однако это не оказало сильного влияния на Президента Азербайджана и уже 10 января 2023 г. И. Алиев в интервью азербайджанским телеканалам заявил, что если в Армении «не хотят делимитацию, значит, граница будет проходить там, где мы посчитаем нужным» [28]. Заявление уже можно расценивать как готовность применить силу для достижения цели. В сентябре 2023 г. ситуация привлекла внимание сенаторов США, на территории Армении состоялись совместные армяно-американские военные учения, на которые прибыли 85 американских солдат. И хотя взаимодействие силовых органов Армении и США осуществлялось и ранее в разных форматах [32], на фоне отказа Армении от учений в рамках ОДКБ сотрудничество с США выглядело двусмысленно [36].

Таким образом, внешнеполитические действия Н. Пашиняна с 2021 г. сводятся к поиску новых союзников, способных помочь договориться с Азербайджаном. Однако именно европейские партнеры настаивали в 2021–2022 гг. на незамедлительном подписании армяно-азербайджанского договора с признанием границ 1991 г., то есть с потерями для Армении. В европейских странах прошло несколько раундов переговоров, и уже в октябре 2022 г. Н. Пашинян и И. Алиев подписали заявление, по которому признавали территориальную целостность Армении и Азербайджана [27].

Иран традиционно позиционируется в армянском обществе как второй после России союзник, с ним связывались надежды на выход Армении из транспортной изоляции за счет включения Сюникской области Армении в транспортный коридор «Север-Юг». Однако в марте 2022 г. Иран и Азербайджан подписали Меморандум о взаимопонимании, в котором договорились о создании новых коммуникационных связей между Восточно-Зангезурским экономическим районом и Нахчыванской АР через территорию Ирана, а также об инвестициях Ирана в освобожденные районы Азербайджана. Вероятно, понимая шаткость такого союзника Армения предпринимает также шаги по привлечению Китая и Индии к производственным и инфраструктурным проектам в стране [40].

Рассматривая ситуацию вокруг Нагорного Карабаха в более широком международном контексте, необходимо обратить внимание на развитие инфраструктурных проектов в регионе, что может дать ответ на вопрос о причине усиления давления со стороны Азербайджана на Армению и объяснить действия Н. Пашиняна по поиску новых гарантов безопасности.

К окончанию советского периода Южный Кавказ был связан с Северным двумя железнодорожными магистралями (вдоль Черноморского и вдоль Каспийского побережий) и четырьмя автомобильными (две проходили вдоль железнодорожных путей и две проходили через Центральный Кавказ, соединяя Северную и Южную Осетию через Рокское ущелье и Северную Осетию с Грузией через Дарьяльское ущелье). В годы обострения от-

ношений между Россией и Грузией с началом войны в Абхазии западная ветвь дорожной инфраструктуры (Сочи – Тбилиси) прекратила свое функционирование, а после признания Россией независимости Абхазии грузинские власти не видят возможности для возобновления сообщения по этому маршруту [12].

Центральный путь представлен автомобильной дорогой между РФ и Грузией через Дарьяльское ущелье и в период с 2020 г. проходит модернизацию, что говорит о заинтересованности сторон к развитию сотрудничества. Товарооборот Армении и России осуществляется через это направление. Дорога через Рокский тоннель ограничена Южной Осетией.

Учитывая геополитическую и инфраструктурную слабость двух вышеуказанных веток, большое значение приобретает восточная ветка кавказского мультимодального пути, которая проходит по территории Азербайджана и соединяет Дербент с азербайджанской Астарой. Именно она на сегодняшний день для России является основной артерией, формирующей западное направление международного транспортного коридора «Север-Юг». Инфраструктурные и социально-экономические особенности этого коридора были раскрыты в работе Е.В. Архиповой. Автор отмечает, что политика этнонациональной интеграции, проводимая И. Алиевым, способствовала стабилизации и усилению доверия к этому направлению [7]. К этому пути привязан трубопровод Баку-Новороссийск, имидж которого в 1990-е гг. серьезно пострадал из-за дестабилизации в Чечне. В дальнейшем он был перестроен в обход этой территории, но за это время азербайджанские власти осознали необходимость обеспечения альтернативных маршрутов. Кроме того, с подписания «контракта века» в 1994 г. Г. Алиев подключил европейских и американских партнеров к решению вопроса о диверсификации транспортных маршрутов.

Горизонтальные транспортные магистрали, обеспечивающие связь между Баку, Тбилиси и Батуми, представлены железнодорожным и автомобильным коридором, заложенным в дореволюционный период. Транспортная сеть уже в тот период получила выход к Гюмри (тогда Александрополь), Карсу, Ере-

вану и Джульфе. В советский период транспортная сеть Закавказья существенно дополнялась, обеспечивая связь крупных городов с небольшими населенными пунктами. Однако в результате конфликта в Нагорном Карабахе было прекращено движение между азербайджанскими и армянскими пунктами (пути в Азербайджан из Иджевана, Вардениса и Ерасха закрыты с 1989 г., движение по дороге Карс-Гюмри-Тбилиси было остановлено в 1993 г.), сами армянские железные дороги местами пришли в упадок и были разобраны. Транспортная блокада Армении со стороны Азербайджана и Турции, в которой грузинский участок остается единственным путем, связывающим ее с внешним миром, способствовал исключению Армении из регионального товарооборота в последующие годы, росту зависимости от Грузии.

ЕС инициировал модернизацию транскавказского участка направления Восток-Запад при подписании Брюссельской декларации в 1993 г. в виде проекта Транспортного коридора Европа-Кавказ-Азия (далее – ТРАСЕКА) для восьми стран Южного Кавказа и Центральной Азии. Постепенно проект разросся за счет Украины, Молдовы, Монголии, Турции, Румынии, Болгарии и Ирана. Ключевые звенья на этом пути представлены грузинскими портами Батуми и Поты, азербайджанским Баку, казахстанским Актау и туркменским Туркменбаши [33, с. 64]. Институционально развитие этого направления в 2000-е гг. было дополнено региональным интеграционным проектом Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы (ГУАМ), который стал полем для реализации транспортных проектов стран региона в обход России, так и не предполагая проекты с Арменией [1].

И если проект ТРАСЕКА начинался как европейский политический, то со временем его составные элементы были модифицированы за счет китайских проектов. Уже Китай развивает *Северный маршрут*, который, будучи короче Транссиба на 1 000 км, проходит из Поднебесной через Казахстан в Россию, а далее – в страны ЕС. В состав *Центрального маршрута* входят пункты Центрального Китая, Киргизии, Узбекистана, Туркмении, Азербайджана, Грузии и ЕС, 4 морских порта. *Южный маршрут* китайского пути: За-

падный Китай (СУАР) – Казахстан – Узбекистан – Туркмения – Иран – Турция.

Развивая Центральный и Южный маршруты «Азербайджан, Грузия, Турция и Казахстан» в ноябре 2012 г. подписали меморандум о создании нового логистического маршрута «Шелковый ветер» (Silk Wind) для железнодорожно-паромной перевалки грузов из Азии в Европу» [29; 30, с. 128].

Следующим этапом развития направления стало Соглашение об учреждении Координационного комитета по развитию Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ, или Middle Corridor), подписанное в ноябре 2013 г. в г. Астана национальными операторами железных дорог Казахстана, Азербайджана и Грузии. К нему в 2017 г. присоединились Турция и Украина [33, с. 63]. В качестве ассоциативных членов и партнеров в проект вошли Китай, Польша и Румыния. В ноябре 2017 г. был инициирован «Лазуритовый коридор», включивший в проект Туркменистан и Афганистан [31]. Однако после 2021 г. его развитие находится под вопросом и заставляет стороны искать способы договориться с новым правительством Афганистана. Сформированная сеть коридоров с участием портов создает региональный комплекс «Каспий – Черное море», где китайские инвестиции начинают играть регионообразующую роль.

Подписанные обязательства создавали необходимость развивать горизонтальные пути на Южном Кавказе, ограниченные коридором между Азербайджаном и Грузией. Большое значение для развития региональной инфраструктуры за счет китайских инвестиций имел запуск в 2017 г. железнодорожной ветки «Баку-Тбилиси-Карс» (далее – БТК). Исследование азербайджанских экспертных публикаций на эту тему, проведенное А.Ч. Мокрецким в 2018 г., показывает, какое внимание уделялось этому «железному основанию для Шелкового пути» [24, с. 320]. Президент Азербайджана И. Алиев на Мюнхенской конференции по безопасности в 2017 г. признал, что связывает экономическое развитие страны с инфраструктурными коридорами: «Транзит гораздо более ценен, чем природные ресурсы, потому что природные ресурсы рано или поздно закончатся» [15]. Учитывая уже сложившиеся коридоры, нужно признать, что открытие ветки БТК создало условия для закрепления за Азербайджаном роли мультимодального центра коммуникаций Южного Кавказа с прямым выходом в Турцию. Однако, во-первых, этот центр зависит от отношений с Грузией. Во-вторых, существуют технические особенности пути: ширина колеи на территории Турции составляет 1 435 мм и 1 520 мм – на территории Кавказа. Смена колесных пар происходит на станции Ахалкалаки-Грузовая. Длительность этой процедуры от 1 часа до 3 часов. В то же время Испания, Япония и Китай уже разработали технологию смещения колесных пар, для которой не нужно останавливать поезд и поднимать вагоны.

Наличие железнодорожного пути БТК, расширение порта Баку за счет переноса части инфраструктуры в пригородную часть Алят (азербайджанский проект, который завершен к концу 2018 г.) способствовало привлечению китайских инвестиций, и в феврале 2018 г. ЗАО «Азербайджанские железные дороги» и китайская Корпорация по строительству железнодорожных мостов подписали меморандум о сотрудничестве. Для Китая этот путь выглядит привлекательно, так как транспортировка товаров через Суэцкий канал занимает 45–60 суток, через Актау-Баку-Поти-Стамбул – в 2 раза быстрее. При этом маршрут предполагает пересечение 5 границ и морской порт с перегрузкой товаров, что сказывается на времени и стоимости транспортировки. И после 2022 г. путь в Европу в обход России становится для Китая одним из важнейших.

После 2014 г. РФ приступила к активной фазе развития международного транспортного коридора «Север-Юг» (далее – МТК СЮ). Естественными партнерами России по проекту стали Азербайджан и Иран, отношения между которыми имеют несколько точек напряжения. Это вопрос о лояльности азербайджанцев Северного Ирана, динамичные отношения Азербайджана с Израилем, который в Иране рассматривается как главный противник на Ближнем Востоке, и позиция Ирана по вопросу о Нагорном Карабахе. Несмотря на это, стороны демонстрируют готовность к сотрудничеству по развитию транспортной инфраструктуры как основания для роста. Знако-

вым событием стала уникальная встреча министров обороны двух стран в сентябре 2023 г., что может говорить о достижении неких договоренностей в чувствительной сфере безопасности [23].

МТК «Север-Юг» во многом базируется на инфраструктуре, сложившейся в советский период, но и использует инфраструктуру, развитую в 2000-е годы. Железнодорожная ветка связывает Россию с Азербайджаном через Дербент и имеет выход к г. Астара в Азербайджане. Тестовый поезд пересек пограничный мост на р. Астарачай в марте 2017 года. В феврале 2017 г. при поддержке Азербайджана в Иране началось строительство участков железной дороги «Казвин-Решт» и «Астара (Иран)-Астара (Азербайджан)». Азербайджан пообещал выделить Ирану кредит на 500 млн долл. для финансирования строительства следующего участка железной дороги «Решт-Астара», в ответ в течение следующих 15 лет он обеспечивал себе условия для эксплуатации железнодорожных объектов в иранской Астаре в качестве платы [24, с. 322]. Однако из-за международных санкций в отношении Ирана реализовать соглашение не удалось. По состоянию на 2023 г. этот участок так и не построен, интерес к его инвестированию проявила Россия. В мае 2023 г. она подписала соглашение с Ираном, обещав выделить 1,5 млрд долл. для финансирования проекта, строительства и наполняемости товарами участка Решт-Астара [10, с. 20]. Интересно, что изначально будет браться колея шириной 1 435 мм, а затем к ней добавят рельс для колеи шириной 1 520 мм на случай роста перевозок, сопрягая таким образом иранский и российский стандарт колеи. По мнению армянского исследователя Г. Аветикяна, этот проект (Решт-Астара) сделал неконкурентоспособными инициативы по строительству альтернативной железной дороги из Ирана в Грузию через территорию Армении [2, с. 185].

Восточное направление МТК «Север-Юг» проходит по территории России, Казахстана, Туркменистана соединяясь с западной веткой в Иране. И если на Западном направлении осуществляется пересечение двух границ, то на Восточном – три, что увеличивает срок и стоимость прохождения пути. Восточ-

ный путь представляет интерес для России тем, что благодаря его наличию сибирские товары из РФ получают доступ на восточный рынок. Но в большей мере он представляет интерес для Центральноазиатских государств, так как открывает пути на Юг и Запад в обход РФ. Сложившийся Транскаспийский путь также выглядит дорожкой Западного направления МТК СЮ, так как зависит от погодных условий и эффективности работы морских портов, которые находятся в частном управлении.

Россия не оставалась в стороне от развития железной дороги Баку-Тбилиси-Карс, являющейся частью МТК «Восток-Запад» и 6 мая 2019 г. ОАО «РЖД» предложила строительство в Турции железнодорожной магистрали стандарта 1520 мм на участке Ахалкалаки (Грузия) – Карс протяженностью 76 км по территории Турции и терминально-логистического центра в Карсе, а также привлечение дополнительных грузов для перевозок контейнерными поездами по западному маршруту коридора «Север-Юг» [9]. В феврале 2021 г. первый контейнерный поезд по маршруту Баку-Тбилиси-Карс прибыл в Калугу [13; 34].

МТК «Восток-Запад» активно диверсифицируется, создавая в своих рамках новые инициативы и выделяя отдельные участки в самостоятельные транспортно-логистические единицы. Узбекистан, Азербайджан и Турция подписали в 2022 г. Ташкентскую декларацию, ставшую основой Центрального маршрута. В декларации стороны утверждают, что «Транскаспийский коридор Восток – Запад Срединный (Middle Corridor) – это стратегия формирования глобального мультимодального транспортного маршрута, связывающего Китай с Европой через Центральную Азию и Южный Кавказ». Интеграция на тюркской платформе становится важным фактором в регионе. Этот путь способствует налаживанию сухопутной связи между Западным Азербайджаном и Нахичеванью. И неслучайно акцент сделан на необходимости активного использования железной дороги БТК [39; 43].

Участие Азербайджана в международных транспортных коридорах «Восток-Запад» и «Север-Юг» превращает его в крупнейший транспортный хаб региона, в который за счет

ж/д БТК, трубопроводов между Азербайджаном и Турцией, подключается Турция. На этом фоне Азербайджан буквально продавлиывает строительство Зангезурского коридора, который может дополнить, но может и стать конкурентом для путей, идущих через Грузию.

В январе 2021 г. официальный Баку заявил о запуске строительства железной дороги Нахичевань-Мегри-Зангелан-Баку. Именно вокруг него в настоящий момент развивается основное региональное противостояние. Он конкурирует с предложением Армении по разблокированию железной дороги Акстафа-Газах (Азербайджан)-Иджеван-Ереван (Армения), который выглядит короче и через северо-восток страны вовлекает Армению в транспортные коридоры региона. Не находя инвесторов для северного коридора Армения оказывается в транспортной изоляции, которую власти республики пытались преодолеть за счет строительства железной дороги Иран – Армения (протяженностью около 300 км). Ереван неоднократно заявлял о необходимости модернизации железнодорожных полотен Карс (Турция)-Гюмри (Армения) и Иджеван (Армения)-Газах (Азербайджан). Выход на Нахичевань через Ерасх исходит также из интересов Ирана и вписывается в логистическую стратегию «Север-Юг», о чем официально заявлял Иран в контексте строительства ж/д Тегеран-Джульфа-Ерасх [26]. Однако в случае завершения азербайджанского проекта Зангезурского коридора путь на Ерасх теряет интерес для Ирана. Индия высказывала предложение привлечь Армению к использованию иранского морского порта Чабахар для транспортировки грузов [16]. Однако до осени 2023 г. бизнес-проекты пока не были представлены.

Трехстороннее заявление лидеров Армении, Азербайджана и России о прекращении огня 10 ноября 2020 г. в п. 9 устанавливало, что «разблокируются все экономические и транспортные связи в регионе. Республика Армения гарантирует безопасность транспортного сообщения между западными районами Азербайджанской Республики и Нахичеванской Автономной Республикой... Контроль за транспортным сообщением осуществляют органы Пограничной службы ФСБ России» [14]. Готовность воплотить это положение

в жизнь была продемонстрирована также на состоявшихся 26 ноября 2021 г. трехсторонних переговорах с участием В. Путина, Н. Пашиняна и И. Алиева. Армянские эксперты сожалеют, что в заявлении не проговорены вышеуказанные армянские направления: Иджеван-Газах и Карс-Гюмри [19, с. 62]. По их мнению Зангезурский коридор может обеспечить азербайджанскую экономическую экспансию в сопредельных армянских районах; по нему возможны военные перевозки, что создаст угрозу Армении; Турция получает выход к Каспию и Центральной Азии – к государствам, в отношении которых проводится идея тюркской интеграции и это усиливает ее преимущества перед Россией и Ираном.

Зангезурский коридор представляет автомобильную и железнодорожную ветки. Для азербайджанской внешней политики развитие коридора становится вопросом большого значения, так как позволяет соединить основную часть страны с Нахичеванью, а далее с Турцией напрямую. И. Алиев неоднократно заявлял о готовности решить этот вопрос любыми средствами [5]. Причем, если изначально озвучивалась мысль о строительстве ее либо по армянской, либо по иранской территории, после 2020 г. началось ее строительство по армянской территории. И далее вопросы о статусе армян в Нагорном Карабахе, статусе дороги между Арменией и Нагорным Карабахом, признании границ Азербайджана и Армении стали рассматриваться на переговорах в Москве или в Европе в одном пакете. Н. Пашинян в начале 2022 г. предлагал установить международный контроль над транзитом в Нахичевань, с намерением избежать возможное усиление азербайджанских вооруженных сил в регионе. Однако ему это не удалось. Как уже указывалось, с 12 декабря 2022 г. началась блокада Лачинского коридора, в результате чего жители НК стали заложниками. Вероятно, что для решения гуманитарного вопроса Н. Пашинян вынужден будет пойти на уступки в пользу азербайджанского проекта Зангезурского коридора и решения вопроса о территориальной целостности Азербайджана.

Для Турции Зангезурский коридор позволяет получить более короткий выход в Азербайджан, однако участок Карс-Игдыр пока что

строится. А распределительная ветка Транскавказского газопровода (TANAP) доходит как раз до турецкого города Игдыр. Таким образом, Армения оказывается изолированной от транспортных коммуникаций региона, может потерять интерес потенциальных иностранных инвесторов. В связи с этим можно считать, что поддержка независимости Нагорного Карабаха становится по геополитическим мотивам не столь очевидной для правительства Армении.

Результаты. Азербайджан в силу обладания энергоресурсами всегда был заинтересован в развитии диверсифицированных транспортных коридоров. Развивая Зангезурский коридор Азербайджан создает для себя альтернативный грузинскому участку маршрут, связывающий его с турецкими коридорами TANAP – TAP. Благодаря этому проекту он как мультимодальный центр становится ключевым узлом транспортных артерий региона, в то же время позволяет Турции повысить ее значение в коридорах «Север-Юг» и «Восток-Запад». При этом транспортное значение Грузии скорее всего снизится, в то время как Армении грозит сохранение изоляции при прохождении Зангезурского коридора по югу страны, без связи с внутренними районами страны. Армяно-иранская инициатива по развитию Сюникского коридора теряет актуальность для Ирана в свете реализации азербайджанского проекта. Можно предположить, что позиция правительства Армении по Нагорному Карабаху определяет перспективы Армении по включению в транспортные коридоры региона, которые все в большей степени контролируют Азербайджан и Турция. В результате этих процессов происходит фрагментация региона.

Очевидно, что Нагорный Карабах, как и оккупированные армянскими силами с 1994 по 2020 г. семь районов, стали преградой для развития азербайджанской транспортной инфраструктуры. Наличие неконтролируемой территории вблизи развивающихся транспортных коридоров стало препятствием для реализации бизнес-проектов, что по завершении войны 2020 г. делает вероятным стремление Азербайджана любым путем восстановить территориальную целостность. И одной из тактик Баку стала транспортная изоляция

Нагорного Карабаха, что привело к снижению качества жизни в непризнанной республике, начало способствовать росту миграционного настроения населения. Учитывая переговоры Азербайджана с Ираном, встречи министров обороны двух стран, заинтересованность РФ в развитии МТК «Север-Юг», можно предположить более решительные действия в отношении Нагорного Карабаха и Зангезурского района.

Учитывая значение, которое лично И. Алиев придает развитию транспортной инфраструктуры, можно считать, что она становится системообразующим фактором при определении угроз безопасности в региональных международных отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 18-е заседание Рабочей группы ГУАМ по транспорту на уровне руководителей ведомств // GUAM. Organization for Democracy and Economic Development. URL: <https://guam-organization.org/18-e-zasedanie-rabochej-gruppy-guam-po-transportu-na-urovne-rukovoditelej-vedomstv/>
2. Аветикян Г. Война 2020 года в Нагорном Карабахе: региональное измерение // Пути к миру и безопасности. 2020. № 2 (59). С. 181–191. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-2-181-191
3. Агазаде М. М. Вторая Карабахская война: кто на самом деле победитель? // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4, № 2. С. 119–126.
4. Алиев захотел тесного сотрудничества Азербайджана и Турции с Арменией // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2020/12/10/platforma/>
5. Алиев пригрозил Армении решить вопрос с Зангезурским коридором «при помощи силы» // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2021/04/20/al/?from=RCM-C9E4>
6. Архипова Е. В. Международные отношения на Южном Кавказе после войны в Нагорном Карабахе // Государственное управление и государственная служба. 2021. № 3 (78). С. 150–155.
7. Архипова Е. В. Пограничная безопасность в зоне азербайджано-российской границы // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, №1. С. 88–98. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.1.9>
8. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. I. Роль среды. М. : Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
9. В турецкий маршрут все включено // Гудок. URL: <https://company.rzd.ru/ru/9401/page/78314?id=157121>

10. Винокуров Е., Ахунбаев А., Забаев А., Усманов Н. Международный транспортный коридор «Север-Юг»: инвестиционные решения и мягкая инфраструктура. Доклады и рабочие документы. Алматы; М.: Евразийский банк развития, 2022. 86 с. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/>
11. Горошилова А. Баку согласился одновременно открыть дороги в Степанакерт через Агдам и Лачин // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6210946>
12. Грузия не думает восстанавливать железнодорожное сообщение с Россией // EADaily. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2023/05/15/gruziya-ne-dumaet-vosstanavlivat-zheleznodorozhnoe-soobshchenie-s-rossiy>
13. Грузоперевозки по маршруту Баку – Тбилиси – Карс достигнут 3,2 млн т в год // РЖД-Партнер.ру. <https://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/news/gruzoperevozki-po-baku-tbilisi-kars-dostignut-3-2-mlntonn-v-god/>
14. Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384>
15. Ильхам Алиев: «Транзит гораздо более ценен, чем природные ресурсы» // Sputnik Azerbaijan. URL: <https://az.sputniknews.ru/20170220/prezident-aliev-azerbajdzhan-opredeljaet-geopolitiku-409000637.html#:~:text=Транзит%20гораздо%20более%20ценен%2C%20чем,—%20отметил%20президент%20Ильхам%20Алиев>
16. Индия предлагает привлечь Армению к использованию иранского морского порта Чабахар для транспортировки грузов // Интерфакс – Азербайджан. URL: <http://interfax.az/view/847433>
17. Косов Г. В., Гукасов А. В. Международный транспортный коридор «Север – Юг»: переосмысление ландшафта Евразии (кейс Азербайджана) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3 (60). С. 212–217.
18. Кривошеев К., Мгдесян А. Европейские наблюдатели присмотрят за Арменией // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5783907>
19. Маркаров А., Давтян В. Транспортная геополитика на Южном Кавказе в условиях вызовов разблокирования коммуникаций // Геоэкономика энергетики. 2022. № 4. С. 56–73.
20. Маркедонов С. М. Постсоветские де-факто государства: траектории борьбы за суверенитет // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 12. С. 79–89.
21. Маркедонов С. М. Трансформация армяно-азербайджанского конфликта: исторический опыт и современное состояние // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 12. С. 120–130.
22. Маркедонов С. М. Тридцать лет нагорно-карабахского конфликта: основные этапы и перспективы урегулирования // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1, № 2. С. 132–141.
23. Министр обороны Азербайджана принял представителей Вооруженных сил Ирана // Министерство обороны Азербайджанской Республики. URL: <https://mod.gov.az/ru/news/ministr-oborony-azerbajdzhana-prinyal-predstavitej-vooruzhennyh-sil-irana-49140.html>
24. Мокрецкий А. Ч. Китайская инициатива «Один пояс, один путь» как вектор внешнеэкономической политики Азербайджана // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. Т. 23, № 23. С. 319–335.
25. Москва прокомментировала угрозы Алиева установить КПП в Лачинском коридоре и перспективы открытия коммуникаций между Арменией и Азербайджаном // Newsarmenia. URL: <https://newsarmenia.am/news/politics/moskva-prokomentirovala-ugrozy-alieva-ustanovit-kpp-v-lachinskom-koridore-i-perspektivy-otkrytiya-k/>
26. Наличие железной дороги Иран – Нахичевань – Армения может быть очень эффективным для двух стран – глава МИД Ирана // Karabakh Times. URL: <https://karabakhtimes.com/politics/nalichie-zheleznoj-dorogi-iran-naxichevan-armeniya-mozhut-byt-ochen-effektivnymi-dlya-dvux-stran-glava-mid-irana.html>
27. Петров А. Пражский шаг к миру: Армения признала территориальную целостность Азербайджана // Вестник Кавказа. URL: <https://vestnikkavkaza.ru/analytics/prazskij-sag-k-miru-armeniya-priznala-territorialnuu-celostnost-azerbajdzana.html>
28. Президент: Не хотят делимитации – ну и не надо. Значит, граница будет проходить там, где мы посчитаем нужным // Media.az. URL: <https://media.az/politics/1067891885/ilham-aliev-vopros-delimitacii-dolzhen-interesovat-bolshe-armeniyu-chem-azerbaydzhan/>
29. Проект Silk Wind согласован в Казахстане // Zakon.kz. URL: <https://www.zakon.kz/redaksiia-zakonkz/4663063-proekt-silk-wind-soglasovan-v.html>
30. Пылин А. Международные транспортные коридоры на южном Кавказе и их транзитный потенциал // Геоэкономика энергетики. 2018. № 4. С. 121–137.
31. Соглашение по «Лазуритовому коридору» подписали Афганистан, Азербайджан, Туркменистан, Турция и Грузия // Middle East Press. 2016. URL: <https://middleeastpress.com/russian/соглашение-по-лазуритовому-коридору/>
32. Состоялась церемония открытия учебного центра «Зар», модернизированного при поддержке США // Министерство обороны Армении. URL: <https://www.mil.am/ru/news/11184>

33. Степанян Т. М. Развитие международных транспортных коридоров на евразийском пространстве // *East European Scientific Journal*. 2019. № 4 (44). С. 59–65.

34. Экспорт в Россию: теперь и по железной дороге // *News Turk*. URL: <https://news-turk.ru/2021/02/10/eksport-v-rossiyu-teper-i-po-zheleznoj-doroge/>

35. Armenia PM: Under Madrid Principles We Recognized Karabakh as Part of Azerbaijan // *News.am*. URL: <https://news.am/eng/news/755443.html>

36. Boy A.-D. Why Armenia Can't Free Itself from Moscow // *Spiegel International*. URL: <https://www.spiegel.de/international/world/why-armenia-can-t-free-itself-from-moscow-a-e8f47073-735f-4efd-9934-6fca9eb9f85b>

37. Gavin G. EU Moves Onto Putin's Turf With New Armenia Monitoring Mission // *Politico*. 2023. URL: <https://www.politico.eu/article/european-union-putins-turf-new-armenia-monitoring-mission/>

38. Islamli N. Potential Expansion of the Southern Gas Corridor (SGC): New Realities and Opportunities // *Center for Economic and Social Development*. Baku. URL: <https://cesd.az/y/panel/uploads/35349678605-CESDPaperonSouthernGasCorridor.pdf>

39. O'Byrne D. Turkey to Build Gas Pipeline to Supply Nakhchivan // *Eurasianet*. URL: <https://eurasianet.org/turkey-to-build-gas-pipeline-to-supply-nakhchivan>

40. Poghosyan B. Armenia–India Cooperation: An Opportunity to Increase Armenia's Strategic Potential // *Mediamax.am*. URL: <https://mediamax.am/en/column/121416/>

41. Poghosyan B. Azerbaijani Checkpoint at the Berdzor Corridor: What's Next? // *The Armenian Weekly*. URL: <https://armenianweekly.com/2023/05/02/azerbaijani-checkpoint-at-the-berdzor-corridor-whats-next/>

42. Poghosyan B. A Realistic Way to Mitigate Nagorno Karabakh's Humanitarian Catastrophe // *The Armenian Mirror Spectator*. URL: <https://mirrorspectator.com/2023/09/09/a-realistic-way-to-mitigate-nagorno-karabaks-humanitarian-catastrophe/>

43. The Tashkent Declaration Adopted at the Meeting of the Dialogue Format “Uzbekistan – Azerbaijan – Turkey” // *Turan*. URL: https://www.turan.az/ext/news/2022/8/free/politics_news/en/7825.htm

44. Valiev A., Gafarova N. New Big War in the South Caucasus and Prospects for Peace in Karabakh // *Pathways to Peace and Security*. 2020. № 2 (59). P. 167–180. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-2-167-180

[18th Meeting of the GUAM Working Group on Transport at the Level of Heads of Departments]. *GUAM. Organization for Democracy and Economic Development*. URL: <https://guam-organization.org/18-e-zasedanie-rabochej-gruppy-guam-po-transportu-na-urovne-rukovoditelej-vedomstv/>

2. Avetikjan G. Vojna 2020 goda v Nagornom Karabahe: regionalnoe izmerenie [The 2020 War in Nagorno-Karabakh: A Regional Dimension]. *Puti k miru i bezopasnosti* [Paths to Peace and Security], 2020, no. 2 (59), pp. 181-191. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-2-181-191

3. Agazade M.M. Vtoraja Karabahskaja vojna: kto na samom dele pobeditel? [The Second Karabakh War: Who Is the True Winner?]. *Postsovetskie issledovanija* [Post-Soviet Studies], 2021, vol. 4, no. 2, pp. 119-126.

4. Aliev zahotel tesnogo sotrudnichestva Azerbajdzhana i Turcii s Armeniej [Aliyev Wanted Close Cooperation of Azerbaijan and Turkey with Armenia]. *Lenta.ru*. URL: <https://lenta.ru/news/2020/12/10/platforma/>

5. Aliev prigrozil Armenii reshit vopros s Zangezurskim koridorom «pri pomoshhi sily» [Aliyev Threatened Armenia to Resolve the Issue of the Zangezur Corridor “By Force”]. *Lenta.ru*. URL: <https://lenta.ru/news/2021/04/20/al/?from=RCM-C9E4>

6. Arkhipova E.V. Mezhdunarodnye otnoshenija na Juzhnom Kavkaze posle vojny v Nagornom Karabahe [International Relations in the South Caucasus After the Nagorno-Karabakh War]. *Gosudarstvennoe upravlenie i gosudarstvennaja Sluzhba*, 2021, no. 3 (78), pp. 150-155.

7. Arkhipova E.V. Pogranichnaya bezopasnost v zone azerbaydzhan-rossiyskoj granitsy [Azerbaijan-Russia Borderline Security]. *Vestnik VolGU. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 1, pp. 88-98. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.1.9>

8. Braudel F. *Sredizemnoe more i sredizemnomorskij mir v epohu Filippa II: Ch. 1. Rol sredy* [The Mediterranean Sea and the Mediterranean World in the Era of Philip II. Part 1. The Role of the Environment]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kultury, 2002. 496 p.

9. V tureckij marshrut vse vkljucheno [Everything Is Included in the Turkish Route]. *Gudok*. URL: <https://company.rzd.ru/ru/9401/page/78314?id=157121>

10. Vinokurov E., Ahunbaev A., Zabaev A., Usmanov N. *Mezhdunarodnyj transportnyj koridor «Sever-Jug»: investicionnye reshenija i mjagkaja infrastruktura. Doklady i rabochie dokumenty* [International Transport Corridor “North-South”:

REFERENCES

1. 18-e zasedanie Rabochej gruppy GUAM po transportu na urovne rukovoditelej vedomstv

Investment Solutions and Soft Infrastructure. Reports and Working Papers]. Almaty, Moscow, Evraziyskiy bank razvitiya, 2022. 86 p. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/>

11. Goroshilova A. Baku soglasilsja odnovenno otkryt dorogi v Stepanakert cherez Agdam i Lachin [Baku Agreed to Open Roads to Stepanakert via Agdam and Lachin at the Same Time]. *Kommersant*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6210946>

12. Gruzija ne думаet vosstanavlivat zheleznodorozhnoe soobshhenie s Rossiej [Georgia Is Not Thinking of Restoring Railway Communication with Russia]. *EADaily*. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/05/15/gruziya-ne-dumaet-vosstanavlivat-zheleznodorozhnoe-soobshchenie-s-rossiej>

13. Gruzoperevozki po marshrutu Baku – Tbilisi – Kars dostignut 3,2 mln t v god [Cargo Transportation on the Baku – Tbilisi – Kars Route Will Reach 3.2 Million Tons Per Year]. *RZHD-Partner.ru*. URL: <https://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/news/gruzoperevozki-po-baku-tbilisi-kars-dostignut-3-2-mlntonn-v-god/>

14. Zajavlenie Prezidenta Azerbajdzhanskoj Respubliki, Premyer-ministra Respubliki Armenija i Prezidenta Rossijskoj Federacii [Statement by the President of the Republic of Azerbaijan, the Prime Minister of the Republic of Armenia and the President of the Russian Federation]. *President Rossii* [President of Russia]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384>

15. Ilham Aliev: «Tranzit gorazdo bolee cenen, chem prirodnye resursy» [Ilham Aliyev: “Transit Is Much More Valuable Than Natural Resources”]. *Sputnik Azerbajan*. URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/Ilkham-Aliyev-Tranzit-gorazdo-bolee-tsenen-chem-prirodnye-resursy.html>

16. Indija predlagaet privlech Armeniju k ispolzovaniju iranskogo morskogo porta Chabahar dlja transportirovki gruzov [India Proposes to Involve Armenia in the Use of the Iranian Seaport of Chabahar for Cargo Transportation]. *Interfax – Azerbajan*. URL: <http://interfax.az/view/847433>

17. Kosov G. V., Gukasov A. V. Mezhdunarodnyj transportnyj koridor «Sever – Jug»: pereosmyslenie landshafta Evrazii (kejs Azerbajdzhana) [International Transport Corridor “North – South”: Rethinking the Landscape of Eurasia (Case of Azerbaijan)]. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2019, no. 3 (60), pp. 212-217.

18. Krivosheev K., Mgdesyanyan A. Evropejskie nabljudateli prismostrjat za Armeniej [European Observers Will Look After Armenia]. *Kommersant*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5783907>

19. Markarov A., Davtjan V. Transportnaja geopolitika na Juzhnom Kavkaze v uslovijah vyzovov

razblokirovaniya kommunikacij [Transport Geopolitics in the South Caucasus in the Context of the Challenges of Unblocking Communications]. *Geoekonomika energetiki* [Geoeconomics of Energy], 2022, no. 4, pp. 56-73.

20. Markedonov S.M. Postsovetskije de-fakto gosudarstva: traektorii borby za suverenitet [Post-Soviet de facto States: Trajectories of the Struggle for Sovereignty]. *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], 2021, vol. 65, no. 12, pp. 79-89.

21. Markedonov S.M. Transformacija armjano-azerbajdzhanskogo konflikta: istoricheskij opyt i sovremennoe sostojanie [Transformation of the Armenian-Azerbaijani Conflict: Historical Experience and Current State]. *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], 2022, vol. 66, no. 12, pp. 120-130.

22. Markedonov S.M. Tridcat let nagorno-karabakhskogo konflikta: osnovnye etapy i perspektivy uregulirovaniya [Thirty Years of the Nagorno-Karabakh Conflict: The Main Stages and Prospects of Settlement]. *Postsovetskie issledovanija* [Post-Soviet Studies], 2018, vol. 1, no. 2, pp. 132-141.

23. Ministr oborony Azerbajdzhana prinjal predstavitelej Vooruzhennyh sil Irana [The Minister of Defense of Azerbaijan Received Representatives of the Armed Forces of Iran]. *Ministerstvo oborony Azerbajdzhanskoj Respubliki* [Ministry of Defense of the Republic of Azerbaijan]. URL: <https://mod.gov.az/ru/news/ministr-oborony-azerbajdzhana-prinyal-predstavitelej-vooruzhennyh-sil-irana-49140.html>

24. Mokreckij A.Ch. Kitajskaja iniciativa «Odin pojas, odin put» kak vektor vneshnejekonomicheskoy politiki Azerbajdzhana [The Chinese Initiative “One Belt, One Road” as a Vector of Azerbaijan’s Foreign Economic Policy]. *Kitaj v mirovoj i regionalnoj politike. Istorija i sovremennost* [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 2018, no. 23, vol. 23, pp. 319-335.

25. Moskva prokomentirovala ugrozy Alieva ustanovit KPP v Lachinskom koridore i perspektivy otkrytija kommunikacij mezhdru Armeniej i Azerbajdzhanom [Moscow Commented on Aliyev’s Threats to Establish a Checkpoint in the Lachin Corridor and the Prospects of Opening Communications Between Armenia and Azerbaijan]. *Newsarmenia*. URL: <https://newsarmenia.am/news/politics/moskva-prokomentirovala-ugrozy-alieva-ustanovit-kpp-v-lachinskom-koridore-i-perspektivy-otkrytiya-k/>

26. Nalichie zheleznoj dorogi Iran – Nahichevan – Armenija mozhet byt ochen effektivnym dlja dvuh stran – glava MID Irana [The Presence of the Iran–Nakhichevan–Armenia Railway Can Be Very Effective for the Two Countries – Iranian Foreign Minister]. *Karabakh Times*. URL: <https://karabakhtimes.com/>

politics/nalichie-zheleznoj-dorogi-iran-naxichevan-armeniya-mozhut-byt-ochen-effektivnymi-dlya-dvustran-glava-mid-irana.html

27. Petrov A. Prazhskij shag k miru: Armenija priznala territorialnuju celostnost Azerbajdzhana [Prague Step Towards Peace: Armenia Recognized the Territorial Integrity of Azerbaijan]. *Vestnik Kavkaza*. URL: <https://vestnikavkaza.ru/analytics/prazskij-sag-k-miru-armeniya-priznala-territorialnuu-celostnost-azerbajdzhana.html>

28. Prezident: Ne hotjat delimitacii – nu i ne nado. Znachit, granica budet prohodit tam, gde my poschitaem nuzhnym [The President: They Don't Want Delimitation – Well, They Don't Have To. This Means That the Border Will Pass Where We Deem It Necessary]. *Media.az*. URL: <https://media.az/politics/1067891885/ilham-aliev-vopros-delimitacii-dolzhen-interesovat-bolshe-armeniyu-chem-azerbaydzhan/>

29. Proekt Silk Wind soglasovan v Kazahstane [Silk Wind Project Agreed in Kazakhstan]. *Zakon.kz*. URL: <https://www.zakon.kz/redaktsiia-zakonkz/4663063-proekt-silk-wind-soglasovan-v.html>

30. Pylin A. Mezhdunarodnye transportnye koridory na juzhnom Kavkaze i ih tranzitnyj potencial [International Transport Corridors in the South Caucasus and Their Transit Potential]. *Geoekonomika energetiki*, 2018, no. 4, pp. 121-137.

31. Soglashenie po «Lazuritovomu koridoru» podpisali Afganistan, Azerbajdzhan, Turkmenistan, Turcija i Gruzija [The Agreement on the “Lapis Lazuli Corridor” Was Signed by Afghanistan, Azerbaijan, Turkmenistan, Turkey and Georgia]. *Middle East Press*, 2016. URL: <https://middleeastpress.com/russian/coglashenie-po-lazuritovomu-koridor/>

32. Sostojalas ceremonija otkrytija uchebnogo centra «Zar», modernizirovannogo pri podderzhke SShA [The Opening Ceremony of the Zar Training Center, Modernized with the Support of the United States, Took Place]. *Ministerstvo oborony Armenii* [Armenia Ministry of Defense]. URL: <https://www.mil.am/ru/news/11184>

33. Stepanjan T.M. Razvitie mezhdunarodnyh transportnyh koridorov na evrazijskom prostranstve [Development of International Transport Corridors in the Eurasian Space]. *East European Scientific Journal*, 2019, no. 4 (44), pp. 59-65.

34. Eksport v Rossiju: teper i po zheleznoj doroge [Export to Russia: Now By Rail]. *News Turk*. URL:

<https://news-turk.ru/2021/02/10/eksport-v-rossiyu-teper-i-po-zheleznoj-doroge/>

35. Armenia PM: Under Madrid Principles We Recognized Karabakh as Part of Azerbaijan. *News.am*. URL: <https://news.am/eng/news/755443.html>

36. Boy A.-D. Why Armenia Can't Free Itself from Moscow. *Spiegel International*. URL: <https://www.spiegel.de/international/world/why-armenia-can-t-free-itself-from-moscow-a-e8f47073-735f-4efd-9934-6fca9eb9f85b>

37. Gavin G. EU Moves onto Putin's Turf with New Armenia Monitoring Mission. *Politico*, 2023. URL: <https://www.politico.eu/article/eropen-union-putins-turf-new-armenia-monitoring-mission/>

38. Islamli N. Potential Expansion of the Southern Gas Corridor (SGC): New Realities and Opportunities. *Center for Economic and Social Development*. Baku. URL: <https://cesd.az/y/panel/uploads/35349678605-CESDPaperonSouthernGasCorridor.pdf>

39. O'Byrne D. Turkey to Build Gas Pipeline to Supply Nakhchivan. *Eurasianet*. URL: <https://eurasianet.org/turkey-to-build-gas-pipeline-to-supply-nakhchivan>

40. Poghosyan B. Armenia-India Cooperation: An Opportunity to Increase Armenia's Strategic Potential. *Mediamax.am*. URL: <https://mediamax.am/en/column/121416/>

41. Poghosyan B. Azerbaijani Checkpoint at the Berdzor Corridor: What's Next? *The Armenian Weekly*. URL: <https://armenianweekly.com/2023/05/02/azerbajjani-checkpoint-at-the-berdzor-corridor-whats-next/>

42. Poghosyan B. A Realistic Way to Mitigate Nagorno Karabakh's Humanitarian Catastrophe. *The Armenian Mirror Spectator*. URL: <https://mirrorspectator.com/2023/09/09/a-realistic-way-to-mitigate-nagorno-karabakhs-humanitarian-catastrophe/>

43. The Tashkent Declaration Adopted at the Meeting of the Dialogue Format “Uzbekistan – Azerbaijan – Turkey”. *Turan*. URL: https://www.turan.az/ext/news/2022/8/free/politics_news/en/7825.htm

44. Valiev A., Gafarova N. New Big War in the South Caucasus and Prospects for Peace in Karabakh. *Pathways to Peace and Security*, 2020, no. 2 (59), pp. 167-180. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-2-167-180

Information About the Author

Ekaterina V. Arkhipova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, arkhipova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1891-5586>

Информация об авторе

Екатерина Владимировна Архипова, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, arkhipova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1891-5586>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.16>

UDC 327(55):316.422.4
ЛБС 66.3(5Ирн),4

Submitted: 01.04.2022
Accepted: 09.07.2023

IMPLEMENTING JUSTICE AND REALIZING POLITICAL PROCESS IN THE ISLAMIC-IRANIAN MODEL OF PROGRESS

Hasan Azizi

Islamic Azad University (Abhar Branch), Abhar, Iran

Abstract. *Introduction.* The Islamist model of Iran assumes understanding national values and recognizing rights of indigenous peoples, seeks to meet the material and spiritual needs of society. This model has epistemological, ontological, and anthropological foundations rooted in the revelatory and ideological teachings of Islam. Its content, therefore, is based on monotheism, resurrection, and the inseparability of the worlds. The process of political development in the Islamic-Iranian model is progress based on divine and Islamic knowledge, arising from the heart, historical, indigenous, and cultural conditions of our country, which are realized in the context of the Islamic Republic of Iran. The importance of the research is that, by explaining the indicators of political development, it outlines how the will to achieve it forms in society. *Methods and materials.* To achieve the desired development and stand up against adversities and sanctions, we must identify our needs, limitations, and political, social, and economic harms and take action to solve them, then keep pace with the new global developments. The strategies considered for data analysis in the present study are in the framework of a qualitative method and based on a descriptive-analytical approach. *Analysis.* The study raises these questions: what indicators comprise the Islamic-Iranian model of progress's political development, and how can this model achieve sustainable political development? The *results* of the study show the indicators of political development in the model are in accordance with the Sharia, and the context of sustainable political development is achieved by committing to implementing justice in the policy-making environment of society.

Key words: political development, model, commitment, justice, progress.

Citation. Azizi H. Implementing Justice and Realizing Political Process in the Islamic-Iranian Model of Progress. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 201-212. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.16>

УДК 327(55):316.422.4
ББК 66.3(5Ирн),4

Дата поступления статьи: 01.04.2022
Дата принятия статьи: 09.07.2023

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ИСЛАМСКО-ИРАНСКОЙ МОДЕЛИ ПРОГРЕССА

Хасан Азизи

Исламский университет Азад (филиал), г. Абхар, Иран

Аннотация. Исламистская модель Ирана предполагает понимание национальных ценностей, признание прав коренных народов, стремится удовлетворить материальные и духовные потребности общества. Эта модель имеет эпистемологические, онтологические и антропологические основания, уходящие корнями в богооткровенные и идеологические учения ислама. Его содержание основано на монотеизме, воскресении и нераздельности миров. Процесс политического развития в исламско-иранской модели – это прогресс, основанный на божественном и исламском знании, вытекающем из глубинных, исторических, коренных и культурных условий, реализуемых в контексте Исламской Республики Иран. Важность исследования состоит в том, что, объясняя показатели политического развития, оно очерчивает, каким образом в обществе формируется воля к его достижению. Стратегии, рассмат-

риваемые для анализа данных в настоящем исследовании, находятся в рамках качественного метода и основаны на описательно-аналитическом подходе. В статье подняты следующие вопросы: каковы индикаторы политического развития в исламско-иранской модели прогресса и как можно добиться устойчивого политического развития в этой модели? Результаты исследования показывают, что показатели политического развития в модели соответствуют шариату, а контекст устойчивого политического развития достигается за счет стремления к осуществлению правосудия в политико-формирующей среде общества.

Ключевые слова: политическое развитие, модель, приверженность, справедливость, прогресс.

Цитирование. Азизи Х. Осуществление правосудия и реализация политического процесса в исламско-иранской модели прогресса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 201–212. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.16>

Introduction and problem statement

It seems that the current models of development do not have comprehensive, necessary principles, and foundations, and there is not enough evidence to prove them. In many cases, they do not bring the expected development to the relevant countries, including other human societies. Western development models, therefore, can only be instructive and valuable to Western countries, and extending them to other human societies as the only appropriate model for progress and development does not seem rational. Various factors and motives in the development of theories of political development have always been influential in the West; these patterns, therefore, are often prescribed as a cure for developing countries.

Despite presenting numerous models and plans for the progress and development of our country, most of these models have faced obstacles and limitations due to their non-indigenous nature and lack of careful attention to the issues and problems of Iranian society. In Iranian society, disputes and conflicts of opinion over the meaning, content, and principles of political development as a political aspect of the multifaceted phenomenon of development have always continued. The Islamic-Iranian model of progress, based on the subject of the present study, looks at historical and geographical, cultural, and social conditions, relying on Islamic concepts and knowledge, national values, and indigenous strategies to provide a suitable model for the development of Iranian society.

Unlike Western development models, the Islamic-Iranian model of progress, by understanding the realities of Iranian society,

recognizing national and indigenous values, and paying attention to the spiritual dimensions of man, seeks to achieve development, including sustainable political development. Therefore, it should be said that there is a fundamental difference between the goals, principles, and conditions for achieving political development in the context of Iranian society and Western models. However, the purpose of designing the Islamic-Iranian model of progress is not to deny or completely reject the findings of other development models. Which model can be successful in the current state of development and progress in Iran has been a constant question for Iranian thinkers. We must design a development model compatible with our conditions; therefore, society's government, civil institutions, and intellectuals must offer a convincing development model to the community.

The ideal model for the development of Iran should be based on the current needs in all dimensions and also consider the environmental conditions of the society in the country and the reality of the new world. In the ideal model of development in Iran, looking at the future and the upcoming obstacles, including sanctions imposed by the US and Europe, confrontation with Israel, international evolutions, interaction with Islamic and neighboring countries, as well as constructive interaction with powerful countries such as Russia, China, and India, should be considered. Some of the following factors can be mentioned among the necessary cooperation to successfully overcome the upcoming challenges and take steps for optimal development: institutionalizing the value of the legislation and respecting it in all aspects of society; development of civil society; pluralism of political power; compatibility and interaction at the

international level; development of political freedoms in society; increasing constructive international activities; increasing productive economic activities with friendly countries.

The questions raised in this study, therefore, are: “What are the indicators of political development in the Islamic-Iranian model of progress, and how can we achieve sustainable political development in this model?” The present study is based on the hypothesis that in the Islamic-Iranian model of progress, political development is based on indicators consistent with Sharia and different from Western models, which provide the ground for sustainable political development in society by committing to implementing justice in Islamic texts in the policy-making space.

Methods and materials

1. Political development

Knowledge of the term “Political Development” does not have a precise definition. Its reason should be sought in the many studies that have been conducted from the perspective of interdisciplinary studies on the “growth,” “modernization,” and “development” of new governments in the Third World [3, p. 124]. Political development is a concept that emerged after the post-World War II transformations, with the independence of the colonized countries on the one hand and the threats of the Eastern bloc socialist systems to the Western capitalist world during the Cold War on the other. This concept was introduced by Western sociologists and theorists, especially American theorists, to provide a solution for newly independent and backward countries to change and transform [6, p. 30].

From Huntington’s point of view, political development is recognized in a broader process to modernity or as an aspect of modernism and as a whole in society [17, p. 386]. Political development, in his view, is based on the degree of industrialization, economic growth, and political participation, and he believes that in the process of political development, new demands emerge in the form of political participation [7, p. 95]. For Charles Harold Dodd, “political development means the creation of national unity and the growth of political participation” [10, p. 56]. According

to some experts, political development is also within the framework of political policies for the economic growth of developing countries [1, p. 263].

Some scholars often “divide the key elements of political development around three headings: the people, the political system, and the organization of government. Political development about the first heading, in general, means a change from a situation of widespread dispersal of the people to a kind of expanding cohesion of active citizens. Political development about the second heading means expanding the capacity of the political system to run public affairs. About the third heading, political development means increasing structural differentiation, more specialized functions, centralization of all participating organizations and institutions” [1, p. 263].

A review of available sources and references shows three currents have emerged in political development studies: “the first current is in the direct path of classical developmentalism. It seeks to formulate universal explanatory theories. Following the reconstruction of sociology through saying goodbye to macro-theories and turning to formal examples is the second current, which, in an abstract way, seeks only to find the common ground of all processes of political modernization. The third current seeks to provide a comprehensive and unique explanation of political development in any society by referring to history” [4, p. 24]. Among the thinkers attributed to this current of thought, such as Wallerstein, Anderson, Barrington Moore, and Skocpol can be mentioned.

A review of the Iranian political development literature shows that most of the empirical studies conducted by Iranian and non-Iranian researchers are in the general category of Iran’s development and underdevelopment; only some of these works have specifically addressed the specific category of Iran’s political development. However, since political development is one of the multiple aspects of national development, a series of such studies are directly related to and cover the political development of Iran.

2. Islamic-Iranian model of progress

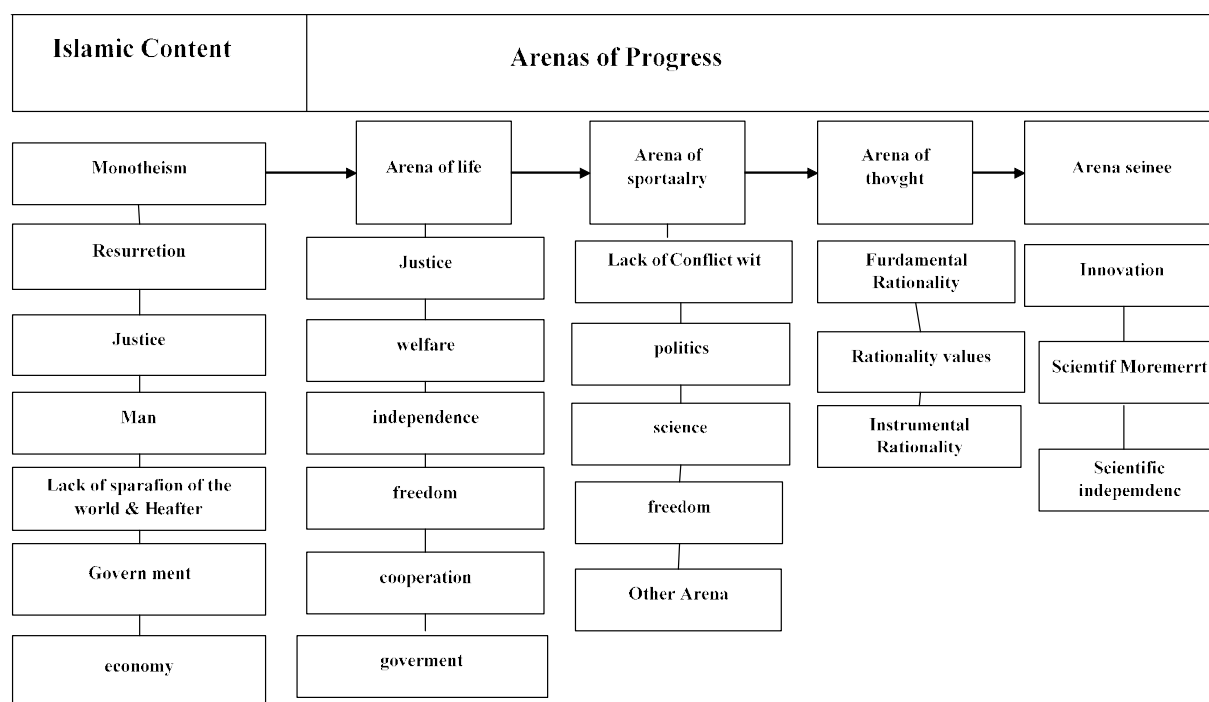
As a macro and comprehensive roadmap for the growth and excellence of the Iranian nation, in the light of deep cultural-national self-

confidence based on Islamic attitudes, designing and codifying the Islamic-Iranian model of progress is one of the most fundamental strategies facing Iran. For the system of the Islamic Republic of Iran, the development of this model has been considered as a railing, which is an inevitable necessity in the fourth decade of the Islamic Revolution. “The basic premise of this thinking is that; First, current patterns of development cannot meet our needs and aspirations, Secondly; Islam has the intellectual capacity needed to support and provide a model of progress, Thirdly; Iran’s scientific and strategic capabilities are such that it can design and produce its own progress” [41, p. 98]. This model can be mentioned as a superior document to all the planning documents, visions, and policies of the country [5, p. 52].

Like other models, this one has important principles and requirements and has a different structure and purpose from other models; however, it may have similarities with different patterns. The intellectual and philosophical system of the Islamic-Iranian model of progress has had certain epistemological, political, and ontological foundations, and with such a view, it analyzes the relationship between man, society, the individual, and government. The need for political, social, cultural, and economic development in this model

is influenced by important concepts and categories such as justice, welfare, independence, national dignity, freedom, cooperation, and government. The Islamic content of this model is based on monotheism, resurrection, the inseparability of the world and the hereafter, economy, man, and government. Typically, this pattern is reminiscent of religious-oriented progress that has a precise and semantic relationship with Islam (see Figure).

Regarding the literature and research background on the Islamic-Iranian model of progress, first, it should be said that the interactive and binding study between the two variables of political development and the Islamic-Iranian model of progress does not have much research background. Regarding the research literature on the Islamic-Iranian model of progress, however, it should be noted that extensive research has been done since the presentation of this plan. We can mention some of the books written. A book entitled “The Iranian Islamic Model of Progress” has been written by Amir Siahpush [37], completely taken from the statements of the Supreme Leader of the Revolution about the model of progress. In a book, “Iranian Identity & The Iranian Islamic Model of Progress,” Mohammad Sadegh Kushki [26] examines the components of Iranian identity in the pattern of progress, the Islamic Revolution, and its impact on the evolution of identity.

Islamic content and arenas of progress in the Islamic-Iranian model of progress

3. Research method

Among the appropriate methods for collecting materials and data, according to the objectives and research questions, the method for the present study is qualitative. “In the study of social phenomena, the qualitative method, instead of using the tools of the quantitative method, deals with the non-quantitative analysis and synthesis of data” [14, p. 90]. The strategies for analyzing the data in the present study are in the framework of a qualitative method based on the process of compiling, adjusting, laying the foundation, and expressing the concept or meaning of a large amount of collected data that interprets information and extracts results that answer research questions. Among the various strategies of qualitative research, the strategy of causal explanation has been used to discover the relationship between

factors and phenomena in this study. The research has provided the required data by using the documentary approach and library studies, and after analysis, it has been done using a descriptive-analytical strategy.

Analysis

Islamic and Western model system

In Islamic thought, God is not in opposition to man, but everything is for man, and man was created for God and in the direction of perfection. The Islamic insight does not consider dealing with material, physical and worldly affairs as a reprehensible thing; even considers the effort to provide material and physical affairs and the development of the world as human responsibility in the place of God’s successor on earth (Tables 1, 2).

Table 1. Confrontation of the intellectual and philosophical foundations of Islam and the West in the system of patterns

Islam	West
<ul style="list-style-type: none"> • Islamic ontology is monotheistic and has a creative existence [4, Sermon 1]. • Islamic ontology can be introduced as a realistic ontology. • The whole universe has been formed according to specific rules and principles, codified and unchangeable, and there is no chance of accident in it [38, Surat Al-Isrā / verses 76–77]. • According to the Qur’an, the whole universe is integrated; all are from God and turn to Him. • The divine face is evident in all aspects of the universe [38, Al-Baqarah, verse 115]. • In Islam, the key to knowing God is knowing oneself, because it causes theology [12, p. 19]. • The creatures of the universe have divine guidance in whatever order they are; That is, formative and legislative guidance. • In Islamic philosophy, epistemological issues follow ontological issues 	<ul style="list-style-type: none"> • Some ancient Greek thinkers did not consider the universe to be a creature, but the evolution of an ever-existing matter. • Existence and ontology almost sink into modern Western philosophy. • The currents of Western philosophy now emphasize the primacy of epistemology over ontology. • In Western epistemology, human intellect and wisdom are parallel to God’s wisdom. • Belief in infinite progress replaces divine providence, and the concept of humanity replaces divinity. • Western epistemology fills the void left by the absence of God with the presence of man. • In the West, man is the measure of everything. • By rebelling against the church that denied the existence of men, the European men believed they were the center of the universe and everything was for them [28, p. 38]

Table 2. Objectives and approaches in the Islamic-Iranian model of progress

Objectives	Approaches
<ul style="list-style-type: none"> • Having ideological and epistemological foundations different from other models 	<ul style="list-style-type: none"> • Monotheism-orienting. • Anthropology. • Ontology
<ul style="list-style-type: none"> • Having native researchers and theorists 	<ul style="list-style-type: none"> • Theorizing is done by indigenous experts.
<ul style="list-style-type: none"> • Achieving progress in a specific and Islamic sense 	<ul style="list-style-type: none"> • Achieving a good life. • Achieving spiritual pleasures
<ul style="list-style-type: none"> • Being a comprehensive theory 	<ul style="list-style-type: none"> • A hybrid and multidimensional look at development. • Having multiple topics. • Having a material and spiritual attitude to progress

*Progress from the point of view
of religious authority
and Islamic revolution leaders*

As an achievement of the Islamic Revolution, based on the principles and foundations of schools of burial and with religious authority, in addition to being able to have a significant presence in the international arena in presenting the government model based on religious democracy, the I.R.I. has established a new link between religion and politics and has shown a recent example of the Islamic state's thought during the last four decades. Shia concepts' capabilities in the Islamic government's framework have caused the development and influence of the Islamic revolution in the form of Shia core beliefs in the world. Therefore, in the framework of Shia thoughts, due to having a deep expert view as well as trustworthiness, justice, management, and tact in applying Islamic models to time and place conditions and also having the model of Islamic government, the Guardianship of the Jurist has a prominent role in ensuring the efficiency of the Islamic system in the path of progress. The role and position of the Guardianship of the Jurist in the administration of the Islamic system are to determine the strategy and management of macropolicies for the administration of the Islamic system at the domestic and international levels. Therefore, "the necessity of the Guardianship of the Jurist is its continuation as the imamate of infallible imams." The Fully Qualified Fiqh is also in charge of the Islamic community from God and the infallible imams [21, p. 213].

Imam Khomeini's theory of jurisprudence can perhaps be called the most important Shia jurisprudential-political theory in the absence of an infallible imam [23, p. 5]. In "Islamic Government" and "Kitab al-Bai," Imam Khomeini has proved the authority of the jurist of the Fully Qualified Fiqh by referring to reason, the verses of the Qur'an, and Islamic traditions [34]. According to Imam Khomeini, if this nation is to experience the desired progress, it must rely on its Islamic identity and look at the world from within this identity [18]. In his opinion, the only school that can guide society is Islam [24; 25, p. 437; 40]. Ayatollah Khamenei's view of progress is spiritual, Islamic, and otherworldly. He

believes progress should be based on solid domestic foundations, and sanctions should not stop the country's progress. Progress depends on the three priorities of resistance economy, scientific leap, and cultural immunization. The relationship with God and spirituality is the most critical improvement factor and should be accompanied by justice. Progress from Ayatollah Khamenei's point of view is:

1. Relying on domestic production. The only way to develop the country is to rely on domestic production and potential. According to him, the discourse of resistance economics is the only way to progress the country. The main essence of the discourse of resistance economy is to rely on domestic power and national production.

2. Emphasis on science. From his point of view, one must move in the direction of science to achieve progress. Without all kinds of knowledge, a country's authority is impossible.

3. Use of Islamic and Iranian identity. From his point of view, to achieve progress, we must move according to the culture and characteristics of our own country, and in the meantime, it is necessary to use the two categories of Islam and Iran.

4. Relying on people. In his opinion, people should be brought to the arena and their potential should be used because the identity of the Islamic revolution is tied to the people and without the people, it has no meaning. People should be the focus of development and progress [39].

*Indices of political development
in the Islamic-Iranian model of progress*

Political participation index

The most fundamental idea underlying participation is accepting the principle of equality of people, and its purpose is the consensus, cooperation, and collaboration of individuals to improve the quantity and quality of life in all social, economic, and political fields [30, p. 57]. Political participation is "a global phenomenon that exists in all societies and provides the conditions for accepting change" [32, p. 123]. With a descriptive and analytical view of political participation in the Islamic perspective and an interpretive and exemplary view of political participation in the

context of Islamic legal principles and regulations, the approaches and components of political participation in the Islamic-Iranian model of progress can be formulated and explained. “In the third, sixth, twentieth, twenty-third, twenty-sixth, fifty-sixth principles”, the constitution also considers participation in political, social, and cultural fields [15]; therefore, the approaches to political participation in this model are participation based on Islamic vision, participation based on legal principles and laws, and participation based on elections and political parties.

Index of religious democracy

Both intra-religious and extra-religious, the definition of religious democracy is possible with a combination of maximum religion and minimum democracy [16, p. 4]. Religious democracy as a method of governing has components such as right-orientation, law-centricity, value-centricity, and popular satisfaction. “Religious democracy does not consider legitimate government to be based solely on the principles of social consent and contract. Rather, it considers the aspect of legitimacy to be due to the deification of the government in its religious acceptance, then accepts the consent of the people in the form of the Sharia and its scope, and considers the actuality of the government to be the result of the obedience and support of the people” [2, p. 137]. One of the basic approaches to religious democracy in the Islamic-Iranian model is progress based on the system of religious rule, which “is based on two dimensions in the political system. “The divine and human dimension of this system analyzes the relationship between the government and the people, taking into account Islamic principles” [29]. The Islamic-Iranian model must adhere to the requirements of religious democracy and consider it in theoretical and practical terms as one of the main factors of political development. Correction, improvement, and the need to pay attention to the theoretical and operational requirements of religious democracy should always be one of the main priorities of the programs of this model. This model, therefore, should provide the groundwork for its sustainable development in many areas by strengthening the theoretical and practical position of religious democracy.

Freedom index

The basis of freedom in Islam is the monotheistic worldview. In the Qur’an, God expresses freedom as a test for human beings and considers it very valuable. In Islam, “man is free but must be accountable for his choices before God” [8, p. 615]. In Islam, civilization means accepting duty, responsibility, and being law-abiding, and religious freedom means freeing human beings from the shackles of slavery and sovereignty other than God. The need for freedom in the Islamic-Iranian model of progress not only does not diminish, but it can be given an important place. In a general and basic division in this model, we can point to two types of freedoms: the first is positive freedom, that is, acknowledgment and belief in the practical implementation of freedoms in Islam and constitutional and ordinary laws. The second is negative freedom, that is, the avoidance of freedoms that conflict with Islamic and Iranian identities and conflict with unfettered freedoms in the Western form.

Equality index

The equality of human beings in Islam encompasses all aspects of social life. “The resuscitative school of Islam has explicitly and consciously enshrined the right to liberty, the right to life, the right to sue, the right to equality, the right to security, the rights of minorities, and dozens of other rights, some of which today constitute the provisions of the Universal Declaration of Human Rights” [19, p. 110]. Achieving the principle of equality in the theoretical and practical areas of the Islamic-Iranian model of progress can be based on knowledge of equality in the areas of domestic law and regulations, the constitution, Islamic human rights, and universal human rights. The Constitution, including in the “Principles Eleventh, Thirteenth, Fourteenth, Twenty-eighth, Twenty-ninth, Thirty-third, Thirty-fifth, Fortieth, Forty-first, Twentieth” [15], emphasizes the principle of equality, which can be one of the important sources and citations of this model for achieving equality in society. If the principle of equality in the Islamic-Iranian model of progress is implemented logically, correctly, and realistically, we will see the establishment and implementation of political, social, cultural, economic, and civil

equality in society. In this model, everyone should be considered equal before the law, and equality-oriented and fair laws should be implemented in society.

*Commitment to implementing justice
in the Islamic-Iranian model of progress*

Justice is the basis of all principles in Islamic political thought. The divine verses indicate that we sent the prophets with torches of guidance and gave them books and scales to establish justice. In verse 25 of Surah Al-Hadod, the Qur'an enumerates the purpose of the mission of the prophets to rise up in installments and justice and states: "We have already sent Our messengers with clear evidence and sent down with them the Scripture and the balance that the people may maintain [their affairs] in justice" [38, Al-Hadid, verse 25]. In verse 8 of Surah Al-Ma'idah, the Qur'an states: "O you who have believed, be persistently standing firm for God, witnesses in justice, and do not let the hatred of a people prevent you from being just. Be just; that is nearer to righteousness, and fear God; indeed, God is fully aware of what you do" [38, Al-Ma'idah, verse 8]. The Qur'an considers Imamate and leadership as a "divine covenant," a position of "anti-oppression," along with justice, and calls the moral-oriented man the "lord of justice" [11, p. 104].

*1. The recognition
of the implementing justice contexts*

Many schools have only chanted the slogan of justice and have not provided the grounds and criteria for its emergence in society. To the extent that the grounds for non-administration of justice are provided in the context of society, justice takes the form of a slogan and, in practice, encounters obstacles. The lack of desirable indicators and benchmarks in the multifaceted areas of justice leads to the failure of society to achieve sustainable justice. In the context of the Islamic-Iranian model of progress, the context, examples, and criteria for measuring justice in various areas of justice and other areas should be recognized and considered. In this model, therefore, a better understanding of the current situation in the field of justice should be obtained. "In such a way that

with the criteria and indicators derived from that field and environmental coordinates, the current situation can be recognized as the source of movement, and by classifying and prioritizing the necessities, the desired movement can continue strategically from any time and place" [40, p. 134].

*2. Implementing justice
in the legal and judicial system*

The first step in establishing justice is the existence of a correct and just law, a law that guarantees the material and spiritual interests of all citizens equally [33]. The establishment of a just legal and judicial system is the best means of establishing justice. Hence, "it must be admitted that theoretically there is a concept of justice in the nature of law" [22, p. 511]. Justice is the minimum criterion for the evaluation and legitimacy of laws, so unjust laws are illegitimate laws" [9]; in other words, "Justice is the ultimate goal and the first value of rights" [22, p. 513]. In recognizing the fields of implementing justice in the legal and judicial systems and the rights granted in connection with the strategies of implementing justice in the laws of the Islamic Republic, some of these principles can be mentioned as follows:

The application of the law by the courts of justice is stated in Article 61 of the Constitution:

- "Law enforcement is the responsibility of the courts of justice, which must be formed under Islamic standards and deal with the resolution of lawsuits, the protection of public rights, the expansion and implementation of justice, and the establishment of divine limits" [20, p. 56].
- The official authority for all complaints, the formation of courts, and the determination of their jurisdiction by law is the judiciary.
- The courts are overseen by the Supreme Court, and the administrative apparatus is overseen by the General Inspection Office.
- The Court of Administrative Justice has jurisdiction to hear complaints from officials, units, by-laws, the annulment of unconstitutional decrees, and the religious criteria of the government.
- In resolving disputes, the judge is obliged to try to find the verdict of each lawsuit in the written laws; if they do not find it, they must issue a ruling based on reliable Islamic sources or valid fatwas. They cannot refuse to hear a case and

issue a sentence under the pretext of silence, defect, conciseness, or conflict of laws.

- The special cases for political and press crimes are open, and take place in the presence of a jury in the courts of justice. The manner of selection, conditions, powers of the jury, and the definition of the crime shall be determined by law according to Islamic criteria [27, p. 216].

- Islamic norms must be observed in all laws, including judicial laws.

- Trials must be open.

- Complaints must be dealt with [36, pp. 122-123].

- Improve the ability of individuals to defend their just rights.

- Establish stages to guarantee the fair implementation of rights among the people [29].

- The presumption of innocence is based on the innocence of individuals.

3. Legalism and implementing justice

Legalism means the fair implementation of laws and the observance of the rights of all members of society; therefore, a law-abiding society is one in which the law is fully observed and all members of society are equal before the law. Fair regulation of social relations is the mission of the law. This mission is realized when the law, while enjoying full comprehensiveness, has an executive guarantee. An accurate law is a necessary condition for justice, but it is not enough. If not enforced well, the law, although just and based on science and wisdom, cannot implement justice in society; thus, “legalism in a just political system is an objective necessity for everyone, including the government and the nation, to avoid desecration while moving within the realm of law.” To the extent that the spirit of legalism develops in society, justice expands, just as the prevalence of lawlessness underlies the rule of discrimination and injustice [33].

Constitution and implementing justice

The real commitment of the officials of the government forces is necessary for the realization of the constitutional goals. A selective approach to the implementation of the principles of the Constitution overshadows the national interests by optimizing group and factional interests and

leads to the implementation of some principles and the abandonment of another part of them (according to the political, and ideological tendencies, considerations of the ruling parties and coalitions). In this way, the ground for deviation from the purposes of the mentioned law is provided, and the possibility of achieving justice is reduced. Regardless of the purpose of the law, if the constraints and limitations of its implementation are ignored and the requirements of its implementation are not taken into account, the probability of successful implementation is reduced. In the discussion of implementation, the capacity of the bureaucracy of the government should be considered as the most important executive institution [31]; in order to implement justice and lay the groundwork for political development, therefore, a comprehensive approach to the principles of the constitution must be taken.

Social justice strategy based on implementing justice

Social justice is the belief that society, with its pervasiveness, has the grounds by which individuals can achieve their rights and that the affairs of society are placed in their proper place in proportion and balance. Since “right,” “its realization,” and its proper distribution are at the core of this definition, it is interpreted as distributive or intrinsic justice [35, p. 12]. Social justice in the Islamic-Iranian model of progress is the biggest strategy for all social areas; the advantage and brilliance of this model are in contrast to competing and opposing models; therefore, executive planning in order to achieve this macro-strategy should always be done in a balanced and coordinated manner in all social areas [29]. The focus of the social justice strategy in the Islamic-Iranian model of progress requires the study of capacities, opportunities, and areas for growth in various social, political, economic, and cultural fields.

Data analysis and explanation

Two important variables of political development and the Islamic-Iranian model of progress in interaction and interdependence have been studied and analyzed in the present study.

What is needed to design such a model is that it should contain the principles and foundations, strategies, goals, policies, strategies, regulations, and all the basic issues of the country. Enumerating the general indicators of political development in the present study and given the place of political development in the Islamic-Iranian model of progress, with a commitment to justice in Iran (justice from the perspective of rich Islamic resources and knowledge), one can be believed that the context for realization creates sustainable political development in this model.

Political development is one of the concepts that inherently contains contradictory elements, and these contradictions become more apparent when applied to the political units in question. The classical texts of political development include various patterns or theories, each of which deals with issues of political development from specific angles. The process of development, including political development in the West, has revolved mainly around the school of modernization, and theories associated with this school and linear development have been in search of a grand theory since its inception. "The members of this school believed that, according to the theory of linear development, human movement is forcibly moving towards growth and evolution in the Western style" [13, p. 98].

The relationship between tradition and modernity in the Islamic-Iranian model of progress is not a dual and bipolar development, but there is an interactive relationship between these two categories. In this model, the process of political development is indigenous, which, while embracing modernity, makes it possible to achieve development by preserving historical and cultural traditions. In this model, therefore, the relationship between tradition and modernity must be properly and accurately understood and deeply analyzed, and the capabilities of tradition and modernity must be exploited to the fullest.

The discussion of political development and its implementation patterns has always been controversial among experts and political sovereignty; therefore, the process of political development in Iran has been associated with certain ups and downs and has been fundamentally different from other societies. The experts' perceptions and interpretations of the development from Iran's past to the victory of

the Islamic Revolution have somehow had disturbing content. In the past, Iran, in other words, had formed a kind of "state-centric" development model.

Conclusion

Whereas how to formulate a suitable model for development based on Iranian thought and power has been proposed by experts in the form of the Islamic-Iranian model of progress, in the present study, in addition to the pathology and explanation of Western political development models, the possibility of drawing a native model of political development based on Islamic-Iranian identity was pointed out. Political development, therefore, is one of the most important dimensions of development in this model. In this study, general indicators of political development such as political participation, religious democracy, equality, and freedom were suggested; each of these characteristics can be consistent with the Islamic-Iranian identity and indigenous factors and be based on the interpretation of Sharia and national values.

In line with the research hypothesis, it was also examined that, in the Islamic-Iranian model of progress from the perspective of rich Islamic and national resources, in the context of the Islamic Republic, including the judicial system and all dimensions, the execution of rulings should be based on justice. By recognizing the fields of justice, formulating the standards of fair rights, and legislating fair laws in the social spheres, or providing justice in the policy-making space of Iran, the grounds for sustainable political development are provided. The general policies of the system and the country's vision document in the framework of the idea of the Islamic-Iranian model of progress, therefore, should be based on solidarity and national identity, social capital and freedom, economic prosperity and social justice, attention to revolutionary values, economic and social justice, military and defense security, and scientific and technological development.

In the 21st century, human societies are in a situation where, without paying attention to the environment outside their borders and finding a proper understanding of it, they will not be able to accurately understand their situation and living conditions. The I.R.I. should use its soft power

resources within the framework of the Islamic model in order to counter the American and European sanctions against Iran. The sources of Iran's soft power include culture in the form of Iranian and Islamic identity and political values such as religious democracy, freedom of expression, promoting human rights, and protecting the environment.

Considering the position of modern diplomacy, such as media, public, and virtual diplomacy, Iran should put extensive programs on its agenda to involve people and non-governmental organizations in the use of modern diplomacy. Iran should make maximum use of capacities such as the media, civil activists, social networks, and virtual space. Therefore, in the vast expanse of virtual space, where social networks, the internet, sites, blogs, and mobile applications such as WhatsApp and Viber have connected millions of people all over the world, Twiplomacy (Virtual diplomacy or Twitter diplomacy) is going on with increasing intensity, and diplomats and political officials of different countries use its huge capacities to communicate directly with world opinion. The following suggestions are given in the continuation of the discussion:

In the intellectual system of the Islamic-Iranian model of progress, the discourse of justice should be given priority to become a justice-seeking movement.

In the context of the Islamic-Iranian model of progress, the implementation of justice based on planning and evaluation of opportunities and capacities, calculating policy-making in detail, creating a document of an arena, and commitment to fair reasoning and laws should be regulated.

In the Islamic-Iranian model of progress, to plan a balanced development, a deep link should be established between all dimensions of development, and any theorizing about development and political development must be based on Islamic-Iranian identity.

REFERENCES

1. Abbasi Sarmadi M. Political Development in Iran After June 2, 1997. *Politics Quarterly, Journal of the Faculty of Law & Political Science*, 2009, vol. 39, no. 2, pp. 259-280.
2. Akhavan Kazemi B. *Justice in the Islamic Political System*. Tehran, Research Institute for Islamic Culture & Thought, 2003. 192 p.
3. Alam A. *Foundations of Political Science*. Tehran, Nashr-e Ney Publishing, 2001. 320 p.
4. Ali. *Nahj al-Balagheh*. Tehran, Qadiani Publications, 2015. 1328 p.
5. Ali Akbari H. A Reflection on the Islamic Model of Progress in Iran. *Proceedings of the 3rd Conference of the Islamic-Iranian Model of Progress, Conference Secretariat*. Tehran, Center for the Islamic-Iranian model of progress Publications, 2012, pp. 48-92.
6. Alvin Y. So. *Social Change & Development*. Tehran, Strategic Publications, 1999. 264 p.
7. Badie B. *Political Development*. Tehran, Ghoomes Publishing Company, 2000. 216 p.
8. Barzegar E. *Freedom in the Triple Model of Islam*. Tehran, Publication of the Model of Progress, 2012. 64 p.
9. Daneshpajoo M. Reflections on the Relationship Between Law & Justice. *Research Journal of Islamic Law*, 2007, vol. 8, no. 26, pp. 41-60.
10. Dodd C.H. *Political Development*. London, MacMillan Co. of Canada, 1972. 64 p.
11. Forouzandeh Dehkordi L. Evaluation & Selection of Employees Based on Islamic Criteria. *Proceedings of the Fourth Conference on the Iranian Islamic Model of Progress*. Tehran, Center for the Islamic-Iranian model of progress Publications, 2015, pp. 101-118.
12. Ghazali Abu Hamed Mohammad. *The Alchemy of Happiness*. Tehran, Central Library Publications, 1982. 908 p.
13. Ghezelsofla M.T. Postmodernism & The Collapse of the Development Mentality. *Journal of Political Information*, 1997, vol. 8, no. 121-122, pp. 90-107.
14. Haghghat S.S. *Methodology of Political Science*. Qom, Mofid University Press, 2006. 720 p.
15. Hosseini Nik S.A. *Constitution*. Tehran, Majd Publications, 2005. 118 p.
16. Hosseini S.R. The Model of Religious Democracy & Its Relationship with the Islamic Awakening. *Quarterly Journal of Contemporary Political Studies*, 2011, no. 2, pp. 25-43.
17. Huntington S. Political Development and Decay. *World Politics*, 1965, vol. 17, no. 3, pp. 386-430.
18. Ismaili M.M. Ideological Foundations in Compiling the Islamic Model with an Emphasis on the Scientific and Practical Life of Imam Khomeini. *Quarterly Journal of Contemporary Political Essays, Research Institute of Humanities*, 2014, pp. 1-29.
19. Jafari S.A. Fundamental Human Rights in the Charter of Imam Ali Government. *Quarterly Journal of Islamic Human Rights Studies*, 2013, no. 4, pp. 105-122.
20. Jahangir M. *Constitution*. Tehran, Doran Publishing, 2001. 350 p.

21. Javadi Amoli A. *The Guardianship of the Jurist*. Qom, Esra Publishing Center, 2015. 594 p.
22. Katouzian N. *A Step Towards Justice. Vol. 1*. Tehran, Faculty of Law & Political Science Publications, 1999. 876 p.
23. Khomeini S.R. *Islamic Government*. Qom, Ismailian Press Institute, 1965. 190 p.
24. Khomeini S.R. *Kitab al-Bai*, Qom, Ismailian Press Institute, 1984. 545 p.
25. Khomeini S.R. *Sahifeh-ye Imam*. Tehran, Institute for Editing and Publishing Imam Khomeini's Works, 2010. 512 p.
26. Kushki Mohammad Sadegh. *Iranian Identity & The Iranian Islamic Model of Progress*. Tehran, Institute of Culture and Communication, 2012. 80 p.
27. Madani S.J. *Principles and Generalities of Jurisprudence*. Tehran, Hamrah Publishing, 1991. 299 p.
28. Movaseghi S.A. *Modernization & Political Development*. Tehran, Mizan Publishing, 2012. 512 p.
29. Nabavi A. The Place of Principles & Strategies of Social Justice in the Islamic Model of Progress Iran. *Proceedings of the Second Meeting of Strategic Ideas of Justice*. S.I., Secretariat of the Meeting, 2014, pp. 265-286.
30. Niazi M. Reflections on the Relationship Between Power Structure & Social Participation. *Letter of Social Sciences*, 2004, no. 23, pp. 45-65.
31. Pourezat A.A. Government Policy-Making for the Realization of Social Justice Between the Drafting & Implementation of the Constitution. *Journal of Management Thought*, 2007, no. 1, pp. 77-91.
32. Rush M. *Society & Politics: Introduction to Political Sociology*. Tehran, SAMT Publications, 1998. 292 p.
33. Salimi A. Strategies for Ensuring Justice. *Book Review*, 2005, no. 37, pp. 41-54.
34. Sayyid al Razi. *Nahj al-Balagheh, Rev: Sobh Saleh*. Qom, Dar-al-osvah, 1994. 1353 p.
35. Seyed Bagheri S.K. *Principles of Social Justice*. Tehran, Olgou Publication, 2016. 200 p.
36. Shabani G. *Constitutional Rights & The Structure of the Government of the Islamic Republic of Iran*. Tehran, Ettelaat Publications, 2007. 268 p.
37. Siahpush A. *The Iranian Islamic Model of Progress*. Tehran, Engelab-e Eslami Publication, 2013. 367 p.
38. *The Holy Qur'an*. Tehran, Shkoh Danesh Publications, 2012. 1299 p.
39. Timuri R., Abdolzadeh H., Kaveh Pishgadam M.K. Definition of Progress and the Ways to Achieve It from the Perspective of the Supreme Leader, Ayatollah Khamenei Based on the Theory of Discourse. *Scientific Quarterly for the Study of the Politics of Change in the Humanities*, 2022, no. 1, pp. 51-67.
40. Zaribaf S.M. Development Course, A Conceptual Model of the Islamic-Iranian Model of Progress. *Bi-Quarterly Journal of Islamic Economics Studies*, 2013, no. 10, pp. 127-156.
41. Zooelm Ali. Roadmap for Designing the Iranian Islamic Model of Progress. *Proceedings of the 3rd Conference of the Islamic-Iranian Model of Progress*. Tehran, Conference Secretariat, 2014, pp. 92-106.

Information About the Author

Hasan Azizi, Associate Professor, Faculty Member, Islamic Azad University (Abhar Branch), 4561934367 Abhar, Zanjan, Iran, hasan.azizi1012@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7305-6852>

Информация об авторе

Хасан Азизи, доцент, член факультета, Исламский университет Азад (филиал), 4561934367 г. Абхар, провинция Занджан, Иран, hasan.azizi1012@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7305-6852>

www.volsu.ru

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.17>

UDC 902.01

LBC 63.401

Submitted: 14.04.2022

Accepted: 08.06.2023

“TURKISH” TOBACCO PIPES: HISTORY OF STUDY¹

Olga V. Kladchenko

Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the history of the study of “Turkish” clay tobacco pipes. It is an actively developing direction in archaeological science. For about fifty years, “Turkish” tobacco pipes have regularly been the subject of research by scientists from various countries. However, the history of their study has not yet become a special subject of research. *Methods of research.* The study used methods to identify commonalities and differences between individual studies on the problem in question. All the references considered in the publication are arranged in chronological order and reflect the evolution of the researchers’ views; separate lines of research on tobacco pipes are distinguished. *Analysis.* From the late 1960s to the late 1980s, the foundations were laid for the study of “Turkish” tobacco pipes. The works created during this period are still the basis on which all researchers rely. The next stage in the study of the pipes was in the 1990s. At that time, the data on the dating of the pipes were clarified, special research using natural scientific methods was carried out for the first time, written sources were involved, the historical names of some types of pipes were restored, and the distinguishing features of local copies from the Turkish originals were analyzed. In the 2000’s and 2010’s, the attention of researchers turned to individual problems of studying pipes, such as stamps and ornamentation, images of smoking pipes on works of art, and analysis of written sources on the history of tobacco smoking. In addition, large monographs with detailed catalogs of “Turkish” tobacco pipes were created for the first time. *Results.* Many issues still remain unresolved in the available literature: only a few of the production centers have been identified, only a small portion of the masters’ marks have been read, and most of the dating covers broad periods and needs to be clarified.

Key words: “Turkish” tobacco pipe, post-medieval archaeology, historiography, ceramics, Ottoman Empire, Crimea.

Citation. Kladchenko O.V. “Turkish” Tobacco Pipes: History of Study. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 213-224. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.17>

УДК 902.01

ББК 63.401

Дата поступления статьи: 14.04.2022

Дата принятия статьи: 08.06.2023

«ТУРЕЦКИЕ» КУРИТЕЛЬНЫЕ ТРУБКИ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ¹

Ольга Витальевна Кладченко

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена истории изучения «турецких» керамических курительных трубок. Изучение керамических курительных трубок – активно развивающееся направление в археологической науке. Уже около пятидесяти лет «турецкие» курительные трубки регулярно становятся предметом исследования ученых из разных стран. Однако история их изучения специальным предметом исследования до сих пор не становилась. *Методы исследования.* В работе использованы методы, позволяющие выявить общие черты и различия отдельных исследований, посвященных рассматриваемой проблеме. Все исследования, анализируемые в публикации, расположены в хронологическом порядке и отражают эволюцию взглядов ученых; выделяются направления исследований курительных трубок. *Анализ.* С конца 1960-х по конец 1980-х гг. были заложены основы изучения «турецких» курительных трубок. На работы, созданные в этот период, до сих пор опираются все исследователи. Следующий этап в изучении трубок приходится на 1990-е годы. В это время уточняются данные о датировке трубок, впервые проводятся специальные исследования с помощью естественно-научных методов, привлекаются письменные источники и восстанавливаются исторические названия некоторых типов трубок, проанализированы отличия местных копий от турецких оригиналов. В 2000–2010-х гг. внимание исследователей обратилось к отдельным проблемам изучения трубок, таким как клейма и орнаментация, изображения курительных трубок на произведениях искусства, анализ письменных источников об истории табакокурения. Кроме того, впервые опубликованы крупные монографии с подробными каталогами «турецких» курительных трубок. *Результаты.* Многие вопросы все еще остаются нерешенными: определены немногие из производственных центров, прочитана только малая часть клейм мастеров, большинство датировок охватывает широкие периоды и требует уточнения.

Ключевые слова: «турецкая» курительная трубка, археология нового времени, историография, керамика, Османская империя, Крым.

Цитирование. Кладченко О. В. «Турецкие» курительные трубки: история изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 213–224. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.17>

Introduction. Having arrived in Turkey at the beginning of the 17th century, tobacco smoking spread rapidly throughout the vast territory of the Ottoman Empire. Numerous attempts have been made to ban smoking, including the danger of fires, but they have been unsuccessful. By the mid-17th century, smoking had come into fashion, and along with smoking, pipes had spread. The Ottoman pipe was the result of a fusion of European and West African pipe-making traditions. The Turks borrowed the European technology of stamping pipes in two-part forms and a three-part structure of African smoking set. Such a pipe consisted of a bowl with a short stem where a long chibouk was inserted and ended with a mouthpiece. Turkish pipes were made of clay, most often in two-part molds, and wedges were hammered into the product to create the openings. The surface of the pipes would be decorated in various ways: the surface was subjected to glossing and ornamentation, performed with the help of various end stamps or rouletted bands, as well as cogwheels covered with slip. Sometimes the pipes were gilded and decorated with inlay [7, p. 47]. Together with other goods, pipes were imported to every corner of the Ottoman Empire. Local craftsmen quickly learned to copy the

original products quite accurately. The most correct with respect to the entire pipe array is that the term “Turkish” is used in quotation marks to refer to both Turkish products and imitations of them, thus combining both original products and copies [23, p. 31].

“Turkish” pipes are a bright and beautiful material. They have long attracted the attention of researchers, and extensive literature has been devoted to their study.

V.V. Lavrov has already attempted to make the history of the pipes study in 2018 [41]. In the report, published as an article, the author reviewed only seventeen of the most famous works on “Turkish” pipes, which is far from exhausting the wide range of both domestic and foreign literature on the subject.

Methods of research. The study uses methods of historical knowledge, allowing to explore all the features and reflect the evolution of research on the problem in question. The comparative-historical method allows identifying the common features, differences, and peculiarities of individual studies devoted to the issue under consideration. The problem-chronological method distinguishes separate directions in the research of smoking pipes

(creation of typological schemes, deciphering of stamps, identification of centers of production). All the literature considered in the publication is arranged in chronological order and reflects the evolution of the researchers' views.

Analysis. The very first publications, in which the pipes found at the sites of Central and South-Eastern Europe were singled out as a special category of archaeological material, date back to the 1940s–1960s. However, the tobacco pipes in them were, as a rule, simply listed among other archaeological material [2; 49; 53; 86].

From the late 1960s to the late 1980s, the foundations were laid for the study of "Turkish" smoking pipes. The works created during this period are still the basis on which all researchers rely.

One of the first attempts to create a classification based on the study of the Varna Museum's collection of tobacco pipes was made by Bulgarian researcher M. Stancheva [67–69]. The attributes that were used by her as typofforming are the color of clay (red clay, light brown, brick-red, white clay, black clay) and "style," corresponding to the shape of flower buds (lilies, narcissus, tulips). The authors did not study the composition of clay; only the color of the surface of the finished product was taken into account. Classifications based on the same principles were proposed by A. Kharlambieva [30] and V. Ilcheva [28]. When creating the classifications, Bulgarian researchers proceeded from the fact that almost all the "Turkish" pipes from the territory of Bulgaria were local products, made in Sofia, Varna, and Veliko Tarnovo. They also based the typology on the color of the clay of the finished product and on the floral "styles." This tradition is well-established, and such names are still used in most publications. "Floral" names of types or "styles" can be considered justified, since the artistic culture of the Ottoman Empire is all permeated with floral themes. However, not all "styles" are unambiguously defined as a particular type of flower, so in the works of different researchers, the same type of product may have different names.

In 1980, the work of J. Hayes was published. In which the pipes from the excavations in the residential quarter of Istanbul, Saraçhane [26], were comprehensively studied. The pipes were dated according to the accompanying numismatic materials. The author proposed a classification

based on which the pipes were divided into five groups according to date, clay color, and surface treatment method. In the first group that J. Hayes dated from the 17th to the beginning of the 18th century, he attributed eight types of products made from light gray clay, sometimes with Arabic inscriptions. The next group of J. Hayes includes early pipes with a red or brown surface, with or without burnishing, and sometimes the pipes are equipped with stamps. The author dates this group to the end of the 17th century and the beginning of the 18th century. The group of red-burnish pipes of the 19th century by J. Hayes includes large pipes on a flat base, a richly decorated surface, and stamps in a circular field. Among the late J. Hayes (after 1850) included a group of pipes, many of which are red-burnish; there are also pipes with stamps. To the latter group, the author attributed three types found in one, two, and three copies. They are dated from the 17th and early 18th centuries.

In 1983–1985, the most important articles by R. Robinson, who proposed her classification of pipes from the layers in Kerameikos, Athenian Agora, and Corinth, based on the shape of the bowls [51; 52], show that pipes with discoidal, round, and faceted bowls were produced at different times in the period between the 17th and 19th centuries [52, p. 149].

The earliest pipes, according to R. Robinson, were, in imitation of the European ones, made of light clay, small in size, with a long stem. Since the late 17th century, pipes in Constantinople began to be made of red clay, and in the 18th century, on the pipes, there's a so-called "keel" – an embossed transition from the stem to the bowl. Raw materials for pipe production were brought from Lake Van [52, pp. 152, 153, 161-163]. R. Robinson also noted centers of pipe production in the Ottoman Empire – the cities of Lüleburgaz in Turkey and Sofia and Varna in Bulgaria. In addition, pipes were mass-produced in the Tophane area of Istanbul, where the earliest pipes date back to the late 18th century.

The next stage in the study of the pipes was in the 1990s. At this time, the data on the dating of the pipes were clarified, and special studies using natural scientific methods were carried out for the first time [60]. Written sources were involved, and the historical names of some types of pipes were restored [83, p. 135]. This analysis

examines the distinctive features of local copies of Turkish originals [83, p. 135].

Since the 1990s, the British researcher J. Simpson has been actively studying the Ottoman pipes up to the present time. He revised the materials from excavations in Istanbul presented by J. Hayes and specified the numismatic data. He attributed the first group of J. Hayes' pipes to the 17th and early 18th centuries, the second to the 18th century, and the third and fourth to the early and mid-19th centuries [59]. Earlier, he had already criticized and clarified the erroneous dating of his predecessors, who attributed the pipes to the 13th and 14th centuries [57]. In his 2002 work, J. Simpson clarifies his observations about the dating of tobacco pipes to the 17th and early 18th centuries. He attributes the pipes, richly decorated with cogwheels, to the 18th century, the glazed pipes to the middle of the 18th century, and the lily-shaped red-burnished pipes with a round bowl and a disc-shaped base to the beginning of the 19th century [64, pp. 160, 164-166]. In addition to the works mentioned above, he has articles on pipes and tobacco smoking, as well as on the use of coffee in the Ottoman Empire, including the Middle East [58; 62; 63; 65; 66]. He also made interesting observations about the use of tobacco pipes in Muslim burials [61, p. 17]. J. Simpson conducted a special study of the contents of Ottoman tobacco pipes, which involved the use of aerosols used to detect opiates and cannabinoids. The analysis showed that only a small number of pipes were used for smoking drugs, while the majority was used for tobacco. The presence of narcotic substances was detected reliably only on two pipes [60].

J. Humphrey made the classification based on a collection of 1800 whole and fragmented pipes found during excavations in Mytilene [27]. He distinguished seven groups of pipes based on the shape of the bowl and the date of production, placing them in chronological order: he attributed the grey-clay and white-clay pipes to the seventeenth and eighteenth centuries; the pipes with a spherical cannellated bowl to the end of the 17th – beginning of the 18th century; since the 18th century, bowls had increased, which was associated with a decrease in the cost of tobacco; at the same time, a disc-shaped base appeared on the pipes. J. Humphrey also described forty-four specimens, which he identified as hash pipes.

Their bowl had a two-chamber structure; the lower and upper chambers were separated by a membrane with three holes and an open socket for a chibouk at the place of the stem [27, p. 6]. The author expected to create a more complete classification, which would take into account another 1600 finds from Mytilene [27, p. 7].

One of the works, which covers the problematics related to the “Turkish” tobacco pipes as an archaeological source to the fullest extent, belongs to Turkish researcher E. Bakla [7]. He examines the goods of the largest Turkish workshops located in the cities of Lüleburgaz, Istanbul, Sivas, Konya, Kayseri, Diyarbakir, Kütahya, and Iznik [7, pp. 35, 36]. The author mentions many masters, including renowned Istanbul Christian masters of Armenian origin [7, pp. 41, 42]. E. Bakla reports that not always the same master made the pipe and applied ornaments to it, which may explain the presence of two different marks on one product [7, p. 43]. E. Bakla expressed the original idea that it makes sense to create a classification of pipes not on the basis of morphology but on the basis of the color of the product [7, p. 52]. He highlighted red clay pipes covered in red slip; pipes made of white clay or porcelain; and pipes covered with colored glazes. Nevertheless, the author further considers the morphological features, highlighting the following variations of the bowls of the pipes: conical bowl, cylindrical, tulip-shaped, hemispherical, hemispherical with cylindrical rim, crater-shaped, crater-shaped with flower base, octagonal cylindrical bowl, flattened spherical bowl. When describing the parts of a tobacco pipe, E. Bakla uses the term “connector” instead of the term “keel”, which is common in European and Russian literature. The author categorizes the varieties of this part into several types: triangular, rectangular, hand-shaped, flower-shaped, as well as its absence [7, p. 53]. E. Bakla pays special attention to the decoration of the edge of the stem, noting such variants as flattened roller, criss-cross pattern, hexagonal, wavy, and inscription. The author does not try to date pipe types as a whole; he gives dates only for reliably dated, marked specimens, most often of high artistic value [7, pp. 41, 42].

In Russia, the first special study of “Turkish” tobacco pipes was published in 1996. I.V. Volkov and G.L. Novikova discuss pipes from the

collection of the Museum of History of Moscow [83]. By comparing data from Charles Peyssonel's treatise "On Trade in the Black Sea" and a synchronous collection of pipes from Anapa, the authors determined the name of the pipe style: "tahta-chibouk" [83, p. 135]. Otherwise, the authors agreed with the "flower" typology of styles proposed by Bulgarian scientists; however, they stipulated the possibility of restoring the real names of the styles from written sources and, in the case of successful identification, the need to go to them [83, p. 135]. The authors identified features by which Turkish pipes could be distinguished from those made in Moscow and made an interesting suggestion that some local articles were deliberately made with low quality in order to create a background for better-made pipes and pass them off as Turkish [83, p. 137].

In the article published three years later, I.V. Volkov suggested the principles of measurement and description of the pipes and also described the prospects of the study of pipes, supposing that with proper study they can become "amphorae of new time" [80, p. 226] as important dating material.

A number of special articles on Turkish tobacco pipes from excavations in the city of Azov belong to I.R. Gusach. She has published closed complexes with tobacco pipes, which are important for more precise dating [22], and it is noted that in the closed complexes there are white-clay, grey-clay, and red-clay "Turkish" tobacco pipes, which indicates that such pipes coexisted for some period of time.

In the 2000s and 2010s, the attention of researchers turned to separate problems of studying pipes, such as stamps and ornamentation [3–5; 8; 24; 25; 74; etc.], images of smoking pipes on works of art [20], and analysis of written sources on the history of tobacco smoking [84]. In addition, large monographs with detailed catalogs of "Turkish" smoking pipes were created for the first time [19; 23].

An important observation was made in 2006. The Russian archaeologist I.V. Volkov, based on a well-dated closed complex in the city of Azov, made an observation about the prevalence of red-clay pipes as early as the 17th century, refuting the conclusions of R. Robinson [81, p. 494].

In 2007, an important work by E. Bakla devoted to the applied art of the Ottomans was

published. In this work, the author paid more attention to the reading of marks on the tobacco pipes [8]. It contains well-done photos of 190 different stamps, 70 names of masters, and 120 illegible marks [8, pp. 137-142]. This is by far the most comprehensive catalog of readable stamps on Turkish smoking pipes.

A certain contribution to the study of marks and inscriptions on catalog pipes was made by A. de Haan [24; 25]. He made a curious observation that due to the fashion for European-made pipes in the second quarter of the 19th century, in Turkey, firstly, there was a decline in production and, secondly, Turkish-French marks appeared [24, p. 84], designed to make the pipes more recognizable in the French market. The researcher also discovered highly artistic pipes from the Levant. This group consisted of only eight specimens decorated with gold, which were usually found only on the products of Tophane masters [25]. These pipes were made on a potter's wheel [25, p. 31]. The author suggested that despite their high quality, the pipes, most likely, were not made in Istanbul [25, p. 33].

Pipes from the cities of Smirna (Izmir) and Hasankeyf in Turkey were studied by G. Ayhan [3–5]. She also wrote an interesting article about the images of birds on the pipes, among which stand out both the artistic images and widespread brands in the form of a bird, which, according to Ayhan, masters in Varna marked their products [4, p. 9].

The major monograph by F. Gosse, based on the study of the collection from underwater excavations in the bay of the quarantine port of Pomegues Island (Marseille), deserves special attention [19]. This port existed during the 17th and 18th centuries [19, p. 4]. Ships from Istanbul, Smyrna, Tripoli, Sidon, Tunis, and other countries were entering the port [19, p. 2]. A separate chapter of the book is devoted to "Turkish" pipes [19, p. 121]. F. Gosse has developed his own detailed typology of pipes. It was based on the proportions of pipes and an accurate fixation of the mathematical values of their parts [19, pp. 178-179]. The author distinguishes rims of cylindrical, truncated-conical form and also "venturi" form (smoothly narrowed to the center of the cylinder); bowls of pipes, according to this typology, have spherical, ellipsoidal horizontal and vertical forms. In addition, the author described 21 decoration

motifs on catalog pipes [19, p. 166]. F. Gosse compares his typological scheme with J. Hayes' typology and clarifies some of his dating [19, pp. 180-181]. F. Gosse's typology was the first case of a departure from the "floral" tradition of classifying Ottoman tobacco pipes. The author emphasizes that he did not set out to identify production centers, but he highlights the styles: Turkish, Greek, Syrian, and Balkan, each with its own morphological features. There is a catalog with a detailed description of 500 samples of Ottoman tobacco pipes with exact measurements of their parts and photos; it is very convenient for using [19, pp. 200-312]. The catalogue also divides the pipes according to the author's classification into styles, and within the styles, into types based on geometric shapes.

In 2010, V. Todorov published a collection of clay pipes from excavations in the city of Silistra (Bulgaria) and proposed his classification, which is based on the description of types according to the simple geometric forms that make up the pipe [71]. In total, the author distinguished 14 types of pipes with 22 subtypes, displaying them visually in a convenient graphical scheme [71, pp. 818, 819]. V. Todorov also divided the marks on the pipes into seven categories: marks containing a proper name; marks containing a word with a symbolic meaning; marks with senseless letter combinations; marks containing one or two letters woven into the ornamentation; marks resembling Arabic script but with unrecognizable letters; branded with a criss-cross pattern; stamps with different images – a six-rayed star, a flower, a circle with dashes, a bird [71, p. 821, 823].

Despite the great versatility of these typologies, which distinguishes them from "flower" typologies, they have not become widely used. Researchers prefer to use the "flowery" names of the pipe types. Obviously, it was the floral imagery that pipe makers tried to embody under the influence of the so-called "Tulip Era" in all areas of art [23, p. 30].

The differences between local pipes and the Ottoman ones attracted the attention of L. L. Bekić [11; 12]. On the material of the early 17th and 20th centuries from Slovakia and Croatia, he identified and described the pipes produced on the territory of the former Austro-Hungarian Empire using Ottoman samples, noted their differences in ornamentation with the original, and

described the lead molds with relief ornamentation in which the pipes were made.

In 2011, the history of tobacco distribution and smoking in the Crimea on the basis of written sources as fully as possible was illuminated by I.V. Zaitsev [84]. The author has not agreed with the opinion of V.H. Kondaraki that tobacco appeared in the Crimea even before the establishment of the Ottomans. He has believed that it appeared in Crimea in the first half of the 17th century and spread on the peninsula, from where it soon got to Moscow State [84, p. 13, 14]. I.V. Zaytsev has also noted that at Khan's court there were posts of keeper of tobacco and a man in charge of delivery of chibouk, giving important statistical data about quantity of imported tobacco and prices on it based on the customs documents [84, p. 17, 20]. In the 17th and 19th centuries, the image of the Crimean resident in the Russian consciousness had already been inseparable from tobacco, pipes, and coffee [84, p. 23]. I.V. Zaytsev has also noted that pipes were spread throughout the Crimean Khanate [84, p. 24].

The work of A.-M. Gruia is devoted to the image of the smoker in a specific branch of European art of the 17th and 19th centuries [20]. The author traced the transformation of the image of a smoker on the stove tiles of Central and Eastern Europe. As smoking spread and became commonplace in different segments of society, the image of the smoker transformed from negative and comic to neutral. The short stem pipes with which the characters were depicted on the tiles were part of the image of a military man or a Turk. A.-M. Gruia also published a monograph on smoking in Transylvania in the early 17th and early 18th centuries, with a third chapter devoted to pipes [21]. According to the author, no traces of local pipe production had been found in Transylvania. There has been unconfirmed evidence of the existence of a workshop in the town of Oradea [21, p. 41]. The author has noted that since a significant part of the early findings of tobacco pipes were made during the excavations of military fortifications, soldiers played a significant role in the spread of smoking and smoking utensils [21, p. 48].

In 2014, the Bulgarian researcher K.N. Batchvarov published an important closed complex [9]: a collection of tobacco pipes was

obtained as a result of underwater archaeological research on the wreck of a merchant ship dating from the coins of Sultan Selim III (1789–1807) in the late 18th and early 19th centuries. Most of the pipes found at the crash site bore signs of use and therefore were not goods for sale [9, p. 16].

A significant step in the study of pipes was the publication of catalogs of pipes from the collection of the Azov Museum, including 450 specimens, in 2016 by I.R. Gusach [23]. The researcher proposed her multistage typology. She introduces the concept of "Eastern type" pipes, which combine "Turkish", Italian, Ukrainian, and conventionally "European" pipes. "Turkish" or Ottoman pipes are in turn divided by the color of the clay of the finished product into five categories, each divided into sub-categories, groups, and sub-groups depending on the shape of the pipe, taking into account all its elements, not just the bowl. I.R. Gusach generally agreed with the dating of different types of pipes proposed for Azak by I.V. Volkov and other researchers, who turned to this material [23, pp. 40-61]. Summing up, the author leaves open the issue of determining the centers of production [23, p. 61].

A considerable amount of important information about the production and distribution of "Turkish" smoking pipes is contained in the works of the Israeli researcher A. de Vincenz, who has been actively publishing new material for the past ten years. Her works are mainly devoted to the materials from the excavations in the city of Ramla and in Jaffa, one of the main ports of ancient Israel [73–79].

The main focus of A. de Vincenz was on the marks and inscriptions on the pipes as details to distinguish production centers and individual workshops. Her special work is devoted to the name marks [74]. Petrographic analysis was carried out for some of the marked pipes, which showed that they were made from clay mined in the area of the modern settlement of Motza in Israel [74, p. 76]. The researcher considers the mark-drawings (rosettes, leaves, and birds) to be earlier than the name marks [79, p. 107]. Rosettes or marks with leaves, according to her observations, were still used in the 19th century but were becoming more complex and were usually located at the base of the stem [79, p. 108].

Finds of smoking pipes from the excavations in the Old City of Acre were described by

A. Shapiro [55; 56]. The author has developed her own typology based on the analysis of over 2000 tobacco pipes. As type-forming attributes, the material, size, shape, and ornamentation of pipes stand out. As part of her research, a petrographic analysis of some products was carried out, which allowed her to clarify the centers of production [56, pp. 78-84]. The author identifies among the tobacco pipes found in Acre those of Damascus, Istanbul, and local manufacture. A. Shapiro considers pipes of light gray clay with inclusions of quartz, limestone, and fine mica to be from the Damascus production of the late 17th and early 18th centuries [56, p. 79]. Gray-clay pipes covered with cherry-colored slip appeared, in her opinion, at the beginning of the 18th century and have been around for 150 years [56, p. 79]. The clay of these pipes contains inclusions of crushed olive seeds, limestone, and occasionally quartz. A. Shapiro suggests that these pipes could have been produced in Acre or its nearest vicinity [56, p. 81]. On the pipes of this group there are often marks, which the author interprets as stylized horseshoes and flower-shaped marks [56, p. 81-82]. The author attributed the Istanbul production to good-quality pipes made of brown-orange clay with an admixture of mica, covered with orange-red slip. Most likely, they were produced in Tophane [56, p. 84].

In 2021, an important step in standardizing the study of tobacco pipes was made by Polish researcher J. Puziuk, who compiled a Polish-English dictionary of archaeological terms used by the authors in describing and studying tobacco pipes [48].

In general, it can be noted that in the 2000s and 2010s, when post-medieval archaeology finally gained the status of a full-fledged section of archaeological science, there was a real "pipe boom". New finds and museum collections of "Turkish" pipes are published all the time, which is not surprising: this material is quite attractive and widespread territorially. The bibliography of works devoted to various aspects of the study of tobacco pipes during this period is as extensive as the geography of the distribution of the pipes themselves. We shall note some of them to illustrate this process.

"Turkish" pipes from the territory of Poland were investigated by B. Milošević and N. Topić [42–44], M. Bis [10], J. Puziuk [46–48];

Hungary – S. Kondorosy [34–36], G. Kovács [38], A. Gaspar [17]; Serbia – V. Bikic [13]; Romania – I. Costea, A. Stănică, A. Ignat [14; 15], Z. Kopeczny, R. Dincă [37], C. Radu-Iorguş and others [50]; Ukraine – O. Kovalenko [39]; Turkey – İ. Aytaç [6] and H. Uçar [72].

“Turkish” pipes, both imported and local imitations, were also repeatedly studied in the works of Russian scientists: finds from the fortress of Aluston (Crimea) by D. Aliadinova [1], from the fortress of Anapa on the territory of the modern city of Anapa by L.Iu. Zazhigina [85]; from the collection of the Bakhchisarai Museum by T.N. Krasnova [40]; from Vologda town by N.G. Nedomolkina and V.V. Nedomolkina [45]; from Tara town by S.F. Tataurov [70]; from Kostroma by A.A. Saturin [54]; from Kaluga by L.I. Fedorova and others [16]; from Taman peninsula, Anapa and the Crimea by O.V. Kladchenko [31–33], Y.Y. Kargin [29], I.V. Volkov [82]. Tobacco pipes from the collection of the State Hermitage were published by M.N. Gavrilova [18].

Results. Thus, we can trace three stages in the study of “Turkish” smoking pipes. At the first stage (late 1960s – late 1980s), the first pipe classifications were created on materials from Istanbul, Keramikos, and Varna. A tradition was established to identify pipe types with the names of colors. During the second stage, which falls in the 1990s, written sources were involved in the study of pipes, the names of some types of pipes were restored, and the differences between copies made by local masters outside the Ottoman Empire were highlighted. The third stage, from the 2000s to the present, is characterized by widespread interest in pipe research. Materials from a large part of the territories of the former Ottoman Empire – Turkey, the Balkan Peninsula, the territories of modern Israel, the Crimea, and the Eastern Azov Sea area – are studied. Researchers became interested in certain issues related to “Turkish” pipes: stamps and ornamentation. Petrographic analysis was performed on a small number of samples. Large-scale catalogs of smoking pipes from Azov [23] and the Pomegues Port of Marseilles [19] have been published. In addition, during this period, the most important issue of standardization was raised: a dictionary of terms was compiled [48], and the first attempts were made to move away from

“flowery” schemes of pipe description. However, many questions still remain unresolved: only a few of the production centers have been identified, only a small part of the marks of masters have been read, most of the dating is broad, covers periods of 100–150 years, and is far from the expected transformation of clay pipes into “amphorae of the New Age” [80, p. 226].

NOTE

¹ The work was carried out within the framework of the state assignment of the SSC RAS for 2022 (00-22-15, state registration number AAAA-A20-120122990111-9, directions of the PFNI 2021-2030: 6.1.3. “Archeology”).

REFERENCES

1. Aliadinova D. Keramicheskie kuritelnye trubki osmanskogo perioda iz raskopok na territorii kreposti Aluston [Clay Tobacco Pipes of the Ottoman Period from Excavations on the Territory of the Aluston Fortress]. *Novi doslidzhennia pamiatok kozatskoi dobi v Ukraini – New Researches of Monuments of the Cossack Era in Ukraine*, 2013, vol. 22, pt. 1, pp. 372-378.
2. Andronic A., Neamțu E. Cercetari arheologice pe teritoriul ora ului Iași în anii 1956–1960. *Arheologia Moldovei*, 1964, vol. 2/3, pp. 425-428.
3. Ayhan G. Smyrna Antik Kenti Kazıları 2007–2008 Yılı Lüle Buluntuları (Pipe Findings from the Ancient City of Smyrna in Year of 2007–2008). *Sanat Tarihi Dergisi*, 2009, no. 18/2, pp. 1-22.
4. Ayhan G. Hasankeyf kazisi lüle buluntularinin degerlendirilmesi. *Sanat Tarihi Dergisi*, 2010, no. 19/1, pp. 1-22.
5. Ayhan G. Lülelerde Görülen Kuş Figürleri Üzerine Bir Araştırma. *Sanat Tarihi Dergisi*, 2015, no. 24, pp. 1-24.
6. Aytaç İ. Harput İç Kale Kazılarında 2015–2016 Yıllarında Bulunan Tütün Lülelerinin. *Değerlendirilmesi. Yaşar Erdemire Armağan: Sanat Tarihi Yazıları*. Konya, LiteraTürk Academia, 2019, pp. 567-608.
7. Bakla E. *Tophane Lüleçiliği*. İstanbul, Dışbank Yayınları, 1993. 64 p.
8. Bakla E. *Tophane Lüleçiliği: Osmanlinin tasarımıdaki yaratıcılığı ve yaşam keyfi*. İstanbul, Antik A.S. Yayınları, 2007. 369 p.
9. Batchvarov K.N. Clay Pipes and Smoking Paraphernalia from the Kitten Shipwreck, an Early Nineteenth-Century Black Sea Merchantman. *International Journal of Historical Archaeology*, 2014, no. 18(1), pp. 1-19. DOI: 10.1007/s10761-013-0244-z

10. Bis M. Lulki z wykopalisk na zamku w Tykocinie z XVII–XIX w. *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*, 2011, r. 59-1, s. 53-88.
11. Bekić L.A. Brief Introduction to Clay Pipe Finds in Croatia with Special Attention to Local Pipes Found at Fort Čanjevo in Kalnik Hills. *Journal of the Academie Internationale de la Pipe*, 2010, vol. 3, pp. 1-7.
12. Bekić L.A. Uvod u problematiku glinenih lula na području Hrvatske, Summary: Introduction into the Question of Clay Pipes on the Territory of Croatia. *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu*, 1999/2000, vol. 32/33, pp. 249-279.
13. Bikic V. Tobacco Pipes from the Belgrade Fortress: Context and Chronology. *Journal of the Academie Internationale de la Pipe*, 2012, vol. 5, pp. 1-8.
14. Costea I., Stănică A., Ignat A. Pipe de lut descoperite la Babadag. *Peuce, Serie Nouă*, 2007, vol. 18, pp. 335-362.
15. Costea I. Pipe de lut cu inscripții și mărci din colecția I.C.E.M. Tulcea. *Peuce. Studii și cercetari de istorie și arheologie*, 2013, no. 11, pp. 257-290.
16. Fedorova L.I., Tkachenko V.A., Fedorov V.V. Mestnye osobennosti bytovaniia glinianykh kuritelnykh trubok v Kaluge i okrestnostiakh [Local Features of the Existence of Clay Tobacco Pipes in Kaluga and Its Neighborhood]. *Arkheologiya Podmoskovia: materialy nauch. seminara* [Archeology of the Moscow Region. Materials of a Scientific Seminar]. Moscow, In-t Arheologii RAN, 2015, vol. 11, pp. 539-545.
17. Gaspar A. Obiceiuri cotidiene reflectate arheologic în Timișoara otomană. Observații asupra pipelor de lut. *Materiale și cercetări arheologice (serie nouă)*, 2016, vol. 12, pp. 259-283.
18. Gavrilova M.N. Tradition and Beauty – Ottoman Smoking Pipes. Based on Materials from the State Hermitage Collection. *Europa postmedievales*, 2020, vol. 2, pp. 67-76.
19. Gosse Ph., Davey P. *Les Pipes De La Quarantaine: Fouilles du port antique de Pomègues (Marseille)*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 2007. 346 p.
20. Gruia A.-M. Depictions of Smokers on Stove Tiles (17th – 19th Centuries). *Ziridava. Studia archaeologica*, 2012, vol. 26/1, pp. 201-208.
21. Gruia A.-M. *The Gift of Vice Pipes and the Habit of Smoking in Early Modern Transylvania*. Cluj-Napoca, Editura Mega, 2013. 122 p.
22. Gusach I.R. Zakrytye kompleksy s «turetskimi» kuritelnyimi trubkami iz Azova [Assemblages with "Turkish" Clay Tobacco Pipes from Azov]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2001 g.* [Historical and Archaeological Research in the City of Azov and on the Lower Don Region in 2001], 2002, vol. 18, pp. 368-389.
23. Gusach I.R. *Kuritelnye trubki iz raskopok osmanskoj kreposti Azak (po materialam fonda arkheologii Azovskogo muzeia zapovednika): katalog kol.* [Clay Tobacco Pipes from the Excavations of the Ottoman Fortress Azak (Based on the Archaeological Materials of the Azov Museum): Catalogue]. Moscow, 2016. 360 p.
24. De Haan A.R. 19th Century Clay Chibouks Made in Tophane. *The Pipe Year Book*, 2004, pp. 79-90.
25. De Haan A.R. Een bijzondere groep Ottomaanse kleipijpen uit de Levant. *Jaarboek van de PKN, stichting voor onderzoek historische tabakspijpen*, 2014, pp. 31-37.
26. Hayes J.W. Turkish Clay Pipes: A Provisional Typology. Davey P., ed. *The Archaeology of the Clay Tobacco Pipe IV*, 1980, vol. 92, pp. 3-10. (BAR International Series; vol. 62).
27. Humphrey J.W. The Turkish Clay Smoking Pipes of Mytilene. *Society for Clay Pipe Research. Newsletter*, 1990, vol. 26, pp. 2-9.
28. Ilcheva V. Glineni luli ot Veliko Tarnovo [Clay Tobacco Pipes from Veliko Tarnovo]. *Godishnik na muzeite ot Severna Balgariia* [Annual of the Museums of Northern Bulgaria], 1975, vol. 1, pp. 179-199.
29. Kargin Y.Y. Kazaki-nekrasovtsy na pravoberezhie Staroi Kubani (po materialam okhrannykh raskopok poseleniia Beloe Iugo-Vostochnoe v 2014 g.) [Nekrasov Cossacks on the Right Bank of the Old Kuban (Based on Security Excavations of the Beloe South-East Settlement in 2014)]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials on Archeology and History of Ancient and Medieval Crimea]. Sevastopol, Tiumen, Nizhnevartovsk, s.n., 2016, pp. 93-191.
30. Kharlambieva A. Luli za chibutsi ot gradski muzei v Provadiia [Tobacco Pipes from the City Museum in Provadia]. *Izvestiia na narodniia Muzei* [Notices of the National Museum], 1986, vol. 22, pp. 141-147.
31. Kladchenko O.V. Turetskie kuritelnye trubki iz raskopok poseleniia Kenegez Vostochnoe v 2017 g. [Turkish Clay Tobacco Pipes from the Excavations of the Kenegez Vostochnoye Settlement in 2017]. *Istoricheskie, kulturnye i religioznye sviazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom* [Historical, Cultural and Religious Connections of Crimea with the Mediterranean Region], 2018, pp. 39-42.
32. Kladchenko O. The Evidence of the Ottoman Period at the "Diluch" Compound in Anapa. *Tyragetia, serie noua*, 2021, vol. 25, nr. 2, Istorie. Muzeologie Chişinău, pp. 75-95.
33. Kladchenko O.V. Ornamentatsiia «turetskikh» kuritelnykh trubok (po materialam poseleniia Volna 12 na Tamani) [Ornamentation of "Turkish" Clay Tobacco Pipes (Based on the Materials of the Volna 12

Settlement on Taman). *Światowit. Supplement Series C: Pontica et Caucasica, Interdisciplinary Research on the Antiquity of the Black Sea*, 2021, pp. 219-232.

34. Kondorosy S. Cseréppipák a budai felső vízivárosból. *Budapest Régiségei*, 2007, vol. 41, pp. 249-273.

35. Kondorosy S. Types of Smoking Pipe Widespread in the Ottoman Empire in the 17th Century in Connection with Archaeological Finds from Onetime Várád Cathedral (Budapest Museum of Applied Arts). *Ars Decorativa*, 2017, vol. 31, pp. 7-24.

36. Kondorosy S.A. Múzeumkert Pipái – Dohányzás a Reformkori Pesten. *Tanulmányok Budapest múltjából*, 2021, vol. 45, pp. 131-149.

37. Kopeczny Z., Dincă R. Tobacco Clay Pipes Discovered in the Historical Center of Timișoara. *Ziridava studia archaeologica*, 2012, vol. 26/1, pp. 167-190.

38. Kovács G. Cseréppipák a 17–18. Századból. *Budapest Régiségei*, 2004, vol. 38, pp. 121-131.

39. Kovalenko O. *Gliniani liulki XVII–VIII stolit (za materialami Poltavshchini* [Clay Tobacco Pipes of the 17th– 18th Centuries (According to the Materials of Poltava Region)]. Opishne, Ukrainske Narodoznavstvo Publ., 2008. 143 p.

40. Krasnova T.N. Kolleksiia keramicheskikh kuritelnykh trubok iz fondov BGIKZ [Collection of Ceramic Smoking Pipes from the Collection of the Bakhchisarai Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve]. *Problemy istorii i arkheologii Kryma* [Problems of History and Archeology of Crimea]. Simferopol, s.n., 1994, pp. 267-271.

41. Lavrov V.V. Poiavlenie v traditsionnom keramicheskom proizvodstve osmanskikh kuritelnykh trubok: istoriia issledovaniia [The Emergence of Ottoman Smoking Pipes in Traditional Pottery: A History of Research]. *XIX Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekovia. Traditsii i innovatsii: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [19th Bosporan Readings. Bosphorus Cimmerian and Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. Tradition and Innovation. Proceedings of the International Scientific Conference]. S.I., IP Litvinenko, 2018, pp. 262-267.

42. Milošević B., Topić N. Keramičke lule s lokaliteta Kula Gornji ugao u Dubrovniku. *Starohrvatska prosvjeta*, 2011, 38, pp. 297-328.

43. Milošević, B. Topić N. Turkish Clay Pipes from Archaeological Excavations in Dubrovnik. *Journal of the Académie Internationale de la Pipe*, 2012, vol. 5, pp. 17-25.

44. Milošević B., Topić N. Nalazi keramičkih lula s lokaliteta Sv. Marija od Kaštela i Posat od Ploča u Dubrovniku. *Starohrvatska prosvjeta*, 2012, vol. 39, pp. 257-271.

45. Nedomolkina N.G., Nedomolkina V.V. Red-Clay “Turkish” Tobacco Pipes from the Territory of the City

of Vologda. *Vologda: Local Lore Almanac*, 2003, vol. 4, URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/4vo/log/da/1.htm#1>

46. Puziuk J. Nowożytny fajki z badań archeologicznych w Krakowie. *Materiały Archeologiczne*, 2015, vol. 40, pp. 51-85.

47. Puziuk J. Gliniane Lułki z Badań Archeologicznych w Krakowie Jako Przykład Wschodnioeuropejskiego Modelu Palenia Tytoniu w Nowożytnym Mieście. *Jedzą, piją, lułki palą. Kulturowe aspekty korzystania z używek na przestrzeni dziejów. Użytki w świetle źródeł archeologicznych i historycznych*, 2016, t. 1, pp. 171-186.

48. Puziuk J. Polish-English Basic Dictionary of Archaeological Terminology of Modern Tobacco Pipe Findings with Elements of Pipe Production and Tobacco Smoking in the Modern Period Mieście. *Fasciculi Archaeologiae Historicae*, 2021, vol. 34, pp. 131-137. DOI: 10.23858/FAH34.2021.009

49. Rabinovich M.G. Moskovskaia keramika [Pottery of Moscow]. *Materiały i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and Research on Archeology of the USSR], 1949, no. 12, pp. 57-105.

50. Radu-Iorguș C., Radu L., Ionescu M. Pipe ceramice descoperite la Mangalia. Tulcea. *Peuce. Studii și cercetari de istorie și arheologie*, 2013, Serie nouă 11, pp. 241-256.

51. Robinson R. Clay Tobacco Pipes from the Kerameikos. *Mittlungen des Deutschen Archäologischen Instituts Athenische Abteilung*. Berlin, s.n., 1983, Bd. 98, pp. 265-281.

52. Robinson R. Tobacco Pipes of Corinth and of the Athenian Agora. *Hesperia*, 1985, vol. 54, pp. 149-203.

53. Rozenfeldt R.L. Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVIII vv. [Moscow Earthenware of the 12th – 18th Centuries]. *Arkheologiia SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Archeology of the USSR. Code of Archaeological Sources], iss. E1-39, 1968, pp. 56-57, 115.

54. Saturin A.A. «Turetskie» gliniane trubki iz sobraniia Kostromskogo muzeia-zapovednika [“Turkish” Clay Tobacco Pipes from the Collection of the Kostroma Museum-Reserve]. *Arkheologiia Podmoskovia. Materialy nauchnogo seminara* [Archeology of the Moscow Region. Proceedings of Scientific Seminar]. Moscow, s.n., 2020, vol. 16, pp. 351-367. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-309-1.351-367>

55. Shapiro A. Ottoman Clay Tobacco Pipes and Nargile Heads from the Flour Mills in the Ridwan Gardens, ‘Akko. *Atiqot*, 2016, vol. 87, pp. 97-102.

56. Shapiro A. Ottoman Tobacco Smoking Pipes from the Old City of ‘Akko (Acre) and Khan Et-Tujjār Market. *New Studies in the Archaeology of Northern Israel*, 2021, pp. 77-88.

57. Simpson St J. Ottoman Clay Pipes from Jerusalem and the Levant: A Critical Review of the Published Evidence. *Society for Clay Pipe Research*, 1990, Newsletter 28, pp. 6-16.
58. Simpson St J. A Pipe-Bowl from Siwa Oasis (Egypt) and Its Implications for Ottoman Pipe Studies. *Society for Clay Pipe Research*, 1991, Newsletter, pp. 10-14.
59. Simpson St J. Turkish Clay Pipes: A Review. *Society of Clay Pipe Research*, 1993, Newsletter 39, pp. 17-23.
60. Simpson St J. Near Eastern Pipe News. *Society for Clay Pipe Research*, 1994, vol. 44, pp. 14-15.
61. Simpson St J. Smoking and Coffee-Drinking: Glimpses into Life After Death in the Near East. *British Association for Near Eastern Archaeology*, 1995, Newsletter 8, pp. 17-18.
62. Simpson St J. An Ordeal with a Pipe: Changing Attitudes to Smoking in the Near East during the 17th–18th Centuries. *Society for Clay Pipe Research*, 1995, Newsletter, pp. 16-22.
63. Simpson St J. Where There's Smoke There's Fire. Pipe-Smoking in the Ottoman Empire. *The British Museum Magazine*, 1998, iss. 31, pp. 15-17.
64. Simpson St J. Ottoman Pipes from Zirin (Tell Jezreel). *Levant*, 2002, vol. 34, no. 1, pp. 159-172. DOI: 10.1179/LEV.2002.34.1.159
65. Simpson St J. Late Ottoman Pipes from Jerusalem. *Excavations by K.M. Kenyon in Jerusalem 1961–1967*, 2008, vol. 5, pp. 433-446.
66. Simpson St J. The Archaeology of the Clay Tobacco Pipe in the Near East. *Al-Rāfidān*, 2009, vol. 30, pp. 1-9.
67. Stancheva M. Kolektsiia ta ot luli viev Varnenskiia muzei [The Collection of Clay Tobacco Pipes in the Varna Museum]. *Izvestiia na narodnaia muzei – Varna* [News of the National Museum – Varna], 1972, Nr. 8 (23), pp. 81-94.
68. Stancheva M., Nikolova T. Novi prouchvaniia vierkhu glinenite luli ot Serdika [New Research on Clay Tobacco Pipes from Serdika]. *Arkheologicheski material i prouchvaniia* [Archaeological Materials and Research], 1989, pp. 133-141.
69. Stancheva M., Medarova S. Proizodstvo na glineni luli u nas [Production of Clay Pipes in Our Country]. *Muzei i pametnitsi na kulturata* [Museums and Cultural Monuments], 1968, no. 4, pp. 4-13.
70. Tataurov S.F. Tabak i trubki v gorode Tare v XVII–XIX vv. [Tobacco and Clay Pipes in the City of Tara in the 17th–19th Centuries]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2020, no. 2 (49), pp. 77-82. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-49-2-7>
71. Todorov V. Karakteristika na kolektsiia ta keramichni luli ot Silistra [Characteristics of the Collection of Clay Tobacco Pipes from Silistra]. *Studia archaeologica universitatis serdicensis*, 2010, s.v., pp. 813-826.
72. Uçar H. Archaeological Proof of Enjoy at Tire Kutu Han: Clay Pipes. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*, 2019, vol. 19-2, pp. 119-134. DOI: 10.5281/zenodo.3340095
73. Vincenz A. de. Ottoman Clay Tobacco Pipes from Ramla. *Atiqot*, 2011, vol. 67, pp. 43-53.
74. Vincenz A. de. Chapter 4. Marks on the Pipes in Gelichi S., Sabbionesi L., Bere e fumare ai confini dell'impero. *Caffè e tabacco a Stari Bar nel periodo ottomano*. Firenze, s.n., 2014, pp. 71-87.
75. Vincenz A. de. Chibouk Smoking Pipes: Secrets and Riddles of the Ottoman Past. Arise, Walk Through the Land. *Studies in the Archaeology and History of the Land of Israel in Memory of Yizhar Hirschfeld on the Tenth Anniversary of his Demise*. S.I., s.n., 2016, pp. 111-120.
76. Vincenz A. de. Byzantine-and Ottoman-Period Pottery Assemblages from Rabbi Yehuda Me-Raguza Street, Yafo (Jaffa). *Atiqot*, 2020, vol. 100, pp. 75-119.
77. Vincenz A. de. Ceramic and Porcelain Vessels of the Ottoman Period from the French School on Yefet Street, Yafo (Jaffa). *Atiqot*, 2020, vol. 100, pp. 497-512.
78. Vincenz A. de. Ottoman-Period Ceramic Artifacts from the Magen Avraham Compound, Yafo (Jaffa). *Atiqot*, 2020, vol. 100, pp. 293-347.
79. Vincenz A. de. Chapter 8: Porcelain and Ceramic Vessels of the Ottoman Period. Arbel Y., ed. *Excavations at the Ottoman Military Compound (Qishle) in Jaffa, 2007, 2009*. Münster, Ugarit Verlag, 2021, pp. 127-266. (The Jaffa Cultural Heritage Project Series, vol. 4).
80. Volkov I.V. Chastnaia kollektsiia «turetskikh» kuritelnykh trubok iz Moskvyy [Private Collection of "Turkish" Smoking Pipes from Moscow]. *Materialnaia kultura Vostoka* [Material Culture of the East]. Moscow, Sputnik Publ., 1999, pp. 226-252.
81. Volkov I.V. Zakrytyi kompleks turetskogo vremeni iz Azova [Closed Complex of Turkish Time from Azov]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g.* [Historical and Archaeological Research in the City of Azov and on the Lower Don in 2004], 2006, vol. 21, pp. 473-497.
82. Volkov I.V., Golofast L.A. Keramicheskie nakhodki 17–18 vv. iz Fanagorii [Ceramic Finds of the 17th–18th Centuries from Phanagoria]. *Hypanis. Trudy otdela klassicheskoi arkheologii IA RAN* [Hypanis. Proceedings of the Department of Classical Archeology of the IA RAS], 2020, vol. 2, pp. 46-70.
83. Volkov I.V., Novikova G.L. Krasnogliniane «turetskie» kuritelnye trubki v sobranii Muzeia istorii goroda Moskvyy [Red-Clay "Turkish" Tobacco Pipes in the Collection of the Museum of the History of Moscow]. *Arkheologicheskie pamiatniki Moskvyy i Podmoskovia* [Archaeological Monuments of

Moscow and Moscow Region]. Moscow, Muzei istorii goroda Moskvy, 1996, pp. 134-152.

84. Zaitsev I.V. Tabak i kurenie v Krymu (XVII–XVIII vv.) [Tobacco and Smoking in the Crimea (17th–18th Centuries)]. *Istoriia i sovremennost – History and Modernity*, 2011, vol. 2, pp. 13-33.

85. Zazhigina L.Iu. Keramicheskie kuritelnye trubki iz Anapy [Ceramic Smoking Pipes from Anapa]. *Problemy arkheologii i istorii Bospora: k 170-letiiu*

Kerchenskogo muzeia drevnostoni: tez. dokl. iubilein. konf. [Problems of Archeology and History of the Bosporus. To the 170th Anniversary of the Kerch Museum of Antiquities. Abstracts of the Anniversary Conference]. Kerch, s.n., 1996, pp. 33-34.

86. Zirra V., Ionașcu I. Mănăstirea Radu Vodă și biserica Bucur, Bucureștii de Odinioară în lumina cercetărilor arheologice. *Ed. Științifică*, 1959, vol. 49-78, pp. 49-85.

Information About the Author

Olga V. Kladchenko, Master (History), Junior Researcher, Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chehova St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, kladchenko.olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7526-1307>

Информация об авторе

Ольга Витальевна Кладченко, магистр истории, младший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, kladchenko.olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7526-1307>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.18>

UDC 930.253
LBC 79.3

Submitted: 26.06.2023
Accepted: 19.09.2023

**UNKNOWN DOCUMENTS ON THE HISTORY
OF THE ASTRAKHAN UPRISING OF 1705–1706
IN THE COLLECTION OF REPORTS TO BOYAR T.N. STRESHNEV
FROM THE FOUNDATIONS OF THE RUSSIAN NATIONAL LIBRARY¹**

Alexey I. Alekseev

Russian National Library, Saint Petersburg, Russian Federation;
Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The main corpus of documents on the history of the Astrakhan uprising of 1705–1706 has been brought into scientific circulation and well studied. However, one of the most important documents – Peter I’s “Letter of Pardon” to the rebellious Astrakhans – was considered lost. *Methods and materials.* In the collections of the Russian National Library, we managed to find a collection of documents, which are copies of letters and relays addressed to the boyar T.N. Streshnev. It contains copies of two dozen documents for the period from 1702 to 1710. The owner of the collection of copies was a well-known representative of the bureaucracy of the first third of the 18th century, Ivan Topilsky. The manuscript should be dated to the 1720s. *Analysis.* The collection contains a set of four documents, which are important sources for the study of the Astrakhan uprising. Three letters are addressed to the boyar T.N. Streshnev. Only a letter from the boyar Prince Pyotr Khovansky, commander of the vanguard of B.P. Sheremetev’s troops, which reports on the mood in rebellious Astrakhan, has been introduced into scientific circulation. The letter of Field Marshal B.P. Sheremetev describes the course of hostilities during the capture of Astrakhan by government troops. The text of this letter is close to the text of the previously published letter of B.P. Sheremetev to F.A. Golovin. The letter of the Astrakhan metropolitan Samson is devoted to the description of the final stage of the pacification of the rebels. Most of the text of this document coincides with the letter of the metropolitan to Peter I, which was introduced into the scientific turnover. The fourth document is a list from the hitherto unknown “Letter of Pardon” of Peter the Great to the rebels. Familiarity with the text of the letter confirms the opinion of researchers that the letter was composed in soft tones. Peter I, having learned about the readiness of the rebels to bring their guilt to light, willingly grants them all full forgiveness with the obligation to put the rebellion in “eternal oblivion”, and never “reproach” any of the participants. *Results.* The text of two unpublished letters of B.P. Sheremetev and Metropolitan Samson to T.N. Streshnev, as well as the previously unknown text of Peter I’s “pardonable” letter, are introduced into scientific circulation for the first time on the basis of a list from the holdings of the Manuscripts Department of the Russian National Library.

Key words: Peter I, Astrakhan uprising of 1705–1706, Field Marshal B.P. Sheremetev, boyar T.N. Streshnev, metropolitan Sampson, unknown tsar’s letter to the rebels.

Citation. Alekseev A.I. Unknown Documents on the History of the Astrakhan Uprising of 1705–1706 in the Collection of Reports to Boyar T.N. Streshnev from the Foundations of the Russian National Library. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 225–233. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.18>

**НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ
АСТРАХАНСКОГО ВОССТАНИЯ 1705–1706 гг.
В СБОРНИКЕ ДОНЕСЕНИЙ БОЯРИНУ Т.Н. СТРЕШНЕВУ
ИЗ ФОНДОВ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ¹**

Алексей Иванович Алексеев

Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Основной корпус документов по истории Астраханского восстания 1705–1706 гг. введен в научный оборот и хорошо изучен. При этом один из важнейших документов – «Простительная грамота» Петра I восставшим астраханцам считалась утраченной. *Методы и материалы.* В фондах Российской национальной библиотеки удалось обнаружить сборник документов, который представляет собой копии писем и реляций, адресованных боярину Т.Н. Стрешневу. В нем содержатся копии двух десятков документов за период с 1702 по 1710 год. Владельцем сборника копий был известный представитель бюрократии первой трети XVIII в. Иван Петрович Топильский. По совокупным признакам рукопись следует датировать 1720-ми годами. *Анализ.* В сборнике обнаруживается комплекс из 4 документов, которые являются важными источниками для изучения Астраханского восстания. Три письма адресованы боярину Т.Н. Стрешневу. В научный оборот введено лишь письмо боярина князя Петра Ивановича Хованского, командующего авангардом войск Б.П. Шереметева, где сообщается о настроениях в мятежной Астрахани. В письме фельдмаршала Б.П. Шереметева описывается ход боевых действий при взятии Астрахани правительственными войсками. Текст этого письма близок к тексту ранее опубликованного письма Б.П. Шереметева Ф.А. Головину. Письмо астраханского митрополита Самсона посвящено описанию завершающей стадии умиротворения восставших. Большая часть текста этого документа совпадает с введенным в научный оборот письмом митрополита Петру I. Четвертым документом является список с неизвестной до сих пор «Простительной грамоты» Петра I восставшим. Знакомство с текстом грамоты подтверждает мнение исследователей о том, что грамота была составлена в мягких тонах. Петр I, узнав о готовности мятежников принести свои вины, охотно дарует им всем полное прощение с обязательством предать случившийся бунт «вечному забвению», и никогда этим никого из участников восстания «не укорять». *Результат.* Текст двух неопубликованных писем Б.П. Шереметева и митрополита Самсона Т.Н. Стрешневу, а также ранее неизвестный текст «простительной» грамоты Петра I впервые вводятся в научный оборот по списку из фондов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки.

Ключевые слова: Петр I, Астраханское восстание 1705–1706 гг., фельдмаршал Б.П. Шереметев, боярин Т.Н. Стрешнев, митрополит Самсон, неизвестная царская грамота восставшим.

Цитирование. Алексеев А. И. Неизвестные документы по истории Астраханского восстания 1705–1706 гг. в сборнике донесений боярину Т.Н. Стрешневу из фондов Российской национальной библиотеки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 225–233. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.18>

Введение. Восстание в Астрахани в 1705–1706 гг. многократно становилось предметом изучения. Наиболее основательной работой по этой теме является монография Н.Б. Голиковой [3]. Исследовательницей был проработан значительный массив наиболее важных документов из фондов РГАДА. При этом некоторые документы остались за пределами ее внимания. В первую очередь это «простительная» грамота царя Петра I, адресован-

ная астраханцам. Сохранились бесспорные доказательства ее существования. В письме Ф.А. Головину от 13 февраля 1706 г. Петр просил заготовить простительную грамоту для астраханцев [8, с. 75; 9, с. 616–624]. В письмах фельдмаршалам Б.П. Шереметеву от 22 февраля того же года [8, с. 91; 9, с. 643–645] и Ф.А. Головину [8, с. 92; 9, с. 646–649] царь Петр сообщает о встрече с астраханцами и об отдаче им грамоты. Н.Б. Голикова

писала, что «Астраханцы встретились с Петром 22 февраля, «Простительная грамота» для них была уже готова и царь сразу отпустил их назад» [3, с. 276]. Исследовательница не сомневалась, что грамота «была составлена в спокойных и мягких тонах». При этом текст «простительной грамоты» оставался неизвестным [7, с. 195].

Методы и материалы. Нам удалось обнаружить список царской простительной грамоты в сборнике реляций и донесений в фондах РНБ [11]. Рукопись представляет собой сборник объемом в 67 листов, в переплете размером 17 на 20,5 см. Сохранившийся переплет датируется первой четвертью XIX века. На первом листе надпись почерком XIX в.: «Собрание различных военных писем и известий». Из карандашной пометы на нем можно заключить, что это заглавие дал рукописи монах Исидор, бывший бакалавром СПбДА и библиотекарем в 1825–1829 годы. Но саму рукопись следует отнести к началу XVIII века. На правых полях листов 1–9 читается владельческая запись «Сия книжка господина коллегии Экономии члена Ивана Петровича Топильского», а на листах 10–22 можно прочесть вкладную запись, из которой следует, что «лета 1730 ноября в 31 день» служитель И.П. Топильского Василий передал книгу в Александро-Невский монастырь. Как явствует из этих записей, владельцем рукописи было довольно известное лицо. И.П. Топильский служил подьячим в Разрядном приказе, с 1713 г. являлся дьяком Военной канцелярии, затем обер-ландрихтером Московской провинциальной канцелярии, впоследствии являлся секретарем Верховного тайного совета, затем членом присутствия Коллегии экономии, умер после 1734 г. [10, с. 76]. Можно утверждать также, что на момент передачи в Александро-Невский монастырь рукопись уже была переплетена. Наблюдения над водяными знаками бумаги позволили обнаружить, что она написана на бумаге конца XVII – начала XVIII в. [6, с. 95]. В рукописи можно выделить более полутора десятка почерков. Подробная характеристика сборника была дана ранее [1, с. 55–63].

Анализ. Текст царской «Простительной грамоты» в сборнике из Собрания Санкт-Петербургской Духовной академии предварают

три документа, имеющие непосредственное отношение к событиям Астраханского восстания. Все три документа адресованы боярину Т.Н. Стрешневу. В научный оборот ранее была введена лишь Отписка князя П.И. Хованского от 29 января 1706 г., адресованная судье Разрядного приказа Т.Н. Стрешневу, с информацией о настроениях в мятежной Астрахани [4, с. 62–64]. Два адресованных Т.Н. Стрешневу документа ранее не были известны. Во-первых, это письмо фельдмаршала Б.П. Шереметева из Астрахани от 18 марта 1706 года. Во-вторых, это письмо митрополита Астраханского и Терского Самсона к боярину Т.Н. Стрешневу, написанное после 13 марта 1706 года.

Содержание письма Т.Н. Стрешневу от 18 марта 1706 г. близко к содержанию письма Б.П. Шереметева фельдмаршалу Ф.А. Головину от 13 марта 1706 года. Текст последнего был опубликован трижды [12, с. 403–406; 2, с. 409–411; 4, с. 100–102]. Существенным отличием письма Т.Н. Стрешневу следует считать то обстоятельство, что описание эпизода с самовольным въездом сержанта М.И. Щепотева в Астрахань помещено в самое начало письма. Если дата, указанная в списке Топильского верна, то между днем взятия Астрахани и письмом Стрешневу прошло пять дней. Вероятно, фельдмаршал счел необходимым сместить акценты в рассказе о покорении мятежного города, выставив на первый план самовольный и безчинный поступок прикомандированного к нему сержанта. Фельдмаршал информирует боярина о боевых действиях, которые ему пришлось вести с мятежниками, а также о своих действиях по взятию города. Оценки, данные зачинщикам мятежа, совпадают с теми, которые содержались в письме к Ф.А. Головину.

Письмо митрополита Астраханского и Терского Самсона написано, как и письмо Б.П. Шереметева, 18 марта 1706 года. В своей основе текст письма совпадает с опубликованной Отпиской, которую митрополит Самсон 13 марта направил царю Петру [4, с. 103–104]. В письме Т.Н. Стрешневу митрополит сообщает, что 14 января 1706 г. астраханцы, получив милостивую грамоту царя, согласились принести свои вины, и отправили с челобитной Ивана Кисельникова «с товарищи» [11,

л. 32 об.]. Однако, по отъезде выборных «в скорых числах в Астрахани учинился в служилых и гулящих людех паки разврат и смятение великое» [11, л. 32 об.]. При приближении к городу войска Б.П. Шереметева «астраханские служилые и гулящие люди города каменные Кремль и Белой, и Земляной заперли и сели в осаде». Увещевания со стороны фельдмаршала и митрополита не возымели никакого действия и 12 марта войска под предводительством Б.П. Шереметева пошли на штурм Земляного города. При этом восставшие вели пушечный и ружейный огонь по правительственным войскам и неоднократно выходили на вылазки. По свидетельству митрополита ожесточенный бой продолжался 6 часов [11, л. 33]. После взятия Земляного города мятежники прибегли к заступничеству митрополита Сампсона и, по его словам: «ко мне прибежали с великим плачем, и просиша вместо смерти живота, и тем свободу себе от смерти восприяли» [11, л. 33–33 об.]. Митрополит всячески подчеркивает поведение фельдмаршала и кавалера Б.П. Шереметева. Можно предположить, что письмо владыки было написано по просьбе фельдмаршала и служило своего рода дополнением к его собственному письму боярину Т.Н. Стрешневу.

На листах 37–40 полуставным почерком с элементами скорописи переписан текст «простительной» грамоты. Он озаглавлен: «Список великого государя з грамоты, какова послана ис походу за собственною рукою великого государя в Астрахань, ко всем астраханским жителям, с присланными челобитчики их с Иваном Кисельниковым с товарищи». Грамота датирована: «Писан в нашем великого государя Литовском походе лета 1706-го февраля в 22 день» [11, л. 39]. Знакомство с содержанием документа не оставляет сомнений в том, что это неизвестный ранее текст «Простительной грамоты», врученной астраханцам царем при встрече 22 февраля 1706 года. Грамота начинается с изложения обстоятельств ее составления: «Сего 1706 г. февраля в 8 день писали вы к нам великому государю к нашему царскому величеству с конным стрельцом с Иваном Кисельниковым, да с челобитчики тысячного полку салдатом Иваном Шпиневым, да с конным стрельцом Иваном Палкиным с товарищи от всех астрахан-

ских служилых и жилецких людей и от иноземцов» [11, л. 37]. Следовательно, царская грамота являлась ответом на челобитную астраханцев от 8 февраля 1706 г. с просьбой о прощении их вин. Челобитная была составлена астраханцами в ответ на первую царскую милостивую грамоту, направленную им в октябре 1705 года. В «Простительной грамоте» царь сообщает, что он хорошо осведомлен о событиях в Астрахани как сообщениями митрополита Астраханского и Терского Самсона и воеводы Никиты Апухтина, так и челобитчиками от «розных чинов» и донесениями иноземцев. Всем мятежникам, которые принесли свои вины, даруется полное прощение: «милосердая о народе христианском и не хотя кровопролития, яко сущий христианской монарх, но, поминая древние ваши к нам, великому государю, службы, по слезному прошению вашему, вины ваши в учинившемся мятеже по прежнему посланному к вам и по сему нашему великого государя указу отпустить милостивно повелел и предать вечному забвению, и никогда тем никого из вас не укорять» [11, л. 39]. Тем астраханцам, которые с момента получения грамоты продолжают противиться властям, обещано церковное проклятие и смертная казнь: «А есть ли ныне и впредь, кто из вас служить неправдою нам, великому государю, хотя что малое будет, и за то вам от Господа Бога на оном веце вечно мучится во огни неугасаемом, и в соборной апостольской церкви бысть на соборе в проклятии, и от нашего великого государя меча казнь принятия» [11, л. 38]. В заключительных словах грамоты сообщается о том, что она отправлена в Астрахань с конным стрельцом Иваном Палкиным «с товарищи» [11, л. 40].

Главной причиной, по которой текст «Простительной грамоты» остался неизвестен, несомненно, являются обстоятельства подавления Астраханского восстания. При приближении к Астрахани корпуса фельдмаршала Б.П. Шереметева в рядах мятежников верх взяли противники правительственных войск. Фельдмаршал направил астраханцам составленные им статьи, требовавшие капитуляции в ультимативной форме. По мнению Н.И. Павленко вина за провал попытки мирного урегулирования целиком лежит на

Б.П. Шереметеве [7, с. 197]. М.Ю. Данков идет еще далее, он склонен приписывать успех в усмирении восставших астраханцев сержанту М.Ю. Щепотеву [5]. Между тем из писем фельдмаршала Петру I, Ф.А. Головину и Т.Н. Стрешневу следует, что именно сержант М.И. Щепотев самовольно въехавший в Астрахань 11 марта, своими угрозами возбудил астраханцев к сопротивлению правительственным войскам и, тем самым, сорвал переговорный процесс [4, с. 97, 99, 101]. В итоге Астрахань была взята штурмом. После такого разворота событий предьявлять покорившимся исключительно силой оружия мятежникам царскую «Простительную грамоту» не было смысла. По словам Б.П. Шереметева «Простительная» грамота была доставлена ему уже после победы над восставшими. Обнародовать ее Б.П. Шереметев

не стал: «...и я ее принял в приказную полату, и запечатал Астраханскаго царства печатью, а им, астраханцам, объявлять того ныне не для чего, потому что зделалось не по тому их челобитью» [4, с. 102]. В итоге грамота была, скорее всего, уничтожена и сохранилась лишь в списке, переписанном в канцелярии боярина Т.Н. Стрешнева.

Результаты. Ниже мы помещаем тексты писем Б.П. Шереметева и митрополита Самсона боярину Т.Н. Стрешневу, а также неизвестный ранее текст «Простительной грамоты» царя Петра I. Документы публикуются по правилам упрощенной орфографии. Звездочками отмечены границы текста, совпадающего в письмах Б.П. Шереметева к Т.Н. Стрешневу и Ф.А. Головину и в письмах митрополита Самсона к Т.Н. Стрешневу и Петру I.

1.

Список, с присланного письма к боярину к Тихону Никитичу Стрешневу из Астрахани от генерала фельдмаршалка и кавалера Бориса Петровича Шереметева, писанного марта 18, а к Москве апреля 10 1706 г.

Известную тебе, государю моему, марта 11 дня пришел я под Астрахань на Болдинской остров, и Михайло Щепотев, напився пьян, въехал в город, и в городе его приняли, и посадили его в тюрьму, и zelo тем озлобились, и поставили себе в надеяние, чаяли, что он пущен быв приведец для того, как меня встречал, не доезжая до Астрахани, архимандрит и протчие. И он, разгласив себя, в какой силе состоит, и говорил, что город бомбами в 3 дни весь выжечь. И я посылал к ним с письмом, чтоб они его выпустили, и город отдали.
*И они //

Л. 28 об. мне отповеди никакой не учинили, и в городе заперлись, и слободы почали жечь. И я, видя их такое злое намерение, против 12 числа, в ночи, послал под город в Ывановской монастырь, которой на берегу реки Кутумовы, полк Абрамов, и велел им в том монастыре засесть. А поутру и сам в тот монастырь приехал осмотреть, и они, увидя меня, почали к тому монастырю приступать, и стрелять ис пушек, и кинули 3 бомбы, и я их отбил и послал под остальные свои полки. И как шкардон и баталлион, и Билсов полки ко мне пришли, и они, собрався всеми силами, вышли на выласку с ружьем и пушки, и знаменны за реку Кутумову, и учинили со мною бой. И милостию Божиею, и великого государя счастьем, их, неприятельских людей, побили, и в Земляной город вогнали, //

Л. 29. и пушки, и знамена побрали, и они на Земляном городе стали с ружьем и с копыи, и ис пушек и мортиров стреляли, и бились, в другой ряд. И наши Земляной город взяли, и гнали за ними даже до Белого города к самым Вознесенским воротам, и побрали дорогою пушки и мартыры. А они в город ушли, и ворота заперли, и поставили пушки, и из города стреляли ж, я, усмотря, чтоб многих людей не потерять, велел от ворот отступить, и поставив полки свои по улицам, и, зделав батарею, велел в город метать бомбы. И как от тех бомб почало быть в городе разорение, и они, видя беду неминуемую, того ж числа ввечеру выслали из города конных и пехотных полков пятидесятников и десятников с повинною.* Что они от того кровопролития пре //

Л. 29 об. стали, и чтоб я шол в город. И я им, по многим разговорам, по указу премилостивейшего государя, вины отдал и приказал, чтоб они выслали ко мне старшин своих ис полков первых людей. *И в 13 числе выпустили ко мне Михаила Щепотева, и вышли старшины Яков Носов, да новой атаман из донских казаков Елисей Зиновьев, и всех полков урядники и рядовые с хлебом и солью, и в винах своих доби́ли челом, и я велел им стать каждому у своего приказу, и ружья положить и вытить и ружья вон, а печать и ключи отдал митрополиту. И они так учинили и вынесли к Вознесенским воротам топор и плаху. И я, построив полки свои, в город пошел того ж 13 дня, и как пришел в Белой город, в Вознесенские ворота, //

Л. 30. и у тех ворот до самого Кремля по обе стороны улицы астраханцы все лежали на земле. А как пришел я к Кремлю, к Пречистенским воротам, и у тех ворот преосвященный Сампсон митрополит образ Пресвятыя Богородицы, которой со мною встретил с честными кресты и со всем освященным собором. И пошли в соборную и апостольскую церковь и отпели благодарной молебн, и после молебна принял я у митрополита печать царства Астраханского. И из соборной церкви пришел в приказную палату*, и велел дьяку Семену Васильеву во всем расписатца с дьяком с Иваном Алексеевым*, и ко всем полкам, выбрав первых чинов начальников. А ково, х которому полку послал, при сем письме к милости твоей, роспись, и лутчи тех приказать было некому, а прежним головам не приказал //

Л. 30 об. для того, чтоб их чем не привесть в какое сумнительство. И всех их велел переписать имянно, порознь, и ружья отобрать, и скласть по приказам до указа, и описные списки всех велел подать в канцелярию, а их всех привесть к вере, и ничего им прежнего вспоминать и злобить никому не велел. И по списку всех пересмотреть и, что явитца, всему ведомость перечневую, также деньгам и хлебу, и пушкам, и всякому наряду и зелью*. Росписной список пришло к Федору Алексеевичу и в Казанской дворец. *А как я пришел на свой двор и Михайло Щепотев говорил во весь народ, что прислан он за мною смотреть, и что станет доносить, чтоб я во всем //

Л. 31. слушал. И я не знаю, что делать, а за грех мой припала ножная болезнь, не могу ходить ни в сапогах, ни в башмаках, а лечитца здесь не у кого. Здешней народ учинил то все от неволи и, конечно, надобно, чтоб здесь всегда было людей больши старого. А Носов великий вор и раскольщик, и ныне при мне все его боятца, и в шапке с ним никто говорить не может. И надобно ево и других завоотчиков, и Яхтинской полк вывести к Москве, то здешние люди успокоятца, и об них тужить не будут. Московского полку бунтовали немногие, только есть из них завоотчики, а я без указа выслать их не смею, и надобно вскоре о том указ прислать. А как вода разольется, боюсь, чтоб не разбежались, а удержать //

Л. 31 об. их нельзя, а я такова многолюдства и самозбродного люду от роду не видел, и надуты странною злобою, и весьма нас имеют за отпадших от благочестия, так надуты и утверждены в такой безделице. И подлинно донесет милости твоей денщик мой, а колико государь наших побито и ранено, послал при сем письме к милости твоей роспись.

РНБ. ОР. Ф. 573. Собрание Санкт-Петербургской Духовной академии. № 316. Л. 28–31 об.

2.

Список с архиерейского письма.

Благодарному и благородному боярину Тихону Никитичу Сампсон, митрополит Астраханский, Бога моля, челом бьет.

Всемогущий в Троице, славимый владыка, Христос Бог наш, да подаст твоему благородию с преблагословенным твоим домом всеблагополучно доброжитием усердно желаем. О нас, аще твое благородие благоволит нас помнить, и мы, милостью Божию и помощью Пресвятыя Богородицы, в богоспасаемом граде Астрахани марта по 18 число живее есмь. О избавлении же милосердием Божиим от злых наших во известие твоему благородию чрез сию наше писание сотворяю. //

Л. 32 об. *В нынешнем 1706 г. генваря в 14 день писал я к великому государю, что астраханские жители, видя ево, великого государя, превысокую милость, обещались служить ему, великому государю, во всякой верности по прежнему, и животворящий крест целовали, и о винах своих послали челобитчиков Ивана Кисельникова с товарищи. И по отъезде тех челобитчиков, в скорых числах, в Астрахани учинился в служилых и гулящих людех паки разврат, и смятение великое. И по приходу к Астрахани генерала фельдмаршала и кавалера Бориса Петровича Шереметева с служилыми людьми астраханские служилые и гулящие люди города каменные Кремль и Белой, и Земляной заперли, и сели в осаде. И генерал фельдмаршал и кавалер в город к ним посылал, и я увещавал их многожды, чтоб они погибшее свое помрачение отвергли, и ему, великому государю, вину свою принесли. Они же, пребывая в той противности, ниже слышать того имели, и посланных к ним, всячески //

Л. 33. ругали, пушки и всякой снаряд, и людей к бою устроили. И марта во 12 день генерал фельдмаршал и кавалер, видя в противности их бывающих, неотложно устроя полки, и сам пред теми полками шел на приступ. И они, астраханские служилые и гулящие люди, будучи в том своем отвращении, по нем фельдмаршале и кавалере, и по ратных людех ис пушек и из мелкого ружья били, и на вылазки выходили, и бысь сообщенный бой 6 часов. И милосердием всеильного Бога, а великого государя нашего счастием, подвигом же и трудами пребывающих в том ополчении вышеименованного его царского величества генерала фельдмаршала и кавалера, Бориса Петровича Шереметева, с воинскими людьми, над теми астраханскими людьми победу прияша, и Земляной город немедленно от них взяша. Они же противники, видя над собою неукротимый смертонос-

ный меч, припали к нему с великим воплем, и ко мне прибежали с великим плачем, и просиша вместо смерти //

Л. 33 об. живота, и тем свободу себе от смерти восприяли. И марта в 13 день генерал фельтмаршал и кавалер с воинскими людьми в Каменный город вшел, и наше смирение с протчими народы за толикое Божие милосердие, и за ево, великого государя, премногую милость, еже бо чрез такую военную и отважную особу, мужеством ратных людей, будущих близ смерти, свободишася, благодарили всеильного Бога*, и благодарити не престанем, понеже превелие зло искоренися.

А милость Божия, и Пресвятыя Богородицы, и всех святых молитвы, и нашего смирения низжайшее поклонение, и молитвы ж с твоим благородием есть и будут ныне, и во веки.

РНБ. ОР. Ф. 573. Собрание Санкт-Петербургской Духовной академии. № 316. Л. 32–33 об.

3.

Список великого государя з грамоты, какова послана ис походу за собственною рукою великого государя в Астрахань, ко всем астраханским жителям, с присланными челобитчики их, с Ываном Кисельниковым с товарищи.

Сего 1706 г. февраля в 8 день писали вы к нам, великому государю, к нашему царскому величеству с конным стрельцом с Иваном Кисельниковым, да с челобитчики тысячного полку салдатом Иваном Шпиневым, да с конным стрельцом Иваном Палкиным с товарищи, от всех астраханских служилых и жилецких людей, и от иноземцов. Что вы, по принятии нашея великого государя милостивые грамоты, которая к вам послана в прошлом 1705 году с Ываном Кисельниковым //

Л. 37 об. с товарищи за подписанием нашея, великого государя, собственныя руки, и с приложением государственных печати, и обрадовався неначаянную к себе нашея, великого государя, для учинившегося мятежа к вам милости, о нашем великого государя здравии всемилостивейшее молили Бога и молебствовал богомолец наш преосвященный Сампсон, митрополит Астраханский и Терский соборне. И потом нам, великому государю нашему, царскому величеству, во всякой своей верности крест целовали, и ныне впредь по прежнему, и нынешнему своему обещанию, и целованию крестному, служить нам, великому государю, обещаетесь верно, и бысть во всяком послушании. //

Л. 38. А есть ли ныне и впредь, кто из вас служить неправдою нам, великому государю, хотя что малое будет, и за то вам от Господа Бога на оном веце вечно мучится во огни неугасаемом, и в соборной апостольской церкви бысть на соборе в проклятии, и от нашего великого государя меча казнь принятии. А за что у вас учинилось междоусобие, и о том к нам, великому государю, прислали вы с челобитчики своими от разных чинов людей, и иноземцов челобитные за своими и их руками, и просите нас, великого государя, о милостивом прощении вин своих. А наш де, великого государя, богомолец, преосвященный Сампсон, митрополит Астраханский и Терский, //

Л. 38 об. и воевода Никита Апухтин, и дьяки, и начальные, и всяких чинов астраханские, и приезжие русские люди, и иноземцы в живе, и никакой тяготы и разорения им не было, и обид и налогов никаких нет, и торговые, и всяких чинов русские люди, и иноземцы, на гостиных дворах, и в лавках торгуют по-прежнему, о чем к нам, великому государю, к нашему царскому величеству, и богомолец наш преосвященный Сампсон, митрополит Астраханский и Терский, с теми же вашими челобитчики, прося о том прощении вашем, писал. И по тем отпискам и по челобитным о всем нам, великому государю, известно. //

Л. 39. Но что мы, великий государь, наше царское величество, милосердя о народе христианском и, не хотя кровопролития, яко сущий христианской монарх, но, помяная древние ваши к нам, великому государю, службы, по слезному прошению вашему, вины ваши в учинившемся мятеже по прежнему, посланному к вам, и по сему нашему, великого государя, указу, отпустить милостивно повелел, и предать вечному забвению, и никогда тем, никого из вас не укорять. И вы бы, астраханские служилые люди и иноземцы, видя к себе нашу, великого государя, //

Л. 39 об. милость, во всем по нашему, великого государя, указу, каков к вам послан с Москвы к богомольцу нашему, и бояром нашим, и воеводам, кому в Астрахани быть велено, были послушны, и вины свои нам, великому государю, заслужили верно и постоянно, как нам, великому государю, обещание свое приносите. А по челобитью вашему, укажем мы, великий государь, наше царское величество, рассмотреть, и указу учинить милостивно бояром нашим, и воеводам впредь. А сею нашею, великого государя, милостивою грамотою указали мы, великий государь, отпустить //

Л. 40. к вам челобитчиков ваших, конного стрельца Ивана Палкина с товарищи. Писан в нашем великого государя Литовском походе лета 1706-го февраля в 22 день.

РНБ. ОР. Ф. 573. Собрание Санкт-Петербургской Духовной академии. № 316. Л. 37–40.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-18-00420 «Новые люди Новой России: антропология морской державы в первой половине XVIII в.».

The study was financially supported by the Russian Science Foundation under project No. 23-18-00420 “New People of New Russia: Anthropology of a Sea Power in the First Half of the 18th Century”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. И. О неизвестном сборнике военных реляций и писем 1702–1710 гг. из фондов Российской национальной библиотеки // Война и оружие. Новые исследования и материалы. В 4 ч. Ч. 1. СПб.: Воен.-ист. музей артиллерии, инженер. войск и войск связи, 2023. С. 55–63.
2. Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Петра Великого. СПб.: Тип. т-ва А.С. Суворина – «Новое время», 1912. Кн. 3. 320 с.
3. Голикова Н. Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. М.: Наука, 1975. 328 с.
4. Голикова Н. Б. Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII в. М.: Древлехранилище, 2004. 416 с.
5. Данков М. Ю. «Суший в промыслу» сержант и страхи фельдмаршала (о взаимоотношениях М.И. Щепотева и Б.П. Шереметева) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. В 4 ч. Ч. 2. СПб.: Воен.-ист. музей артиллерии, инженер. войск и войск связи, 2017. С. 132–137.
6. Дианова Т. В. Филигранные XVII–XVIII вв. Герб Амстердама. М.: Гос. ист. музей, 1998. 166 с.
7. Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Наука, 1994. 591 с.
8. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 4. Ч. 1 (1706). СПб.: Гос. тип., 1900. 519 с.
9. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 4. Ч. 2. (1706). СПб.: Гос. тип., 1900. 860 с.
10. Серов Д. А. Администрация Петра I. М.: ОГИ, 2007. 288 с.
11. Собрание Санкт-Петербургской Духовной академии // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ед. хр. № 316. Сборник военных писем. 67 л.
12. Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб.: Тип. II-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1863. Т. 4, ч. 2. 701 с.

REFERENCES

1. Alekseev A.I. O neizvestnom sbornike voennykh relyacij i pisem 1702–1710 gg. iz fondov Rossijskoj nacionalnoj biblioteki [About an Unknown Collection of Military Reports and Letters of 1702–1710 from the Collections of the Russian National Library]. *Vojna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. V 4 ch. Ch. 1* [War and Weapons. New Research and Materials. In 4 Pts. Pt. 1]. Saint Petersburg, Voen.-ist. muzej artillerii, inzhener. vojsk i vojsk svyazi, 2023, pp. 55–63.
2. Volynskij N.P. *Postепенное razvitie russkoj reguljarnoj konnicy v epohu Petra Velikogo* [The Gradual Development of the Russian Regular Cavalry in the Era of Peter the Great]. Saint Petersburg, Tip. t-va A.S. Suvorina – «Novoe vremya», 1912, book 3. 320 p.
3. Golikova N.B. *Astrahanskoe vosstanie 1705–1706 gg.* [Astrakhan Uprising of 1705–1706]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 328 p.
4. Golikova N.B. *Socialnye dvizenija v gorodach Niznego Povolzyja v nachale XVIII v.* [Social Movements in the Cities of the Lower Volga Region at the Beginning of the 18th Century]. Moscow, Drevlekhranilische Publ., 2004. 416 p.
5. Dankov M.Yu. «Sushchij v promyslu» serzhant i strahi feldmarshala (o vzaimootnosheniyah M.I. Shchepoteva i B.P. Sheremeteva) [“Existing in the Craft” Sergeant and the Fears of the Field Marshal (About the Relationship Between M.I. Shchepotev and B.P. Sheremetev)]. *Vojna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. V 4 ch. Ch. 2.* [War and Weapons. New Research and Materials. In 4 Pts. Part 2]. Saint Petersburg, Voen.-ist. muzej artillerii, inzhener. vojsk i vojsk svyazi, 2017, pp. 132–137.
6. Dianova T.V. *Filigrani XVII–XVIII vv. Gerb Amsterdama* [Filigrees of the 17th and 18th Centuries. Coat of Arms of Amsterdam]. Moscow, Gos. ist. muzej, 1998. 166 p.
7. Pavlenko N.I. *Petr Velikij* [Peter the Great]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 591 p.
8. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo. T. 4. Ch. 1 (1706)* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great. Vol. 4. Pt. 1 (1706)]. Saint Petersburg, Gos. tip., 1900. 519 p.
9. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo. T. 4. Ch. 2 (1706)* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great. Vol. 4. Pt. 2. (1706)]. Saint Petersburg, Gos. tip., 1900. 860 p.
10. Serov D.A. *Administraciya Petra I* [Administration of Peter I]. Moscow, OGI, 2007. 288 p.
11. *Sobranie Sankt-Peterburgskoj Duhovnoj akademii* [Collection of the Saint Petersburg Theological Academy]. *Rossijskaya nacionalnaya*

biblioteka. Otdel rukopisej [National Library of Russia. Department of Manuscripts], dep. item no. 316, *Sbornik voennyh pisem* [Collection of War Letters]. 671.

12. Ustryalov N. *Istoriya carstvovaniya Petra Velikogo* [History of the Reign of Peter the Great]. Saint Petersburg, Tip. II-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kancelarii, 1863, vol. 4, pt. 2. 701 p.

Information About the Author

Alexey I. Alekseev, Doctor of Sciences (History), Head of the Department of Manuscripts, Russian National Library, Sadovaya St, 18, 191069 Saint Petersburg, Russian Federation; Senior Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, a.alexeev@nlr.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4372-516X>

Информация об авторе

Алексей Иванович Алексеев, доктор исторических наук, заведующий отделом рукописей, Российская национальная библиотека, ул. Садовая, 18, 191069 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, a.alexeev@nlr.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4372-516X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.19>

UDC 93/94 (929.6+929.7)
LBC 63.3(2)521

Submitted: 23.02.2022
Accepted: 12.12.2022

HISTORICAL AND OBJECTIVE METHOD OF ATTRIBUTION OF THE DON MILITARY PORTRAIT OF THE 1812 EPOCH

Anatoly I. Agafonov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article discusses the formation and development of the Don military portrait in the context of the formation of the South Russian nobility and military events of the late 18th and early 19th centuries. “For exploits and wounds,” Don officers and generals received ranks, orders, and insignia, lands, estates, money, and valuable gifts, and were elevated to the nobility. They consolidated their new social status in a visual form: ceremonial, semi-ceremonial, chamber, military, and coat of arms portraits, a large number of which have been preserved in museums in Russia and abroad and in private collections. *Methods and materials.* Relying on the historical-subject method of attribution of portraiture and at the interdisciplinary level, the artistic image of the Don military elite of the 1812 epoch is studied; attribution, characterization of the content, interpretation of images, and their accompaniment are carried out. The portrait of the hero of the 1812 epoch, Major General Pyotr Grekov the 8th, accompanied by the family coat of arms of the nobility, is being studied. *Analysis.* The evolution of the Don Cossack uniform and fittings, the imperial award system and its extension to the generals and officer corps of the Don army are characterized, and the rules for depicting awards on portraits and heraldic symbols are described. All of them act as sources of attribution for portraiture, revealing the character and merits of the Don General. *Results.* Based on the historical-subject method of attribution of works of portrait painting, the date of writing is established, and an assumption is made about the model and the author of the image.

Key words: Russian Empire, Don army, 1812 epoch, attribution of works of portrait painting, Pyotr Grekov the 8th.

Citation. Agafonov A.I. Historical and Objective Method of Attribution of the Don Military Portrait of the 1812 Epoch. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 234-244. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.19>

УДК 93/94 (929.6+929.7)
ББК 63.3(2)521

Дата поступления статьи: 23.02.2022
Дата принятия статьи: 12.12.2022

ИСТОРИКО-ПРЕДМЕТНЫЙ МЕТОД АТРИБУЦИИ ДОНСКОГО ВОЕННОГО ПОРТРЕТА ЭПОХИ 1812 ГОДА

Анатолий Иванович Агафонов

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается становление и развитие донского военного портрета в контексте формирования южнороссийского дворянства и военных событий конца XVIII – начала XIX века. «За подвиги и раны» донские офицеры и генералы жаловались чинами, орденами и знаками отличия, землями, имениями, деньгами, ценными подарками, возводились во дворянство. Свой новый социальный статус они закрепляли в визуальной форме – парадными, полупарадными, камерными, военными и гербовыми портретами, большое число которых сохранилось в музеях России и за рубежом, в частных коллекциях. Впервые, на примере гербового портрета генерал-майора П.М. Грекова 8-го, опираясь на историко-предметный метод атрибуции портретной живописи, и на междисциплинарном уровне изучается художественный образ донской военной элиты эпохи 1812 г., проводится атрибуция, характеристика содержания, интерпретация изображений и их сопровождения. Характеризуется эволюция донской казачьей униформы и арматуры, имперская наградная система и ее распространение на генерали-

тет и офицерский корпус Донского войска, описываются правила изображения пожалований на портретах и геральдических символах. Все они выступают источниками атрибуции портретной живописи, позволяют раскрыть характер и заслуги донского генерала. Основываясь на историко-предметном методе атрибуции произведений портретной живописи, устанавливается дата написания, высказывается предположение о модели и авторе изображения.

Ключевые слова: Российская империя, Донское войско, эпоха 1812 г., атрибуция произведений портретной живописи, П.М. Греков 8-й.

Цитирование. Агафонов А. И. Историко-предметный метод атрибуции донского военного портрета эпохи 1812 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 234–244. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.19>

Введение. Эпоха 1812 г. всегда находилась и остается в центре российской общественной мысли и культуры, исторической памяти народа, она нашла отражение в литературе и поэзии, живописи и скульптуре, светской и храмовой архитектуре, театре и кино и т. д. Одним из «мест памяти» является портретная живопись, получившая широкое распространение в России в XVIII – начале XX в., в том числе на Земле войска Донского. В литературе по истории донского казачества рассматривался атаманский и старшинский портрет XVIII – начала XIX в., преимущественно на основе стилистического и технико-технологического методов, в то же время военные и гербовые портреты генералитета и офицерского корпуса эпохи 1812 г. оставались на периферии научного пространства. В данной статье акцентируется внимание на портрете героя Отечественной войны 1812 г. генерал-майора П.М. Грекова 8-го, устанавливается его связь с духовным подъемом в России, становлением и развитием донской портретной живописи. Изучение изображения П.М. Грекова 8-го на основе историко-предметного метода атрибуции подчеркивает актуальность темы, в которой многочисленны белые пятна в датировке, изображениях, авторстве портретов, написании униформы, наградах, гербах и символах являются широко распространенными в региональной портретной живописи. Кроме того, исследование изображения П.М. Грекова 8-го покажет наиболее популярные ошибки художников в написании военного портрета.

Цель исследования: атрибутировать донской военный портрет эпохи 1812 г. генерал-майора П.М. Грекова 8-го, выдающегося представителя региональной и российской элиты, опираясь на теоретико-методологи-

ческие принципы и методики историко-предметного метода.

Задачи исследования: выявить на междисциплинарном уровне истории и искусствоведения содержание военного и гербового портрета донской элиты как составной части российского портретного искусства; уточнить датировку, авторство, содержание портрета и его сопровождение; разработать методику атрибуции произведений донской военной портретной живописи, раскрыть возможности ее применения.

Методы и материалы. Использовались историко-сравнительный, историко-системный и историко-типологический методы, а также историко-предметный метод атрибуции произведений портретной живописи с широким изучением внешних и внутренних деталей, показанных на портрете, и привлечением вспомогательных исторических дисциплин.

В своей работе автор опирается на известные и малоизвестные произведения донской портретной живописи, сохранившиеся в коллекциях российских и зарубежных музеев, родословия, материалы герольдии Правительствующего сената, научные работы по истории российской униформологии, фалеристики, геральдики и генеалогии, законодательные и другие документы, в которых отразились сведения о героях эпохи 1812 года.

Обсуждение. Портреты донских казаков, офицеров, генералов и войсковых атаманов отражали блестящие боевые победы, высокий моральный дух и достоинство казачества. Главное внимание исследователей сосредоточивалось на изучении атаманского и старшинского портретов, их окружения. Преимущественно использовались стилистический и технико-технологический методы, которые давали общие сведения об изображении,

реже – его авторе, датировка указывалась от полувека до столетия [3, с. 127–131; 4, с. 5–14; 5; 12; 15; 17]. Военный портрет и в его составе гербовые изображения являются, на наш взгляд, самостоятельными направлениями в донской и российской живописи, остаются на периферии научных изысканий.

Донской военный портрет представлен обширными коллекциями в Новочеркасском музее истории Донского казачества (Ростовская область), Военной галерее Зимнего дворца в Петербурге, Музее лейб-гвардии Казачьего полка в Париже, Старочеркасском историко-архитектурном музее-заповеднике (Ростовская область), Музее Отечественной войны 1812 года в Москве, других государственных и частных собраниях. Вероятно, военных портретов было больше, но они исчезли в войнах и революциях XX века.

Первые исследования на основе историко-предметного метода атрибуции относятся ко второй половине 90-х гг. XX века. А.В. Кибовский обратился к портретам донских героев, хранящихся в иностранных собраниях, установил персон – казака лейб-гвардии Казачьего полка Т.А. Камбулова, а также командира того же полка генерал-майора А.М. Каменнова [16]. Однако методика и опыт изучения донского военного портрета не получили значительного распространения и часто остаются невостребованными в научной практике. Значительная часть донских портретов является неопознанной, не известны герои, авторы и время создания произведений.

Анализ. Становление донского военного портрета тесно связано с активным участием Донского войска в войнах России XVIII – первой половины XIX века. За доблестные, героические поступки старшины и казаки награждались офицерскими чинами, орденами, оружием, знаками отличия, деньгами, поместьями, крестьянами, титулами и т. д. Донское войско и казачьи полки – Георгиевскими и Почетными знаменами и штандартами [2]. Пожалования открывали путь к приобретению потомственного дворянства, закреплению его в грамотах и патентах на гербы, а также в визуальной форме – на парадных и военных портретах, подчеркивавших общественное положение и новый персональный статус генералов, офицеров и старшин.

В большой коллекции донской живописи автор выделяет портрет генерал-майора П.М. Грекова 8-го, считая его типичным в составе изображений региональной военной элиты. Данное и другие донские произведения не изучались на основе историко-предметного метода атрибуции портретной живописи.

Генерал-майор П.М. Греков 8-й являлся одним из выдающихся героев эпохи 1812 года. К его портрету, который хранится в Новочеркасском музее истории Донского казачества, имеются вопросы происхождения, авторства, времени появления на нем герба и его символики (см. рис. 1).

Греков 8-й Петр Матвеевич, генерал-майор, «из казачьих детей», родился в 1762 г. в станице Луганской Донецкого сысского начальства Земли войска Донского. Участник Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., подавления польского мятежа 1794 г., Итальянского и Швейцарского походов 1799 г., Русско-турецкой войны 1806–1812 гг., Отечественной войны 1812 г., заграничных походов 1813–1814 годов. Кавалер российских и иностранных орденов и знаков отличия, золотого оружия с надписью «За храбрость».

П.М. Греков 8-й скончался 3 февраля 1817 г. в слободе Дячкиной станицы Каменской Донецкого округа. Похоронен там же при церкви Трех Святителей.

26 августа 1904 г. Высочайшим приказом имя генерал-майора П.М. Грекова 8-го как вечного шефа присвоено 16-му Донскому казачьему полку [1, с. 175–177].

Портрет П.М. Грекова поясной, военный, полупарадный, концентрирует внимание на личности героя, раскрывает его положение в обществе, подчеркивает персональный статус. Образ не сопровождается характерными для парадного портрета пейзажным или архитектурным фоном, батальными и бытовыми сценами, облаками, молниями, мифическими персонажами и т. д. Он близок к камерному портрету, в котором закрепляются через реальные военные атрибуты и геральдические символы подвиги П.М. Грекова 8-го, его моральные и волевые качества.

Большое влияние на изображения донской военной элиты оказывают внешние воздействия, а именно: общественное мнение, место, время, мастерство профессиональных

Рис. 1. Греков Петр Матвеевич, генерал-майор. Новочеркасский музей истории Донского казачества. Художник Е.В. Копылов. Холст, масло

Fig. 1. Pyotr Grekov, Major General. Novocherkassk Museum of the History of the Don Cossacks. Artist E. V. Kopylov. Oil on canvas

или любительских художников, униформа, чины, награды, оружие, гербы и т. д. Они не только фиксируют, но и часто меняют художественный образ, неразрывно связывают его с современной культурной и исторической эпохой.

Перемены в униформе и вооружении в регулярных российских войсках распространялись на донское казачество с учетом исторических, военных и культурных традиций. Их изучение персонифицирует героев, помогает датировать время написания и авторство портретов, отметить ошибки художников в изображении мундиров, орденов, знаков и орденских лент.

В русской армии эполеты введены 17 сентября 1807 г., а 27 марта 1809 г. для генералов регулярных войск – два эполета вместо одного (на левом плече) и аксельбанта (на правом плече) [6, с. 11–12, 15].

В 1812 г. император Александр I определил иметь Донского войска генералам, штаб- и обер-офицерам на куртках и чекменах воротники прямые вместо скошенных, застегнутые на крючки и петли, кроме Атаман-

ского полка. Выпушка и выкладка красного цвета. Во время пребывания русских войск в Париже в 1814 г. государь приказал для офицеров и генералов Донского войска, вместо жгутообразных шнуров (с 1808 г.), носить серебряные эполеты с установленными различиями, по примеру генералов регулярных войск [7, с. 5–6, рис. 2437, 2438, 2458].

П.М. Греков 8-й изображен в генеральском мундире образца 1812–1814 годов. Крой казачий, однобортный, застегивающийся на крючки с петлями. Воротник высокий, прямой, на крючках с петлями, шитье генеральское серебряное, выпушка красная, подкладка черная (должна быть красная).

Эполеты генеральские серебряные, подбой красный, пуговицы, крепившие эполеты к мундиру, серебряные, без рисунка, контрэполет серебряный, с красной выпушкой по краям, корешок чешуйчатый образца 1827 г., введенный в Донском войска в 1829 г., но без звездочек. Шейка (ободок) с двумя витками – нижний тонкий, верхний толстый. Шейка не должна быть круглой, а только охваты-

вать поле. Канитель (бахрома) толстая серебряная.

На обшлагах (русского типа) генеральское шитье серебряное (дубовые ветви с листьями, введены 26 января 1808 г.), выпушка красная.

Кушак (генеральский пояс) белого цвета, из ткани.

6 апреля 1814 г. генерал-фельдмаршал М.Б. Барклай де Толли приказал войсковому атаману графу М.И. Платову сформировать четыре казачьи колонны для выхода в Россию. В апреле – мае 1814 г., по мере комплектования колонн, казаки направлялись к местам дислокации для дальнейшей службы или домой для отпуска на льготу [13, с. 559]. Полк П.М. Грекова 8-го прибыл на Дон из Парижа 16 октября 1814 г. и был расформирован [14, с. 35].

Вероятнее всего, «на походе в Россию» выправить новые мундиры офицерам и генералам Донского войска не удалось. Появление генеральского мундира П.М. Грекова можно отнести к концу 1814 – 1815 году. Соответственно, портрет П.М. Грекова 8-го если и был написан «с натуры», то не ранее прибытия полка на Дон и не позже 3 февраля 1817 г. (смерти генерала).

С 1805 по 1814 г. на Дону служил учителем рисования в войсковой гимназии в Черкасках Е.В. Копылов – художник, имевший академическое образование, автор нескольких портретов донских офицеров. В 1814 г. в гимназию Войска Донского «рисовальным учителем» был определен Иона Крылов. Некоторое время Е.В. Копылов оставался на Дону, о чем свидетельствуют портреты героев Отечественной войны 1812 г. – генерал-лейтенанта А.Д. Мартынова, генерал-майора В.С. Золотарева, полковника В.П. Суворова, его жены, а также четы Ханжонковых, написанные в 1818 г. [5, с. 97].

Портрет генерал-майора П.М. Грекова 8-го по композиции и манере написания близок к портрету генерал-лейтенанта А.Д. Мартынова, выполненному Е.В. Копыловым в 1814 году. Он, по мнению И.П. Гуржиевой и М.Е. Соколенко, является и автором парадного портрета генерал-майора П.М. Грекова 8-го, на том основании, что он подписан [11].

Однако при внимательном изучении портрета П.М. Грекова 8-го выясняется, что изображены генеральские эполеты образца 1827 г., с чешуйкой. Это ставит под сомнение датировку и авторство портрета.

Для понимания атрибуции портрета необходимо показать перемены в униформе Донского войска. 1 января 1827 г. император Николай I приказал иметь при шитых мундирах, вицмундирах и сюртуках на золотых эполетах серебряные, а на серебряных золотые кованые звездочки: генерал-майорам – по две; генерал-лейтенантам – по три; генералам от инфантерии, кавалерии, инженер-генералам звездочек иметь не положено; генерал-фельдмаршальским эполетам присвоены два накрест положенные жезла [8, с. 49–50]. 13 октября 1827 г. в императорской российской армии был введен офицерский эполет с тремя витками и чешуйкой [9, с. 2, рис. 224]. 4 августа 1829 г. повелено иметь офицерам Донского войска чешуйчатые эполеты, по образцу эполетов легкой кавалерии.

В отличие от эполетов эпохи наполеоновских войн новые эполеты были металлические, имели одиннадцать волнистых линий (чешуек), закругленные края на вершине корешка, белую вылуженную пуговицу, а также все сопровождение, которое положено эполетам по чину [10, с. 1–2].

На эполетах П.М. Грекова 8-го кованые звездочки, согласно чину (две генерал-майорские), отсутствуют, что являлось нарушением правил ношения формы одежды и чинопроизводства. С 1 января 1827 г. чистое поле генеральского эполета полагалось полным генералам – генералам от кавалерии, генералам от инфантерии и т. д. Вероятно, художник попытался совместить старую и новую системы различий чинов военных, что привело к досадной ошибке.

Безусловно, художник в 1815–1816 гг. не знал о чешуйчатых эполетах. В этой связи можно отодвинуть написание портрета П.М. Грекова 8-го на конец 20-х – начало 30-х гг. XIX века. Тогда должны быть на эполетах серебряные пуговицы с изображением двуглавого орла, утвержденные 29 декабря 1829 г. [8, с. 51]. Изменения в форме одежды в Донских строевых полках на полевой службе вносились в течение шести месяцев, на внутрен-

ней по Войску – трех месяцев со времени поступления приказа в подразделения.

На наш взгляд, портрет написан в 1829–1830 гг., то есть он посмертный, естественно и появление в это время герба Грековых, утвержденного 14 ноября 1827 года.

При написании портрета П.М. Грекова 8-го использовался модельный принцип. Вначале исполнялся мундир генерала со всей арматурой и орденами, позже части тела – голова, руки и прочее, затем они соединялись. Кто был моделью? Могли привлекаться ранние, прижизненные зарисовки, наброски «по памяти» или поздний собирательный образ, в основе которого лежали портреты родственников. Наиболее вероятным прототипом являлся брат П.М. Грекова, генерал-майор Александр Матвеевич Греков (1774–1852). Ему во время написания портрета исполнилось 55–57 лет, столько же, как и изображенному герою.

Следует отметить, что в такой же манере (мундир, арматура, расположение орденов и медалей, чешуйчатые эполеты, с вылуженной пуговицей и без звездочек) написаны портреты генерал-майоров С.Ф. Балабина 2-го и И.И. Жирова 1-го, хранящиеся в Новочеркасском музее истории Донского казачества. Можно предполагать, что автором был один и тот же мастер.

Разумеется, возникает вопрос об авторстве портрета П.М. Грекова 8-го. К сожалению, свидетельства о жизни и деятельности донского художника Е.В. Копылова не многочисленны. Жил и работал ли он в 20–30-х гг. XIX в. и позже на Дону, есть ли помимо указанных произведений другие портреты? В частности, указываются ли военные портреты донцов на юбилейной выставке к 100-летию Отечественной войны в 1912 г. в Москве, а также среди неатрибутированных? В этой связи нельзя с полной уверенностью утверждать, что автором портрета П.М. Грекова 8-го являлся художник Е.В. Копылов. К концу 20-х гг. XIX в. ему было около пятидесяти лет, и где он служил – в войсковой гимназии в Новочеркасске или в Санкт-Петербургской академии художеств? Требуются дополнительные исследования, которые расскажут о его судьбе и картинах.

Важную роль в установлении персонажей, авторов и времени создания портретов

играет фалеристика. Расположение орденов, медалей, знаков отличия, орденских звезд и лент, их число, правила награждения и изытия, ношения устанавливались императором и Кавалерскими орденовыми думами. Старшинство орденов определялось временем учреждения, личными предпочтениями императоров, развитием наградной системы – созданием новых и включением в Капитул Российских императорских и царских орденов иностранных орденов и знаков отличия.

Безусловно, художники стремились наиболее полно отразить заслуги героев, скрупулезно прорисовывали награды, число и размеры, порядок и последовательность размещения звезд и знаков согласно статусу и степени (классности) – старших орденов над младшими, русских над иностранными, а также орденовых лент.

На портрете П.М. Грекова 8-го выписаны ордена и медали, пожалованные в разные годы за различные подвиги. На шее на лентах орденов знаки Св. Георгия 3-го класса, Св. Владимира 2-й степени, на черной ленте ордена Св. Иоанна Иерусалимского (Командорский крест 2-й степени), Прусского Королевского Красного Орла 2-й степени (лента написана неправильно – должна быть муаровая белого цвета с двумя оранжевыми (красными) полосами, отступающими от края ленты). На груди справа звезда ордена Св. Анны 1-й степени, слева – звезда ордена Св. Равноапостольного кн. Владимира 2-й степени. Через плечо слева направо к поясу – лента ордена Св. Анны, которая закреплялась на бедре орденом Св. Анны 1-й степени (отсутствует). На левой стороне груди (справа на лево) расположены на черно-бело-синей ленте орден Баварский Королевский Св. Максимилиана-Иосифа 2-й степени Командор, на георгиевской ленте – офицерский золотой крест «За взятие Измаила», на черной ленте Мальтийский крест – звезда), на голубой ленте ордена Св. Апостола Андрея Первозванного – медаль «В память Отечественной войны 1812 года».

На портрете П.М. Грекова помещены не все пожалованные ордена. Отсутствуют кресты ордена Св. Георгия 4-го класса, Св. Владимира 3-й степени, Св. Анны 1-й степени и алмазные знаки к ордену; Св. Анны

2-й степени и алмазные знаки к ордену; Прусский Королевский «Pour le Mérite» (За заслуги), оружие – награжден золотой саблей с надписью: «За храбрость» и золотой саблей с надписью: «За храбрость», украшенной алмазами.

В данном случае отсутствие указанных орденов объясняется несколькими причинами. Во-первых, согласно установленным правилам ношения орденов, при наличии орденов высших степеней и звезд ордена младших степеней не надевались, за исключением креста ордена Св. Георгия 4-го класса и Св. Владимира 4-й степени с бантом, которые никогда не снимались с военного мундира и гражданского сюртука [18, с. 1020–1024]. Они должны присутствовать на портрете.

Во-вторых, между Высочайшими указами о пожаловании и вручении наград, особенно иностранных, протекало от нескольких месяцев до нескольких лет. В частности, серебряная медаль «В память Отечественной войны 1812 года» была учреждена 5 февраля 1813 года. С 22 декабря 1813 г. по указу главнокомандующего русской армией генерала от инфантерии М.Б. Барклая де Толли медаль вручалась участникам военных событий до 1825 года.

Следует подчеркнуть, что после окончания Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов русской армии в 1813–1814 гг. еще несколько лет донские офицеры «дополучали» иностранные ордена и медали. Вероятно, этим объясняется отсутствие на портрете П.М. Грекова 8-го Прусского Королевского ордена «Pour le Mérite» (За заслуги). При написании портрета в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. художник, видимо, не имел в своем распоряжении этой редкой для донских офицеров и генералов награды.

Большой интерес для исследователей представляет герб, помещенный на портрете П.М. Грекова 8-го, его история, содержание и символика. Он позволяет предположить другую версию даты и авторства написания, раскрыть личные качества донского героя. По мнению автора, гербовые портреты являются самостоятельным направлением в составе донского военного портрета, требуют тщательного рассмотрения и разработки методики изучения.

В начале 1816 г. войсковой старшина Александр Матвеев Греков обратился с прошением на Высочайшее Имя о пожаловании ему с братом на дворянское достоинство диплома и герба. 11 апреля 1816 г. герольдия заслушала прошение, и по указу Его Императорского Величества Правительствующим сенатом оно было утверждено 5 мая 1816 года. Изготовленный диплом на дворянское достоинство генерал-майора и кавалера Петра и войскового старшины Александра Грековых Высочайше подписан 14 ноября 1827 года (так в деле!) и выдан просителю [19].

Если в деле не описка, вероятно должно быть 14 ноября 1817 г., то возникает вопрос: почему в течение почти 10 лет герб не утверждался императорами Александром I и Николаем I? Ежели принять во внимание, что портрет П.М. Грекова 8-го был написан в 1815–1816 гг., а герб утвержден позже, с пересылкой на Дон он появился в семье Грековых только в 1818 году. Можно полагать, что герб на портрете является более поздним включением, так называемой медальонной вставкой. Последнее положение относится и к дате «14 ноября 1827 года», то есть герб на портрете П.М. Грекова вписан после смерти героя 3 февраля 1817 года.

Гербы составлялись на основе формулярных списков, родословных, выписки из Военной коллегии, наградных и иных документов. Они включали наиболее важные, с точки зрения герольдии Правительствующего сената, события в жизни соискателя дворянства, в данном случае военные кампании второй половины XVIII – начала XIX века. Гербы – это своеобразная визуальная биография, они создавались в русле российского герботворчества, несли его характерные черты.

Герб Грековых: «Щит разделен на четыре части, из коих в первой, в пурпуровом, и второй, в золотом поле находится воин в казачком одеянии с пикою, скачущий на белом коне в правую сторону. В третьей части, в золотом поле изображены Альпийские горы, в четвертой, в голубом поле у подошвы щита, в левом углу, видно несколько опрокинутых орудий и знамен неприятельских. В обоих сих полях диагонально к верхним углам означены: на золотом красная полоса с серебряной звездой, а в голубом поле золотая сабля с

надпись “За храбрость”. Щит увенчан дворянскими шлемом и короною со страусовыми перьями. Намет на щите голубой и золотой, подложенный золотым и пурпуровым цветом» (рис. 2).

В гербе присутствуют приборные цвета Донского войска – красный и синий, а также золотой, возвышавший общественное положение гербообладателя.

Дворянский шлем повернут в правую геральдическую сторону, что означало, как в данном случае, приобретение прав и привилегий высшего сословия Российской империи «по чину» и «по орденам».

Предметы военного быта являются наиболее распространенными в российской геральдике, они относятся к искусственным фигурам, нашли также отражение в гербах П.М. Грекова 8-го и других донских военачальников. В первой пурпуровой и во второй золотой частях казак в форме с пикой наперевес, наклоном вперед, скачущий в правую геральдическую сторону, означал принадлежность героя к Донскому войску. В третьей части, в золотом поле Альпийские горы, красная лента ордена Св. Анны и серебряная звез-

да того же ордена и пика указывают на участие П.М. Грекова 8-го в Итальянском и Швейцарском походах под командованием А.А. Суворова в 1799 г., в наполеоновских кампаниях 1805–1807 годов. В четвертой части, в голубом поле, нарисованы захваченные и опрокинутые знамена и пушки. Трофеи, а они немалые, генерал-майора П.М. Грекова 8-го и полков под его командованием – 30 орудий и 23 знамени. Особо отличился он в русско-турецкой войне 1806–1812 гг., Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 годов.

С июня 1812 г. находился в Дунайской армии адмирала П.В. Чичагова, во 2-м корпусе генерал-лейтенанта П.К. Эссена 3-го, командовал десятью казачьими полками.

В 1813 г. командовал шестью казачьими полками, был в сражениях при Баутцене; при разбитии неприятельского авангарда у с. Михельсдорф получил Высочайшее благоволение; в генеральном сражении при Лейпциге.

Участвовал в кампании 1814 г. в сражениях при взятии Немура, где захватил в крепости 4 орудия и 700 солдат гарнизона; в зах-

Рис. 2. Герб Грековых. Рисунок и реконструкция А.И. Агафопова
Fig. 2. The Grekovs' coat of arms. Drawing and reconstruction by A.I. Agafonov

вате мостов через р. Эна вблизи крепости Суассон, при Фершампенуазе и Париже.

16 октября 1814 г. полк возвратился в Войско и был расформирован.

Генерал-майор П.М. Греков 8-й считался одним из лучших казачьих генералов в русской армии, практически ему не было равных в авангардных боях, ведении разведки и преследовании противника. Он участвовал за все время службы в 76 сражениях, 16 стычках, 7 ретирадах, 1 взятии, 4 занятиях, 2 блокадах, 2 покорениях городов, в 1 переправе. Он, вместе с подчиненными казачьими полками, взял в плен 2 генералов, около 200 офицеров, 10 тысяч рядовых, захватил 30 орудий и 23 знамени.

Гербовый портрет генерал-майора П.М. Грекова 8-го запечатлел эпоху наполеоновских войн, сохранил для современников и потомков образ и подвиги донского героя.

Выводы. Герой эпохи 1812 г. генерал-майор П.М. Греков 8-й являлся одним из лучших командиров русской императорской армии, в 1827 г. пожалован с нисходящим потомством в дворянское сословие Российской империи с патентом и гербом. В соответствии с традициями русского воинского героизма был написан портрет П.М. Грекова 8-го, а также многих генералов и офицеров Донского войска.

Донской военный портрет представляет собой самостоятельное направление региональной портретной живописи, некоторые его произведения считаются гербовыми. Последние являются важными источниками по истории русского и донского дворянства, военной истории страны, униформологии, геральдики, фалеристики, генеалогии и просопографии.

Применение историко-предметного метода атрибуции портретной живописи установило, что подвиги военной элиты закреплялись в визуальной форме. Портрет генерал-майора П.М. Грекова 8-го посмертный, написан в 1829–1831 гг., эпоха 1812 г. воспроизведена в униформе, орденах, медалях и знаках отличия, родовом дворянском гербе и его символах.

Изучение портрета и его сопровождения позволило уточнить дату создания произведения П.М. Грекова 8-го, высказать предположение о прототипе художественной модели, предложить другие интерпретации содержания и по-новому оценить авторство творческого труда.

Авторская методика изучения и атрибуции донского военного и гербового портретов – широкое и последовательное применение униформологии, фалеристики, геральдики, генеалогии, историко-сравнительного метода, последовательный и взаимосвязанный анализ каждого из них – все это позволило сформировать целостное представление о портрете и раскрыть возможности историко-предметного метода. Авторская методика может быть использована художниками при написании исторических трудов, историками, искусствоведами и музейными работниками в научной и экспозиционной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонов А. И. Донские генералы в Военной галерее Зимнего дворца. Ростов н/Д: Омега Паблицер, 2012. 269, [2] с.: цв. ил.
2. Агафонов А. И. Донские казаки. Грудь в крестах... : из истории пожалований, наград и знаков отличия донского казачества, XVI – начало XX в. Ростов н/Д : Омега Паблицер, 2012. 461, [2] с.: ил., портр., цв. ил., портр.
3. Бондарева Н. А. Дон и Петербургская Академия художеств // Возрождение казачества: история и современность. Новочеркасск: Новочеркас. гос. техн. ун-т, 1995. С. 127–131.
4. Бондарева Н. А. Донской портрет XVIII – первой половины XIX века в контексте восточно-европейского провинциального портрета этого периода : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 1996. 17 с.
5. Бондарева Н. А. История коллекционирования портретной живописи на Дону и перспективы ее экспонирования // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. 2020. № 2. С. 93–101.
6. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 14. СПб., Воен. тип., 1858. 204 с.
7. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 18. СПб., Воен. тип., 1860. 322 с.
8. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, составленное по Высочайшему повелению. Ч. 27. СПб., Воен. тип., 1862. 178 с.
9. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 21. СПб., Воен. тип., 1861. 281 с.
10. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 29. СПб., Воен. тип., 1862. 260 с.

11. Гуржиева И. П., Соколенко М. Е. Донской парадный портрет XVII–XIX вв. Каталог. Живопись. Графика. М.: Папирус АРС, Художник, 1993. 24 с.

12. Гуржиева И. П., Соколенко М. Е. Донской портрет XVIII века. Из собраний Новочеркасского и Старочеркасского музеев Ростовской области // Музей. Вып. 9. М., 1988. С. 87–101.

13. Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Ростов н/Д: Рос. гос. воен.-ист. архив [и др.], 2012. 736, [15] с., [14] л. ил.

14. Калинин С. Е. Донское казачье войско в 1812–1814 гг. М., 2010. 129 с. URL: // http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kalinin_04.pdf

15. Карев А. А. Донской портрет в русской художественной культуре XVIII века «Рыцарский курс» // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 20. С. 136–151.

16. Кибовский А. В. Портреты гвардейских казаков (атрибуция двух портретов из иностранных собраний) // Материалы VII Всероссийской научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино: Гос. Бородин. музей-заповедник, 1999. С. 88–97.

17. Коновалова А. А. Донской портрет XVIII века: условия возникновения и развития на примере портретной галереи Ефремовых // UNIVERSUM. 2017, май. № 5 (39). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/4788>

18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XVIII. СПб., 1830. № 13387. С. 1020–1024.

19. Сборник дипломных гербов Российского Дворянства, не внесенных в Общий Гербовник. № 73. URL: <https://gerbovnik.ru/arms/4490>

4. Bondareva N.A. *Donskoj portret XVIII – pervoj poloviny XIX veka v kontekste vostochno-evropejskogo provincialnogo portreta etogo perioda: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya* [Don Portrait of the 18th – First Half of the 19th Century in the Context of the Eastern European Provincial Portrait of this Period. Abs. diss. of a Candidate of Art History]. Saint Petersburg. 1996. 17 p.

5. Bondareva N.A. *Istoriya kollecionirovaniya portretnoj zhivopisi na Donu i perspektivy ee eksponirovaniya* [The History of Collecting Portrait Painting on the Don and the Prospects of Its Exposure]. *Novoe iskusstvoznanie. Istoriya, teoriya i filosofiya iskusstva* [New Art History. History, Theory and Philosophy of Art], 2020, no. 2, pp. 93–101.

6. Viskovatov A.V. *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniya rossijskih vojsk. Ch. 14* [Historical Description of Clothing and Weapons of the Russian Troops. Pt. 14]. Saint Petersburg, Voen. tip., 1858. 204 p.

7. Viskovatov A.V. *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniya rossijskih vojsk. Ch. 18* [Historical Description of Clothing and Weapons of the Russian Troops. Pt. 18]. Saint Petersburg, Voen. tip., 1860. 322 p.

8. Viskovatov A.V. *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniya rossijskih vojsk, sostavlennoe po Vysochajshemu poveleniyu. Ch. 27* [Historical Description of the Clothing and Weapons of the Russian Troops, Compiled by the Highest Command. Pt. 27]. Saint Petersburg, Voen. tip., 1862. 178 p.

9. Viskovatov A.V. *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniya rossijskih vojsk. Ch. 21* [Historical Description of Clothing and Weapons of the Russian Troops. Pt. 21]. Saint Petersburg, Voen. tip., 1861. 281 p.

10. Viskovatov A.V. *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniya rossijskih vojsk. Ch. 29* [Historical Description of Clothing and Weapons of the Russian Troops. Pt. 29]. Saint Petersburg, Voen. tip., 1862. 260 p.

11. Gurzhieva I.P., Sokolenko M.E. *Donskoj paradnyj portret XVII–XIX vv.* [Don Parade Portrait of the 17th – 19th Centuries. Catalog. Painting. Graphic Arts]. Moscow, PapyrusARS, Khudozhnik Publ., 1993. 24 p.

12. Gurzhieva I.P., Sokolenko M.E. *Donskoj portret XVIII veka. Iz sobranij Novoчеркасского i Staroчеркасского музеев Ростовской области* [Don Portrait of the 18th Century. From the Collections of the Novoчеркасск and Staroчеркасск Museums of the Rostov Region]. *Muzej. Vyp. 9* [Museum. Iss. 9]. Moscow, 1988, pp. 87–101.

13. *Donskoe kazachestvo v Otechestvennoj vojne 1812 g. i zagranichnyh pohodah russkoj armii 1813–1814 gg.* [The Don Cossacks in the Patriotic

REFERENCES

1. Agafonov A.I. *Donskie generaly v Voennomj galeree Zimnego dvorca* [Don Generals in the Military Gallery of the Winter Palace]. Rostov-on-Don, Omega Publisher, 2012. 269, 2 p., color ill.

2. Agafonov A.I. *Donskie kazaki. Grud v krestah...: iz istorii pozhalovanij, nagrad i znakov otlichiya donsogo kazachestva, XVI – nachalo XX vv.* [Don Cossacks. Chest in Crosses.... From the History of Awards and Insignia of the Don Cossacks, 16th – Early 20th Centuries]. Rostov-on-Don, Omega Publisher, 2012. 461, 2 p., ill., portr., color ill., portr.

3. Bondareva N.A. *Don i Peterburgskaya Akademiya hudozhestv* [Don and the Saint Petersburg Academy of Arts]. *Vozrozhdenie kazachestva: istoriya i sovremennost* [The Revival of the Cossacks: History and Modernity]. Novoчеркасск, Novoчеркас. gos. tekhn. un-t, 1995, pp. 127–131.

War of 1812 and the Foreign Campaigns of the Russian Army of 1813–1814]. Rostov-on-Don, Ros. gos. voen.-ist. arhiv i dr., 2012. 736, 15 p., 141. ill.

14. Kalinin S.E. *Donskoe kazachye vojsko v 1812–1814 gg.* [The Don Cossack Army in 1812–1814]. Moscow, 2010. 129 p. URL: // http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kalinin_04.pdf

15. Karev A.A. Donskoj portret v ruskoj hudozhestvennoj kulture XVIII veka «Rycarskij diskurs» [Don Portrait in Russian Artistic Culture of the 18th Century “Knightly Discourse”]. *Trudy istoricheskogo fakulteta Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Proceedings of the Historical Faculty of Saint Petersburg University], 2014, no. 20, pp. 136-151.

16. Kibovskij A.B. Portrety gvardejskih kazakov (atribuciya dvuh portretov iz inostrannyh sobranij) [Portraits of Guards Cossacks (Attribution of Two Portraits from Foreign Collections)]. *Materialy VII Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki.*

Pamyatniki. Problemy». [Proceedings of the 7th All-Russian Scientific Conference “Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems”]. Borodino, Gos. Borodin. musej-zapovednik, 1999, pp. 88-97.

17. Konovalova A.A. Donskoj portret XVIII veka: usloviya vzniknoveniya i razvitiya na primere portretnoj galerei Efremovyh [Don Portrait of the 18th Century: Conditions of Origin and Development Using the Example of the Efremovs’ Portrait Gallery]. *UNIVERSUM*, 2017, May, no. 5 (39). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/4788>

18. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe. T. XVIII* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. 18]. Saint Petersburg, 1830, no. 13387, pp. 1020-1024.

19. *Sbornik diplomnyh gerbov Rossijskogo Dvoryanstva, ne vnesennyh v Obshchij Gerbovnik* [Collection of Diploma Coats of Arms of the Russian Nobility, Not Included in the General Coat of Arms], no. 73. URL: <https://gerbovnik.ru/arms/4490>

Information About the Author

Anatoly I. Agafonov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and Cultural Studies, Don State Technical University, Gagarina Sq., 1, 344000 Rostov-on-Don, Russian Federation, anatoly-agafonov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6544-8477>

Информация об авторе

Анатолий Иванович Агафонов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии, Донской государственной технической университет, пл. Гагарина, 1, 344000 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, anatoly-agafonov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6544-8477>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.20>

UDC 94:378+347.471

LBC 63.3(7Coe)-7

Submitted: 12.04.2023

Accepted: 30.08.2023

DISCUSSION ABOUT THE BOOK BY A. KUBYSHKIN “TOWN AND GOWN. THE AMERICAN UNIVERSITY IN THE STRUCTURE OF CIVIC SOCIETY”

Natalia A. Tsvetkova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Alexander A. Sergunin¹

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Alexandr L. Perevezentsev

K. Zhubanov Aktobe Regional University, Aktobe, Republic of Kazakhstan

Svetlana B. Tokareva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The new book by Alexander Kubyskin, “*Town and Gown. The American University in the Structure of Civic Society*”, continues the discussion on U.S. education. N.A. Tsvetkova notes in the essay the unique methodological approach used by the author, who combines historical studies and memoirs, that makes the book an exceptional historiographical occasion in Russian-American studies. The review notes the following important topics that this book raises for consideration: metaphorical research, questions on the national and global status of a university, the dilemma of isomorphism, educational environment architecture, and the role of travelogues in understanding US universities. A.A. Sergunin’s essay “‘Gown’ in ‘Town’ and for ‘Town’. About the Place of the American University in Society”) focuses on the part of the study where the contribution of the university to the development of the city is determined. Comparing with his own observations, the author, following A.I. Kubyskin, notes that the American University plays a multidimensional role, first of all, in the local community, especially if it performs the role of a “town-forming enterprise” in a relatively small settlement. A.L. Perevezentsev, in his essay “The American University: From Past to Future,” focuses on the evolution of the role of universities in the development of American cities, noting their economic contribution to the prosperous existence of the surrounding community. The author of the essay also draws attention to the extensive range of sources that the author of the book has accumulated over the years. The essay by S.B. Tokareva indicates the specifics of the author’s style in the book by A.I. Kubyskin. The author notes that the book is not a rigorous academic study. Being written in a doxatic, subjective modality, it represents the reflections of a well-versed and interested author who offers the reader a panoramic overview of American university life, in which a historical excursion to the origins of American higher education is combined with a lively description of its present. Special attention is paid to reflections on ways of reforming the American and Russian higher education systems. The arguments against the assessment of the reform of the Russian higher school of the late 1990s and early 2000s as a “catch-up modernization” are presented.

Key words: American university, professors, international education, comparative education, Alexander Kubyskin, university model, civil society, intellectual community.

Citation. Tsvetkova N.A., Sergunin A.A., Perevezentsev A.L., Tokareva S.B. Discussion About the Book by A. Kubyshkin “Town and Gown. The American University in the Structure of Civic Society”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 245-259. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.20>

УДК 94:378+347.471
ББК 63.3(7Coe)-7

Дата поступления статьи: 12.04.2023
Дата принятия статьи: 30.08.2023

**ДИСКУССИЯ ПО КНИГЕ А.И. КУБЫШКИНА
«ГОРОД И МАНТИЯ. АМЕРИКАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
В СТРУКТУРЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА»**

Наталья Александровна Цветкова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Александр Анатольевич Сергунин ¹

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Александр Леонидович Перевезенцев

Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, г. Актобе, Республика Казахстан

Светлана Борисовна Токарева

Волгоградский государственный университета, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Новая книга А.И. Кубышкина *«Город и Мантия. Американский университет в структуре гражданского общества»* развивает дискуссию об образовании в США. Н.А. Цветкова в своем очерке указывает на то, что автор дополняет исторические изыскания собственными впечатлениями, что делает книгу особым историографическим событием в российской американистике. Автор дискуссии обозначает следующие важнейшие темы, на размышления о которых наталкивает данная книга: метафорические исследования, проблема национального и глобального университета, дилемма изоморфизма, архитектура образовательной среды и роль травелогов в понимании университетов США. А.А. Сергунин (очерк ««Мантия» в “городе” и для “города”. О месте американского университета в обществе») акцентирует внимание на той части исследования, где определяется вклад университета в развитие города. Сравняя с собственными наблюдениями, автор, вслед за А.И. Кубышкиным, отмечает, что американский университет играет многомерную роль, прежде всего, в местном сообществе, особенно если он выполняет роль «градообразующего предприятия» в относительно небольшом населенном пункте. А.Л. Перевезенцев в очерке «Американский университет: от прошлого к будущему» концентрируется на эволюции роли университетов в развитии американских городов, отмечая их экономический вклад в благополучное существование окружающего сообщества. Автор также обращает внимание на обширный круг источников, которые годами накапливал автор книги. В очерке С.Б. Токаревой указывается специфика авторского стиля книги А.И. Кубышкина. Отмечено, что книга не является строгим академическим исследованием. Будучи написанной в доклативной, субъективной модальности, она отражает размышления хорошо ориентирующегося в теме и заинтересованного автора, предлагающего читателю панорамный обзор университетской жизни Америки, в котором исторический экскурс к истокам американского высшего образования сочетается с живым описанием его настоящего. Особое внимание обращено на размышления о направлениях и путях реформы американской и российской систем высшего образования. Приведены аргументы против оценки реформы российской высшей школы конца 1990-х – начала 2000-х гг. как «догоняющей модернизации».

Ключевые слова: американский университет, профессора, международное образование, сравнительное образование, Александр Кубышкин, модель университета, гражданское общество, интеллектуальное сообщество.

Цитирование. Цветкова Н. А., Сергунин А. А., Перевезенцев А. Л., Токарева С. Б. Дискуссия по книге А.И. Кубышкина «Город и Мантия. Американский университет в структуре гражданского общества» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 245–259. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.20>

**Национальный и глобальный
американский университет:
что объясняет книга «Город и Мантия»**

А.И. Кубышкина

(Н.А. Цветкова)

Название книги – «Город и Мантия» – указывает на принадлежность монографии к особой историографической линейке трудов по истории американских университетов, которые рассматривают университет в рамках использования метафоры «город». Здесь нельзя не упомянуть один из известных трудов С. Бринта [18], в котором объясняется использование данной метафоры для изучения университетов. Интегрирование метафорического ряда в анализ отношений «города» и «университета» позволяет читателям соединять содержание современных университетов и средневековые города в единый исторический ландшафт. Исследователи используют термин *multiversity* – понимание университета как города, который развивается за счет энергии обитателей и новых технологий. Городская среда производит многообразие, и вслед за ней университет создает бесконечный мультикультурный котел, формируя разнообразие культурных, национальных, интеллектуальных особенностей. Подобная метафорическая традиция сформировала целый слой изысканий, в которых прослеживается сравнение города и университета, понимание университета через призму городского разнообразия. Например, такие книги, как «Университет и город: от средневековых истоков до наших дней» Т. Бендера, «Город как кампус: городское строительство и высшее образование в Чикаго» Ш. Хаар, «Американский колледж-город» Б. Гампрехт и др., показывают, что историю американского высшего образования необходимо рассматривать в контексте развития общинных, колониальных, провинциальных структур, которые заложили основу национальной американской модели образования [17; 20; 23; 24]. Как город растет и становится все более сложным, так и университет повторяет историю экспансии и усложнения городской среды [27]. В этой связи метафора, заложенная в названии данной книги, не только отражает понимание истоков и особенностей американского образования, но и содер-

жит прямую отсылку к указанной когорте известных исследователей и, самое главное, укореняет подобный подход в российской американистике.

Автору удалось воссоздать историю развития *национального* американского университета. Часто в российском политическом, научном и общественном дискурсах происходит путаница между понятиями «национальная американская модель высшего образования» и «свободные искусства». Книга показывает, что национальная модель высшего образования США – это массовые колледжи, исследовательские институты, элитарные университеты, имеющие частное финансирование и влияние на внутреннюю и внешнюю политику США. Колледжи «свободных искусств» определены автором как один из типов колледжей, что справедливо [7, с. 90–105]. Продолжая дискуссию, предложенную автором, отметим, что многие исследователи истории американского образования уточняют понятие «свободные искусства» как подход к обучению или тип учебного плана. «Свободные искусства» обозначаются как критерий для понимания образовательной траектории в самых разных странах, которые копируют или имитируют модели образования США [32]. Теория институционального и образовательного *изоморфизма* объясняет, что на практике происходит не столько копирование институциональных, нормативных и других функций национальной системы образования США в других странах, сколько имитация модели, что в наибольшей степени проявляется в развитии индивидуальных траекторий обучения для студентов, в большом выборе элективов, многообразии общих курсов и прочих элементах, относящихся к практике обучения под названием «свободные искусства». Это позволяет говорить о якобы существующей модели американского образования [19]. Однако это не самая типичная модель американского национального и традиционного университета, а только один из подходов к обучению студентов, продаваемый на международной арене и существующий в ограниченном числе вузов США.

В контексте этой широкой дискуссии для понимания американизации университетов в других странах особенно интересна четвертая глава книги. Проблема американизации и

особой внешней образовательной политики США является важным аспектом в изучении истории образования США, которое всегда было интернациональным и направленным на другие страны. В книге представлен анализ особенностей американского образования, которые были перенесены или сейчас трансплантируются в университеты самых различных стран. И здесь снова встает вопрос о концепции изоморфизма. Зарубежные вузы, которые копируют американские модели, являются репликой американских университетов или только имитируют отдельные элементы для реализации коммерческих задач? Этот вопрос не обсуждается напрямую в книге, но автор предоставляет разнообразие фактов и статистики, что позволяет исследователям начать дискуссию о том, какие элементы американского образования попадают на мировой рынок и насколько они отражают провинциальную, национальную и традиционную Америку, а не являются компонентом внешнеполитических усилий США [8]. Монография создает основу для объективной и научной экспертизы по американизации образовательных систем в зарубежных странах, а также для понимания сути национального образования в США. Российская американистика изучает американский университет в преломлении различных реформ в других странах, но произвела на свет совсем немного публикаций о чертах традиционного американского университета [13; 34]. Данная книга имеет огромное значение в современном международном политическом контексте и в части активизации образовательной политики России [30].

Уникальным подходом автора является внимание к архитектуре и дизайну университетского кампуса. Научное направление под названием «педагогическая архитектура» уже представлено серией работ о том, как университетское пространство или устройство библиотеки оказывает влияние на образовательный процесс и успехи студентов [33]. Автор задает свой стиль описания подобного вопроса [7, с. 65–70], но, на наш взгляд, в пассажах не всегда хватает объема и системности изложения. Однако книга заложила основы для развития этого направления в российской американистике, а будущие исследователи продолжат изыскания в дискурсе основных ра-

бот по данной теме, таких как книги «Архитектура кампуса: строительство в рощах академии» Р. Добера, «Формирование идей: архитектура Университета Чикаго» Дж. Придмор и др. [21; 31].

Данная монография – это сочетание глубокого исторического анализа и травелогов при строгом соблюдении научной методологии. Книга содержит разнообразие подходов и жанров, но при этом не выглядит эклектичной. На основании собственного опыта автор повествует о карьерных перипетиях и жизненных путях университетской корпорации [7, с. 190–206]. Ему удалось показать особенности жизни американского профессора, которые не смоделированы в зарубежных странах. К ним относятся финансовые вопросы, академическая свобода, разграничение часов преподавания и научной работы и т. д. Травелог и мемуары российских ученых и преподавателей в скором будущем станут новым массовым трендом в понимании взаимодействия между американскими университетами и Россией. Книга А.И. Кубышкина предвосхищает развитие данного научного направления и закладывает стилистику написания подобных текстов.

В заключение отметим, что монография является частью глобальной историографии, которая поднимает вопросы истории американского университета с точки зрения разнообразия и уникальной среды на основе метафоры «города». Данное научное направление связывает традиции университетского образования в самых разных странах. Подобный подход впервые в развернутом виде представлен в российской науке, что делает данную монографию фундаментальной и позволяет характеризовать ее как знаковое историографическое событие. Более того, автор закладывает основу нового научного направления, которое, возможно, вскоре станет активно развиваться в российской американистике, истории, политической науке и культурологии, – травелог и мемуары о жизни российских студентов и ученых в американских университетах. Наконец, дискуссия о месте образовательных учреждений или моделей учебного плана под названием «свободные искусства» также является важнейшим компонентом дальнейших изысканий.

«Мантия» в «городе» и для «города».
О месте американского университета
в обществе

(А.А. Сергунин)

Перед нами – уникальнейшая книга, плод многолетних исследований известного отечественного американиста, профессора СПбГУ Александра Ивановича Кубышкина. Этот труд (а по-другому его никак иначе назвать нельзя, ибо за данной книгой стоит поистине титанический труд российского исследователя) – не обычная научная публикация, принадлежащая перу кабинетного ученого, привыкшего создавать свои работы, не отходя от домашнего компьютера, соединенного с Интернетом, или, в лучшем случае, в тиши библиотечных залов. Автор этой книги буквально «исколесил» всю Америку с севера на юг и с востока на запад, посетив более 100 различных университетов и колледжей. В некоторых из них А.И. Кубышкин работал подолгу и сохранил с ними долгосрочные партнерские связи. Это как раз тот случай, когда автор очень хорошо знает, о чем пишет.

В книге явно просматриваются два крупных смысловых «блока», на изучение которых и направлены исследовательские усилия автора. Первый из них – это история становления и развития американской университетской системы, проблемы с ее внутренней организацией как в содержательном плане (наполнение образовательных программ, которые должны соответствовать потребностям общества; открытие новых образовательных программ; внедрение инновационных методов обучения и технологий и пр.), так и в плане выработки стратегий университетского развития; решения финансовых проблем, которые сопровождают вузовскую систему США на протяжении всей ее истории; «отладки» междрасовых, межэтнических и межконфессиональных отношений и пр.

Второй блок обсуждаемых в книге проблем – роль университета («мантии») не только в условном «городе» или местном сообществе, но и в американском обществе в целом. Именно на обсуждении этого «блока» мне и хотелось бы сконцентрироваться.

Как убедительно доказывает автор, американский университет играет многомерную

роль, прежде всего, в местном сообществе, особенно если он выполняет роль «градообразующего предприятия» в относительно небольшом населенном пункте. К слову, многие, даже самые престижные университеты типа Йельского, Принстонского, Корнельского и пр., расположены в небольших городках и являются, по сути дела, основными работодателями для местного населения.

Например, население города Нью-Хейвен, штат Коннектикут, где расположен Йельский университет, в 2022 г. составляло 135 081 человек [28]. При этом в самом университете обучались 15 184 студента разного уровня. В штате вуза числились 5 259 преподавателей и 10 891 вспомогательный работник, имеющие разную квалификацию [16]. То есть в том или ином качестве в Йельском университете были заняты 31 334 человека, или 23,2 % (примерно четверть населения города). Так как у большинства преподавателей и административно-вспомогательного персонала (а также у части студентов) есть семьи, «зависимость» города от университета на самом деле еще выше. В городе нет крупных производственных предприятий. Вторым после Йельского университета работодателем является городская госпиталь. Неудивительно, что 56 % экономики Нью-Хейвена составляют две сферы услуг – образование и здравоохранение [29].

В случае с Корнельским университетом его значимость как градообразующего предприятия еще более ярко выражена. В нем насчитывается 25 898 студентов и 2 864 преподавателя, то есть общая численность обитателей университетского кампуса – 28 762 человек [15]. Официальное же население города, не считая студентов и сотрудников университета, – 31 442 человека [26]. Другими словами, население кампуса и города практически равны.

Помимо того, что многие американские университеты являются центром экономической активности местного сообщества, они выполняют и ряд других важнейших общественных функций. Так, начиная со времен администрации Билла Клинтона, внедрившего концепцию «непрерывного образования» (life-long learning), многие университеты ввели специальные профориентационные курсы

для старшеклассников с тем, чтобы они имели лучшее представление об университете, куда им, возможно, предстоит поступать. Во многих из них были организованы что-то вроде курсов повышения квалификации для представителей разных профессий, находящихся на ранней и средней ступенях своей профессиональной карьеры. Наконец, для лиц пенсионного возраста также организованы различного рода курсы и тренинги (как правило, в вечернее время) по интересующим их направлениям. Не останавливается бурная университетская жизнь и в летнее, казалось бы отпускное, время. К услугам желающих – многочисленные летние школы, способные удовлетворить любые, самые необычные запросы слушателей. Публичные лекции, читаемые лучшими профессорами и доцентами университета и рассчитанные не столько на коллег или собственных студентов, сколько на широкую публику из «города», стали общепринятой практикой.

Большинство университетов давно превратились в общинные центры культуры и досуга. Дело в том, что в городках, где расположены многие американские университеты, нет других театров, филармоний, выставочных залов, музеев, кроме тех, что есть в вузах. Часто кроме университетов некому организовать культурно-массовые мероприятия для горожан, которые они с удовольствием посещают в надежде не просто приятно провести время, но и повстречать новых людей, завести новые знакомства, узнать что-то новое. Например, Университет Аляски в г. Фэрбанкс, где мне пришлось работать по программе Фулбрайта, примерно раз в месяц устраивал для всего города вечера различных национальных культур, опираясь на те студенческие диаспоры, которые имелись в университете. Мне запомнились индийский и китайский вечера, а также театральное представление о танцевальных ритуалах коренных народов Аляски. Большая часть посетителей были горожане, причем приходившие на эти мероприятия со своими детьми.

Картина была бы неполной, если не упомянуть, что многие американские университеты – это не только центры местной общинной жизни, но и «окно» во внешний мир. Большинство американских вузов принимает са-

мое активнейшее участие в международном образовательном и научном сотрудничестве. Например, в том же Йельском университете обучаются студенты из 119 стран, а иностранцы составляют 22 % всего студенческого контингента вуза [16].

Что касается международного научного сотрудничества, упомяну лишь в качестве примера так называемую арктическую научную дипломатию, в которой активно задействован ряд американских университетов. Так, Университет Дж. Вашингтона с 2012 г. реализует уже третий международный проект об устойчивом развитии арктических городов. В этих проектах принимали участие представители практически всех 8 арктических государств, невзирая на общее ухудшение отношений между «коллективным Западом» и Россией. В рамках этих проектов были получены весьма значимые научные результаты, опубликованные в том числе и в виде коллективных монографий [37; 38]. Помимо арктической урбанистики, университет руководит рядом международных проектов по изучению состояния вечной мерзлоты в разных регионах Арктики, а также проблем, связанных с коренными народами Севера.

Подводя итоги сказанному, отмечу, что профессор А.И. Кубышкин затронул настолько важный пласт проблем, который еще долго будет давать пищу для размышления отечественным ученым. Ведь любой человек, прочитавший данную книгу, не может не задуматься: а что же мы? Неужели мы хуже наших заокеанских коллег? Что из их опыта приемлемо, а что неприемлемо для нас? Что можно сделать для того, чтобы превратить наши университеты в драйверы социально-экономического и технологического роста страны и вместе с тем сделать их привлекательными для «города», то есть для местных сообществ?

**Американский университет:
от прошлого к будущему**
(А.Л. Перевезенцев)

Уважаемый читатель, знаете ли вы, что в Соединенных Штатах среди иммигрантов-пуритан из Англии к середине XVII в. в среднем на каждые 40 семей приходился один выпускник Оксфорда или Кембриджа? Или

что первый президент Гарварда Н. Итон был убежденным сторонником палочной дисциплины и зачастую сам гонялся за провинившимися студентами с увесистой тростью в руке? И что многие современные американские профессора имеют не только публикации в престижных научных журналах, но и... собственные огороды? Или тот поразительный факт, что в открывшемся в 1701 г. Йельском университете (в то время – колледже) в первый год его существования был зачислен всего 1 студент, а через два года их стало 20, причем все студенты занимались и жили в доме ректора (и единственного преподавателя) А. Пирсона? [7, с. 25, 26].

Эти и многие другие интересные факты содержатся в недавно изданной книге профессора СПбГУ Александра Ивановича Кубышкина «Город и Мантня. Американский университет в структуре гражданского общества» [7].

Очень трудно написать объективную рецензию на книгу коллеги, который, с одной стороны, является авторитетным ученым-американистом, выдающимся профессионалом и прекрасным рассказчиком, а с другой – замечательным другом, очень близким тебе по духу, но придется постараться...

Книга – долгожданное и радостное событие, которого пришлось ждать несколько лет. Очень отрадно, что оно все-таки свершилось, и большое спасибо за это Российскому государственному педагогическому университету им. А.И. Герцена и лично научному редактору монографии – кандидату исторических наук, доценту В.М. Монахову, написавшему, кстати, к ней солидное предисловие [7, с. 7–9].

Вместе с тем содержание монографии, суждения и выводы профессора А.И. Кубышкина созвучны многим мыслям автора этих строк, которому посчастливилось в качестве финалиста американских образовательных и научных программ JFDP (Программа усовершенствования молодых преподавателей) и дважды «Fulbright Research Program» (Исследовательская программа «Фулбрайт») провести три академических года в различных университетах США – Fairfield University, Connecticut (1999–2000), Stanford University, California (2003–2004) и University of Iowa, Iowa (2012–2013). Приобретенный личный опыт позволяет полностью согласиться с выводами

профессора Кубышкина о важнейшей роли, которую играют американские университеты, институты и колледжи в структуре современного общества – от локального уровня до масштабов всей страны. Действительно, каждое высшее учебное заведение в Соединенных Штатах имеет огромное значение для локального «комьюнити» в качестве культурного, медицинского и прочих центров. Поразительно, но практически в каждом американском университете по два театра, один из которых – для крупных сценических постановок (спектаклей, мюзиклов и т. п.), а второй – для «малых форм» (поэтических чтений, бардовских концертов и др.). И горожане с удовольствием пользуются этими возможностями для приобщения к разным формам культуры. При многих университетах и колледжах есть медицинские центры, также открытые для локальных резидентов: здесь можно, к примеру, пройти обследование, получить консультацию специалиста... И это «содружество» и взаимопомощь города и университета в США – абсолютно естественно и взаимовыгодно. Местным жителям, как известно, дается хорошая скидка на обучение, что немаловажно в современных условиях, когда американские родители начинают «копить на колледж» для своих детей буквально с момента их рождения.

Каждая рассказанная история интересна слушателю (в данном случае читателю) прежде всего деталями, необычными фактами, подробностями. В рецензируемом издании очень много любопытных статистических данных. К примеру, тот факт, что в США 254 колледжа «свободных искусств» и что более 200 городов тесно связаны с расположенными в них колледжами (так называемые «College town») [7, с. 22]. В США очень высокая конкуренция в академической среде. Так, в 1995 г. только 27 % выпускников, удостоенных докторской степени в Гарварде, смогли получить преподавательские позиции [7, с. 156–157]. Поскольку уровень расходов у современных студентов постоянно растет, приходится подрабатывать 82 % студентов американских колледжей, причем треть из них работает на полную ставку. В 1980-х гг., к примеру, подрабатывали лишь 12 % студентов [7, с. 175]. И подобных примеров – многие десятки, если не сотни...

Автор, анализируя особенности создания национальной модели американского университета, подробно рассматривает историю становления и развития университетского образования в США, изменения в гендерном, этническом и расовом составе студентов, но при этом главной целью исследования является показ роли и значения университетов в структуре современного американского общества, его, как указано в названии одной из глав работы, «общественной функции».

Действительно, в наше время американские университеты зачастую играют, как у нас принято говорить, «градообразующую роль» в тех городах, где они расположены. Так, общеизвестно, что бывшая «автомобильная столица» США – город Детройт – ныне является городом-банкротом и влачит жалкое существование: администрации когда-то большого и процветающего мегаполиса (в котором до сих пор как отголоски прошлого существуют некогда знаменитые команды НХЛ и НБА) сегодня нечем платить полицейским, пожарным и уборщикам мусора...

Совсем по-другому обстоит ситуация в расположенном неподалеку, примерно в 60 километрах, городе Энн-Арбор, в университете которого (University of Michigan, Ann Arbor) учатся свыше 48 тыс. студентов из 114 стран мира. В этом университете работают 6,77 тыс. преподавателей. Эндаумент составляет 17 млрд долларов [35]. Население города Энн-Арбор – около 120 тыс. человек, то есть треть населения – это студенты и преподаватели находящегося в нем университета. А сколько горожан трудоустроены на кампусе университета, работая садовниками, уборщиками, охранниками, продавцами и т. п.? Благодаря университету и город существует достаточно неплохо, о чем говорит устойчивый рост численности его населения.

Похожая статистика в городе Айова Сити, в котором проживают около 70 тысяч жителей. В этом городе расположен кампус University of Iowa с 27 тыс. студентов и 2,5 тыс. преподавателей. То есть почти каждый третий в городе – студент или профессор местного университета. Рядом с университетскими корпусами выстроены торговые центры, фуд-корты, кафе, бары, книжные магазины

и т. п., что приносит в городской бюджет стабильный доход.

Еще один пример. Город Питтсбург в штате Пенсильвания еще сто лет назад считался одним из главных промышленных центров страны, его называли «городом стали» (в конце XIX в. Э. Карнеги основал здесь свою сталелитейную компанию – на тот момент крупнейшую в Соединенных Штатах) [22]. Его население в эпоху расцвета превышало полмиллиона человек, в наше время сократившись до 300 тысяч. Теперь же его заводы и фабрики закрыты, а основной доход городу приносит Питтсбургский университет (183-е место в мире по рейтингу QS, эндаумент – 5,7 млрд долларов), в котором учатся свыше 28 тыс. студентов [36].

Безусловно, следует отметить широчайшие хронологические рамки рецензируемого исследования – от колониального периода до «эпохи Трампа», включая анализ тенденций в академической жизни последних лет, связанных с пандемией COVID-19 [7, с. 251–252]. Ученые-американцы, в руки которых попадет книга профессора А.И. Кубышкина, будут приятно удивлены количеством и качеством использованных автором источников – от законодательных актов и других документов исполнительной власти до монографий, статей, статистических справочников, а также документов личного происхождения, включая мемуары, письма и дневники... Любителям статистики можно найти сведения о самых разных сторонах академической сферы и американского социума, как, например, совершенно потрясающую таблицу «Уровень занятости и доходов выпускников университетов США по специальностям» [7, с. 176–178].

К числу безусловных достоинств данного издания можно смело отнести включенный автором в его текст цикл писем, отправленных друзьям и коллегам из Гринелла – места нахождения колледжа, в котором А.И. Кубышкин стажировался весной 2018 г. в качестве приглашенного профессора. Помню, как ждал этих писем и с удовольствием зачитывал наиболее яркие фрагменты из них своим студентам специальности «Регионоведение». Гринелл расположен в самом центре штата Айова, в котором автору этих строк, как отмечалось выше, довелось провести замеча-

тельный академический год – всего несколькими годами ранее, чем профессор Кубышкин. Это самый центр Северо-Американского континента, настоящее «сердце страны», как говорят американцы. «Я – сын Айовы. И горд тем, что родился здесь...» – писал о малой родине в книге о своем детстве 31-й президент США Герберт Гувер [25, р. 33]. Теперь в городке Вест Бранч, в котором родился будущий президент, существует прекрасный научный и культурный центр – Гуверовская президентская библиотека и музей, ставший одной из главных достопримечательностей штата.

Перечень достоинств рецензируемого издания столь велик, что даже краткое их перечисление будет невозможным из-за ограниченности объема данной публикации. Так, к различным разделам работы подобраны замечательные эпиграфы, как, например, во введении, где автор приводит крылатую фразу выдающегося писателя В.П. Аксенова: «Лучшее, что есть в Америке, – это ее университеты» [7, с. 16].

Пожалуй, единственное, чего не хватает в данной монографии, так это визуализации представленных в ней образов – фотографий выдающихся деятелей американского высшего образования, кампусов знаменитых и не очень университетов, хотя бы тех, в которых побывал с лекциями и в ходе научных стажировок сам автор. Также хотелось бы, чтобы книга «прибавила» в объеме. Наверняка в запасе у профессора А.И. Кубышкина осталось множество нерассказанных интересных историй и занимательных фактов.

Выходом из этой ситуации могла бы стать публикация второго, дополненного издания рецензируемой монографии – естественно, с иллюстрациями и приложениями, которые только украсили бы этот важный для отечественной науки труд.

В заключение хотелось бы обратить внимание на еще одно обстоятельство. Поскольку Александр Иванович собирал материалы для своей монографии на протяжении долгого времени, а затем книга еще какое-то время готовилась к изданию, некоторые статистические данные за это время несколько утратили актуальность – особенно в вопросах о (быстро и значительно растущей) стоимости

за обучение (tuition fee), количестве обучающихся в США иностранных студентов и т. п. Переиздание монографии А.И. Кубышкина позволило бы «обновить» эти данные, а фотографии – сделать книгу еще ярче и интереснее. Так что ждем второго издания, уважаемый автор!

Реформирование образования

(С.Б. Токарева)

Монография известного российского историка Александра Ивановича Кубышкина «Город и Мантия. Американский университет в структуре гражданского общества» вводит читателя в мир университетской Америки. По характеру затрагиваемых проблем и стилю изложения книга не является строгим академическим исследованием; она написана в докситической², субъективной модальности и отражает размышления хорошо ориентирующегося в теме и заинтересованного автора, предлагающего читателю панорамный обзор университетской жизни Америки, в котором исторический экскурс к истокам американского высшего образования сочетается с живым описанием его настоящего. Образные заголовки, включенные в текст фрагменты писем периода работы автора в колледже «свободных искусств» города Гринелла, наполненные впечатлениями «по свежим следам», создают атмосферу доверительного рассказа, читаемого с большим интересом. Архивные материалы, множество фактов и эмпирических данных иллюстрируют авторские размышления. При этом приводимая статистика, взятая из разных источников, редко выдержана в единых хронологических интервалах наблюдений и не может служить основанием для строгих научных обобщений и установления корреляционных связей. Это требует от читателя сохранять критичность в отношении содержащихся в книге фактов, выводов и оценок. Типичный пример: на с. 75 автор при сравнении характера и целей американской и российской моделей университетского образования зачем-то приводит данные не связанного с этими моделями рейтинга стран по «индексу человеческого потенциала», и только за 2008 г., очевидно стремясь подчеркнуть существенный разрыв между США

(3-е место в рейтинге) и Россией (71-е место). При этом, однако, не упоминается и не комментируется дальнейшая динамика соотношения этих позиций: в 2020 г. США занимали в этом рейтинге³ 16-е место, а Российская Федерация – 49-е; в 2021 г. – 21-е и 53-е места соответственно.

При описании становления и развития сферы высшего образования в США удачно использованы флористические (растительные) метафоры; они являются не просто художественным приемом, но выполняют функцию концептуальных метафор. Так, в названиях глав 1 и 3 присутствуют лексемы «корни», «ветви», «розы», «тернии», что подчеркивает органический характер становления университетской культуры в Америке. В описании динамики численности колледжей автор также применяет витальные метафоры и фреймы, связанные с жизнью и смертью: «уровень смертности колледжей в США в XIX в. был чрезвычайно высок» [7, с. 34]; колледжи, не сумевшие обеспечить городу возможность «развиваться и процветать», «прекращают свое существование» [7, с. 34]. Таким образом, система университетского образования США предстает как дерево, вырастающее в благоприятной почве из занесенного культурой Старого Света семени и нуждающееся в дальнейшей селекции и культивировании посредством многочисленных реформ. Американский университет описывается не как косная институция, детерминированная абстрактными «факторами», а как живой организм, подчиняющийся естественному и искусственному отбору и характеризующийся «высокой степенью адаптивности» [7, с. 141].

Несколько диссонирует с удачно используемыми витальными метафорами высокая частотность употребления применительно к системе американских университетов лексемы «кризис» и ее производных (более 35 раз). Один из подпунктов главы 3 называется «Кризис современного американского университета» [7, с. 139], однако и в нем, и в других случаях речь скорее идет о противоречиях, присущих университету как органической системе; эти противоречия не угрожают существованию университета как институции, но, напротив, выступают источником его развития. К этому выводу приходит и автор: подводя

итог всей работы, он пишет, что «американский университет как особая институциональная парадигма находится в перманентном кризисе, то есть в непрерывном поиске путей для своего обновления» [7, с. 248].

Хотя отдельные проблемы, важные для США, не характерны для других национальных систем образования (например, проблема десегрегации американского высшего образования, усилия по решению которой вызвали в 1970-е гг. волну «обратной сегрегации»), бесспорно, что многие тенденции, появившиеся на американском континенте, были экстраполированы затем на другие образовательные системы. Так, эмансипационные концепты мультикультурализма и политкорректности пустили корни в университетской среде европейских стран, поэтому утверждение о том, что, «сыграв предназначенную роль, определенно идет на убыль политкорректность» [7, с. 129], выглядит не очень убедительно.

Для российского читателя книга представляет двоякий интерес. С одной стороны, она является ценным источником наблюдений и сведений о многообразных сторонах университетской жизни Америки; особого внимания заслуживает тема взаимодействия университета с гражданским обществом и сообществами интеллектуалов, занимающая в книге центральное место.

С другой стороны, обращение к монографии А.И. Кубышкина будет полезным в контексте размышлений об инициированной российским правительством в конце 1990-х гг. реформе высшего образования и о перспективах его дальнейшего развития. Эта тема в монографии не обойдена стороной, однако ее проблематизация сведена к стереотипным вопросам: насколько совместимы российская и американская университетские модели и что может позаимствовать отечественная система высшего образования из западного опыта? [7, с. 12] На эти вопросы автор дает ожидаемые ответы: с одной стороны, он считает ошибкой игнорирование опыта зарубежной высшей школы, с другой – предостерегает от его слепого копирования и механического перенесения на российскую почву без учета национальных традиций, специфики экономической, политической, социокультурной среды, а также особенностей ментальности [7, с. 14].

Не отрицая внешних успехов реформы российской высшей школы (роста числа публикаций, улучшения позиций отечественных университетов в международных рейтингах [7, с. 248]), А.И. Кубышкин в целом невысоко оценивает итоги реорганизации российского образования, указывая на ее формальный и имитационный характер. По его мнению, возникший «причудливый симбиоз советского вуза и отдельных компонентов современной образовательной модели» оказался отягощен рядом серьезных пороков – бюрократизацией учебного процесса, коррупцией, уравниловкой, распространением в студенческой среде плагиата и списывания [7, с. 167–168].

При этом реформа российской высшей школы конца 1990-х – 2000-х гг. описывается в монографии в духе «догоняющей модернизации»; автор прямо указывает, что она во многом повторяет американскую университетскую реформу 1970–1980-х гг. [7, с. 82]. С этим, однако, нельзя согласиться. По нашему мнению, реформирование российского образования в указанный период как раз не носило характера догоняющей модернизации и двигалось по иной траектории, заданной не конкуренцией между университетскими моделями, а процессом создания единого европейского пространства высшего образования, призванного потеснить американскую систему на мировом рынке образовательных услуг. Этот процесс занял больше 30 лет – от начала сближения образовательных национальных систем в 1960-е гг. до конца 1990-х гг., когда были определены и прописаны в ряде конвенций и деклараций (Лиссабонской, Сорбоннской и Болонской) условия европейской интеграции [3; 5; 11]. Активная фаза реформирования российского образования начинается как раз в этот период [6].

В 2003 г. Россия включилась в Болонский процесс не в качестве аутсайдера, а с намерением побороться за свою долю международного образовательного рынка. Расчет был на конкурентные преимущества отечественной высшей школы, которые на протяжении многих лет обеспечивали Советскому Союзу устойчивое место в тройке стран – лидеров международного образования [2, с. 43]. Поэтому при вхождении во Всемирную торговую организацию (далее – ВТО) Россия на-

стояла на ужесточенном режиме доступа на свой образовательный рынок и в сферу научно-исследовательской деятельности для иностранных поставщиков услуг (и оставила за собой право в дальнейшем вводить любые ограничения для иностранцев) [12, с. 661].

В том, что надежды России стать полноправным участником передела международного рынка образовательных услуг не оправдались [1], решающую роль сыграл раскол между политической элитой, гражданским обществом и академическим сообществом, спровоцировавший саботаж реформы. В общественном мнении и в вузовской среде закрепились негативная оценка подписания Болонской декларации как принудительного и невыгодного для России условия вхождения в ВТО [12, с. 661]. Интеллектуальная элита разделилась на поддерживающее реформу меньшинство, убежденное, что рекомендации Болонского соглашения отражают необходимые российской высшей школе изменения, и многочисленных противников реформы, видящих в ней разрушение советской системы образования и культурную катастрофу. При этом представители обеих точек зрения оказались солидарны в оценке вводимых новаций как чужеродных и имеющих мало шансов прижиться в отечественной высшей школе.

В результате вместо разработки собственных идейных, исторических и методологических оснований, фундамирующих проводимую реформу, преподавательское и академическое сообщество, средства массовой информации сосредоточились на полемике вокруг возможности / необходимости перенесения западной модели образования на российскую почву. Был упущен исторический шанс масштабировать перспективные отечественные разработки, которыми междисциплинарные сообщества энтузиастов-методологов (философов, психологов, педагогов, социологов) занимались начиная с 1960-х годов. Они касались изучения когнитивных оснований творчества, развития интеллекта, формирования критического мышления и навыков проектной деятельности и соответствовали передовым идеям и тенденциям технологизации образования [4; 9; 10; 14]. При этом в отличие от новейших западных теорий, выдвигающих в качестве исклю-

чительного условия формирования творческой личности персонализацию и автономизацию субъекта, эти разработки продолжали традиции отечественного образования и опирались на убедительные доказательства положительного влияния кооперации и коллективной работы обучающихся на развитие деятельности и обеспечивающих ее мыслительных структур.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-28-20276 и гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 14.04.2022 г. № 38/2022.

The research is supported by the Russian Research Fund № 22-28-20276 and by Saint-Petersburg Research Fund according to the agreement № 38/2022 signed 14.04.2022.

² От δόξα (древнегреч.) – «мнение, убеждение».

³ С 2013 г. рейтинг «индекса человеческого потенциала» называется рейтингом «индекса человеческого развития».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алабян С. С., Морозенкова О. В. Россия в международной торговле услугами // Российский внешнеэкономический вестник. 2013. № 10. С. 19–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-v-mezhdunarodnoy-torgovle-uslugami>
2. Арэфьев А. Л. Состояние и перспективы экспорта российского образования. М.: РУДН, 2010. 109 с.
3. Болонская декларация. Зона европейского высшего образования. Совместное заявление европейских министров образования (г. Болонья, 19 июня 1999 года). URL: https://www.msmsu.ru/userdata/manual/images/fac/ped_obr/Bolonskaja_deklaracija.pdf
4. Громько Ю. В. Проектное сознание: Руководство по программированию и проектированию в образовании для систем стратегического управления. М.: Ин-т учеб. Paideia, 1997. 560 с.
5. Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе (Лиссабон, 11 апреля 1997 года). URL: <https://rm.coe.int/168007f2f5>
6. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. URL: <https://base.garant.ru/1588306/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>
7. Кубышкин А. И. Город и Мантия. Американский университет в структуре гражданского общества: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 280 с.
8. Кубышкин А. И. Непересекающиеся прямые, или Как американская модель университета работает в Китае, но не работает в России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 2. С. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.14>
9. Ладенко И. С., Семенов И. Н., Советов А. В. Рефлексивная организация проектировочного мышления: препринт. Новосибирск: Изд-во Ин-та истории, филологии и философии АН СССР, Сиб. отд-ние, 1990. 61 с.
10. Ладенко И. С., Семенов И. Н., Степанов С. Ю. Формирование творческого мышления и культивирование рефлексии: препринт. Новосибирск: Изд-во Ин-та истории, филологии и философии АН СССР, Сиб. отд-ние, 1990. 65 с.
11. Сорбоннская декларация. Совместная Декларация по гармонизации архитектуры европейской системы высшего образования Министров образования Франции, Италии, Германии и Великобритании (Париж, Сорбонна, 25 мая 1998 года). URL: [https://iqa.kz/images/doc/Bologna/Сорбоннская%20декларация%20\(1998\).pdf](https://iqa.kz/images/doc/Bologna/Сорбоннская%20декларация%20(1998).pdf)
12. Токарева С. Б. Траектории развития образования: от 1960-х к 2000-м // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 25, № 4. С. 656–667. DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-4-656-667
13. Цветкова Н. А., Цветков И. А. Страх как фактор политики США и СССР в университетах Гватемалы и Кубы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 2. С. 170–184. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.12>
14. Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005. 798 с.
15. About Cornell. URL: <https://www.cornell.edu/about/>
16. About Yale. URL: <https://www.yale.edu/about-yale/yale-facts>
17. Bender Th. The University and the City: From Medieval Origins to the Present. Oxford: Oxford University Press, 1988. 316 p.
18. Brint S. The Future of the City of Intellect: The Changing American University. Stanford: Stanford University Press, 2001. 384 p.
19. DiMaggio P. J., Powell W. W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // American Sociological Review. 1983. Vol. 48, № 2. P. 147–160.

20. Diner S. J. *Universities and Their Cities: Urban Higher Education in America*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2017. 192 p.
21. Dober R. P. *Campus Architecture: Building in the Groves of Academe*. N. Y.: McGraw-Hill, 1996. 258 p.
22. Encyclopedia "Britannica". URL: <https://www.britannica.com/biography/Andrew-Carnegie>
23. Gumprecht B. *The American College Town*. Amherst: University of Massachusetts Press, 2008. 438 p.
24. Haar Sh. *The City as Campus: Urbanism and Higher Education in Chicago*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2011. 280 p.
25. Hoover H. *A Boyhood in Iowa*. N. Y.: Aventine Press, 1931. 49 p.
26. Ithaca, New York Population 2023. URL: <https://worldpopulationreview.com/us-cities/ithaca-population>
27. Kerr C. *The Uses of the University*. Cambridge: Harvard University Press, 2001. 288 p.
28. New Haven, Connecticut Population History 1840–2021. URL: <https://www.biggestuscities.com/city/new-haven-connecticut#:~:text=Based%20on%20the%20latest%202022,of%20New%20Haven%20is%20135%2C081>
29. New Haven: Economy. URL: <https://www.city-data.com/us-cities/The-Northeast/New-Haven-Economy.html>
30. Nikolaeva Ju. *Russia and France: Features of Cultural Dialogue at the Beginning of the 21st Century* // *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2022. Vol. 15, № 1. P. 105–120.
31. Pridmore J., Rossiter T. *Building Ideas: An Architectural Guide to the University of Chicago*. Chicago: University of Chicago Press, 2013. 224 p.
32. Puriton T., Skaggs J. *American Universities Abroad: The Leadership of Independent Transnational Higher Education Institutions*. Cairo; N. Y.: The AUC Press, 2017. 324 p.
33. Strange C. C., Banning J. H. *Designing for Learning: Creating Campus Environments for Student Success*. [S. l.]: John Wiley & Sons, 2011. 368 p.
34. Tsvetkova N. *Americanisation, Sovietisation, and Resistance at Kabul University: Limits of the Educational Reforms* // *History of Education*. 2017. Vol. 46, № 3. P. 343–365.
35. University of Michigan: official web-site. URL: <https://www.umich.edu/>
36. University of Pittsburg: official web-site. URL: https://www.unipage.net/ru/635/university_of_pittsburgh
37. *Urban Sustainability in the Arctic. Measuring Progress in Circumpolar Cities* / ed. by R. W. Orttung. N. Y.; Oxford: Berghahn Books, 2020. 310 p.
38. *Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges* / ed. by R. W. Orttung. Washington: The George Washington University Press, 2017. 496 p.

REFERENCES

1. Alabyan S.S., Morozenkova O.V. *Rossiya v mezhdunarodnoj trgovle uslugami [Russia and International Trade in Services]*. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik [Russian Foreign Economic Journal]*, 2013, no. 10, pp. 19–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-v-mezhdunarodnoy-torgovle-uslugami>
2. Arefyev A.L. *Sostoyanie i perspektivy eksporta rossijskogo obrazovaniya [The State and Prospects of the Export of Russian Education]*. Moscow, RUDN, 2010. 109 p.
3. *Bolonskaya deklaraciya. Zona evropejskogo vysshego obrazovaniya. Sovmestnoe zayavlenie evropejskikh ministrov obrazovaniya (g. Bolonya, 19 iyunya 1999 goda) [The Zone of European Higher Education. Joint Statement of the European Ministers of Education (Bologna, June 19, 1999)]*. URL: https://www.msmsu.ru/userdata/manual/images/fac/ped_obr/Bolonskaja_deklaracija.pdf
4. Gromyko Yu.V. *Proektnoe soznanie: Rukovodstvo po programmirovaniyu i proektirovaniyu v obrazovanii dlya sistem strategicheskogo upravleniya [Project Consciousness: A Guide to Programming and Design in Education for Strategic Management Systems]*. Moscow, In-t ucheb. Paideia, 1997. 560 p.
5. *Konvenciya o priznanii kvalifikacij, odnosyashixsya k vysshemu obrazovaniyu v evropejskom regione (Lissabon, 11 aprelya 1997 goda) [Convention on the Recognition of Qualifications Related to Higher Education in the European Region (Lisbon, April 11, 1997)]*. URL: <https://rm.coe.int/168007f2f5>
6. *Koncepciya modernizacii rossijskogo obrazovaniya na period do 2010 goda [The Concept of Modernization of Russian Education for the Period up to 2010]*. URL: <https://base.garant.ru/1588306/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>
7. Kubyshkin A.I. *Gorod i Mantiya. Americanskii universitet v structure grazhdanskogo obschestva: monografiya [Town and Gown. American University in the Structure of Civic Society. Monograph]*. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2021. 280 p.
8. Kubyshkin A.I. *Neperesekayushchiesya pryamyje, ili Kak amerikanskaya model universiteta rabotaet v Kitae, no ne rabotaet v Rossii [Disjoint Straight Lines or How the American University Model Works in China but Doesn't Work in Russia]*. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations]*, 2020, vol. 25, no. 2, pp. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.14>

9. Ladenko I.S., Semenov I.N., Sovetov A.V. *Refleksivnaya organizatsiya proektirovochnogo myshleniya: preprint* [Reflexive Organization of Design Thinking: Preprint]. Novosibirsk, Izd-vo In-ta istorii, filologii i filosofii AN SSSR, Sib. otd-nie, 1990. 61 p.
10. Ladenko I.S., Semenov I.N., Stepanov S.Yu. *Formirovanie tvorcheskogo myshleniya i kultivirovanie refleksii: preprint* [Formation of Creative Thinking and Cultivation of Reflection: Preprint]. Novosibirsk, Izd-vo In-ta istorii, filologii i filosofii AN SSSR, Sib. otd-nie, 1990. 65 p.
11. *Sorbonnskaya deklaratsiya. Sovmestnaya Deklaratsiya po garmonizatsii arkhitektury evropejskoj sistemy vysshego obrazovaniya Ministrov obrazovaniya Francii, Italii, Germanii i Velikobritanii (Parizh, Sorbonna, 25 maya 1998 goda)* [Joint Declaration on the Harmonization of the Architecture of the European Higher Education System by the Ministers of Education of France, Italy, Germany, and the United Kingdom (Paris, Sorbonne, May 25, 1998)]. URL: [https://iqa.kz/images/doc/Bologna/Sorbonnskaya%20deklaratsiya%20\(1998\).pdf](https://iqa.kz/images/doc/Bologna/Sorbonnskaya%20deklaratsiya%20(1998).pdf)
12. Tokareva S.B. Traektorii razvitiya obrazovaniya: ot 1960-kh k 2000-m [Trajectories of Educational Development: From 1960s to 2000s]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [RUDN Journal of Philosophy], 2021, vol. 25, no. 4, pp. 656-667. DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-4-656-667
13. Tsvetkova N.A., Tsvetkov I.A. Strakh kak faktor politiki SShA i SSSR v universitetakh Gvatemaly i Kuby [Fear in University Policy of the United States and the Soviet Union in Guatemala and Cuba]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 2, pp. 170-184. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.12>
14. Shhedroviczkiy G.P. *Myshlenie. Ponimanie. Refleksiya* [Mind. Understanding. Reflection]. Moscow, Nasledie MMK, 2005. 798 p.
15. *About Cornell*. URL: <https://www.cornell.edu/about/>
16. *About Yale*. URL: <https://www.yale.edu/about-yale/yale-facts>
17. Bender Th. *The University and the City: From Medieval Origins to the Present*. Oxford, Oxford University Press, 1988. 316 p.
18. Brint S. *The Future of the City of Intellect: The Changing American University*. Stanford, Stanford University Press, 2001. 384 p.
19. DiMaggio P.J., Powell W.W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*, 1983, vol. 48, no. 2, pp. 147-160.
20. Diner S.J. *Universities and Their Cities: Urban Higher Education in America*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 2017. 192 p.
21. Dober R.P. *Campus Architecture: Building in the Groves of Academe*. New York, McGraw-Hill, 1996. 258 p.
22. *Encyclopedia "Britannica"*. URL: <https://www.britannica.com/biography/Andrew-Carnegie>
23. Gumprecht B. *The American College Town*. Amherst, University of Massachusetts Press, 2008. 438 p.
24. Haar Sh. *The City as Campus: Urbanism and Higher Education in Chicago*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 2011. 280 p.
25. Hoover H. *A Boyhood in Iowa*. New York, Aventure Press, 1931. 49 p.
26. *Ithaca, New York Population 2023*. URL: <https://worldpopulationreview.com/us-cities/ithaca-n-y-population>
27. Kerr C. *The Uses of the University*. Cambridge, Harvard University Press, 2001. 288 p.
28. *New Haven, Connecticut Population History 1840–2021*. URL: <https://www.biggestuscities.com/city/new-haven-connecticut#:~:text=Based%20on%20the%20latest%202022,of%20New%20Haven%20is%20135%2C081>
29. *New Haven: Economy*. URL: <https://www.city-data.com/us-cities/The-Northeast/New-Haven-Economy.html>
30. Nikolaeva Ju. Russia and France: Features of Cultural Dialogue at the Beginning of the 21st Century. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2022, vol. 15, no. 1, pp. 105-120.
31. Pridmore J., Rossiter T. *Building Ideas: An Architectural Guide to the University of Chicago*. Chicago, University of Chicago Press, 2013. 224 p.
32. Puriton T., Skaggs J. *American Universities Abroad: The Leadership of Independent Transnational Higher Education Institutions*. Cairo, New York, The AUC Press, 2017. 324 p.
33. Strange C.C., Banning J.H. *Designing for Learning: Creating Campus Environments for Student Success*. S.I., John Wiley & Sons, 2011. 368 p.
34. Tsvetkova N. Americanisation, Sovietisation, and Resistance at Kabul University: Limits of the Educational Reforms. *History of Education*, 2017, vol. 46, no. 3, pp. 343-365.
35. *University of Michigan: Official Web-Site*. URL: <https://www.umich.edu/>
36. *University of Pittsburgh: Official Web-Site*. URL: https://www.unipage.net/ru/635/university_of_pittsburgh
37. Orttung R.W., ed. *Urban Sustainability in the Arctic. Measuring Progress in Circumpolar Cities*. New York, Oxford, Berghahn Books, 2020. 310 p.
38. Orttung R.W., ed. *Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges*. Washington, The George Washington University Press, 2017. 496 p.

Information About the Authors

Natalia A. Tsvetkova, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Head of the Department of American Studies, Saint Petersburg State University, Smolnogo St, 1/3, 191124 Saint Petersburg, Russian Federation, n.tsvetkova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0156-9069>

Alexander A. Sergunin, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Department of Theory and History of International Relations, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, a.sergunin@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4683-0611>

Alexandr L. Perevezentsev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and Religious Studies, K. Zhubanov Aktobe Regional University, Prosp. A. Moldagulovoi, 34, 030000 Aktobe, Republic of Kazakhstan, alex_perevezentsev@yahoo.com, <https://orcid.org/0009-0009-7918-4140>

Svetlana B. Tokareva, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tokareva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4274-6444>

Информация об авторах

Наталья Александровна Цветкова, доктор исторических наук, доцент, профессор, заведующая кафедрой американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, ул. Смольного, 1/3, 191124 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, n.tsvetkova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0156-9069>

Александр Анатольевич Сергунин, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7-9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, a.sergunin@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4683-0611>

Александр Леонидович Перевезенцев, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и религиоведения, Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, просп. А. Молдагуловой, 34, 030000 г. Актобе, Республика Казахстан, alex_perevezentsev@yahoo.com, <https://orcid.org/0009-0009-7918-4140>

Светлана Борисовна Токарева, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tokareva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4274-6444>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
- to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
- to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
- to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://hfrir.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of the Journal publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

